

ЭДМОНД
ГАМИЛЬТОН

ХРАНИТЕЛИ ЗВЕЗД

ЭДМОНД ГАМИЛЬТОН

ХРАНИТЕЛИ ЗВЕЗД

ТАБЛИЦА КРИСТА

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ

ЭДМОНД ГАМИЛЬТОН

ЗВЕЗДНЫЕ КОРОЛИ

НЕВЕРОЯТНЫЙ МИР
ЗВЕЗДНЫЕ КОРОЛИ
ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ЗВЕЗДЫ
СОКРОВИЩЕ ГРОМОВОЙ ЛУНЫ

БИТВА ЗА ЗВЕЗДЫ

ЗВЕЗДА ЖИЗНИ
БИТВА ЗА ЗВЕЗДЫ
РАЗРУШИТЕЛЬ СОЛНЦ

ХРАНИТЕЛИ ЗВЕЗД

ГОРОД НА КРАЮ СВЕТА
ХРАНИТЕЛИ ЗВЕЗД
КАК ТАМ, В НЕБЕСАХ?
МОИ БЕДНЫЕ ЖЕЛЕЗНЫЕ НЕРВЫ
ГОСТИНИЦА ВНЕ НАШЕГО МИРА
ДЕТИ СОЛНЦА

МИР ЗВЕЗДНЫХ ВОЛКОВ

ГАЛАКТИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ
ЗАКРЫТЫЕ МИРЫ
МИР ЗВЕЗДНЫХ ВОЛКОВ
ДОЛИНА СОЗДАНИЯ

ТАЛАНДЖЫСА

ЭДМОНД
ГАМИЛЬТОН

ХРАНИТЕЛИ
ЗВЕЗД

МОСКВА
«ЭКСМО»
1997

ББК 84.7США
Г 18

Разработка серийного оформления
художника *С. Курбатова*

Серия основана в 1997 году

Иллюстрации художника *И. Варавина*

Составитель *С. Сухинов*

Г 18 **Гамильтон Э.**
Хранители звезд: Фантастические произведения. —
М.: ЭКСМО, 1997.— 416 с. (Серия «Стальная Крыса»).
ISBN 5-251-00062-6

Человечество отнюдь не одиноко во Вселенной. На сотнях планет кипит разумная жизнь. Но над всем обитаемым Космосом нависла смертельная угроза. В самых темных закоулках отдаленных миров тайно вооружаются мощные и стремительные звездные рейдеры, готовятся к войне отряды кровожадных головорезов, зреют черные замыслы завистливых пиратских баронов. Но их чудовищным планам не суждено осуществиться. Ведь на пути враждебных всему живому сил всегда оказываются отважные и благородные герои Эдмонда Гамильтона, которым светит далекая звезда — Звезда жизни.

Г 4703040100—062
ЛР 061309—97

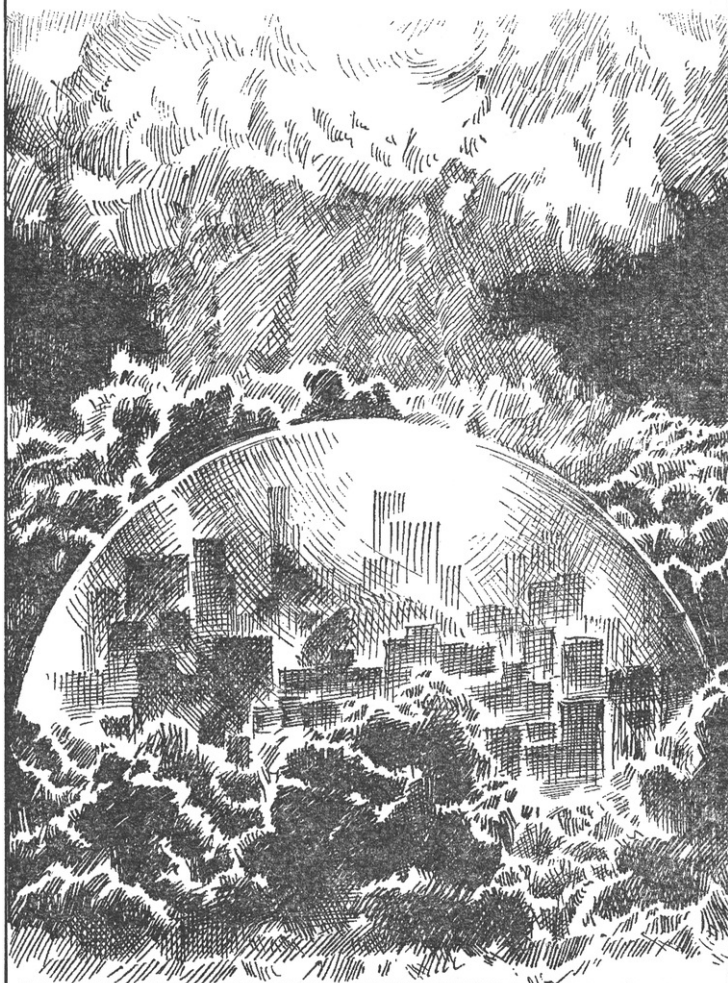
ББК 84.7США

ISBN 5-251-00062-6

© ЗАО «Издательство «ЭКСМО», 1997 г.
© Перевод С. Сухинова, М. Пухова,
З. Бобырь, Норы Галь, 1997 г.

ГОРОД НА КРАЮ СВЕТА

РОМАН

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КАТАСТРОФА

Джон Кеннистон вспоминал впоследствии, что взрыв над Миддлтауном был подобен смерти. Каждый человек понимает: когда-либо он умрет, но никто не верит в это. Джон знал об опасности всеиспепеляющей войны, которая могла начаться с одного-единственного коварного удара, и все же был убежден — этого никогда не произойдет.

Но однажды июньским утром ядерная бомба обрушилась на Миддлтаун. У Кеннистона не было времени осознать случившееся. В тот момент, когда он шагнул по Милл-стрит по направлению к лаборатории, готовясь перемолвиться словечком с идущим навстречу полицейским, небо внезапно раскололось.

Из образовавшейся трещины хлынул ослепительный огненный поток — казалось, запылал сам воздух. Земля под ногами Кеннистона задрожала, и тогда он осознал, что над его головой разорвалась одна из новейших супербомб...

В шоке Джон рухнул на грязный тротуар и даже не почувствовал боли. Он лежал, ожидая гибели, а ослепительное пламя тем временем прокатилось по небосводу, и содрогнувшийся мир внезапно затих. Все кончилось так же внезапно, как и началось.

Кеннистон решил, что уже умер — это доказывала и нахлынувшая на него мгла, и зловеющая тишина. Тем не менее он с трудом поднялся на дрожащие ноги, задышавшись от бешеного сердцебиения, и лишь огромным усилием воли подавил в себе чистое животное желание немедленно броситься в бегство.

Джон ожидал увидеть размолотые в пыль здания, дымящиеся кратеры, огонь и опустошение. Но увидел нечто куда более ошеломляющее и страшное.

МИДДЛТАУН СТОЯЛ НЕТРОНУТЫМ ПОД ТУСК-ЛЫМИ ЛУЧАМИ СОЛНЦА.

Полицейский медленно поднялся с колен. Его фуражка валялась в стороне, рот был перекошен, широко раскрытые глаза светились испугом. Рядом с ним, прислонясь к стене дома, стояла пожилая женщина с шалью на плечах. Ее сумка

валялась распахнутой на земле, рассыпавшиеся луковицы и банки с супом выкатились на мостовую.

На другом конце улицы появилось несколько автомобилей. Они медленно и хаотично попытались продолжить движение, но вскоре остановились. За исключением этих незначительных деталей вокруг не было ничего необычного.

Полицейский подошел к Кеннистону. Его млажаваое ллцо было покрьто пылью, глаза ошеломленно бегали. Он хрипло спросил:

— Что случилось?

Джон ответил, и его слова прозвучали странно и невероятно для него самого:

— На нас сбросили ядерную супербомбу — слышали о такой?

Полицейский изумленно уставился на него.

— Вы сошли с ума, мистер?

— Да, может быть... Другого разумного объяснения я и сам не нахожу.

Голова Кеннистона начала проясняться. Он внезапно почувствовал, что воздух стал намного холоднее. Солнце заметно потускнело и приобрело необычный красноватый оттенок. Его лучи уже не грели, как прежде.

Внезапно женщина запричитала и со слезами упала на колени. Казалось, она собралась молиться, но вместо этого стала лихорадочно собирать в сумку рассыпавшиеся луковицы.

— Послушайте, — сказал полицейский, растерянно глядя на Кеннистона. — Я читал об этих ваших супербомбах в газетах. Вроде бы они во много тысяч раз мощнее, чем обычные ядерные бомбы. Если бы одна из них разорвалась у нас над головами, то здесь бы ни черта не осталось. — Его голос окреп — он словно бы убеждал самого себя. — Я думаю, мистер, в небе взорвалось что угодно, только не эта штука!

— Разве вы не видели ужасную вспышку? — спросил Джон.

— Конечно, видел, но... — лицо полицейского внезапно прояснилось. — Но слышал-то я лишь несильный хлопок! Суперядерная бомба — и обернулась детской хлопушкой!

Он с облегчением расхохотался.

— Послушайте, мистер, нам все уши прожужжали, что вот-вот на нас начнут падать жуткие бомбы, — а когда дошло до дела, то все обошлось хлопком в небесах да вспышкой навроде фейерверка во время праздника Четвертого июля!

«А что, это может быть правдой, — подумал Кеннистон, испытывая прилив надежды. — Это должно быть правдой!»

И тогда он взглянул на небо и увидел Солнце — НОВОЕ СОЛНЦЕ.

— Откуда мы знаем, мистер, быть может, нас долгие годы попросту водили за нос? — продолжал оживленно болтать полицейский. — Может, никакой супербомбы вовсе и нет?

Джон, не опуская глаз, прошептал:

— Нет, она существует... И она была сброшена на наш город. Похоже, мы все уже мертвы... но только не догадываемся об этом. Быть может, мы все превратились в бесплотных призраков и переселились на другую планету...

— О чем вы толкуете, мистер? — изумленно воскликнул полицейский. — Разве вы не видите, что мы по-прежнему на Зем...

Вслед за Кеннистоном он взглянул на Солнце и замолчал.

Это было не Солнце! Вернее, не то Солнце, которое люди видели в небесах испокон веков — золотое, ослепительное светило. На это другое Солнце можно было смотреть, не щурясь. В зените висел огромный красный шар, обрамленный косматыми протуберанцами. Он почти не излучал тепло, и потому воздух стал заметно холоднее, чем должно быть в июне.

— Что-то здесь не так, мистер, — озабоченно произнес полицейский. — Все выглядит как-то по-другому... — Он нагнулся и извлек из памяти остатки ползу забытых школьных знаний. — Дело, видимо, в рефракции. Пыль от взрыва этой бомбы-хлопушки поднялась в воздух и...

Кеннистон не стал спорить. Что толку? Как ученый, он мог утверждать: никакая мыслимая рефракция не способна изменить облик Солнца столь невероятным образом.

— Быть может, вы правы, — сказал он.

— Конечно, прав! — с энтузиазмом воскликнул полицейский. Он старался больше не смотреть в небо.

Прощавшись с ним, Джон вновь зашагал по Милл-стрит. Ему хотелось поскорее добраться до своей лаборатории и узнать, что о случившемся думают Хуббл и остальные коллеги.

Кеннистон невольно усмехнулся: «Ну и дурацкая же ситуация! — подумал он. — Один из призраков спешит поскорее потолковать с другими точно такими же свежее испеченными духами о нашей общей скоростной гибели... Стоп, Джон! Ты все-таки ученый, а не потерявший голову от страха обыватель. Что хорошего в твоей науке, если она не сможет объяснить этот феномен со взрывом?»

Феномен? Конечно, это звучало недостаточно сильно. Супербомба обрушилась на тихий маленький городок Среднего Запада, насчитывающий едва пятьдесят тысяч жителей, и ровным счетом ничего в нем не изменила — если не считать

нового Солнца на небосводе. И он назвал это всего лишь необъяснимым «феноменом»?

Джон ускорил шаг, поеживаясь от пронизывающего ветра. На пути к лаборатории ему встретилось множество перепуганных людей — катастрофа застала их по дороге к фабрике. Теперь они собрались на тротуаре большими группами и горячо спорили. До Кеннистона не раз доносилось слово «землетрясение». Горожане не выглядели слишком расстроенными — напротив, казались более оживленными, чем обычно. Наконец-то в заштатном Миддлтауне произошло событие, нарушившее сонное и однообразное течение жизни! Некоторые поглядывали на тусклое Солнце, но и на их лицах отражалось скорее сомнение, чем испуг. Внезапно нагрянувший холод, затхлый запах воздуха и даже мрачный солнечный свет не очень тревожили людей — нечто похожее здесь, на Среднем Западе, не раз случалось накануне сильных бурь.

Кеннистон свернул в ворота закопченного кирпичного сооружения, над которыми масляной краской было выведено: «Промышленная исследовательская лаборатория». Вахтер пропустил его, с безмятежным видом кивнув в знак приветствия.

«Любопытно, — подумал Кеннистон, — а ведь ни этот малый, ни другие горожане, за исключением нескольких официальных лиц, даже не подозревают, что за этими неказистыми стенами находится нервный узел Американской системы противоракетной обороны!.. Хотя нет, все совершенно очевидно. Неизвестный враг разгадал тщательно скрываемую тайну и далеко не случайно обрушил один из первых ядерных ударов именно на Миддлтаун. Но почему-то супербомба принесла городу не больше вреда, чем детская хлопушка! Или все обстоит не так просто? Солнце стало иным, воздух резко остыл и наполнился чуждыми запахами...»

Криски встретил Джона у входа в здание. Он был самым молодым в штате лаборатории и потому пытался в любой ситуации казаться невозмутимым.

— Похоже, это все-таки началось, — произнес он с вымученной улыбкой. — Ядерный Армагеддон, праздничный фейерверк по случаю прихода Апокалипсиса... Джон, почему нас не стерли с лица земли?

Кеннистон ответил вопросом на вопрос:

— Счетчики Гейгера показывают что-либо?

— Ничего! Абсолютно ничего!

«Это, — оцепенело подумал Кеннистон, — делает все свершившееся еще более невероятным».

— Где Хуббл? — спросил он.

Криски сделал неопределенный жест рукой.

— Где-то здесь в лаборатории... Он пытается связаться с Вашингтоном, но телеграф мертв, и даже радио почему-то молчит...

В здании царила суматоха. Джон пересек густо заросший зеленью внутренний двор и поднялся в кабинет шефа. Тот стоял у окна и молча смотрел на сумрачное небо, посреди которого тускло светился красный глаз Солнца. Хубблу было всего пятьдесят, но в этот момент он выглядел почти стариком. Его седые волосы были непривычно растрепаны, тонкое лицо с изящными чертами казалось непроницаемым.

— Хуббл, вы тоже считаете, что на нас обрушился ядерный удар? — вместо приветствия воскликнул Кеннистон.

Хуббл в ответ только рассеянно кивнул.

— Взгляните-ка на звезды, Кен.

— Звезды? Вы шутите — какие могут быть звезды в дневное время? — недоверчиво сказал Джон. Он подошел к окну — и увидел звезды! Они светились слабыми, тусклыми огоньками по всему сумеречному небосводу, даже рядом с багровым шаром Солнца.

— Этого не может быть... — тихо пробормотал Хуббл. — Что угодно — только не это...

— Вы понимаете, шеф, что произошло? — Кеннистон вновь задал мучивший его вопрос. — Похоже, на город сбросили ядерную супербомбу, но почему-то она произвела не больше эффекта, чем хлопушка...

Хуббл в упор взглянул на него.

— Нет, она сработала на славу, — горько сказал он.

— Послушайте, Хуббл, если бы бомба взорвалась, то здесь...

Шеф вместо ответа подошел к книжным полкам и достал с них несколько толстых справочников. К удивлению Джона, он отыскал в них астрономические таблицы и диаграммы и, взяв карандаш, начал быстро производить в блокноте какие-то вычисления.

Кеннистон нетерпеливо заглянул ему за плечо.

— Бога ради, Хуббл, сейчас не время для теорий! Город остался цел, но ведь что-то произошло...

— Идите к дьяволу, — ответил тот, не оборачиваясь.

Джон замолчал, потрясенный. До сих пор он не слышал из уст шефа ни единого ругательства.

Хуббл тем временем испещрял страницы блокнота все новыми и новыми формулами, часто обращаясь к разложенным на столе справочникам. Наконец обернулся и указал дрожащей рукой на расчеты.

— Видите, Кен? Эти выкладки — доказательство того, чего не может быть!

На его лице был написан неприкрытый страх, который передался и Джону. Тот хотел было ответить, но в этот момент в комнату робко вошел Криски.

— Мистер Хуббл, — растерянно сказал он, — мы не можем установить контакт с Вашингтоном. На наши вызовы никто не отвечает! Более того, ни одна радиостанция вне Миддлтауна попросту не работает...

— Это все чепуха, Криски, поверьте — все это уже не важно.

— Что вы хотите сказать, **док?** — озадаченно спросил Криски. — Вы понимаете, о чем я говорю, — весь мир за пределами нашего города молчит!

Джон, холодея, ждал, когда Хуббл выскажет наконец мысль, которую он уже прочитал на лице шефа. Но в этот момент рядом оглушительно зазвенел телефон.

Хуббл поднял трубку и хмуро стал слушать. Вскоре он сказал:

— Да, разрешите ему пройти.

— Это звонил вахтер, — объяснил он коллегам, вешая трубку. — Меня хочет видеть Рей Джонсон. Если помните, это инженер, проводивший для нашей лаборатории монтаж электрических коммуникаций. Мне кажется, он живет где-то на окраине... Кстати, Джонсон так и сказал вахтеру: он хочет меня видеть именно потому, что живет далеко от центра города!

Через минуту Джонсон вихрем ворвался в кабинет. На его лице был написан такой ужас, какого Кеннистону до сих пор не приходилось видеть.

— Я думаю, господа, вы должны знать, что происходит в этом чертовом городе! — произнес он заплетающимся языком, забыв о приветствии. — Вы должны мне как-то это объяснить... иначе я сойду с ума!.. Сегодня утром я решил пройти вдоль кукурузного поля, расположенного недалеке от моего дома. За полем находился амбар моих соседей-фермеров...

Его голос дрогнул, и Хуббл терпеливо спросил:

— И что же случилось с этим кукурузным полем, Джонсон?

— Оно исчезло — и вместе с ним и ограда, и амбар... Мистер Хуббл, там исчезло все, абсолютно все!

— Это, видимо, результат взрыва, — мягко сказал Хуббл. — Видите ли, Джонсон, над Миддлтауном недавно разорвалась супербомба.

— Ну уж нет! — горячо воскликнул Джонсон. — Я был в

Лондоне во время последней войны, и я-то уж знаю, что может натворить бомба! Я не видел ни следа разрушений, нет. Это... — он замолчал в поисках подходящего слова, но так и не смог его найти. — Я думаю, вы, ученые, должны знать, что сегодня произошло на окраинах Миддлтона.

Джон, с трудом подавляя нарастающий ужас, решительно произнес:

— Знаете, шеф, я лучше пойду к дому Джонсона и сам взгляну на эти чудеса.

Хуббл взглянул на него и кивнул.

— Отлично, Кен, но я предлагаю другой вариант — подняться на водонапорную башню. Это — высшая точка в городе, отсюда мы сможем рассмотреть все окрестности. Господа, советую вам подождать нашего возвращения...

Они вдвоем вышли из лаборатории и направились в сторону огромной водонапорной башни, возвышающейся в центре города. Миновав Милл-стрит и железнодорожный вокзал, где царил суматоха, они подошли к решетчатым опорам башни. Воздух к тому времени стал по-зимнему студеным — красный шар Солнца почти не давал тепла. Когда Кеннистон взялся за железные поручни лестницы, они обожгли его ладони, как лед. Он последовал вслед за Хубблом, сосредоточив все внимание на подошвах его башмаков — чтобы, не дай бог, не взглянуть вниз. Подъем был долгим и трудным. Чем выше они поднимались, тем пронзительнее становился ветер. В воздухе была рассеяна мертвенная пыльная дымка — словно ветер дул из каменной могилы, наполненной прахом давно минувших веков.

Наконец им удалось подняться на платформу, узким кольцом опоясывающую огромный стальной бак. Вцепившись в поручни, Джон взглянул на город. На всех перекрестках толпились люди, автомобили намертво завязли в уличных пробках. И над всем царил непривычная хрустальная тишина.

Хуббл лишь мельком скользнул глазами по крышам не тронутых взрывом домов, по серебристому монументу бойцам гражданской войны, по дымящимся трубам фабрик и молча стал всматриваться вдаль. Кеннистон последовал его примеру — и замер.

Он долго рассматривал открывшуюся перед ним панораму, прежде чем начал осознавать увиденное. Нет, это невозможно, невероятно... Должно быть, вид окрестностей исказила поднятая взрывом пыль... или рефракция... или это просто иллюзия, порожденная тусклым светом Солнца, — что угодно, только не правда!

Все пространство до самого горизонта неузнаваемо изменилось. Кукурузные поля, многочисленные фермы и даже река с впадающими в нее ручьями — все это исчезло без следа. Перед ними открылся совершенно иной, чужой пейзаж. Буро-желтая равнина, мрачная и пустынная, простиралась вдаль до гряды невысоких холмов, которых здесь раньше не было. Порывистый ветер мчался над бесплодным, безжизненным миром, перекаывая волны по высокой бурой траве и поднимая то там, то здесь облака пыли. Багровое Солнце вглядывалось в этот безжизненный пейзаж, словно оно было глазом циклопа, обрамленным ресницами косматых протуберанцев. Тусклые звезды мигали в сумрачном небе, и все вокруг — равнина, звезды и Солнце — выглядело мертвым и оцепеневшим.

Кеннистон судорожно сжал ребристые поручни, безуспешно пытаясь найти хоть сколько-нибудь правдоподобное объяснение происшедшей метаморфозе.

— Неужели бомба, взорвавшись над городом, могла перенести сюда эту равнину? — пробормотал он, сам не веря своим словам.

— Унесла реку — и взамен принесла неизвестно откуда эти холмы и бурую равнину? — угрюмо сказал Хуббл. — Побойтесь Бога, Кен, разве взрыв в состоянии сделать такое?

— Но что тогда...

— Супербомба попала точно в цель, Кен. Она разорвалась над Миддлтауном, а затем... — Хуббл запнулся, но вскоре продолжил: — Никто не знает, на что способна эта штука. Логичных теорий и непроверенных гипотез на эту тему хватает, но нельзя забывать, что при взрыве супербомбы высвобождается самая страшная и концентрированная энергия, какую знало человечество!

Он вновь запнулся, словно не находил в себе мужества закончить мысль, и после некоторой паузы указал рукой на мглистый небосвод:

— Это наше Солнце, Кен, только старое, очень старое... И Землю там, за границами города, мы видим умирающей, разрушенной многовековой эрозией. А звезды... Вглядитесь внимательней в эти звезды, Кен, вы никогда не видели их такими! Созвездия неузнаваемо исказились — так, как это может произойти только в результате движения светил за миллионы лет!

— Миллионы лет? — выдохнул Кеннистон. — Вы полагаете, что бомба...

— Да, это совершила супербомба, — серьезно сказал Хуббл. — В результате взрыва высвободилось столь титани-

ческое количество энергии, что она не стала разминиваться на такие мелочи, как заурядное разрушение материальных объектов. Вместо того, чтобы разрушать здания, она сокрушила ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ.

Джон сдавленным голосом попытался протестовать:

— Нет, Хуббл, это безумие! Время абсолютно...

— Вы знаете, Кен, что это не так, — прервал его Хуббл. — Из работ Эйнштейна следует, что нет такой отдельной категории, как время, — в реальности существует так называемый пространственно-временной континуум. И этот континуум подвержен искривлению под действием внешних сил. Достаточно мощный взрыв может перебросить любой материальный объект из одной его части в другую.

Он протянул слегка дрожащую руку в сторону омертвевшего, чужого ландшафта, простирающегося за границами города до самого горизонта.

— Именно это и произошло при взрыве первой ядерной супербомбы, Кен. Она перенесла наш бедный Миддлтаун на миллионы лет в будущее, на древнюю, умирающую Землю!

Глава вторая

НЕВЕРОЯТНО!

Когда они вернулись в лабораторию, во дворе их поджидали все остальные сотрудники ядерного Центра. С дюжину мужчин возрастом начиная от юного Криски и кончая стариком Бейтцем в волнении прохаживались около входа, поеживаясь под прохладными лучами красного Солнца. Джонсон тоже был среди них — он нетерпеливо ждал ответа на свои вопросы. При виде шефа все бросились к нему с расспросами, но Хуббл только коротко сказал:

— Думаю, нам лучше поговорить у меня в кабинете.

Все молча последовали вверх по лестнице за ним, едва сдерживая нетерпение. Последним в здание вошел Кеннистон. Некоторое время он шагал за коллегами, а затем, выйдя в коридор, свернул к своему кабинету. Поймав удивленный взгляд шефа, сказал:

— Узнаю, как дела у Кэрол, и сразу же приду.

— Не рассказывайте ей ничего, Кен, — предупредил его Хуббл. — Еще не время...

— Понимаю... Я ничего ей не скажу.

Джон вошел в свою тесную комнатушку и плотно затворил за собой дверь. Не присаживаясь, он протянул руку к телефону, стоящему на столе, — и тут же резко отдернул ее. На него нахлынула волна страха, подавляя силу воли. Некоторое время Джон, словно замороженный, смотрел на черный эбонитовый телефон. До чего же странно, подумал он, что в этом мире еще остался мой телефон и толстый абонентный справочник рядом с ним — с загородными номерами, которые не существуют уже Бог знает сколько времени. С одной стороны, правда, всего час — но с другой...

Он присел в кожаное кресло, стоящее рядом со столом. Только подумать, сколько отчетов и статей он написал за последние годы, сидя в этом кресле! Увы, все они потеряли смысл... Хотя сейчас множество вещей потеряло смысл. Скажем, его с Кэрол планы свадебного путешествия. Слова «Флорида», «Калифорния» и «Нью-Йорк» звучали сейчас столь же бессмысленно, как «вчера» и «завтра». Все это ушло навсегда из его жизни... как, возможно, и сама Кэрол! Она же собиралась сегодня утром отправиться со своей тетей в деревню! Бог мой, если ее не было в городе, когда взорвалась су пербомба, то она исчезла, исчезла навсегда!

Джон схватил дрожащей рукой трубку и набрал номер телефона своей невесты. Поначалу он услышал только длинные гудки, шорох и треск — и шум пульсирующей крови в ушах. «Нет, — подумал он горько, — я не имею права желать, чтобы Кэрол оказалась здесь! Когда она узнает, что перенеслась вместе с городом на миллионы лет в будущее...»

— Кен? — зазвучал в трубке взволнованный голос невесты. — Кен, это ты? Алло!

— Кэрол... — выдохнул он. Все вокруг поплыло куда-то вдаль, растворяясь в серой дымке, и рядом осталось только одно — милый, бесконечно родной голос Кэрол.

— Целый час не могу дозвониться до тебя, Кен! Может, хоть ты знаешь, что происходит? Весь город взбудоражен, словно муравейник. Я, как и все, видела ужасную вспышку в небе — но за ней ничего не последовало, только небольшое сотрясение земли. С тобой-то все в порядке?

— Не беспокойся, милая, я прекрасно себя чувствую, — нарочито бодро произнес Джон, а сам тем временем думал — а ведь она не испугана, нет! Озабочена, расстроена — но не испугана. И, конечно, даже не задумывается о возможном конце света...

Он заставил себя твердо произнести:

— Кэрол, поверь, понятия не имею, что сегодня стряслось.

— Жаль... Может, ты попытаешься что-нибудь разузнать? Ведь должен же кто-нибудь знать...

Кэрол и не подозревала, что ее жених был ядерным физиком. Кеннистон никому не рассказывал о своей истинной профессии, даже собственной невесте. Для всех знакомых он был всего-навсего инженером промышленной исследовательской лаборатории. Кэрол никогда не расспрашивала его о работе, и он был благодарен ей за это — по крайней мере, не было нужды постоянно лгать. Теперь это особенно удобно — Кэрол даже не могла предположить, что ее жених может располагать какой-нибудь особой информацией... Пусть же она побудет еще некоторое время в блаженном неведении, подумал Джон.

— Я сделаю все, что могу, — сказал он — Но пока я попрошу вас с тетей не выходить на улицу. Кто знает, на что способны насмерть перепуганные обыватели? Я приду так скоро, как только смогу. Договорились?

Он повесил трубку и обвел мутным взором свой кабинет. Полки с книгами и реферативными журналами, папки с рукописями, раскрытый посередине еженедельник, испещренный планами, которым уже не суждено сбыться... А там, за стенами, — сумрачный небосвод с тусклыми дрожащими созвездиями и косматый шар светила, которое миллионы лет назад было золотистым, животворным Солнцем... Ему захотелось немедленно убежать из своего кабинета — знать бы только куда...

Помедлив, Джон направился в кабинет шефа.

Здесь уже сидели все двенадцать штатных сотрудников лаборатории плюс Джонсон, который уселся в самый темный угол, словно не желая никому попадаться на глаза. Понятное дело, подумал Кеннистон, ведь инженер-электрик был единственным, кто видел, что творится за границами города. Лицо Джонсона было потерянным и мрачным — видимо, он еще пытался осмыслить увиденное за порогом своего дома.

Джон перевел взгляд на своих коллег. Они давно знали друг друга и все же сейчас показались ему чужими и одинокими, погруженными в собственные переживания.

Молчание прервал старый Бейтц. Он резко, почти агрессивно обратился к Хубблу, который, видимо, только что закончил рассказ о путешествии к водонапорной башне.

— Даже если это правда, шеф, вы не можете по новому расположению звезд точно рассчитать, сколько времени прошло с момента взрыва бомбы!

Хуббл успокаивающе сказал:

— Я не астроном, но каждый желающий может без труда

повторить мои вычисления, используя для этого таблицы скоростей относительного перемещения звезд. Конечно, мои цифры приблизительны, но, думаю, порядок я оценил верно.

— Послушайте, но если пространственно-временной континуум действительно был искривлен под действием взрыва и мы вместе с городом перенеслись на миллионы лет в будущее... — лицо Бейтца исказилось от ужаса.

Хуббл пожал плечами.

— Вы все равно не поверите мне, пока не убедитесь во всем собственными глазами. Примите тогда мое заявление просто как рабочую гипотезу.

Морроу откашлялся и спросил:

— Шеф, вы собираетесь об этом рассказать горожанам?

— Они уже знают часть правды, — ответил Хуббл. — Все видят: на улицах сильно похолодало и Солнце стало иным. Я уже не говорю о звездах, светящихся на небосводе даже в дневное время... Люди волей-неволей должны все это осмыслить и прийти к кое-каким выводам. Только нельзя допускать паники! Мэр Гаррис и шеф полиции Кимер направляются сейчас сюда. Наш долг в этот трудный момент сотрудничать с городскими властями.

— Они уже знают всю правду? — спросил Кеннистон.

— Нет, — сказал Хуббл.

Джонсон неожиданно вскочил со стула и, подойдя к Хубблу, почти истерично выкрикнул:

— А я плевать хочу на ваши мудреные рассуждения о пространстве и времени! Мне нужно знать одно: мой мальчик в безопасности?

Хуббл удивленно взглянул на инженера.

— Ваш мальчик?

— Он отправился сегодня утром на ферму к нашим соседям Мартинсонам, чтобы попросить у них на время культиватор, — пояснил Джонсон. — Это всего в двух милях на север от города... Что с ним произошло — он в безопасности?

Хуббл сказал мягко:

— Я думаю, вы не должны беспокоиться о нем, Джонсон.

Инженер кивнул, но взгляд его оставался встревоженным.

— Благодарю вас, мистер Хуббл, — сказал он угрюмо. — Я лучше пойду домой, попытаюсь успокоить жену: она, бедняжка, совсем потеряла голову от страха за сына.

Через несколько минут после ухода инженера Кеннистон услышал вой полицейской сирены. Она звучала все ближе и ближе и вскоре затихла под окнами лаборатории.

— Должно быть, мэр, — сказал Хуббл.

Уж больно это тонкая и ненадежная соломинка, чтобы за

нее хвататься в бурном потоке события, подумал с насмешкой Кеннистон. Нет, он не мог сказать о мэре ничего особенно плохого. Гаррис был не более чванлив, глуп и продажен, чем любой другой мэр любого другого маленького городишки навроде Миддлтауна. Он любил пышные банкеты и обожал произносить пустословные длинные речи. Больше всего на свете его беспокоило, идеально ли завязан узел на его галстуке. Гаррис был хорошим мужем и примерным отцом семейства, но совершенно не годился для того, чтобы твердой рукой обеспечивать нормальную и безопасную жизнь города сейчас, когда наступил почти конец света.

Вскоре Гаррис важной поступью вошел в кабинет. Это был пухлый розовощекий человек с заносчивым и одновременно на редкость самодовольным лицом. Правда, сегодня на его челе лежала легкая тень озабоченности.

Кимер, шеф полиции Миддлтауна, был человеком совсем иного склада. Высокий, несколько угловатый мужчина с суровыми чертами обветренного лица. Его глаза светились мудростью много повидавшего человека. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять — Кимер куда более встревожен, чем мэр.

Гаррис с улыбкой подошел к Хубблу. Было очевидно, что он испытывает большое почтение к сотрудникам лаборатории и особенно к их руководителю. На его лице была написана нескрываемая радость от того, что он, мэр заштатного городка, поднялся сейчас на одну ступень с ведущими учеными-ядерщиками страны.

— Есть ли какие-нибудь новости, доктор Хуббл? — спросил он. — Нам, увы, не удалось ни с кем связаться, а между тем среди народа бурлят дикие слухи. Поначалу я опасался, что взрыв произошел в вашей лаборатории, но...

Кимер прервал мэра:

— Поговаривают, господа, что над Миддлтауном взорвалась ядерная бомба. Пока это только слухи, но... но если они начнут распространяться и крепнуть, то паники не избежать. Я послал своих офицеров на улицы, чтобы они как-то успокоили людей, но сам я хотел бы знать истинное положение вещей.

— Ядерная бомба? — возмущенно воскликнул Гаррис. — Это абсурд, Кимер, я утверждаю — это абсурд! Вы же видите — мы все остались живы и городу не нанесено ни малейшего ущерба. Доктор Хуббл, подтвердите, что никакая бомба...

Хуббл резко сказал:

— Послушайте, мы имеем дело не с обыкновенной бомбой. Должен вас огорчить — слухи недалеко от истины...

Он замолчал и после паузы медленно произнес, тщательно взвешивая слова:

— Господа, ядерная супербомба впервые в истории взорвалась сегодня утром над Миддлтауном. Город остался цел, но то, что произошло, — это прямое следствие взрыва.

— Я не понимаю, — растерянно пробормотал мэр. — Какие последствия? Где?

Хуббл рассказал все, что знал. Руководители города слушали, и на их лицах все явственнее проявлялось недоверие.

— Это безумие, — угрюмо сказал Гаррис. — Наш Миддлтаун перенесен в будущее? Звучит совершенно невероятно. Что вы намереваетесь предпринять, доктор Хуббл?

Тихим, суровым голосом тот рассказал о чужом ландшафте, появившемся за окраинами города, о постоянно усиливающемся холоде, о старом багровом Солнце, о замолкших навсегда радио и телеграфе. Он коротко коснулся научной стороны дела, но гости его попросту не поняли. Они приняли его рассуждения на веру — веру, которую люди двадцатого столетия вынуждены были выработать в себе, так же как в древности их предки породили веру в Бога: то и другое помогало человечеству достаточно комфортно жить в мире, природу которого они были неспособны понять.

Мэр Гаррис медленно опустился в кресло, вцепившись побелевшими пальцами в подлокотники. Его лицо посерело, щеки обвисли.

— Так что же мы должны делать? — потерянно спросил он.

— Прежде всего нам надо предотвратить возможную панику, — ответил Хуббл. — Жители Миддлтауна должны узнать правду — но постепенно. Нужно любыми способами помешать им покидать границы города — иначе люди совсем потеряют голову. Я полагаю, лучше всего объявить, что окрестности Миддлтауна заражены радиоактивными осадками — и под этим предлогом закрыть город силами полиции.

Кимер немедленно отреагировал:

— Что ж, я могу с помощью моих людей перекрыть все дороги, ведущие за город.

— А я немедленно соберу наш отряд Национальной гвардии у Арсенала, — нетвердым голосом произнес Гаррис. Глаза его оставались по-прежнему мутными и растерянными.

— Отлично, — сказал Хуббл, с легким презрением поглядев на мэра. — А как обстоят дела с городскими коммуникациями?

— Все, кажется, работает... По крайней мере, в город пока подаются и электроэнергия, и газ, и вода.

«Очень может быть», — подумал Кеннистон. Миддлтаун

был достаточно автономен — он имел свою теплоэлектростанцию, работающую на угле, большие запасы сжиженного газа и водонапорную башню, питающуюся от артезианской скважины.

— И тем не менее нужно немедленно ввести жесткое нормирование пищи и горючего, — предложил Хуббл. — Ситуация требует чрезвычайных мер.

Гаррис, казалось, стал постепенно приходить в себя.

— Вы правы, муниципалитет немедленно займется этим. — Помедлив, он робко спросил: — Но все же... быть может, у нас найдутся какие-нибудь пути установить связь с внешним миром?

Хуббл горько усмехнулся.

— Внешний мир — таким, как мы его знали, — канул в прошлое. Вы должны это твердо уяснить, Гаррис.

— Да, конечно... я постараюсь... Кимер, нам пора идти — у нас масса неотложных дел!

Когда автомобиль мэра отъехал от стен лаборатории под пронзительный гудок полицейской сирены, Хуббл устало взглянул на притихших коллег.

— Конечно, они оба не выдержат и проболтаются — по крайней мере за Гарриса я ручаюсь. Но новости при этом разползутся по городу не очень быстро, а это для нас весьма важно. У нас есть шанс первыми попробовать разобраться в сложившейся ситуации.

Криски нервно рассмеялся:

— Простите, господа, но я не могу удержаться... ха-ха... Целый город в одно мгновение перелетел к черту на кулички, считай, на самый край света, и никто, кроме нас, даже не заметил этого! Все пятьдесят тысяч горожан и не подозревают, что их... ха-ха... дорогая кузина Агнес из Индианаполиса умерла и превратилась в прах миллионы лет назад! До чего славная шутка... ха-ха...

— Прекратите истерику, Криски, — сурово прервал его Хуббл. — Да, никто еще ничего толком не знает — и не должен пока знать. Сначала мы должны провести разведку — кто знает, какие сюрпризы готовит нам старая, умирающая Земля? Только потом мы сможем разработать какой-то план действий...

Он посмотрел на Джона.

— Кен, вы можете сходить в гараж к Буду Мартину и попросить у него на время джип? Очень хорошо. Заодно возьмите, пожалуйста, канистры с бензином и что-нибудь из теплой одежды. Если не возражаете, мы с вами совершим загородную прогулку. И вот еще что... Захватите-ка с собой на всякий случай пару ружей.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

УМИРАЮЩАЯ ПЛАНЕТА

Кеннистон быстро шагал по Милл-стрит, направляясь к гаражу Буда Мартина, где он оставил на мелкий ремонт свой «бьюик» — недавно, всего миллион лет назад. Он знал, что Буд держит джип, чтобы при необходимости выезжать на помощь клиентам, застрявшим где-либо на загородных дорогах. Сейчас в этом уже не было никакого смысла — нет на Земле больше никаких дорог!.. На обратном пути Джон намеревался заскочить домой и одеться потеплее — воздух становился все холоднее, так что ночью вполне мог ударить мороз.

Ему казалось, будто он находится в сетях какого-то кошмарного сна. Солнце бросало кровавый отблеск на кирпичные стены домов, но это была единственная заметная глаза перемена. Все остальное в Миддлтауне оставалось таким же, как в старые добрые времена, — и это было особенно шокирующим. Кеннистон всегда полагал, что с приходом давно ожидаемого конца света все чудесным, сверхъестественным образом преобразится, словно рядом откроются врата Дантова ада, — однако вокруг все оставалось по-прежнему, не считая, конечно, чужого неба.

На Милл-стрит было полно народу. Эта улочка, на которой располагались несколько закопченных угольным дымом фабрик, была, как всегда, запружена потоками автобусов и автомобилей. Движение транспорта было, пожалуй, менее организовано, чем обычно.

На тротуарах то там, то здесь стояли группы возбужденно разговаривающих людей. Кеннистон знал многих из них и в другое время был бы не прочь перемолвиться с ними словечком, но сегодня он, опустив глаза, быстро прошел мимо, надеясь, что его не заметят. Он чувствовал себя не в своей тарелке при мысли, что он-то знает правду, а его друзья — нет. Джона так и подмывало подойти к кому-нибудь из знакомых и поделиться своим секретом...

В одной из групп он заметил краснощекого толстяка Майка Виттера. Он работал стрелочником на городском железнодорожном узле. Майка нередко можно было видеть курящим на скамейке около его маленькой будки. У ног Виттера всегда сидел преданный тойтерьер. Собачонка и сейчас была с ним. Изогнувшись дугой, она прильнула к ноге хозяина и, дрожа от страха, слезящимися глазами глядела по сто-

ронам. Похоже, подумал Джон, она почувствовала неладное — зато старый Майк спокоен и благодушен, как всегда.

— Что-то холодновато для июня! — приветствовал он Кеннистона. — Придется вечером разжечь дома камин. Никогда не видел такой чудесной бури, как сегодня! Что скажете на это, Джон?

Кеннистон в ответ буркнул что-то неопределенное, но через несколько шагов ему дорогу преградили несколько знакомых рабочих с фабрики.

— Мистер Кеннистон, — с замешательством спросил один из них по имени Джо Ланч, — мы хотим спросить — быть может, война началась? Ваши парни из лаборатории знают чего-нибудь?

Джон хотел было ответить, но Ланча перебил стоявший рядом с ним невысокий крепьш:

— Конечно, это война, Джо, тут и толковать не о чем. Разве газеты не твердили целый год, что вот-вот на наши головы обрушатся ядерные бомбы — и небо запылает адским огнем? Ты что, не видел вспышку?

— Черт побери, но огонь сверкал всего несколько секунд, и этим дело и кончилось! При чем здесь война?

— Скажешь еще! Я чуть не ослеп, а он говорит, что война здесь ни при чем. Я ведь прав, мистер?

Кеннистон уклончиво ответил:

— Извините, ребята, но я знаю не больше вашего. Слышал только, что вот-вот городские власти должны сделать важное сообщение по местному радио. Так что есть смысл всем вам разойтись по домам, не то пропустите выступление нашего мэра...

Он решительно зашагал вперед, твердо решив ни с кем больше не заговаривать. Позади раздался удивленный возглас Джо Ланча:

— Если это война, ребята, то кто наш враг? С русскими мы вроде подружились. Может, это...

На мосту стояли многочисленные зеваки и, перегнувшись через перила, глазели на реку. Воды, как и следовало ожидать, не было, если не считать грязных луж, в которых плескалась обреченная на гибель рыба.

Перейдя на другой берег, Кеннистон свернул на узкую улочку, идущую вдоль набережной. Ему встретила ярко освещенная пивная, в которой было куда больше народу, чем обычно в дневное время. Проходя мимо, Джон услышал из распахнутых окон резкие, крикливые голоса, то и дело схлестывающиеся в нецензурной перебранке, — но и в них не звучало даже тени тревоги.

По дороге к гаражу он услышал отрывок разговора двух женщин, сидевших на скамейке в сквере:

— Только подумай, милая, сегодня я впервые пропустила свою любимую радиопередачу! Что-то случилось с моим приемником — он не ловит вообще ничего, кроме местной станции...

Кеннистон вздохнул с облегчением, когда наконец добрался до гаража Буда Мартина. Хозяин — высокий молодой человек с лицом, перепачканным смазочным маслом, копался в карбюраторе выдавшего вида «роллс-ройса». Вокруг столпились его юные помощники, не без юмора комментируя работу шефа.

Увидев гостя, Буд Мартин запротестовал:

— Мистер Кеннистон, вы пришли слишком рано за своим «бьюиком». Я же сказал — машина будет готова не раньше пяти часов вечера!

— Буд, у меня другие намерения. Я хотел бы взять напрокат ваш джип, — успокоил его Джон. — У нас в лаборатории появились кое-какие проблемы...

— На здоровье! — пожал плечами Мартин. — Сегодня я все равно не намерен выезжать за город. Вызовов почему-то нет, да и здесь, в гараже, дел по горло...

Его явно не интересовало, почему Кеннистону понадобился именно джип. Машина была на ходу, в этом он мог поклясться.

В гараж заглянул мужчина в фартуке, перепачканном мукой.

— Эй, Буд, слышал новости? Фабрики остановили работу все до одной!

— Чепуха! — пренебрежительно ответил Мартин. — Я слышу новости все утро. Парни приходят и рассказывают всякие небылицы. Я слишком занят, чтобы выслушивать дурацкие сплетни.

«Вот почему Миддлтаун относительно спокоен, — подумал Джон. — Люди слишком заняты своими повседневными делами, чтобы предаваться страхам. Это, конечно, неплохо, но...»

— Буд, боюсь, что эти невероятные истории — чистая правда, — решительно сказал он.

Мартин недовольно покосился на него.

— О Боже, и вы туда же, мистер Кеннистон... Если во всем этом есть хоть капля истины, то моему бизнесу пришел конец. Гараж и так не оправдывает затрат!

«Нет ни малейшего смысла объяснять ему, что фабрики остановлены ради экономии драгоценного топлива», — подумал Джон. Он молча наполнил бензином запасные канистры,

поставил их в багажник джипа и, выехав из гаража, направился в северную часть города.

На Майн-стрит ему встретились люди в демисезонных пальто. Они собирались группами в ожидании автобусов, озабоченно поглядывая на сумрачное небо и багряное солнце. Но жизнь шла своим чередом: лавки были открыты, хозяйки спешили домой с полными сумками, ребятня носилась на велосипедах. «Не слишком-то многое изменилось», — с удивлением подумал Джон.

Он свернул на Валтерс-авеню, где в одном из коттеджей снимал квартиру. Мимо проплывали ряды стройных кленов, до неузнаваемости перекрашенных солнечными лучами в пурпурный цвет. К счастью, хозяйка дома отсутствовала — ему не хотелось попасть под град ее вопросов.

Кеннистон погрузил в машину весь свой арсенал — винтовку и охотничий дробовик, а также коробку с патронами. Заодно захватил макинтош и кожаное пальто для Хуббла, а также две пары перчаток. Перед тем как отправиться в путь, он быстрым шагом направился к дому Кэрол Лейн, отстоящему от его коттеджа всего на пол-квартала.

Миссис Адамс, тетя Кэрол, встретила его на пороге веранды. Она выглядела встревоженной и весьма решительно настроенной.

— Джон, я так рада, что вы наконец пришли! — воскликнула она. — Быть может, хотя бы вы объясните, что происходит в Миддлтауне? Нужно мне накрывать цветы в палисаднике или нет? Этот холод весьма подозрителен — на дворе-то стоит июнь! Петунии и розы так чувствительны к морозу...

— Советую укутать их как следует, — сказал Кеннистон, с жалостью глядя на пожилую леди. — Прогноз обещает еще большее похолодание...

Миссис Адамс огорченно всплеснула руками.

— Ну что за погода для начала лета! Я не помню ничего подобного... — и она поспешила в свой маленький сад, чтобы укрыть цветы, которым оставалось жить считанные часы. «Не будет скоро роз на Земле, — с грустью подумал Кеннистон. — Ни роз, ни других цветов...»

— Кен, привет! — услышал он позади звонкий голос Кэрол. — Что творится в городе?

Прежде чем обернуться, Джон решил, что не будет морочить невесте голову. Кэрол ничего не смыслила в науке, и такие вещи, как искривление пространственно-временного континуума, звучали бы для нее китайской грамотой. Зато она отлично знала своего жениха и не дала бы ему ни малейшего шанса увильнуть от прямого ответа.

— Кен, скажи, все эти разговоры насчет ядерной бомбы — это правда?

Кэрол была темноволосой, изящной девушкой с чудесными, вишневого цвета глазами. Таких стройных ножек, по мнению Джона, не было ни у одной женщины в городе — не говоря уже о прекрасном овале свежего лица с красиво очерченным ртом и твердым, решительным подбородком. Она обожала Теннисона, детей, маленьких собачек и была рождена домашней хозяйкой.

Кеннистон с тяжелым сердцем посмотрел на невесту, стоявшую среди умирающего сада.

— Да, — сдавленным голосом произнес он. — Это правда, милая, — ну, насчет ядерной бомбы...

Он с отчаянием увидел, как лицо Кэрол потемнело от тревоги, и поспешно добавил:

— Не беспокойся, никаких жертв нет! Не выпало даже радиоактивных осадков — так же, как и отсутствуют все другие последствия взрыва, которых все так опасались.

— Кен, я по твоему лицу вижу, что дела обстоят неважно!

— Да... есть определенные сомнения, — обескураженно сказал Джон и, шагнув к невесте, ласково погладил ее руку. — Мы с Хубблом решили провести кое-какие исследования. Прости, милая, но у меня нет времени, чтобы тебе все подробно объяснить...

— Кен, — твердо сказала Кэрол, заглядывая в его глаза, — я чувствую, ты скрываешь от меня что-то ужасное. Это верно?

Джон понимал, что рано или поздно Кэрол должна будет узнать правду об его истинной профессии, но все время оттягивал разговор на эту тему. Сейчас это было бы особенно опасно. Какими глазами посмотрит невеста, узнав, что он — физик-ядерщик? Кеннистон не был уверен, что после этого между ними все останется по-прежнему. И потому в очередной раз решил еще немного потянуть время.

Он широко улыбнулся.

— Кэрол, я расскажу тебе обо всем, когда вернусь из этой небольшой экспедиции. Обещай, что ты останешься дома — иначе я буду тревожиться...

— Хорошо, — медленно сказала невеста, не сводя с него пытливых глаз. И тут же порывисто добавила: — Кен...

— Что, милая?

— Нет, ничего... Будь осторожен.

Кеннистон чмокнул ее в щеку и, не оборачиваясь, побежал к джипу. Слава Богу, что Кэрол не из слабоверных, подумал он.

Джон включил зажигание и направил машину к лаборатории. «Что произойдет вскоре с нами? — думал он. — Переживем ли мы следующий день? А если и переживем — то какой будет наша жизнь?» Странно вспомнить, что еще вчера он строил радужные планы... Его так радовало, что с одиночеством скоро будет покончено и ему больше не придется неприкаянно носиться с места на место. Впервые после смерти родителей он мог вновь обрести свой дом и зажить счастливой семейной жизнью. А теперь...

Хуббл нетерпеливо ждал его у ворот лаборатории. В руках он держал счетчик Гейгера и саквояж с некоторыми другими приборами. Молча поставив все это на заднее сиденье джипа, он надел привезенное Кеннистоном кожаное пальто и уселся рядом с ним.

— Давайте-ка, Кен, поедem в южном направлении — туда, где мы видели холмы. Поднявшись на них, мы сможем как следует осмотреть окрестности.

Вскоре они миновали заграждения, охраняемые нарядами полиции, и выехали на окраину города. Здесь им пришлось задержаться, прежде чем удалось по телефону добиться от мэра разрешения «на проведение инспекционной поездки в зараженные районы».

Наконец джип выехал из Миддлтауна и свернул на грунтовую дорогу между полями небольших ферм. Менее чем через милю поля и дорога внезапно кончились.

За резко очерченной границей начиналась бурая равнина, уходящая вдаль до самого горизонта. Монотонный пейзаж не оживляло ни единое деревце, ни единое пятно зелени. Только низкий кустарник, и пыль, и ветер... Впереди поднималась гряда невысоких голых холмов, а над ними нависал темный купол неба с тусклыми звездами и багряным Солнцем. Мертвую тишину нарушал лишь заунывный свист ледяного ветра да шум мотора.

Джип ехал по умирающей Земле.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

МЕРТВЫЙ ГОРОД

Кеннистон сосредоточил внимание на управлении джипом, сжав дергающийся руль до боли в пальцах. Он смотрел на бегущую перед колесами землю, обращая внимание на каж-

дый камень, каждую рытвину, снижая скорость перед очередным руслом высохшего ручья. Ему было приятно на время отдалиться чисто механической работе — джип флегматично гудел, несясь по древней Земле... остывающей, словно покойник. Он нервно рассмеялся от этой неожиданной мысли.

Хуббл сжал ему плечо с такой силой, что Кеннистон почувствовал боль даже через плотное пальто.

— Сейчас не время веселиться, Кен.

Джон обернулся и увидел серое лицо шефа — в его глазах светилась мольба.

— Прошу прощения, — пробормотал Кеннистон. — Нервы что-то разгулялись.

Хуббл кивнул.

— Понимаю... Я и сам с трудом держу себя в руках.

Они направились через пустынную равнину в сторону холмов, поднимающихся из бурой травы, словно кости вымерших динозавров. Вскоре джип выехал на пологий склон, и мотор взревел от напряжения. Ничего, кроме этого привычного шума, не нарушало тишины мертвого пейзажа, залитого сумрачным красным светом.

Джону хотелось, чтобы шеф сказал еще что-нибудь, но тот угрюмо молчал.

Внезапно они услышали пронзительный визг и насторожились. Руками, скользкими от холодного пота, Кеннистон резко развернул джип и увидел мохнатое животное размером с пони, несущееся вдоль гребня холмов длинными неуклюжими прыжками.

Джон затормозил. Машина, подрагивая, замерла на месте. Хуббл хрипло сказал:

— Выходит, на Земле еще осталась жизнь... Взгляните сюда, Кен, — и он показал на углубление в пыльной почве, окруженное кольцом влажной грязи. — Это животное рыло яму — вероятно, в поисках воды. Почва в этих местах сухая, так что животное должно было изрядно потрудиться, чтобы утолить жажду.

Они вышли из джипа и тщательно осмотрели яму и растущий неподалеку кустарник. На некоторых ветвях были заметны следы зубов.

— Эти следы мог оставить только грызун, — сказал Хуббл. — Значительно больших размеров, чем его сородичи из двадцатого века, но тем не менее... Ладно, Кен, поедем дальше.

Джип, пыхтя, медленно стал подниматься к гребню холмов. По дороге им встретились еще две ямы, вырытые животными, но они были старыми и осыпавшимися. «Неужто на

Земле остались только эти жалкие твари?» — с тоской подумал Кеннистон, взглянув на пурпурный глаз Солнца.

Вскоре они въехали на вершину одного из холмов и остановили машину. Перед ними открылась панорама унылой равнины, залитой багряными лучами холодного Солнца.

Хуббл обвел взглядом мертвенный пейзаж и внезапно воскликнул:

— Кен, посмотрите на юг! Вы видите ЭТО?

Джон проследил за направлением его дрожащей руки. В первое мгновение он ничего не понял, а затем на него нахлынула волна легкой радости. Слава Богу, они не одиноки на остывающей Земле!

Посреди бесплодной равнины стоял город. Город белых многоэтажных зданий, полностью закрытый прозрачным куполом.

Некоторое время они, не скрывая радости, разглядывали поразительное сооружение. Правда, там, под куполом, они не заметили ни огонька, ни даже признака жизни — того, что город существовал, им было вполне достаточно. Однако вскоре Хуббл пришел в себя и со своим обычным скептицизмом заметил:

— Все прекрасно, Кен, но я не вижу ни единой дороги.

— Возможно, люди больше не нуждаются в дорогах! — с жаром возразил ему Кеннистон. — Наверняка горожане пользуются для передвижения только летательными аппаратами!

Инстинктивно мужчины подняли головы, но в блеклом небе не было ничего, кроме тусклых звезд и Солнца, обрамленного огненной гривой.

— Возможно, вы правы, Кен, но обратите внимание — в зданиях не светится ни единого окна, — продолжил Хуббл.

— Сейчас день, — возразил Джон. — Горожанам должно хватать солнечного света — за долгие годы угасания светила люди должны были привыкнуть к его сумрачному свету.

Понимая, что доводы неубедительны, Кеннистон занервничал. Включив зажигание, он с силой дернул за рычаг переключения скоростей и погнал машину вниз по склону, не обращая внимания на то, что она порой начинала угрожающе раскачиваться.

— Эй, Кен, полегче! — крикнул Хуббл. — Если в городе и на самом деле остались люди, то они никуда от нас не денутся. Если же их нет... — его голос дрогнул. После паузы он закончил: — Тогда торопиться тем более бессмысленно.

Слова, только слова... Кеннистону казалось, что у него не хватит терпения. Джип словно назло еле полз по склону.

Камни, ямы и небольшие расщелины то и дело попадались ему на пути, заставляя Джона снижать и без того невысокую скорость. Город никак не желал приближаться...

Прошло немало времени, прежде чем джип оказался рядом с куполом. Тот уходил круто в небо, словно стеклянная гора из сказочных историй, искрясь отраженным светом.

После немилосердной тряски по ухабам джип внезапно выехал на широкую дорогу. Она вела к открытому всем ветрам арочному portalу в основании стеклянной стены.

— Странно, — с недоумением сказал Хуббл. — Купол был возведен над городом наверняка для сохранения тепла — почему же тогда вход открыт?

Кеннистон промолчал. Его оптимизм заметно поубавился.

Они медленно въехали через портал и оказались внутри прозрачного купола. Город навис над ними кварталами исполинских небоскребов, поражающих воображение своими размерами и причудливыми очертаниями. Здесь, под куполом, казалось теплее, чем на равнине, — быть может, из-за отсутствия пронзительного ледяного ветра.

Джип вырулил на прямую как стрела улицу и робко направился к центру города. Вокруг висела хрустальная тишина, так что Джон с Хубблом слышали удары собственных сердец. Гул мотора, отражаясь и переотражаясь от стен небоскреба, звучал богохульственно громко.

Пыль толстым слоем лежала вдоль тротуаров, заметно утолщаясь на перекрестках улиц, где чувствовалось легкое дуновение ветра. Немало ее было и в подъездах, и даже на оконных рамах. Несмотря на массивность, небоскребы были по-своему красивы благодаря простоте и изяществу обводов. В качестве строительного материала был использован пластик, разнообразный по цвету и текстуре, а также сталь и натуральный камень. Вокруг царила непривычная грация и симметрия, придававшая городу черты внутренней силы и благородства.

Миллионы окон следили с высоты своими пыльными бельмами за джипом и двумя людьми. Стекла многих из них были разбиты, рамы распахнуты... Прохладный ветер дул из открытого портала и по-разбойничьи врывался в дверные проемы, крался вдоль тротуаров, хозяйничал в многочисленных скверах и садах с давно зачахшими деревьями. Ветер, один только ветер...

Джон, съезжившись, продолжал вести машину. Его ужасала мысль о том, что город под куполом был лишь безжизненной оболочкой, словно скорлупа разбитого яйца. Он внезапно закричал в порыве ярости и с силой нажал на клаксон,

пытаясь хоть таким образом нарушить гнетущую тишину улиц. Где-то же должны скрываться люди, некогда построившие город? Хоть один человек да отзовется на протяжный гудок автомобильной сирены!

Но никто не отозвался, никто не вышел навстречу...

Кеннистон еще больше сбавил скорость. Поняв безнадежность своих попыток разбудить давно опустевший город, он перестал нажимать на клаксон. Так же, как и Хуббл, он перестал оглядываться по сторонам, а просто вел джип, пока не выехал на огромную площадь. Здесь он выключил мотор. Тишина обрушилась на обоих ученых подобно снежному обвалу.

Некоторое время Джон сидел, опустив голову, пока не услышал тихий голос Хуббла:

— Они все давно умерли... или покинули город.

Кеннистон мрачно посмотрел на шефа.

— Да, вы правы... Но это означает одно — Земля больше не в состоянии поддерживать существование человеческой цивилизации! Даже в этом городе, закрытом куполом, люди не смогли выжить...

— Не понимаю, почему это произошло, — задумчиво сказал Хуббл. Он указал рукой вперед, где среди небоскребов были видны ряды огромных приземистых резервуаров. — Я полагаю, там находились гидропонные плантации, Кен. Они должны были давать достаточно много пищи даже для такого крупного города, как этот.

— Согласен — но только в том случае, если у горожан были в распоряжении большие запасы воды. Возможно, именно из-за ее отсутствия люди вынуждены были покинуть свои дома.

Хуббл с сомнением покачал головой.

— Могли же ее найти крысоподобные существа, которых мы встретили по дороге сюда! Люди тем более сделали бы это... Впрочем, пойдемте, посмотрим...

Они вышли из джипа и направились к ближайшему, полужасыпанному пылью резервуару. Поднявшись наверх по металлической лестнице, они еще раз осмотрелись. Здания, окружающие площадь, были погружены во мглу. Лишь верхние этажи озарял призрачный свет Солнца.

— Кен, здесь еще осталось немного воды! — услышал Джон голос Хуббла. Тот стоял на коленях, приоткрыв один из массивных люков, и вглядывался в чрево резервуара. — Так что я прав — люди покинули город по иной причине...

— Что же еще могло произойти? — утрумо спросил Кеннистон.

Хуббл встал, отряхивая колени.

— Я думаю... — начал было он, но, взглянув на темнеющее небо, решительно произнес: — Сейчас не время рассуждать об этом, Кен. Нам пора возвращаться, пока не настала ночь и не пришел настоящий холод!

Только сейчас Джон заметил, что Солнце заметно склонилось к западу. Тени от небоскребов черными стрелами вытянулись вдоль широких улиц. Мысль о том, что им придется провести ночь в чужом, опустевшем городе, заставила его вздрогнуть.

Переглянувшись, они быстро спустились вниз и пошли к джипу. И вновь грохот мотора осквернил хрустальную тишину, царившую под сиявшим в предзакатных лучах куполом. Джип медленно направился в сторону портала.

— Только подумать, что никто в Миддлтауне еще не знает правды, — пробормотал Хуббл, провожая взглядом кварталы темных зданий.

— Люди могут сойти с ума, если мы скажем: вы остались одни на Земле! — с тревогой сказал Кеннистон. — Что-то нужно придумать, надо дать им какую-то надежду...

Выехав на равнину, они увидели кровавый шар Солнца, нависший над горизонтом. Звезды стали ярче — незнакомые звезды... Холод крепчал с каждой минутой, темнота зловеще сгущалась.

Джон погнал джип в сторону волнистой гряды холмов, не обращая внимания на то, что порой машина начинала угрожающе раскачиваться, а мотор захлебывался от перегрузки. Обратный путь показался обоим ученым бесконечно долгим, но наконец машина въехала на вершину одного из холмов. Отсюда открывалась удивительная панорама залитого огнями Миддлтауна, совершенно неуместная для умирающей Земли. В ледяной ночи сверкали фонари на улицах, окна домов, неоновые вывески магазинов, баров и пивных...

— Кен, это поразительно, невероятно, фантастично! — прошептал Хуббл, с благоговением глядя на праздничный фейерверк огней среди кладбищенской пустоты бескрайней равнины.

— Может, и так, только я забыл залить антифриз в радиатор, — ворчливо ответил Кеннистон.

Становилось все холоднее. Ветер стал острым, как лезвие бритвы, и оба ученых, несмотря на теплую одежду, не смогли сдержать охватившую их дрожь.

— Пожалуй, сегодня ночью будет даже холоднее, чем я предполагал, — пробормотал Хуббл, поднимая воротник пальто.

— Пока Миддлтауну ничего не грозит — но что произой-

дет, когда в городе кончатся запасы пищи и горючего? — с сомнением произнес Джон. — Есть ли смысл бороться за дальнейшее существование, зная, что людям все равно не выжить?

— Если так мрачно смотреть на вещи, то, конечно, не стоит, — с иронией сказал Хуббл. — Давайте-ка выйдем из машины и уляжемся на землю — быстрая и относительно комфортабельная смерть нам обеспечена. Не хотите? Я тоже...

Джон промолчал.

— Наше положение, возможно, далеко не безнадежно, — мягко произнес Хуббл. — На Земле должны быть и другие города под куполом — кто знает, быть может, они еще обитаемы. А где люди — там и помощь. О другом надо думать — как все объяснить горожанам... Давайте-ка, Кен, поедem к зданию мэрии.

Джип вскоре подъехал к Миддлтауну со стороны Джефферсон-стрит. Здесь их встретили наспех сооруженная баррикада и отряд солдат в мундирах Национальной гвардии. Они с восторгом приветствовали джип, вынырнувший из тьмы, и, окружив машину, забросали ученых вопросами. Пар от дыхания гвардейцев серой дымкой расплывался по морозному воздуху.

Хуббл решительно отказался что-либо рассказывать о результатах поездки. «Вы скоро услышите официальное сообщение от руководства города», — ответил он возбужденным людям.

Толпа все же не желала расходиться, так что прокладывать дорогу для джипа пришлось небольшого роста капитану с массивным лицом бульдога. Когда машина наконец выехала на пустынную часть улицы, капитан сам не удержался от мучившего его вопроса:

— Господа, по городу ходят нелепые слухи, что, мол, Земля умерла. Что за история о прыжке через миллионы лет?

Хуббл вновь уклонился от ответа.

— Пока ни в чем нет полной ясности, капитан. Нужно время, чтобы толком разобраться в происшедшем.

Офицер недоверчиво посмотрел на него.

— Но что-то вы обнаружили, верно? На равнине есть признаки жизни?

— Да, жизнь здесь есть, — помедлив, ответил Хуббл. — Людей мы пока не встретили, но животные по крайней мере на Земле еще сохранились.

«Пушистая и крадущаяся жизнь, рыщущая в поисках

скудной пищи, — подумал Кеннистон. — Бедные и робкие твари, последние обитатели Земли...»

На пустынной улице гулял ледяной февральский ветер. Однако вывеска над пивным баром переливалась неоновыми огнями, а сам бар, судя по шуму возбужденных голосов, был переполнен. Вскоре джип подъехал к небольшому парку на Милл-стрит. Вокруг пруда столпились тепло одетые детишки. Они не скрывали своей радости — пруд был уже покрыт льдом.

На Майн-стрит не было прежних толп, но кое-где на перекрестках стояли небольшие группы горячо споривших людей. Они провожали джип настороженными взглядами.

— Им нужно сказать всю правду, Кен, и немедленно! — решительно произнес Хуббл. — Иначе от страха перед неизвестным они могут натворить немало бед!

— Горожане не поверят нам, — с сомнением ответил Джон. — А если и поверят, то ударятся в панику.

— Возможно... Но мы должны рискнуть. Я предложу мэру выступить по радио с обращением к жителям Миддлтауна. Кстати, мы почти приехали...

Вскоре джип остановился около массивного здания мэрии. Колоннада, высокий купол — обычная провинциальная копия Белого дома. Джон намеревался было последовать за шефом, но тот жестом остановил его.

— Кен, я могу сейчас обойтись без вашей помощи. Вы наверняка тревожитесь о Кэрол — так что лучше направляйтесь к ней. Утром я найду вас.

Джон с благодарностью кивнул и, проводив взглядом Хуббла, свернул на улицу, ведущую в северную часть города. В свете фар он заметил, что листва на деревьях и кустарниках безжизненно поникла от холода. Над крышами домов поднимались белесые струи дыма из труб и таяли в темном небе, усыпанном чужими созвездиями.

На несколько минут Кеннистон остановился у своего дома — просто так, чтобы оттянуть неизбежный разговор с Кэрол. Хозяйка встретила его в прихожей и забросала вопросами, но Джон в ответ посоветовал ей немедленно включить радио — мол, с минуты на минуту ожидается важное сообщение мэра Гарриса. Прощмыгнув в свою комнату, он уселся на диване с бутылкой виски и, согреваясь, сделал несколько солидных глотков. Почувствовав, как кровь вновь побежала по жилам, он вздохнул и, плотно затворив за собой дверь дома, не спеша направился по ярко освещенной улице в конец квартала.

Кэрол и ее тетя сидели в креслах рядом с ярко пылаю-

щим камином. Увидев жениха, Кэрол облегченно вздохнула и бросилась в его объятия.

— Слава Богу, наконец ты вернулся, — прошептала она, целуя Джона в ледяные щеки. — Я места себе не находила от волнения...

— Джон, мы решили разжечь камин, — недовольно сказала миссис Адамс, кутаясь в шаль. — Соседи сделали то же самое... Что за нелепые капризы погоды! И это в июне...

— Боюсь, одного камина будет недостаточно, — сказал Кеннистон, мягко отстраняя от себя невесту. — Нам придется разжечь еще и печь. И закрыть ставни. Тепло надо беречь...

Кэрол настороженно посмотрела на него.

— Кен, ты знаешь больше, чем говоришь, — решительно сказала она, сердито блеснув вишневыми глазами. — Быть может, ты считаешь нас с тетей детьми, которых нужно оберегать от неприятных новостей? Я хочу знать, что происходит в городе, и ты мне обо всем расскажешь!

— Сначала я подготовлю дом к холодной ночи, — уклонился от ответа Джон. — Миссис Адамс, включите радио — быть может, наш славный мэр Гаррис разразится в ближайшее время речью, и на этот раз, в порядке исключения, очень важной...

Не обращая внимания на возмущенный взгляд невесты, он спустился в подвал. «Странно, — подумал он, — никогда не думал, что конец мира я встречу возней с печью, углем и золой...»

Кэрол вышла из дома, когда он закрывал ставнями последнее окно. Джон услышал ее сдавленный крик и резко обернулся, готовый к любым неожиданностям. Кэрол стояла, кутаясь в шаль, и с ужасом смотрела на восток. Оттуда, из-за горизонта, поднимался исполинский бронзовый щит. Это была Луна, но Луна, разбухшая до чудовищных размеров. Даже невооруженным глазом на ней можно было разглядеть равнины, горные цепи и наиболее крупные кратеры.

У Кеннистона на мгновение закружилась голова. Ему показалось, что громадный диск вот-вот накренится и обрушится на город. Но в этот момент Кэрол сжала ему руку с такой силой, что он и думать забыл о Луне.

— Джон, что это? — истерично воскликнула она.

Дверь в доме распахнулась, и на пороге показалась озабоченная миссис Адамс. К счастью, она не заметила громаду нависшей над миром Луны.

— Кэрол и вы, Джон, идите немедленно в гостиную! — возбужденно сказала она. — По радио объявили: мэр вскоре выступит с важным сообщением!

Кеннистон осторожно обнял невесту за плечи и почти втолкнул ее в прихожую.

Джон всегда считал, что конец света должен быть объявлен громовым голосом с неба и пением труб архангелов. Вместе этого в радиоприемнике слышался испуганный, дрожащий голос мэра. Впрочем, даже в этот исторический момент Гаррис остался опытным политиканом и попытался, насколько это было возможно, снять с себя ответственность. Он сказал то, что сказал, но почти каждую фразу начинал с оговорок: «Доктор Хуббл и его ассоциация считают...», «ученые предполагают...».

Но все же слова правды были наконец произнесены. И тишина, повисшая в гостиной комфортабельного дома миссис Адамс, была лишь частью ошеломляющей тишины, воцарившейся в Миддлтауне.

Позднее могла последовать буря криков отчаяния, слез и жалоб — но сейчас все в городе наверняка молчали, испуганно глядя на близких. Кэрл и миссис Адамс тоже смотрели на него, Джона, с мольбой — и он не знал, как их утешить.

ГЛАВА ПЯТАЯ

БАГРОВЫЙ ЗАКАТ

На следующее утро Кеннистона разбудил пронзительный телефонный звонок. Он очнулся, лежа на диване, и некоторое время тупо смотрел в потолок. Прошедшая ночь была крайне беспокойной. Раз десять он вставал, чтобы подбросить уголь в быстро остывающую печь, но в доме оставалось холодно, а к утру на окнах появился толстый слой инея...

Звонок дребезжал, не умолкая, и Джон, поднявшись, с подавленным чувством побрел к столу.

— Алло, Кен, как дела? — услышал он усталый голос Хуббла. — Вы можете подойти к Кейстоунскому угольному складу? Боюсь, здесь скоро будет заварушка...

— Иду немедленно! — сказал Джон.

Он повесил трубку. Сегодняшний день будет нелегким, подумал Кеннистон. В комнате было прохладно, по комнате плыл пар от его дыхания. Растерев озябшие руки, он быстро оделся и первым делом спустился в подвал. Запасы угля, как он и опасался, подходили к концу...

Когда Джон вернулся в дом, он встретил в коридоре Кэ-

рол, кутавшуюся в меховую накидку. Под ее печальными глазами лежали синие тени — похоже, она также не спала всю ночь.

— Кен, привет, — хрипло сказала она. — Меня разбудил телефонный звонок. Что это бы...

Она запнулась, не закончив. Нелепо спрашивать, принес ли телефонный звонок дурные вести.

— Хуббл просил прийти меня к угольному складу, только и всего, — успокаивающе сказал Джон и обнял невесту. — С тобой все в порядке?

— Да, Кен, я чувствую себя хорошо, — ответила Кэрол, но голос ее прозвучал вяло и безжизненно.

Джон вспомнил вчерашний вечер и воздержался от реплики. Из всего дурного, что он пережил прошедшим днем, заявление мэра произвело на него наихудшее впечатление. Миссис Адамс, как и следовало ожидать, упала в обморок, и ее пришлось приводить в чувство с помощью нашатырного спирта и рюмки бренди. С Кэрол было иначе. Она сидела в кресле и смотрела на него таким потухшим и оцепеневшим взглядом, что Кеннистону стало не по себе.

Мэр рассказал всю правду о происшедшем, не забыв раскрыть секрет «промышленной лаборатории». Он сделал так, чтобы придать мнению Хуббла необходимую весомость, но ему, Джону, это обошлось дорого. Казалось бы, сейчас, перед концом света, его истинная специальность имела так мало значения, но Кэрол была явно потрясена. Следовало рассказать ей все раньше, сразу после взрыва, но у него не хватило духа... Сейчас приходилось расплачиваться за малодушие — никогда еще Джон не чувствовал себя с невестой таким скованным и неуверенным.

— Оставайся дома и поддерживай огонь в печи, — нарочито бодро произнес он, безуспешно пытаясь поймать взгляд Кэрол. — Я приду, как только освобожусь.

Он поцеловал невесту, но та стояла в его объятиях, никак не реагируя на их близость.

— Не отчаивайся, милая, — прошептал Джон. — Рано или поздно мы найдем выход из положения. Все не так безнадежно, поверь.

Она безучастно кивнула.

— Да, конечно... Будь осторожен.

Освободившись, она резко повернулась и, не оглядываясь, пошла к себе в комнату.

Кеннистон вышел на крыльцо и постоял там некоторое время, поеживаясь от утреннего холода. Солнце уже появилось над горизонтом, подобное распухшему от пищи, окро-

вавленному монстру. Было удивительно тихо. В небытие ушли все обычные утренние звуки: гудок соседней фабрики, лязг локомотивов на проходящих неподалеку путях, шуршание автомобильных шин по мостовой. Даже детских голосов не было слышно... Все цветы в небольшом саду миссис Адамс были мертвы, листья на деревьях и кустарниках потемнели и поникли.

Наполнив баки джипа горючим (они были изрядно опустошены после вчерашней поездки), Кеннистон не спеша поехал в сторону Майн-стрит. Сейчас, на рассвете, Миддлтаун выглядел мрачно, словно кладбище. Никто не попался ему на пути — лишь иногда в окнах, белых от инея, смутно различались лица людей, разбуженных шумом мотора. Зато из распахнутых дверей церквей, мимо которых ему приходилось проезжать, доносились звуки пения и многоголосые раскаты молитв. В барах было также шумно — похоже, вопреки закону они были открыты для жаждущих всю ночь.

«А ведь город долго не протянет, — уныло подумал Джон. — Запасы горючего быстро иссякнут, а без него невозможно поддерживать жизнь людей в такой жестокий мороз...» Чувство безнадежности вновь охватило его. Это казалось иронией судьбы: Миддлтаун прошел невредимым через самую ужасную катастрофу в истории человечества — и должен был неизбежно погибнуть от самого заурадного холода.

У него внезапно промелькнула смутная, но, кажется, спасительная мысль. Прежде чем она успела ясно оформиться, он свернул на Вине-стрит и подъехал к Кейстоунскому угольному складу. Здесь, в отличие от остального оцепеневшего города, было многолюдно и более чем шумно. Полицейские и солдаты Национальной гвардии сформировали живой кордон вокруг огромных угольных холмов. Они стояли, схватившись за руки, лицом к лицу с возбужденной толпой, готовой вот-вот удариться в самую настоящую панику. Джон увидел много знакомых лиц. Это были фабричные рабочие, торговцы, пенсионеры, домохозяйки — из числа обывателей, любивших по вечерам сидеть на открытых верандах, обмениваясь новостями с соседями. Сейчас эти солидные, добропорядочные люди оказались перед волчьим ликом холода и страхом смерти...

Хуббл встретил его у ворот склада. Рядом с ним стояли озаченный сержант полиции и Борхард, владелец склада.

— Доброе утро, Кен, — сказал Хуббл. — Впрочем, какое уж доброе... Люди еще ночью начали штурмовать склад и успели растащить несколько тонн угля, прежде чем Борхард вызвал полицию. Дьявол, только позавчера было лето — ясно, что мало кто из горожан успел запастись нужным количе-

ством топлива! Некоторые сожгли весь свой уголь за одну вчерашнюю ночь...

Борхард вмешался в разговор:

— Мы не хотим применять силу, мистер Кеннистон, — угрюмо сказал он. — Быть может, вас, ученых, люди выслушают с большим доверием, чем представителей властей?

Хуббл кивнул.

— Поговорите с ними, Кен. Вы знаете их куда лучше, чем я.

— И что же я им скажу? Идите, мол, домой и потихоньку замерзайте, как и положено законопослушным гражданам? И не вздумайте здесь, у склада, устраивать беспорядков? Так, что ли, прикажете их успокаивать?

— Они не замерзнут, — не очень уверенно сказал Хуббл. — Возможно, мы что-нибудь придумаем...

Джон вспомнил о своей, недавно промелькнувшей идее. Взглянув на Хуббла, он понял: шеф додумался до нее даже раньше его. Впервые после катастрофы перед Джоном промелькнул лучик надежды.

— Город под куполом! — воскликнул он.

— Верно, — кивнул Хуббл. — Мы с вами видели, как купол с приходом ночи сохраняет дневное тепло. Да и зачем еще было закрывать город? Только с одной целью — спасти людей от стужи. Мы должны уйти туда, Кен, все до одного — и как можно быстрее. Здесь, в Миддлтауне, нам долго не продержаться.

— Пожалуй, вы правы... — с сомнением произнес Джон. — Но все ли согласятся оставить родные места? И что случится, когда они поймут: Земля давно мертва?

Хуббл пожал плечами.

— Мы думаем об этом — когда для размышлений появится время. Сейчас наша задача — зародить в душах людей хоть росток надежды. Кен, скажите толпе, чтобы она разошлась! Пообещайте, что все они скоро будут в безопасности — только пусть разойдутся!

Кеннистон кивнул и, скользя по осыпающимся кускам угля, поднялся на один из отвалов. Толпа встретила его негодующими возгласами, но он сумел их перекричать. Называя по именам знакомых, стоящих за полицейским кордоном, он заставил людей слушать — хотя его сердце сжимала та же тревога, что побудила «взбунтоваться» многих горожан.

— Нечего толковать нам о законе, когда настал конец света! — внезапно прервала его пожилая дама с разъяренным лицом.

— Конец придет, только если вы все потеряете головы, — резко возразил Джон. — Поверьте, муниципалитет даст вам

все необходимое! Ваша жизнь и судьба ваших близких зависят от того, насколько мы будем действовать сообща. Убедительно прошу вас — возвращайтесь домой и ждите у радиоприемников дальнейших указаний.

— Эй, мистер, они дадут нам уголь? — выкрикнул дородный фабричный рабочий.

— Уголь, еду — все, что необходимо. Мы все сейчас в одной лодке, так что никому не выгодно ее раскачивать. Вскоре руководство города решит — оставаться ли нам здесь, в Миддлтауне, или перебираться в более безопасное место. А теперь расходитесь, соберите ваших близких и ждите.

Внезапно он обратился и к кордону, охраняющему склад.

— К вам это также относится! Расходитесь по казармам — вскоре перед вами поставят куда более серьезные задачи, чем охрана угля!

Он спустился вниз, сомневаясь в том, сработает ли его попытка разбудить здравый смысл горожан. Внизу его встретил разъяренный Борхард. Владелец склада, не стесняясь в выражениях, протестовал против снятия охраны, но Хуббл резко прервал его:

— Поглядите-ка, Кен, — ваши слова дошли до людей! Они расходятся!

Действительно, толпа, недовольно переговариваясь, постепенно разошлась по домам. Вскоре прибыл шеф полиции Кимер. Его суровое лицо было серым от недосыпания, веки набрякли и покраснели. К жалобам Борхарда он отнесся с полным безразличием.

— Бросьте молоть чепуху насчет какого-то угля, — жестко сказал он. — Этой ночью в городе произошли дела посерьезнее...

Кимер коротко рассказал о том, что случилось после выступления мэра: несколько смертей от шока, эпидемия самоубийств, вспышка разбоя в деловой части города. Человек десять, в основном пожилые, умерли от холода.

— Но труднее всего пришлось моим ребятам, охранявшим баррикады на окраинах, — устало продолжил он. — Оказалось, что этот чертов взрыв накрыл в Миддлтауне немало окрестных жителей. Они, естественно, ударились в панику и вместе с некоторыми горожанами попытались прорваться через заграждения. К счастью, обошлось без жертв — пока без жертв... Ладно, мне пора ехать...

Перед тем как вновь усесться в автомобиль, он обернулся и с горькой усмешкой сказал:

— Поговаривают, что прошлой ночью более двух тысяч

человек приняли обряд крещения. И это только начало, поверьте моему слову...

— Кимер, пожалуй, я поеду с вами в мэрию, — после некоторого колебания сказал Хуббл. — Кен, вы также мне понадобятся.

Джон неохотно последовал за Хубблом — ему казалось, что с добродушным толстяком мэром проблем не возникнет. До сих пор он с трогательным пиететом относился к ученым, послушно следовал их советам и указаниям. Но когда Гаррис услышал о плане эвакуации, выражение его пухлого лица стало по-ослиному упрямым.

— Послушайте, доктор Хуббл, это нелепо, — угрюмо сказал он. — Вырвать с корнем население пятидесятитысячного города, чтобы переселить его в чужое, никому не известное место, — да это же просто безумие!

— В Миддлтауне имеется достаточно транспорта для перевозки населения и продовольствия, — терпеливо объяснил Хуббл. — Хватит и горючего для автомашин.

— При чем здесь горючее? — взвился мэр. — Этот ваш город под куполом — что мы знаем о нем? Ровным счетом ничего. Быть может, там еще опаснее... Нет, господа, я родился в Миддлтауне, прожил здесь всю жизнь и добросовестно трудился ради его процветания. Более того, я недавно вложил пять тысяч долларов в перестройку моего дома и не намерен бросать его на произвол судьбы!

Пухлое лицо Гарриса дрожало от возмущения.

Хуббл мягко сказал:

— Нам всем страшно, мистер Гаррис. Эвакуация такого города, как Миддлтаун, — сложное, очень сложное дело. Но мы должны уйти отсюда и обрести надежное убежище, иначе гибель людей от холода неизбежна. Запасы горючего у нас ограничены, а купол чужого города как раз и предназначен для того, чтобы сберечь тепло...

Мэр покачал головой.

— Мои жена и дочь всю прошедшую ночь были в истерике... Они умоляли меня сделать что-нибудь, а лучше всего — вернуть все, как было до этого страшного взрыва. Происшедшее было ужасным шоком для них — не думаю, что они могут выдержать большее.

— Лучшее, что вы можете сделать, — это надавать им пощечин, — жестко сказал Хуббл. — Скажите: что вы собираетесь предпринять как глава Миддлтауна? Быть может, надо собрать муниципалитет и обсудить наши предложения?

— Вы имеете в виду эвакуацию? Нет, только не это! — лицо Гарриса болезненно исказилось — казалось, он распла-

чется, как ребенок. — Прошу прощения, господа, но я не могу пойти на такой шаг.

Кеннистон подумал — а ведь пока мы препираемся с этим ослом, Кэрол, быть может, бросила в печь последний совок угля! Он с трудом подавил желание схватить Гарриса за лацканы и встряхнуть как следует.

— Прекрасно! — раздраженно воскликнул он. — Горожане сидят у своих радиоприемников, дрожа от стужи, и ждут заявления от своего мэра — но, видно, не дождутся. Придется мне самому обратиться к жителям Миддлтауна. Я скажу им: у нас есть реальный шанс на спасение, но мэр Гаррис не желает даже слышать об этом. Я скажу: нам всем придется умереть от холода, потому что наш славный мэр не желает покидать свой роскошный дом с погребями, полными угля. Как вам это понравится, Гаррис?

Джон никогда не видел, чтобы человек так быстро менялся в лице. Смертельно побледнев, Гаррис растерянно пробормотал:

— Они же разорвут меня на куски... Нет, нет, не делайте этого, умоляю вас! — Он перевел жалкий взгляд с Кеннистона на Хуббла и, собравшись с духом, добавил: — Хорошо, я соберу муниципалитет...

Члены муниципалитета отреагировали на предложение ученых приблизительно так же, как мэр. Однако и они постепенно сдались под нажимом Хуббла. В результате бурной дискуссии мэр Гаррис согласился сделать заявление о немедленной эвакуации.

На всякий случай ученые решили сопровождать главу города к радиостанции. По дороге Кеннистон разглядывал улицы Миддлтауна из окон лимузина: мимо проплывали солидные особняки, утопающие в садах; кварталы тесно сгрудившихся домишек; скверы, парки, бульвары... «Уйти будет трудно, очень трудно, — подумал он. — Многие люди, особенно старики, не захотят покидать родные места».

Упавшим, безжизненным голосом, лишенным обычной напыщенности, Гаррис обратился к жителям города. Коротко обрисовав создавшуюся ситуацию, он закончил:

— Итак, мы должны как можно быстрее покинуть Миддлтаун. Повторяю — как можно быстрее! Город под куполом, обнаруженный учеными, тоже не райское местечко, но все же он сохранит куда больше тепла, чем открытый всем ветрам Миддлтаун. Некоторое время мы проживем там — пока ситуация не прояснится. Оставайтесь у своих радиоприемников и ждите подробных инструкций. В этот трудный час нам нужно не поддаваться панике и действовать заодно — только это спасет наши жизни...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

КАРАВАН В БУДУЩЕЕ

В круговороте неотложных дел Кеннистон очень быстро забыл о своих личных переживаниях. Мэрия превратилась в центр эвакуации. Офицеры полиции и Национальной гвардии были уже здесь, а вскоре во множестве прибыли и другие: оптовые торговцы, бизнесмены, владельцы складов, автобусных и грузовых автопарков...

Маклин, худощавый, высокого роста владелец крупнейшей в городе компании по грузоперевозкам, пользовался в деловых кругах Миддлтауна немалым авторитетом. Во времена второй мировой войны он служил в транспортных войсках и имел опыт в организации перевозок большого количества людей и грузов.

— Если мы пустим все на самотек, то получим не эвакуацию, а сумасшедший дом, — энергично произнес он. — Нужно создать автоколонны во всех районах. Что же касается вашего купольного города, то его необходимо разделить на сектора так, чтобы жители каждого квартала Миддлтауна знали, где им размещаться.

Хуббл кивнул.

— Я думаю, есть смысл создать в каждом районе группы человек по двадцать — для проведения квартирньерских работ.

— Отлично! Я полагаю, в этом случае нам удастся перевезти население дня за три. Кроме того, надо сформировать отряд, который займется распределением топлива среди тех, кто пока останется в Миддлтауне. Теперь о продовольствии и воде — срочно...

Хуббл, улыбнувшись, прервал его.

— Благодарю, мистер Маклин, вы сняли часть забот с моих плеч. Можете вы взять на себя организацию автоколонн? Превосходно! А вас, Кен, я попрошу возглавить первый караван переселенцев.

Маклин кивнул и, усевшись за стол, начал набрасывать тексты первых приказов о начале эвакуации. Хуббл тем временем отобрал с помощью офицеров первую двадцатку квартирньеров и направил их в город под куполом для проведения более подробной разведки.

Радиостанция теперь непрерывно передавала сообщения членов муниципалитета. Они каждый на свой лад успокаивали население и инструктировали, как готовиться к отъезду.

Полицейские силы и отряды Национальной гвардии были распределены по кварталам Миддлтауна. Каждую группу возглавил человек, подчиненный непосредственно мэру. Им было поручено обойти кварталы дом за домом, настаивая на полной эвакуации. Заодно они должны были установить, сколько личных автомобилей можно использовать для перевозки людей и грузов — городских автобусов для этой цели явно не хватало.

Маклин вовремя вспомнил о тех, кто не мог принять участие в переселении самостоятельно — о больных и заключенных. В городские больницы были направлены все имеющиеся в наличии санитарные машины, а к зданию тюрьмы двинулась небольшая колонна фургонов и армейских грузовиков — увы, далеко не всех преступников можно было освободить даже в этой чрезвычайной ситуации.

Грузовики и автофургоны разъехались и по городским складам, чтобы в кратчайшие сроки вывезти из Миддлтауна запасы продовольствия и топлива, а также другие вещи первой необходимости. Джону показалось, что автомашин было выделено для этой цели крайне мало, но Маклин возразил ему:

— Главное сейчас — как можно быстрее вывезти людей. А запасы продовольствия, одежды и всего прочего несложно будет пополнить и позднее. На первое время припасов нам хватит...

Вскоре в кабинете мэра состоялось очередное совещание, на котором был утвержден план эвакуации. Переселение должны были первыми начать северные кварталы города. Ответственным за огромный район, насчитывающий почти семнадцать тысяч человек, был назначен Кеннистон. Джон не возражал — он знал многих в этой части города, не говоря уже о том, что там жили Кэрл и ее тетя.

После совещания он направился на джипе в сторону Майн-стрит — на сей раз в сопровождении эскорта полицейских машин. Отдав все необходимые распоряжения, он не удержался и на минуту забежал к невесте.

Он был огорчен тем, что увидел в гостиной. Миссис Адамс сидела в кресле у пылающего камина и рыдала, а нахмуренная Кэрл поспешно укладывала одежду и постельные принадлежности в саквояжи. Появление жениха она словно бы и не заметила. Джон неуклобе пытался ей помочь, горячо убеждая женщин не отчаиваться. Миссис Адамс вскоре перестала всхлипывать, но Кэрл демонстративно не обращала на него внимания и молчала.

— Я понимаю, трудно покидать родной дом, — говорил

Джон, запихивая в чемодан непослушное шерстяное одеяло, — но все мы сейчас в одинаковом положении. Миссис Адамс, кстати, я только что видел, как ваши соседи уже садились в машину... Поверьте, город под куполом вполне пригоден для жизни — там мы приобретем надежную защиту от стужи...

— Защиту? — сердито спросила Кэрол, наконец соизволив заметить его присутствие. Она обвела грустным взглядом цветастые занавески на окнах, старую полированную мебель, картины на стенах, любовно расставленную в серванте фарфоровую и хрустальную посуду и горько сказала:

— Неужели тебя не волнует, Кен, что мы разом потеряем все, называемое некогда родным домом? Сколько веков пройдет, пока люди вновь заживут спокойно и комфортабельно?

— Согласен, — успокаивающе сказал Джон, — но сейчас не время вздыхать и лить слезы отчаяния.

— Да, сейчас не время... — потерянно произнесла Кэрол и неожиданно бросилась Джону в объятия: — О, Кен, я так любила все это!

Кеннистон понимал, что речь идет не о мебели или о фарфоровой посуде — нет, Кэрол сожалела о безмятежном образе жизни, увы, скорее всего утерянном безвозвратно.

— Не так уж все и плохо, — рассудительно произнес он, поглаживая невесту по вздрагивающим плечам. — Завтра мы погрузим вещи в ваш автомобиль и отправимся вместе на новое место жительства. К счастью, меня назначили руководителем колонны нашего района, так что мы все время будем вместе...

— О, Кен, ты ничего не понимаешь, — резко отстранилась от него невеста и, сверкнув глазами, язвительно добавила: — У тебя ведь масса дел — правда, милый? Стоит ли тратить на нас с тетей Адамс свое драгоценное время?..

Джон растерянно ретировался. Он чувствовал, что впервые за время знакомства между ним и Кэрол пролегла глубокая трещина — и эта трещина с каждым днем расширялась...

На следующее утро Джон получил напутствие от мэра и вместе с Макклином отправился в северную часть города. Холодный багряный рассвет на сей раз застал Миддлтаун совсем иным — бурлящим, активным. Почти все окна в домах светились: люди готовились к отъезду. Особое оживление царило на Майн-стрит — здесь почти все было готово к началу движения. Грузовики доверху были нагружены самыми необходимыми вещами. Семьи с детьми разместились в больших автобусах. Туда же проникли и возбужденно лающие собаки: с ними детишки не желали ненадолго расставаться. Морозный воздух сотрясаясь от рева моторов тяжелых грузовиков,

воя сирен полицейских машин, грохота разогреваемых двигателей личных автомобилей.

Люди сновали с туками и чемоданами, пытаюсь нагрузить машины до предела. Они выглядели скорее возбужденными, чем испуганными. Кое-где даже раздавался смех, в котором, впрочем, звучали истерические нотки. Джон заметил лишь несколько плачущих пожилых женщин, а вот детишки выглядели очень бодро: происходящее казалось им началом увлекательного приключения.

На Джефферсон-стрит уже сформировалась головная часть колонны. В несколько рядов стояли автобусы, «кадиллаки», «бьюики» и «форды», окутывая сумеречный воздух дымом выхлопов. Вдоль машин носились полицейские на мотоциклах, пытаясь выровнять ряды.

Маклин обратился к одному из офицеров:

— Отдайте приказ снабдить все мотоциклы колясками — дорога будет весьма неровной и сложной. И вот еще что: выдвиньте автобусы вперед — по их следам легче будет проехать малолитражкам.

Полицейский, отдав честь, побежал выполнять приказание, а в это время Кеннистон заметил среди деревьев... тягачи с полевыми орудиями!

Маклин рассвирепел. Выскочив из джипа, он нашел майора Национальной гвардии и устроил ему разнос:

— Какого дьявола вы это делаете? Зачем нам нужны ваши пушки? Оставьте их в Арсенале! Захватите с собой лучше солдатские койки, одеяла, полевые кухни — считайте, что мы отправляемся в поход. Ясно?

Вернувшись к джипу, он сказал Кеннистону:

— Джон, я возвращаюсь в мэрию — надо заняться другими районами. Будьте готовы начать движение около девяти! Я прикажу дать гудок на ближайшей к вам фабрике в качестве сигнала. Ну что ж, с Богом!

Остановив одну из полицейских машин, он уехал. Кеннистона тут же окружили офицеры, гвардейцы, административные работники района — все они ждали распоряжений.

— Как вы собираетесь отправляться в путь? — сердито обратился к ним Джон. — Половина машин настолько перегружена, что они не смогут даже сдвинуться с места!

Действительно, стоящие в колонне автомобили были доверху набиты не только одеждой и постельными принадлежностями, но и радиоприемниками, музыкальными инструментами, семейными портретами в массивных рамах, игрушечными лошадками...

— Заставьте их выбросить этот хлам! — решительно при-

казал Джон полицейским. — Будет возможность — мы перевезем на новое место все, даже горшки с геранью, а пока надо думать прежде всего о людях! Колонну перестройте в два ряда — на Джефферсон-стрит есть несколько узких мест.

Кеннистон проехался вдоль теснящихся автомашин, выглядывая Кэрол. Наконец он заметил ее за рулем старенького «форда». На заднем сиденье, среди многочисленных узлов и саквояжей, разместилась притихшая тетя Адамс. После долгих уговоров Джон убедил невесту переехать в переднюю часть каравана — так, чтобы они все время были у него на виду.

Вскоре подоспели сообщения о ходе эвакуации. Ответственные за кварталы прибыли на площадь с короткими докладами:

— Адам-стрит полностью освобождена жителями!

— То же самое — на Перри-стрит!

— На Линкольн-авеню — все в норме!

— Мистер Кеннистон, у нас есть проблемы на Норт-стрит! Некоторые старики не желают покидать свои дома!

Выругавшись, Джон погнал джип по направлению к Норт-стрит. Это была узкая улочка, заставленная по обеим сторонам обветшалыми кирпичными домишками. На крыльце одного из домов он заметил пожилую женщину, закутанную в шаль. Она стояла, скрестив руки на груди, и с мрачным видом смотрела на опустевшую улицу. Остановив джип, Джон подошел к ней, подыскивая наиболее убедительные слова, но старуха его опередила:

— Я не собираюсь покидать свой дом, — безапелляционно заявила она. — Здесь я прожила всю жизнь — так же, как и моя покойная мать. Послушайте, мистер, что за идиотская мысль о путешествии во времени? И все из-за какого-то похолодания!

Внезапно Кеннистон заметил розовощекую девчущку, с любопытством разглядывающую его из окна веранды.

— Это ваша внучка, миссис? — расстроено спросил он. — Подумайте хотя бы о ней — ручаюсь, через несколько дней вы обе погибнете от холода! Скоро в Миддлтауне никого не останется — кто вам поможет с топливом, пищей, водой? Пока не поздно, оденьтесь, захватите с собой хотя бы одеяла и идите к автобусам!

Пожилая женщина растерянно взглянула на него:

— Вы считаете, это опасно?.. Хорошо, мы сейчас соберемся...

Она ушла, а Джон поспешил к соседнему коттеджу. Двое

полицейских выкатывали из подъезда инвалидную коляску с отчаянно ругавшимся старым джентльменом.

— Оставьте меня в покое, чертовы идиоты! — кричал он и нещадно колотил полицейских тростью.

Те, не обращая внимания на ярость старика, вкатили коляску в стоявший неподалеку автобус и туда же погрузили саквояж с наспех собранными вещами.

Джон взглянул на часы — было уже без десяти девять. Увы, до полной готовности его району далеко...

Убедившись, что в домах на Норт-стрит не осталось ни одного человека, Кеннистон вернулся на площадь. Здесь его ожидал новый сюрприз: под раскидистой смоковницей стоял высокий худощавый священник. Размахивая Библией, он кричал:

— Пришел конец света — и всех грешников ждет суд Божий!

Лаубер, один из заместителей Маклина, заведовавший транспортом в колонне Кеннистона, встретил Джона жалобным восклицанием.

— Эти люди сошли с ума! — произнес он, тяжело дыша. — Кое-кто уже готов ехать, не дожидаясь сигнала — даже не зная дороги!

Только сейчас Джон заметил, что полицейские выстроили впереди колонны заграждения из грузовиков. Перед ними в беспорядке теснились десятки автомобилей, оглашая воздух ревом моторов и надсадным гудением клаксонов.

Паника! Опасность ее возникла сразу же после выступления мэра по радио. Хуббл настаивал на том, чтобы людям сказали правду, хотя отлично понимал — риск велик. По его мнению, ничего, кроме страха, не заставит людей покинуть давно обжитые места. Так и произошло — но горожане все-таки потеряли головы...

Джон проехал вдоль мессива автомобилей, крича:

— Выстройтесь в колонну! Если вы загромоздите проезд, то никто не сможет сдвинуться с места!

Его никто не слушал. Лимузины, малолитражки, грузовики, фургоны сгрудились, соударяясь крыльями, в безуспешной попытке продвинуться хоть немного вперед. Какофония из автомобильных клаксонов не смогла бы заглушить и иерихонская труба.

Несмотря на стужу, Кеннистон быстро вспотел от усилий хоть как-то навести порядок. Он молил Бога, чтобы паника не переросла в насилие. Внезапно впереди скопления автомобилей он увидел... лимузин мэра! По бледному, возбужденно-

му лицу Гарриса было заметно: его сейчас заботит лишь собственная безопасность.

Заметив Кеннистона, мэр распахнул дверцу и закричал, с трудом пробиваясь через адский шум:

— Может, нам пора отправляться? Я уже готов...

— Маклин руководит движением транспорта, и мы будем придерживаться его команд! — крикнул в ответ Джон, едва слыша собственный голос.

— Но если люди потеряют головы... — начал было мэр и замолчал. Среди гудения клаксонов и грохота моторов стал нарастать хриплый вой, перешедший в оглушительный рев. И сразу смолкли голоса людей — им показалось, будто над Миддлтауном зазвучали трубы архангелов.

— Фабричный гудок! — закричал Лаубер. — Это сигнал!

Кеннистон, маневрируя среди скоплений автомобилей, подъехал к заграждению.

— Отгоните грузовики в сторону! — приказал он офицеру полиции. — Но ваши люди пусть остаются в строю!

Многотонные дизельные самосвалы тяжело сдвинулись с места, освобождая проезд. Джон немедленно бросил джип вперед, пытаясь встать во главе колонны. Вслед за ним, теснясь, двинулись остальные автомашины.

— Поставьте впереди колонны бок о бок три грузовика! — крикнул Джон растерянному Лауберу. — Это удержит остальных от попыток вырваться вперед!

Вскоре караван наконец двинулся в путь. Миновав Джефферсон-стрит, он выехал на мост, нависавший над грязным руслом высохшей реки, и направился к окраине. Мимо проплывали старые здания с тщательно заколоченными окнами и дверями, навсегда опустевшие игровые площадки. На пороге пивного бара на Хоме-стрит их приветствовали подвыпившие мужчины, размахивая бутылками, словно флагами. Ряды однообразных коттеджей, небольшие сады, поникшие цветники под окнами...

В конце улицы Кеннистон увидел следы разобранной баррикады и нескольких полицейских. Это была граница между двумя мирами: прошлой, полной жизни Землей — и нынешней, умирающей, планетой. Колонна достигла ее, миновала и...

И их поглотила волнистая бурая равнина, бесплодная и однообразная, над которой багрово светилось мрачное око Солнца. Ледяной ветер ударил в передние окна автомобилей, запорошив их пылью. Через некоторое время караван начал подъем по пологому склону, двигаясь в сторону гряды холмов. Джон ехал впереди, показывая путь. Несколько раз он оглядывался, поражаясь фантастическому зрелищу: вслед за

ним из Миддлтауна тянулась бесконечная цепь автобусов, грузовиков, лимузинов, малолитражек. Люди покидали не только старый город, но и ушедшую в небытие Землю — и направлялись в непредсказуемое будущее.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ГОРОД ПОД КУПОЛОМ

Когда колонна автомашин поднялась на гряде холмов, перед жителями Миддлтауна открылся вид на город под куполом, мерцающий в тусклых лучах Солнца. Кеннистон взглянул на лица людей в соседних автомобилях и заметил в их глазах страх и растерянность. Да и ему самому было не по себе — чужой город, стоявший посреди безжизненной равнины, казался ему сейчас крайне ненадежным убежищем. Не без труда он подавил в себе сомнения — другого выхода все равно нет.

— Продолжайте движение! — закричал Джон, нажимая на клаксон и указывая рукой в сторону купола. Он первым осторожно начал съезжать вниз по склону холма, окутанный облаком едкой пыли.

В соседнем автомобиле он заметил мэра, сидевшего на переднем сиденье рядом с шофером. Лицо Гарриса было бледным, губы искривились в гримасе откровенного страха, остекленевшие глаза неотрывно смотрели вперед. «А каково сейчас Кэрол? — подумал Джон. — Что почувствовала она, увидев мерцающий купол среди мертвой пустыни?»

Бесконечный караван машин миновал половину пологого склона, когда Кеннистон услышал позади резкий гудок автомобильной сирены. Оглянувшись, он увидел, как старый седан провалился передним колесом в узкую расщелину и перевернулся. Следовавшие за ним машины резко свернули в сторону и, съехав с наезженной колеи, забуксовали в рыхлой земле, угрожающе кренясь и царапая брюхом по песку. Позади них колонна притормозила, образуя самую настоящую дорожную пробку.

Джон приказал ехавшему рядом Лауберу возглавить движение каравана к городу, а сам, развернувшись, направил джип к месту происшествия. Около опрокинутого седана уже собралась небольшая толпа, так что ему пришлось плечом прокладывать себе путь среди возбужденных людей.

— Что здесь произошло, черт побери? — крикнул он. — Чья это машина?

Загорелый, средних лет мужчина обернулся к Кеннистону. Его лицо было испуганным и жалким.

— Меня зовут Джек Борзак, мистер. Ничего страшного не произошло, мои жена и ребенок, к счастью, не пострадали, если не считать небольших ссадин и царапин.

Джон облегченно вздохнул и послал за доктором, следовавшим где-то неподалеку в санитарной машине. Тем временем несколько мужчин поставили седан на колеса и откатили его в сторону, чтобы он не мешал движению.

Колонна вновь двинулась в путь. Но несколько минут тревожной заминки сделали свое дело. Насмотревшись на мрачный, пугающий ландшафт, некоторые из горожан не выдержали и, развернув свои машины, помчались обратно по направлению к Миддлтауну.

Этого Джон боялся больше всего. Нужно было немедленно остановить беглецов, иначе паника разрастется подобно снежному обвалу и ее уже ничем нельзя будет остановить. Выругавшись, он бросился в погоню. Четырехколесный привод помог ему быстро обогнуть автомобили на рыхлой почве. Резко развернувшись, он преградил паникерам путь. Поднявшись с сиденья, Джон замахал руками, призывая машины остановиться. Вскоре рядом с ним затормозил потрепанный «бьюик». За его рулем сидел немного знакомый Джону пожилой плотник с бородатым перепуганным лицом.

— Мы все погибнем в этой чертовой пустыне! — распахнув дверцу, хрипло закричал он. — Надо возвращаться домой, пока не поздно!

— Послушайте, вам даже не удастся приблизиться к Миддлтауну — не пропустит полицейский кордон, — предупредил его Кеннистон. — Поймите, наш старый город превратился в смертельно опасную ловушку!

— О, Хьюго, быть может, нам следует вернуться в колонну? — робко прошептала пышная дама, сидевшая на заднем сиденье.

— Идите вы все к дьяволу! Я свободный гражданин Америки и не позволю собой командовать!

Джон, поразмыслив, нашел более веский аргумент:

— Если вы вернетесь в Миддлтаун, то вскоре обнаружите, что остались там, на краю света, практически один на один с вечной ночью и леденящим холодом!

Это была неплохая идея. Страх перед пустыней могло вытеснить только одно — еще большее чувство ужаса перед

одиноким в опустевшем городе, в котором отныне будут обитать лишь призраки.

Плотник побагровел. Взглянув на всхлипывающую супругу, он после некоторого колебания развернул свой «бьюик» и вновь пристроился к медленно едущей колонне. За ним последовали и другие беглецы.

К Джону подъехала, пронзительно гудя сиреной, полицейская машина. В ее помощи уже не было необходимости, и Кеннистон крикнул встревоженному офицеру:

— Следите за тем, чтобы машины не покидали колонну! Никто больше не должен сворачивать назад — понимаете, никто!

Через несколько минут, задыхаясь от пыли и выхлопных газов, он вновь возглавил караван переселенцев. И в этот момент заметил далеко впереди еще один город.

Это была мерцающая точка на горизонте, еле различимая среди бурой бескрайней степи. Трудно было оценить, сколько километров разделяло два колосса — сто, двести? Одно было ясно — на пути к далекому соседу придется преодолеть немало препятствий, пересечь русла многих высохших рек. «Интересно, — подумал Джон, — а как выглядит сейчас Атлантический океан? Существуют ли еще Нью-Йорк, Париж, Лондон и другие мегаполисы XX века?»

Он встряхнул головой, отгоняя от себя праздные мысли, и стал вглядываться в контуры белых небоскребов, едва различимых в тусклых лучах Солнца. «Тысячам людей придется отныне работать не покладая рук, — подумал он, — иначе умирающий мир рано или поздно обрушится на них смертоносной лавиной и унесет с собою в небытие. Обитатели старого доброго Миддлтауна должны будут волей-неволей найти в себе силы для долгой борьбы за существование. Хотя... хотя, возможно, не везде на Земле царит запустение — кое-где могли сохраниться зеленые долины, реки, поселения людей...»

В этот момент джип, качнувшись, выехал на широкую дорогу, ведущую к portalу. Над караваном машин навис мерцающий купол — их последнее убежище. Кеннистон заметил, как у входа сустились люди, посланные еще вчера Хубблом. Они готовились закрыть огромные ворота портала после прохождения колонны автомашин — это предотвратило бы бесмысленную потерю драгоценного горячего.

Когда джип въехал под арку, один из вооруженных людей махнул ему рукой и, подбежав к машине, ловко прыгнул на подножку.

— Следуйте прямо по бульвару, а затем сворачивайте направо на первом же перекрестке, — улыбаясь, возбужденно

крикнул он Джону. — Я покажу вам сектор города, в котором разместятся ваши люди. Что? Нет, мистер, мы не заметили никаких признаков жизни. Я думаю, здесь и мыши-то давно сдохли с голодухи!.. Очень рад, что вы наконец приехали. Знаете, эта тишина чертовски действует на нервы.

Белые башни небоскребов молча следили за бесконечной процессией пыльных автомобилей, грузовиков и автобусов, робко ползущих по укутанному мглой бульвару. Грохот моторов, отражаясь от стен зданий и от купола, порождал столь впечатляющее эхо, что Кеннистону стало не по себе. И не только ему — все, за исключением водителей, высунули головы из окон машин и всматривались в необычные очертания зданий, странную цветовую гамму их стен, темные глазницы окон. Джон отлично понимал, какие сложные чувства одолевают сейчас людей. Все было слишком большим и чужим. Даже уроженец Нью-Йорка и тот застыл бы в изумлении, увидев эти исполинские небоскребы. Что же было говорить о жителях заштатного Миддлтауна, привыкших к малоэтажным зданиям из серого кирпичика!

Вскоре головная часть колонны достигла квартала, условно огороженного барьером из каната, и остановилась. Первыми из машин вышли представители организационной группы и немедленно принялись за дело. Без их советов и помощи размещение более чем семнадцать тысяч человек было бы попросту невозможно. Тем не менее без неразберихи не обошлось — но обычного шума и гвалта не было и в помине. Получив указания, люди на удивление послушно расходились по подъездам, занимая первые же попавшиеся квартиры. Их встречала мгла, толстый слой пыли на полу, распахнутые окна, высокие потолки комнат непривычной многоугольной формы... Мертвая тишина города давила на людей, и они поневоле разговаривали шепотом. Даже собаки были напуганы и не решались лаять.

Джон сообщил Хубблу о ходе дел по переносной армейской рации, а сам отправился на поиски Кэрол. Колонна уже окончательно остановилась, но довольно многие жители Миддлтауна не решались выйти из автомобилей — видимо, они боялись порвать последнюю призрачную нить, связывающую их с прежней жизнью. Ему встретилась пожилая женщина — она стояла посреди улицы в руках и тихо причитала, с ужасом оглядываясь по сторонам. В какой-то мере общее чувство безнадежности передалось и Кеннистону. Он понял, что боится разговора с Кэрол, но все же продолжал брести вдоль колонны по щиколотку в вязкой пыли, пока наконец не увидел свою невесту с саквояжем в руках.

Оказалось, она с тетей уже разместилась в просторной комнате на первом этаже небоскреба, напоминавшего очертаниями опрокинутую параболу. Нагрузившись вещами, Джон последовал вслед за Кэрол по темному коридору. В воздухе висел горький запах пыли и давнего запустения.

В обширной комнате с высокими окнами разместились более двадцати женщин самых разных возрастов. Они сутились среди многочисленных чемоданов и узлов с одеждой и постельным бельем. Жалуясь друг другу, всхлипывая и проклиная судьбу, они тем не менее успели подмести пол и уже расстелили на походных койках матрасы.

Кэрол с тетей разместились в центре комнаты. Миссис Адамс с причитаниями прилегла на кровать, а Кэрол пыталась привести в порядок нагромождение взятых из дома вещей.

— У вас все в порядке? — озабоченно спросил Джон. — Надеюсь, не очень холодно? К вечеру мы установим во всех заселенных комнатах походные печурки, а скоро, возможно, восстановим и отопительные системы в домах...

Невеста кивнула ему с равнодушным видом, а миссис Адамс, укрывшись пропыленным одеялом, простонала:

— Зачем вы привезли нас в это ужасное место, Джон? Почему не оставили дома, в тепле и уюте?

Кэрол резко оборвала ее и попросила замолчать.

Тем временем к Кеннистону подбежали две девушки и, шмыгая носами, засыпали его вопросами. Джон ответил как мог, наблюдая за средних лет толстушкой, которая с недоуменным видом распахивала одну за другой двери, ведущие в соседние комнаты. «А где же ванная?» — озадаченно спросила она под конец и укоризненно взглянула на Кеннистона.

Он не выдержал и попросил Кэрол выйти в коридор. Наконец-то впервые за долгое время они остались одни.

— Я знаю, милая, вам с тетей сейчас чертовски трудно, — сказал он, с тревогой вглядываясь в застывшее лицо Кэрол и безуспешно пытаясь поймать взгляд ее потускневших глаз. — Уверю тебя, скоро все образуется. Пока мы не наладим систему отопления, вам придется пожить в общей комнате — а затем каждый сможет выбрать себе собственную квартиру! Чего-чего, а жилья в этом городе хватает... Если хочешь, я привезу тебе из дома мебель, книги — словом, любые вещи!

— Нет, — резко ответила Кэрол и неприязненно осмотрелась. — Не хочу, чтобы мои вещи оказались в этом... этом бараке! Мне приятнее было бы считать город под куполом временным лагерем — не больше. Тогда я могла бы вспоминать о своем доме без тоски и ждать вновь встречу с ним! — Она с

грустью взглянула на Джона. — Кен, у нашего соседа, старого мистера Петерса, был сердечный приступ в тот момент, когда колонна въехала в этот ужасный город. Его унесли санитары на носилках, но... но я видела его посиневшее лицо. Он умер — понимаешь, Кен, умер! Умер, увидев эти жуткие здания...

Кэрол всхлипнула и закрыла лицо дрожащими руками. Джон успокаивающе погладил ее по вздрагивающим плечам.

— Смерть всегда ужасна, когда бы она ни пришла к человеку, — мрачно сказал он. — Что ж, старикам на новом месте придется особенно нелегко... Но большинство жителей Миддлтауна молоды и энергичны, и они пришли сюда не умирать, нет! Мне рассказывали: во время перехода одна из женщин родила. Подумай, Кэрол, в этом городе уже появился на свет первый маленький человечек!

Кэрол пожала плечами. Они расстались, к огорчению Джона, довольно холодно.

Он вышел на улицу в подавленном состоянии. Кэрол с явным безразличием отнеслась к его приходу — и вряд ли это объяснялось только ее усталостью. Несмотря на молодость, она очень глубоко была привязана к Миддлтауну, к его неспешному, провинциальному образу жизни — без особых потрясений, тревог и перемен. Все это ныне рухнуло — и ей придется приспосабливаться к совсем иной обстановке, где от каждого потребуются все, на что он способен. Кто знает, как здесь сложатся их отношения?..

Погруженный в малоприятные размышления, Джон пошел к центру города. За эти полчаса на улицах многое изменилось. Большинство людей уже покинули автомобили, остальные переносили в дома последние вещи. Но было еще что-то...

Улицы внезапно ожили.

И эту магическую перемену сотворили... дети! Поначалу у них вызывали страх чуждое окружение, мертвая тишина, скованное поведение родителей. Но постепенно они осознали, что перед ними лежит целый город: таинственные опустевшие здания, полные загадок и, возможно, сокровищ; неизведанные улицы и переулки — девственная территория для отважных исследователей. По двое и по трое они начали осваивать окрестности, пользуясь тем, что родителям было не до них. Маленькие фигурки теперь носились взад и вперед по тротуарам, поднимая облака пыли. В самых темных и мрачных уголках можно было разглядеть крадущихся, словно индейцы, мальчишек, услышать девчачий смех и визг. Один пострел обнаружил: стены небоскребов дают замечательное эхо! Он немедленно начал вопить, наслаждаясь произведенным

эффектом. Другой мальчишка, опьяненный необъятным пространством белых стен, уже выписывал рядом с подъездом огромные кривые буквы красным обмусоленным карандашом. Кеннистон некоторое время с улыбкой следил за его художеством. «Ну до чего непочтительный ценок!» — с одобрением подумал он.

Его настроение внезапно изменилось, шаги стали более легкими и упругими. «Нет, — подумал он, — дело с переселением далеко не безнадежно. Человеческая порода достаточно гибка — в критических ситуациях люди могут приспособиться к любым условиям».

В следующие двое суток Джон окончательно убедился — они с Хубблом не ошиблись, заставив мэра объявить об эвакуации. Волна за волной переселенцы двигались через равнину, вливаясь бесконечным потоком через портал. По-прежнему грохотали моторы, шуршали колеса, поднимались в небо тучи пыли — но лица людей, всматривающихся в небоскребы, были уже не столь мрачными и настороженными. Первые семнадцать тысяч пионеров словно сняли с города вековое проклятие. Походные кухни распространили в воздухе домашний, ободряющий запах кофе. Здесь же готовили горячую пищу. Неутомимые хозяйки с метлами и тряпками в руках приводили комнаты в порядок, а мужьям пришлось мыть окна, одновременно приглядывая за гуляющими по улицам детьми. Стоящие вдоль тротуаров «плимуты», «форды» и «шевроле» уже не казались неуместными на улицах древнего города.

На третий день санитарные машины перевезли больных из Миддлтауна, которых разместили в импровизированном госпитале. Чуть позднее в специально подготовленном здании поселились заключенные из городской тюрьмы. В одном из небоскребов на центральной площади стали работать мэрия и различные городские службы. В Миддлтауне не осталось ни души...

На одном из заседаний городского совета мэр Гаррис предложил:

— Мы назовем это место Нью-Миддлтауном, — важно произнес он. — Нужно сделать все возможное, чтобы город под куполом напоминал наш прежний дом!

Поздним вечером Джон уговорил невесту пойти прогуляться. Они шли молча по центральному проспекту при свете ламп, развешанных над подъездами соседних домов. Навстречу им из-за угла выбежал перепачканный в саже мальчуган и деловито свернул в один из темных переулков. За ним, захлебываясь от лая, промчался лохматый пес. Из окон

второго этажа доносились звуки магнитофона. Сочный баритон игриво пел: «Я не могу дать тебе ничего, кроме любви, крошка!»

На первых этажах кипела жизнь — но выше город оставался мрачным и пустынным. «Будь у небоскребов душа, они бы сейчас с изумлением взирали бы на все происходящее, — подумал Джон. — Многие века, если не тысячелетия, город стоял, освещенный по ночам лишь светом звезд. Стоял — и вспоминал о временах, когда по цветущим бульварам прогуливались влюбленные парочки, а неутомонные дети играли до заката в самых его укромных уголках. Был ли город рад, что люди пришли вновь — или сожалел об утерянных тишине и спокойствии?»

Кэрол поехала и застегнула пуговицы плаща.

— Становится холодно, — сказала она.

Джон кивнул.

— Да, вечера здесь прохладные — но не более, чем октябрьские дни в нашем, двадцатом веке...

Он запнулся, почувствовав вопрошающий взгляд невесты.

— Да, здесь довольно тепло... Но разве этого достаточно, Кен? Запасы продуктов, привезенные из Миддлтауна, скоро кончатся — как мы будем тогда жить?

— На окраинах города находятся обширные резервуары. Хуббл считает, что прежние обитатели города использовали их в качестве гидропонных плантаций. Мы можем сделать то же самое — запас семян у нас, слава Богу, богатый.

— А вода?

— Резервуары связаны системой труб с глубокими водоносными слоями. Хуббл недавно опробовал установку водоснабжения — к счастью, все работает. Не беспокойся, Кэрол, все будет нормально...

Из-за крыш небоскребов показался бронзовый край огромной луны. Тусклый свет залил дремлющие улицы.

— Кен, скажи мне правду, — неожиданно спросила Кэрол, заглядывая ему в глаза. — Мы одни на Земле, верно? Все остальные давно умерли?

— Кто знает? На Земле должно быть множество подобных городов — некоторые из них вполне могут быть обитаемыми. Рано или поздно мы установим с ними связь и...

Кэрол в сомнении покачала головой.

— Слова, одни слова... Ты и сам не веришь в то, о чем говоришь. Я уверена — мы одни в этом кладбищенском мире...

Джон обнял невесту и поцеловал ее в холодную щеку. Ему хотелось сказать что-то ободряющее, но Кэрол внезапно тихо сказала:

— Кен, прости, но иногда я начинаю ненавидеть тебя.

Джон растерялся, хотя давно ожидал нечто подобное.

— Кэрол, милая... Ну что ты говоришь, одумайся! Ты слишком близко принимаешь все к сердцу...

— Может быть... Но я не могу забыть о том, как ты обманул меня, Кен. Если бы не ваша секретная лаборатория, то, может быть, ничего бы с Миддлтауном не случилось! Ты и твои коллеги принесли нам несчастье — это ты понимаешь?

Только теперь Джон окончательно понял, что скрывалось за недружелюбным молчанием и колкостями Кэрол в последние дни. Все ее отчаяние и негодование сфокусировались на нем...

— Милая, нельзя поддаваться таким разрушающим чувствам! — быстро сказал он. — Ты потеряла дом, прежний образ жизни и делаешь из меня козла отпущения за все это! Как будто я бросил на Миддлтаун бомбу... Кэрол, мы сейчас нуждаемся друг в друге как никогда раньше — неужели ты хочешь, чтобы мы расстались здесь, на краю света?

Она внезапно разрыдалась.

— О, Кен, я совсем потеряла голову... — всхлипывая, прошептала она.

— Все наладится, вот увидишь, — растроганно произнес Джон, зарываясь губами в ее пышные волосы.

Он поднял глаза — и увидел покрытый глубокими язвами щит Луны, наполовину поднявшийся над небоскребами. «Нет, Кэрол не сможет забыть о моей вине, — подумал он горько. — Между нами выросла невидимая стена... Долгие месяцы, если не годы, мне придется бороться за свою любовь. И это будет трудная, если не безнадежная борьба — потому что в словах Кэрол немало правды...»

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ГОЛОС НЬЮ-МИДДЛТАУНА

Проснувшись, Джон лежал некоторое время, не двигаясь, и оглядывал комнату. Как всегда в последнее время, по утрам его охватывало чувство совершенной нереальности всего происходящего.

Комната была просторной, с изящно изогнутыми стенами и высоким потолком, отделанным узорным пластиком цвета

слоновой кости. Через пыльные окна на пол стекал красноватый свет Солнца.

«Интересно, а для чего эта комната использовалась раньше?» — подумал Кеннистон. Так же как и все помещения огромного небоскреба, стоявшего на Центральной площади, эта комната была поначалу совершенно пустой — если не считать нескольких массивных столов. Похоже, в здании ранее размещались какие-то общественные учреждения... Во всяком случае, так решил мэр, осмотрев небоскреб. По его настоянию здесь разместились сотрудники «промышленной лаборатории».

Джон, чуть приподнявшись, взглянул на соседние койки. Хуббл еще спал, закутавшись в одеяло. На соседней кровати сладко похрапывал Бейтц. Но молодой Криски уже проснулся. Он лежал, заложив руки за голову, и неподвижным взглядом смотрел на укутанный мглой потолок, явно о чем-то размышляя... «Бог мой, да как же я мог забыть!» — с угрызениями совести вспомнил Кеннистон.

Он тихо встал с кровати и, подойдя к Криски, присел рядом с ним на стуле.

— Прощу прощения, Луис, — тихо сказал он. — В суеете последних дней я забыл спросить: как дела у твоей невесты?

Криски долго молчал, а затем бесстрастно произнес, не поворачивая к Джону головы:

— Почему вы вспомнили об этом, Кен? Моя девушка умерла — миллион лет назад. Видите, как все просто...

Кеннистон не нашел, что сказать в ответ. Только сейчас он вспомнил — Криски намеревался жениться на девушке, жившей в небольшом поселке в пятидесяти милях от Миддлтауна... Да и что можно было сказать в утешение? Подобные трагедии произошли почти со всеми: у матери, чей сын жил в Калифорнии; у супруги, чей муж отправился в служебную командировку; у семьи, чьи дети отправились погостить на ферму к дедушке... «Какое счастье, что я сирота и единственный близкий мне человек — Кэрол — сейчас рядом! — подумал Джон. — Впрочем, нет, не рядом... Надо сделать все возможное, но удержать ее!»

В комнате стало шумно — проснулись и остальные сотрудники лаборатории. Кеннистон оставил в покое молчавшего Луиса и вернулся к своей койке. Одевшись, он достал из кармана брюк смятую пачку и с наслаждением затянулся первой за сегодняшний день сигаретой. Первой?..

Он дрожащими руками стал шарить по карманам пиджака и плаща, но, увы, ничего там не нашел.

— Черт побери, — уныло произнес он, глядя на дымящуюся сигарету, — скоро мы останемся без...

Хуббл, энергично делавший зарядку, понимающе усмехнулся.

— Что поделаешь, Кен, скоро вам, курильщикам, волей-неволей придется отучиться от этой вредной привычки. А вот без зарядки здесь не обойтись — слишком много дел нам предстоит сделать за очень короткое время...

По дороге в общественную столовую Хуббл сказал ему:

— Сегодня у меня будет хлопотный день, Кен. Вчера Маклин привез из Миддлтауна бензиновые моторы и насосы. С их помощью мы попытаемся наполнить водой гидронные резервуары и, может быть, даже городскую систему водоснабжения. В городе есть свои, очень мощные насосы, но их приводят в движение атомные двигатели хитрой конструкции. Понадобится время, чтобы разобраться в их устройстве.

— А как обстоят дела с запасами продовольствия? — поинтересовался Джон.

— Пока неплохо... Вся провизия и медикаменты размещены в зданиях, переоборудованных под склады. В типографии сейчас печатаются продуктовые талоны — без них, увы, не обойтись.

— А как насчет автомобилей?

— Мэр Гаррис издал мудрый указ — пользоваться личным транспортом запрещено. Более того, шеф полиции Киммер настоял на принятии особых мер безопасности: с сегодняшнего дня населению запрещено покидать свои кварталы. Город-то нам почти незнаком: кто знает, какие он готовит для нас сюрпризы? Мы создали несколько отрядов из добровольцев — они будут исследовать незаселенные районы.

Кеннистон с одобрением кивнул. Он сделал последнюю затяжку и с явным сожалением отбросил в сторону окуроч.

— Это все замечательно, Хуббл, — сказал он. — Боюсь, главная проблема будет в другом — в моральном климате. Если люди будут считать себя последними представителями человечества на Земле, им будет нелегко жить...

Хуббл встревоженно взглянул на него и кивнул.

— Я понимаю, Кен. Но пока нет поводов для отчаяния. Этот город оказался пуст — но, возможно, причиной тому была эпидемия. Так или иначе, но массовой гибели людей здесь явно не было — население куда-то было эвакуировано.

— Да, но радио молчит на всех диапазонах, — напомнил ему Кеннистон.

— Верно — но человечество может сейчас использовать совершенно иные принципы связи. Кстати, об этом я и хотел

с вами поговорить. Прошлым вечером Бейтц обнаружил в одном из соседних небоскребов нечто вроде телестанции. Займитесь этим, Кен, вы лучше всех нас разбираетесь в радиотехнике.

В Кеннистоне проснулось неистребимое любопытство взятого техника.

— Отлично, я посмотрю, что там можно сделать! — радостно сказал он.

Они свернули на улицу, ведущую к столовой. Джон был приятно удивлен оживлением, царившим в этой части города. Семьи шли, весело переговариваясь — словно они отправлялись на пикник. Из соседнего переулка выскочила ватага мальчишек и помчалась наперегонки. За ними неся, звонко лая, мохнатый пес. На перекрестке стоял лысый краснощекий мужчина и, попыхивая трубкой, флегматично разглядывал небоскреб непривычной конической формы. Мимо него прошли две пышные дамы. Одна из них, ведя за руку капризного сынишку, доверительно говорила подруге:

— ...врачи сказали, что миссис Билерс чувствует себя лучше. Но ее муж по-прежнему не приходил в сознание...

Хуббл, улыбнувшись, заметил:

— Вот видите, Кен, люди ведут себя почти так же, как и в нашем добром старом Миддлтауне. Слава Богу, способность человека к адаптации велика...

После завтрака Бейтц повел их в небоскреб, отстоящий на два квартала от Центральной площади. В одном из огромных залов на первом этаже располагалось множество электронных установок, внешне напоминающих оборудование телевизионной станции. В высоких, до потолка, блоках аппаратуры были размещены многочисленные экраны, микрофоны и пульта управления.

После долгих усилий Джон сумел открыть заднюю панель одного из таких «блоков». Бегло взглянув на переплетения разноцветных жгутов, он нахмурился.

— Да, это похоже на телестанцию, — наконец сказал он Хубблу. — Но принцип, на котором работает электроника, мне пока не ясен. Здесь нет ни ламп, ни транзисторов, ни микросхем...

— Могли бы вы в ближайшее время начать передачи? — неожиданно спросил Хуббл.

Джон удивленно взглянул на шефа.

— Побойтесь Бога, Хуббл...

— Я не настаиваю на передаче изображения, меня вполне устроил бы достаточно мощный радиосигнал...

Кеннистон заколебался, переглянувшись с озадаченным Бейтцем.

— Что ж, попробуем... Но нам придется действовать, что называется, методом тыка. Для начала надо разобраться, откуда на установки подается энергия.

Бейтц вмешался в разговор:

— Пожалуй, я знаю. В соседнем холле находится устройство, напоминающее атомный генератор, — сказал он. — Похожее мы видели с вами, Хуббл, в системе водоснабжения под гидропонными резервуарами.

Хуббл поморщился.

— Если это так, то нам лучше рассчитывать на собственные силы, Кен. Я попрошу Маклина привезти вам несколько наших генераторов, работающих на жидком топливе. Думаю, их мощности хватит для любой, даже сверхдальней, передачи.

Джон вопросительно посмотрел на него.

— Да, Кен, я надеюсь, что люди — если, конечно, они еще обитают на Земле — обязательно услышат передачу собственного «телецентра». Даже если это будет всего несколько слов, скажем: «Миддлтаун просит помощи!» Вряд ли эту фразу поймут, но люди обязательно заинтересуются радиосигналом из давно покинутого города!

— Хорошо, я попробую, — после некоторого колебания сказал Джон. — Но сначала подключите генераторы к силовому кабелю...

Следующие несколько дней Кеннистон провел почти безвылазно в «телецентре». Он настолько погрузился в сложные технические проблемы, что почти не видел, как горожане продолжают адаптироваться к новому образу жизни. Лишь из окон доносился постоянный грохот грузовиков — это Маклин продолжал перевозку оборудования и запасов продовольствия.

Вместе с Кеннистоном трудился Бейтц и несколько инженеров, занятых запуском генераторов. По их словам, этой же проблемой были заняты и все остальные сотрудники «промышленной лаборатории», включая Хуббла. Городу нужен был надежный источник электроэнергии.

Через несколько дней инженерам удалось подсоединить генераторы к хитрой системе силовых кабелей «телецентра», и Джон смог начать свой эксперимент. К этому времени он понял полную безнадежность своих попыток разобраться в принципе работы блоков аппаратуры и решил пойти более простым путем — методом проб и ошибок научиться включать «передатчик» и «микрофоны».

Между тем грузовики днем и ночью доставляли в Нью-

Миддлтаун продовольствие, одежду, оборудование для больниц и мастерских и даже книги. На заседаниях муниципалитета Маклин стал поговаривать об организации большой экспедиции. Он предложил создать автоколонну и исследовать окружающую территорию в радиусе нескольких десятков или даже сотен миль. Тем временем группы добровольцев исследовали город квартал за кварталом, дом за домом, комнату за комнатой. Вскоре были сделаны два важных открытия.

Однажды Хуббл оторвал Джона от его занятий и пригласил в путешествие... в лабиринт катакомб под городом!

— Помните, Кен, сколько мы ломали головы над проблемой — почему температура под куполом заметно выше, чем можно было бы объяснить солнечным подогревом? — сказал он, энергично шагая по бульвару, ведущему к окраине. — Недавно поисковые отряды обнаружили вентиляционные установки, подающие в город слегка подогретый воздух. Но только вчера был найден источник тепла.

— Источник тепла? — заинтересовался Кеннистон. — Выходит, вы нашли подземную тепловую станцию?

— Нет, все куда любопытнее... Впрочем, скоро вы сами все увидите.

Они вошли в туннель, ведущий под землю и напоминающий вход в метро. Среди переплетения огромных труб располагалась кабинка скоростного лифта. Спустившись метров на сто, они вскоре оказались в обширном подземном зале, освещенном небольшим прожектором. Хуббл подвел Джона к металлической решетке, за которой во тьму уходила широкая шахта. Из глубины поднимались серебристые трубопроводы и разветвлялись под сводчатым потолком зала.

— Теплый воздух приходит, как это ни странно, из глубин земли. Я понимаю, это звучит невероятно, Кен, но шахта уходит вниз на десятки миль — к самому слою магмы.

— Но магма чрезвычайно раскалена! — возразил Джон.

— Она **БЫЛА** раскалена — миллионы лет назад, — поправил его Хуббл. — Когда Солнце и Земля стали остывать, людям пришлось закрыть свои города куполами, а в качестве постоянного источника использовать тепло недр. Увы, его сейчас хватает лишь на то, чтобы нагреть воздух в городе лишь на несколько градусов...

— Если дело обстоит именно так, то вряд ли на Земле остались поселения людей, — безнадежным голосом произнес Джон, заглядывая за металлический барьер.

Хуббл промолчал и, резко повернувшись, пошел к выходу из зала.

Второе открытие совершил Дженнингс, молодой торго-

вещ автомобилями. В одном из самых высоких небоскребов он обнаружил огромный полукруглый зал с несколькими сотнями рядов кресел. На следующий же день по просьбе мэра на осмотр находки пришли Кеннистон вместе с Бейтцем и Криски. Они прошли в проходах между рядами, вышли к овальной трибуне и недоуменно переглянулись.

— И что здесь особенного? — устало произнес Бейтц. — Это зал заседаний городского Совета или лекционная аудитория...

— А вы посмотрите на кресла во втором ряду, — усмехнувшись, ответил Дженнингс.

Джон посмотрел вниз и охнул. Он увидел несколько десятков кресел необычной формы и размеров. Некоторые из них были широкими и плоскими, со спинками, слегка наклоненными вперед. Другие были очень узкими, с высокими подлокотниками и без спинок. Остальные слегка напоминали обычные кресла, но углубления в сиденьях были чрезмерно глубокими.

— Что скажете? — улыбнувшись, сказал Дженнингс, довольный произведенным на ученых эффектом. — Если это и кресла, то вряд ли они предназначались для людей.

Кеннистон внезапно представил себе огромный зал, заполненный частично людьми, а частично — кем? Быть может, инопланетянами?

— Не будем спешить с выводами, — скептический голос Бейтца развеял его фантастические видения. — Откуда мы знаем — быть может, это вовсе и не сиденья? Но... но на всякий случай нам не стоит болтать об этом. Люди и так достаточно взбудоражены.

Через неделю по инициативе мэра на Центральной площади было объявлено собрание горожан. Этому предшествовала торжественная служба, проведенная в здании, переоборудованном под церковь. После ее завершения горожане направились к площади. К двенадцати часам здесь собралось почти все взрослое население Нью-Миддлтауна. На стенах домов были размещены громкоговорители так, чтобы все горожане могли слышать выступающих. На наспех сколоченную трибуну поднялись мэр Гаррис, несколько членов муниципалитета и Хуббл.

К микрофону первым подошел мэр. Его пухлое лицо выглядело непривычно утомленным, под глазами висели темные мешки. Зато речь Гарриса была на редкость бодрой и полной ничем не обоснованного оптимизма.

Система распределения продуктов, разработанная лично им, Гаррисом, работает безупречно, заявил мэр. Опасности

голода нет, тем более что в ближайшее время заработают гидроронные плантации. Практически решен вопрос об электро- и теплоснабжении зданий. В муниципалитете обсуждаются проблемы занятости населения. Предполагается открыть в Нью-Миддлтауне ряд фабрик и заводов, ориентированных исключительно на нужды города, наладить транспортную сеть и т.д. и т.п. В заключение мэр вспомнил о Хуббле и снисходительным жестом пригласил его к микрофону.

Хуббл был краток. Вначале он обратил внимание горожан на то, что прежние обитатели города оставили свои дома неспешно, без паники.

— Они взяли с собой все личные вещи, одежду, книги, мебель. Из промышленных предприятий — если, конечно, они здесь были — вывезено все оборудование, за исключением массивных атомных генераторов. Рано или поздно их удастся привести в рабочее состояние, но спешка в этом деле чревата серьезными последствиями...

Мэр Гаррис с беспокойством слушал ученого — ему казалось, что Хуббл недостаточно оптимистичен. Извинившись, он вновь взял в руки микрофон и заявил:

— Кстати, одна из найденных установок уже готова к применению! Вы уже слышали о местном «телецентре»? Мистеру Кеннистону удалось наладить передающее устройство, так что в ближайшее время мы получим возможность вступить в контакт с другими городами.

Толпа отозвалась на слова мэра восторженными восклицаниями. Стоявшего рядом с трибуной Джона немедленно окружили возбужденные люди и засыпали его градом вопросов. «Передатчик вряд ли заработает, а если и заработает, то шансов быть услышанными очень мало», — хотел сказать он, но не смог. Лица людей сияли такой неподдельной радостью, что он, пряча глаза, только пробормотал: мол, все верно, завтра мы выйдем в эфир...

После окончания митинга Джон подождал Хуббла и тихо сказал ему:

— Черт бы побрал этого Гарриса! Он не имел права так обнадеживать людей... Теперь горожане уверены — вот-вот к нам придет помощь от остального человечества!

Хуббл также выглядел озабоченным.

— Вы правы, Кен, мэр дал маху, а я не успел ему помешать. Горожане теперь не сомневаются — на Земле есть другие люди. Это совершенно не следует из того факта, что у нас есть не вполне надежно работающий передатчик, — но разве этого осла Гарриса могут остановить такие пустяки! Но те-

перь ничего не поделаешь — вам, Кен, остается только начать передачи и уповать на везение.

Этой же ночью Кеннистон впервые вышел в эфир. По десять минут ежечасно, экономя энергию генераторов, он монотонно повторял одну и ту же фразу: «Миддлтаун просит помощи! Миддлтаун просит помощи...»

Приемное устройство им с Бейтцем так и не удалось наладить. Оставалось надеяться на то, что, услышав голос давно опустевшего города, земляне (если они, конечно, существуют) захотят узнать, в чем тут дело.

Около здания «телецентра» собралась толпа и оставалась там всю ночь, хотя Бейтц несколько раз пытался убедить людей разойтись по домам. Та же картина повторилась и в последующие дни... неделя проходила за неделей, а Кеннистон повторял монотонно одну и ту же фразу: «Миддлтаун просит помощи!» Он уже и сам не верил, что его кто-то услышит, и все же продолжал передачи — призыв о помощи горстки людей, затерянных в веках в холодном, умирающем мире.

— Миддлтаун просит помощи! Миддлтаун просит...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ИЗВНЕ

Неделя проходила за неделей, но ответа не было. Каждый день Кеннистон и Бейтц по очереди передавали в эфир один и тот же призыв о помощи. В коротких промежутках между передачами они пытались наладить приемное устройство, но безуспешно.

Больше всего Джон не любил момента, когда ему пришлось передавать смену Бейтцу. Волей-неволей он должен был при выходе из «телецентра» проходить через небольшую толпу горожан, полных надежд и ожиданий.

Фальшиво улыбаясь, он всегда в этих случаях произносил:

— Нет, сегодня ничего нет. Может быть, завтра...

— Завтра? А может быть, никогда? — однажды горько ответила ему Кэрол, встретив его у подъезда и провожая домой. — Если бы кто-нибудь услышал тебя, Кен, то давно бы оказался здесь — ведь ты ведешь передачи уже много дней.

— Возможно, у землян больше нет летательных аппаратов, — возразил ей Джон.

— Сомневаюсь... Если в каком-нибудь городе люди имеют

в распоряжении столь сложное устройство, как приемник, — то почему бы им не иметь самолеты?

Логика ее была безупречной, и Кеннистон не стал спорить.

— Может быть, ты права, — сказал он устало. — Только не стоит никому говорить о твоих догадках. Горожан очень поддерживает надежда на то, что кто-то рано или поздно придет к нам на помощь. Они не чувствуют себя так одиноко, когда приходят к «телецентру»... Ради этого мы и будем продолжать передачи!

Кэрл скептически поджала губы и подняла воротник плаща — к вечеру становилось прохладно.

— Не знаю, не знаю, — тихо сказала она. — Я больше надеюсь на Маклина и его экспедицию. Кстати, ты не слышал, Кен, они скоро вернутся?

Джон пожал плечами.

Кэрл говорила об экспедиции, организованной по предложению Маклина и Криски. Этому предшествовали долгие дебаты — многие руководители города, включая мэра, возражали против, как они считали, «бесполезной траты драгоценного горючего». Решил спор довод, выдвинутый Кеннистоном — он напомнил о городе, увиденном им с гребня холмов далеко на горизонте. На следующий день была собрана небольшая колонна из армейских вездеходов и джипов, а также двух автозаправщиков. После испытательного пробега вокруг города экспедиция двинулась в путь.

В то время, когда колонна автомобилей пересекала пыльную равнину, направляясь на юг, а Джон с Бейтцем вели передачи из «телецентра», жители Нью-Миддлтауна вели нелегкую борьбу за существование. Гидропонные плантации привели в порядок, а резервуары наполнили водой. В ближайшее время было намечено провести первые посадки овощей. Обитаемую часть города полностью очистили от толстого слоя пыли. Все продукты питания разместили по складам. В специальных магазинах организовали раздачу предметов первой необходимости — пока, увы, по талонам.

Самой сложной оказалась проблема занятости. В каждом квартале были устроены биржи труда. Каждый человек получил работу — и оплату в виде талонов. Начали работать десятки мелких мастерских и пекарен, завершилась подготовка к открытию первой фабрики по производству одежды. Вскоре открылись школы, библиотеки и даже кинозалы. Стали работать суд и прокуратура, хотя представители власти пока смотрели сквозь пальцы на многие нарушения порядка, исключая, разумеется, серьезные преступления.

Дети рождались в Нью-Миддлтауне почти ежедневно — но и похороны были, увы, не редкость. В основном умирали старики, не выдержавшие шока, связанного с резким изменением их образа жизни. Рядом с куполом появилось кладбище.

Но за всей активностью горожан скрывалось одно ожидание. Люди надеялись услышать ответ на свой призыв — их страшила даже мысль об одиночестве.

Кеннистон отлично понимал это по вопрошающим взглядам, преследовавшим его везде — на улице, в магазине, в кинозале. Между тем дела шли плохо. После долгих усилий они с Бейтцем оставили в покое приемник. Им удалось установить лишь одно — аппаратура не работает. Принцип действия передатчика также остался тайной за семью печатями — было ясно только то, что носителями информации не являются электромагнитные волны. Джону иногда приходили в голову безумные догадки о гравитационных волнах — но он отгонял их как явно антинаучные. В конце концов ему осталось одно: усталым голосом повторять одни и те же слова — безнадежное послание в никуда:

— Миддлтаун просит помощи! Миддлтаун просит...

Проще всего было, конечно, использовать для этой цели магнитофон, но оба ученых не желали даже на минуту покидать «телецентр» — они все еще надеялись на чудо. Пока недеялись...

После двухнедельного отсутствия вернулась экспедиция Маклина — эту новость однажды утром принесла Джону невеста. Они выбежали из «телецентра» и пошли по наполненной людьми улице по направлению к порталу. Здесь уже собралась многотысячная толпа.

Вскоре запыленные машины одна за другой въехали под купол, встреченные приветственными криками. Было видно, что путь оказался для исследователей нелегким — люди были усталыми и небритыми, с красными от недосыпания веками и обветренными лицами.

Маклин категорически отказался отвечать на расспросы.

— Вы узнаете все позднее, — уклончиво говорил он. — Бога ради, пропустите машины — мы все измотаны.

Сидевший рядом с ним Криски, выглядевший до предела истощенным, хрипло перебил начальника экспедиции:

— Почему не рассказать людям правду сейчас? Они имеют право знать, что им уготовила судьба!

Он с трудом привстал, держась руками за ветровое стекло открытого джипа, и громко крикнул:

— Мы нашли в двух сотнях миль отсюда точно такой же

город под куполом, как наш! Но людей там не было. Они ушли и очень давно.

Маклин кивнул.

— Это верно. Мы не обнаружили никаких признаков жизни, если не считать нескольких мелких грызунов на равнине.

Поблудневшая Кэрл повернулась к Джону:

— Значит, на Земле больше никого не осталось? Мы пропали, правда, Кен?

Тишина повисла над огромной толпой. Все оцепенело глядели друг на друга.

И в этот момент мэр Гаррис проявил себя с самой лучшей стороны. Он забрался на один из вездеходов и страстно заговорил:

— Граждане Нью-Миддлтауна, не отчаивайтесь! Экспедиция Маклина исследовала лишь небольшую часть Американского материка — каких-то несколько сотен квадратных миль! Не забудьте — на Земле есть еще Европа, Азия, Африка и другие континенты — люди могут жить где угодно. Мы должны надеяться прежде всего на мистера Кеннистона — он продолжает ежедневно свои передачи из «телецентра»!

Он замолчал и обвел взглядом толпу, запрудившую все окрестные улицы.

— У меня есть предложение, — после паузы продолжил мэр. — В последнее время мы изрядно потрудились, работали без выходных, понервничали — неплохо бы нам и отдохнуть! Предлагаю сегодня же вечером устроить на Центральной площади праздничное гуляние по случаю возвращения экспедиции Маклина. Приглашаются все!

Тревожная атмосфера сразу же разрядилась. Люди заулыбались и, оживленно обсуждая предложение Гарриса, стали расходиться. Все соскучились по праздникам, так что идея мэра упала на благодатную почву.

Кеннистон искренне сказал мэру:

— Гаррис, это отличная идея! Горожанам надо хоть немного отвлечься от повседневных забот.

Мэр просиял.

— Конечно! Население у нас в городе очень нетерпеливое и недоверчивое. Люди не поверят в то, что на Земле есть другие люди, пока своими ушами не услышат их голоса по радио!

Только сейчас Джон понял — бодрый голос Гарриса вовсе не был наигранным. Вопреки обескураживающим новостям он сохранил веру в существование человечества на этой холодной, пустынной Земле.

Хуббл, напротив, выглядел мрачным.

— Не стоит тешить себя пустыми надеждами, — горько сказал он. — Второй мертвый город означает одно — на Земле больше не осталось никого, кроме нас.

Кеннистон вопросительно посмотрел на шефа.

— Мне стоит продолжать передачи? Или...

— Пока стоит, — после некоторого колебания ответил Хуббл. — По крайней мере сегодня. Не будем портить людям праздник.

К вечеру Центральная площадь неузнаваемо изменилась. Она была залита светом прожекторов, расцвечена гирляндами разноцветных ламп. В темнеющем небе, прямо под куполом, вспыхивали огненные шары фейерверка. На дощатом помосте разместились духовой оркестр, а рядом была подготовлена большая площадка для танцев. Несмотря на прохладу, женщины пришли в выходных платьях, да и мужчины выглядели нарядно. В толпе снова ватаги возбужденных ребятшек — им празднество больше всех пришлось по душе.

Джон вместе с Кэрол пришли чуть позже, и им пришлось пробираться к танцплощадке через густую толпу. Кеннистона все узнавали и с уважением приветствовали, но никто не задавал ему обычных вопросов.

— Они не хотят испортить себе настроение, узнав, что ответа и сегодня не было, — шепнул Джон невесте.

Праздник шел хорошо, пока Гаррис не сделал очередной промах. Весь вечер он был в центре внимания. Надувшись, как индюк, он важно ходил среди толпы, пожимая руки многочисленным знакомым мужчинам, улыбаясь женщинам и играя с ребятами. Он явно был в восторге от собственной персоны. В конце концов, он поднялся на помост оркестра, остановил музыку величественным жестом и, взяв микрофон, обратился к публике:

— Граждане Нью-Миддлтауна, быть может, настало время спеть хором, а? Я готов, если пожелаете, начать — вы знаете, мой тенор недурен. Как насчет песенки «Позволь мне назвать тебя любимой»?

Раздался дружный смех. Все запели. Оркестр после некоторого замешательства поддержал мелодию, а пухлый мэр, обернувшись к музыкантам, замахал руками, словно дирижер. Старая песенка, не звучавшая на Земле миллионы лет, звонким эхом отразилась от белых стен небоскребов и гулко прокатилась под мерцающим куполом.

Затем они запели «Берега Уобаша» и «Старый дом в Кентукки». Постепенно лица людей помрачнели, голоса стали звучать нестройно. В глазах многих появилась тоска, кое-кто из женщин всплакнул.

Вскоре песня завяла. Внезапно одна из девушек с истерическим плачем упала на землю, закрыв лицо руками.

Музыка смолкла. Ничего не было слышно, кроме плача женщин и растерянных голосов мужчин, безуспешно пытавшихся утешить своих жен.

Мэр, осознав свою ошибку, дрожащим голосом сказал:

— Не падайте духом, граждане Нью-Миддлтауна! Все наладится, уверяю вас!

Но было слишком поздно. Чудесная атмосфера праздника была окончательно испорчена. Люди молча разошлись по домам. Кеннистон проводил невесту до ее дома, изо всех сил стараясь быть остроумным и бодрым, но его красноречие пропало втуне — Кэрол даже не взглянула на него.

Они расстались у подъезда, словно два совершенно чужих человека.

Расстроенный, Джон не спеша пошел к центру города по пустынным улицам, окутанным мглой, — нужно было сменить у передатчика старика Бейтца. Над крышами небоскребов показался край чудовищной Луны, и сразу все вокруг залил колеблющийся бронзовый свет.

Внезапно Джон услышал, как кто-то бежит вслед за ним. Он настороженно обернулся.

— Эй, мистер Кеннистон, подождите!

Джон вскоре узнал бегущего к нему мужчину — это был Буд Мартин, владелец гаража на Милл-стрит. Худощавое лицо молодого человека выглядело сейчас крайне возбужденным, глаза лихорадочно блестели. Задыхаясь, он выпалил:

— Мистер Кеннистон, недавно я видел высоко в небе летательный аппарат! Мне показалось, он больше был похож на ракету, чем на самолет, — но я его ясно видел, клянусь!

«Этого можно было ожидать, — раздраженно подумал Кеннистон. — С каждым днем будет все больше и больше «видений» — нервы-то у людей не железные. А потом покажутся слухи, один нелепей другого, горожане окончательно потеряют головы...»

Он сказал как можно мягче:

— Простите, Буд, но я не слышал ничего об этом случае.

— Никто этого и не мог видеть! Ракета пролетела совершенно беззвучно и с большой скоростью — я только мельком успел рассмотреть ее!

Джон невольно взглянул на небо, но не увидел ничего, кроме ярких звезд и изъеденного кратерами края лунного диска.

— Должно быть, это было облако, Буд.

Мартин выругался и хмуро посмотрел на него.

— Послушайте, мистер Кеннистон, я не истеричная да-

мочка и знаю, что говорю. Это был летательный аппарат, хоть и необычного типа!

Джон задумался. Внезапно его сердце дрогнуло — а если?.. Он еще раз взглянул на небо, но оно оставалось пустынным.

Поразмыслив, он сказал Мартину:

— Хорошо, Буд, верю вам на слово. Пойдемте к Хубблу, посоветуемся. И вот еще что: никому не говорите об этом происшествии. Если и эта надежда не оправдается, то последствия могут быть самыми печальными!

Хуббл, к счастью, еще работал в своем кабинете, расположенном рядом с «общей спальней» сотрудников лаборатории. Рядом с ним сидели Маклин и Криски. На письменном столе, заваленном расчетами и чертежами, горела свеча.

Выслушав возбужденный рассказ Мартина, шеф озадаченно взглянул на Джона.

— Я только что вернулся с балкона, где простоял, глядя на небо, почти час — и ничего странного не заметил, — сказал он. — Впрочем, здесь, в центре города, небоскребы стоят сплошной стеной, и я наблюдал лишь кусочек неба прямо в зените... Что ж, господа, думаю есть смысл прогуляться к порталу. Выйдем на равнину, осмотримся — а там решим, что делать. Буд, наденьте-ка мое демисезонное пальто — для такой прогулки вы одеты легковато...

Через полчаса все пятеро мужчин уже стояли рядом с куполом, ежась от ледяного ветра. Стояла глубокая ночь. Луна высоко поднялась над горизонтом и заливала равнину бронзовым светом.

Кеннистон скользил взглядом по сияющим россыпям звезд. За прошедшие тысячелетия созвездия совершенно изменились, но некоторые ему все-таки удалось узнать, например, заметно вытянувшийся ковш Большой Медведицы. Отдельные же звезды сияли с прежней роскошью: бело-голубой факел Веги, пурпурный Антарес, трепетно-золотой Альтаир.

Маклин развеял чародейство ночи скептическим замечанием:

— Простите, мистер Мартин, но, боюсь, «ракета» вам попросту причудилась. Скоро горожане будут видеть Бог знает что — в нашем, двадцатом, веке это называлось «эффектом НЛО». Нам предстоит...

— Слушайте, — прервал его Хуббл, насторожившись.

Все замерли. Джон поначалу не услышал ничего, кроме свиста ветра. Но вскоре где-то вдали возник басистый гул.

— Это доносится с севера, — внезапно сказал Криски. — Похоже, что-то приближается к городу...

Действительно, гул стал заметно нарастать — сейчас он напоминал грохот огромного барабана.

— Не похоже на самолет, — озадаченно прошептал Маклин.
«Конечно, это не самолет, — подумал Кеннистон. — И не ракета с обычным реактивным двигателем. Это что-то иное...»

Его сердце бешено забилося. Неужели люди услышали его призыв о помощи?

Вскоре чудовищный грохот заполнил все пространство до самого горизонта. Криски неожиданно вскрикнул и указал рукой на вытянутую тень, скользившую среди звезд.

— Оно летит прямо к нам! — в ужасе закричал Буд Мартин.

Вскоре тень нависла над ними огромным черным облаком и медленно стала опускаться, переливаясь лиловыми огнями. Криски первым вышел из оцепенения и с воплем помчался по направлению к portalу. За ним последовали и остальные, увязая по щиколотку в песке. Вбежав под спасительный купол, они оглянулись. Оказалось, небесный корабль вовсе не опускался на них — это была лишь иллюзия, порожденная огромными размерами пришельца. Корабль приземлился на равнине в полумиле от города. В воздух поднялось облако пыли, закрыв на несколько минут громадную мерцающую глыбу. Чудовищный грохот смолк, и над равниной повисла настороженная тишина.

Когда пыль осела, стало очевидно — пришелец был несомненно космическим кораблем каплевидной формы с многочисленными «крыльями» и «решетчатыми антеннами». По фюзеляжу прокатывались волны лилового света.

— Космолет! — выдохнул Кеннистон. — Но кто они — люди или...

Корабль продолжал лежать на суставчатых опорах, не подавая признаков жизни. Зато проспект, ведущий к portalу, наполнился шумом людской толпы. Грохот двигателей над куполом разбудил всех, и тысячи людей, наскоро одевшись, выбежали на улицы.

Мэр Гаррис опередил всех, предусмотрительно воспользовавшись своим лимузином. Вскоре он уже стоял рядом с Хубблом и с благоговейным ужасом смотрел на мерцающую глыбу космического пришельца.

— Неужели люди все-таки пришли к нам на помощь? — пробормотал он. — Слава тебе, Господи, ты услышал мои молитвы...

Хуббл, заметив его, тревожно сказал:

— Гаррис, нужно остановить поток людей во что бы то ни стало! Никто не должен выходить из купола — мы ведь не знаем, кто к нам прилетел и с какими целями... Осторожность не помешает!

Джон внезапно вспомнил о находке Дженнингса — зале заседаний с рядом специальных кресел, которые явно не

предназначались для людей. Кто знает, быть может, экипаж этого космического монстра составляют... гуманоиды?

Гаррис попытался возражать:

— Но почему мы должны опасаться, Хуббл? Разве враги могли бы откликнуться на наш призыв?

Хуббл так взглянул на него, что мэр пришел в себя. Подойдя к стоящему чуть поодаль шефу полиции Кимеру, он приказал:

— Остановите людей метрах в ста от портала, Кимер! И выдвиньте вперед отряд вооруженных полицейских — на всякий случай.

Вскоре полицейские, взявшись за руки, не без труда оттеснили толпу от портала. Вход в город взяла под охрану цепочка солдат с карабинами наперевес.

Прошло пять, десять минут, но ничего не происходило. Мэр, поеживаясь от ледяного ветра, предложил:

— Быть может, нам надо выйти навстречу гостям?

— Не стоит, — покачал головой Хуббл. — Кто знает, как будут развиваться дела? Лучше подождем...

Они стояли чуть впереди портала, ежась от ледяного ветра. Каждый был занят своими мыслями. Толпа также утихла. Все, не отрываясь, смотрели на мерцающую громаду корабля — и, несомненно, за горожанами также наблюдали чьи-то глаза. Но чьи?

Через час занялся блеклый рассвет. Но востоке появился край косматого Солнца, осветив космолет косыми розовыми лучами.

Маклин тихо выругался, потирая замерзшие руки.

— Если они не выйдут нам навстречу, то придется...

— Кажется, они выходят! — взволнованно прервал его Хуббл.

Толпа охнула. Из фюзеляжа медленно стал выдвигаться широкий пандус. На нем стояли несколько фигур, смутно различимых в тусклых лучах Солнца. Вскоре они спустились на землю и направились в сторону Нью-Миддлтауна.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ПРИШЕЛЬЦЫ

Под тусклыми лучами восходящего Солнца четыре смутно различимых силуэта медленно приближались к Нью-Миддлтауну. Кеннистон ощущал бурные удары сердца, во

рту его пересохло — и почему-то он испытывал чувство страха. Частично это было вызвано чудовищной, мерцающей глыбой космолета, а частично — самими пришельцами, в которых ему чудилось нечто странное.

Вскоре Джон понял — трое, идущие чуть впереди, были, несомненно, людьми, одетыми в облегающие комбинезоны. Четвертый же, глыбообразный, с заметным трудом волочил массивные ноги, поднимая облако пыли.

Гаррис с удивлением сказал:

— Господи, да они выглядят точно так же, как и мы! Я полагаю, за миллионы лет люди должны сильно измениться...

Кеннистон разделял изумление мэра. И все же по его спине пробежал холодок: было нечто сверхъестественное во встрече двух миров — прошлого и будущего.

Он взглянул на своих спутников — их лица были бледными и напряженными. Всеобщее возбуждение горожан, казалось, вот-вот перейдет в истерику.

Пришельцы уже достаточно приблизились. Глыбообразный гигант оставался неразличим в окутавшей его пыли, зато остальные были видны отчетливо: двое высокорослых мужчин и изящная девушка со светло-золотистыми волосами. Кеннистон не мог оторвать от нее глаз. Ему приходилось видеть более эффектных красавиц, но таких грациозных и вместе с тем властных созданий он не встречал. У Джона возникло ощущение ее подавляющего превосходства — и он занервничал. И все же выражение лица златовласой девушки было дружелюбным — казалось, ее волевой, резко очерченный рот вот-вот готов расцвести в ослепительной улыбке.

Рядом с ней шагал плотно скроенный человек с каштановыми волосами и открытым, дружелюбным лицом. Осанка его была царской, в плавных движениях чувствовалась скрытая мощь.

Другой выглядел по сравнению с ним, несмотря на свой рост, худощавым подростком. В отличие от своих невозмутимых товарищей, он был заметно взбудоражен и жадно разглядывал горожан нетерпеливыми, горящими глазами. Кеннистон невольно почувствовал к нему расположение.

Приблизившись к встречающим на расстояние нескольких шагов, пришельцы остановились. Девушка, улыбнувшись, что-то сказала своим спутникам. Мужчина настороженно кивнул, а юноша горячо произнес несколько фраз — Джон не понял ни единого слова.

Мэр Гаррис нерешительно шагнул вперед. На его лице парадоксальным образом смешались напыщенность и смирение.

— Я приветствую... — начал он и замаялся — казалось, не

знал, о чем говорить дальше. Блондинка с едва заметной намешкой взглянула на него.

Худощавый, тщательно выговаривая слова, медленно сказал: — «Миддлтаун просит помощи!»

Джон был потрясен, услышав слова, которые он долгие дни произносил в «телецентре», не надеясь на ответ. Его все же утешали — но где? На соседних планетах или, быть может, в далеких звездных системах? Ясно было одно — такой могучий космолет прилетел откуда-то издалека...

Внезапно раздался вопль мэра. И сразу толпа, стоящая у портала, отозвалась криками изумления и ужаса. Бурную реакцию вызвал четвертый член экипажа, наконец присоединившийся к своим спутникам. Не человек! Гуманоид — но не человек!

Инопланетянин был двухметрового роста, с кряжистой, медведеподобной фигурой, покрытой короткой шерстью. Вместо комбинезона его тело обтягивали широкие полосы материи, чем-то напоминавшие упряжь. Мускулистые руки оканчивались ладонями с цепкими пальцами, плоская голова напоминала звериную морду, круглые уши настороженно торчали. Но наиболее шокирующими были глаза — огромные, с черными зрачками, в которых светился глубокий, пронизательный разум.

Мэр обернулся к толпе. Его лицо было белым словно мел. Он панически крикнул:

— Вы видите? Это не человек! Не человек!!

Гуманоид явно не ожидал такой встречи. Он переглянулся со спутниками — они также были смущены резкой реакцией перепуганного мэра. Затем инопланетянин решительно вышел вперед, простер лапообразную руку и произнес несколько громяющих фраз, обнажив в широкой улыбке два ряда крупных клыков.

Гаррис вскрикнул еще пронзительнее, и его вопль поддерживали сотни испуганных голосов горожан. Солдаты, растерявшись, без команды подняли карабины на изготовку.

— Подождите! — воскликнул Джон и, оттолкнув в сторону мэра, встал перед гуманоидом, закрывая его телом от неминуемого залпа. — Бога ради, остановитесь, глупцы! Это же разумное существо!

Гуманоид растерянно взглянул на него и нерешительно улыбнулся.

— Отойдите в сторону, Кеннистон! — заорал мэр. — Дикарь выглядит опасным!

Джон не сдвинулся с места, хотя дула глядели прямо ему в грудь. И в этот момент девушка быстро подняла руку — и

тотчас на корабле вспыхнул ослепительный луч света. Слово хлыст, он болезненно ударил в толпу, теснившуюся у портала.

Кеннистон тоже оказался на его пути. Он почувствовал ошеломляющий болевой шок, словно прикоснулся к оголенному электрическим проводом. Лица стоявших рядом с ним Хуббла и мэра также исказили гримасы ужасной боли. Солдаты со стонами выронили карабины из онемевших рук.

Гуманоид подошел к Кеннистону, с трудом передвигая слоноподобные ноги. Его черные бездонные глаза улыбались. Он прогромыхал что-то явно успокаивающее на незнакомом Джону языке, положил мохнатую руку ему на плечо и стал энергично массировать шею. Вскоре боль стала уходить, и Кеннистон смог перевести дыхание.

Худощавый тем временем подошел к остолбеневшим солдатам и поднял с земли одну из упавших винтовок. Осмотрев ее, он обернулся к своим спутникам и что-то сказал им гортанным голосом. Вскоре все трое изумленно разглядывали оружие, а затем перевели недоумевающие взгляды на горожан, начавших понемногу приходить в себя.

— Боже, они применили против нас смертоносный луч! — простонал мэр, обретя наконец дар речи. — Они могли нас убить!

— Заткнитесь, — прохрипел Хуббл и закашлялся. — Вы вели себя как осел. Пришельцы пустили в ход парализующие лучи, защищаясь от наших ружей!

Тем временем златовласая девушка обратилась к гуманоиду со словами: «Горр Холл!» По-видимому, это было его имя. Инопланетянин оставил в покое Джона и присоединился к своим друзьям. Он взял в свои огромные лапы карабин и также издал возглас искреннего удивления.

Кеннистон тихо сказал Хубблу:

— Похоже, пришельцы только сейчас начали догадываться, что мы появились из глубокого прошлого...

Девушка опомнилась первой. Она быстро заговорила, обращаясь к худощавому — тому, кто недавно так радостно повторял «Миддлтаун просит помощи!», Джон, затаив дыхание, вслушивался в ее речь, но понял лишь одно — юношу зовут Пирс Еггин.

Еггин не сводил с Джона немигающих жадных глаз, время от времени доброжелательно улыбаясь.

— Миддлтаун, — наконец произнес он нараспев. И затем, после паузы, не без труда вымолвил: — Дру-узя-а!

— Друзья? — радостно воскликнул Джон, не веря своим ушам. — Вы говорите по-английски?

Слово «английский» вызвало у Пирса Еглина новый приступ удивления.

— Ан-глий-ски-и-й я-язы-ы-ык... — задыхаясь от волнения, медленно сказал он. — Вы — говорить — английский язык?

Джон кивнул.

Благоговейный ужас промелькнул в глазах Еглина. Помедлив, он спросил, с трудом подбирая слова:

— Кто — нет?

Запнувшись, он надолго задумался и начал снова, уже более уверенно:

— Где — вы — пришли — из?

— Мы появились из прошлого, — ответил Кеннистон, ощущая всю фантастичность того, что ему предстояло рассказать. — Из далекого, очень далекого прошлого.

— Как — далеко?

Джон понимал, что слова «из двадцатого века» могут прозвучать сейчас, миллионы лет спустя, совершенно бессмысленно.

— Мы пришли из очень далекого прошлого, — вновь повторил он. — В наше время впервые была открыта атомная энергия.

— Так — далеко? — пробормотал Еглин, побледнев. — Но как? Как?

Кеннистон инстинктивно решил — пожалуй, о ядерной сверхбомбе говорить сейчас не стоит. Кто знает, как пришельцы воспримут это? Может быть, потом...

— Над нашим городом произошел мощный взрыв, — медленно произнес он, стараясь тщательно выговаривать слова. — Видимо, он разрушил связь пространства и времени — и мы перенеслись сюда, на умирающую Землю.

Еглин вздрогнул и, обернувшись к своим спутникам, лихорадочно перевел его слова. Девушка, нахмурившись, с интересом взглянула на Джона и стоявших рядом с ним горожан. Горр Холл покачал головой и что-то сказал своим гроыхающим, как барабан, голосом.

Пирс Еглин вновь повернулся к Кеннистону, но тот первым успел задать вопрос:

— Откуда вы прилетели?

— Из... — казалось, юноша с трудом подыскивал подходящее слово. Он указал на небо, в котором разгорался багровый рассвет.

— Из... Вега...

— Но вы же землянин! — растерявшись, воскликнул Джон. Пирс Еглин непонимающе посмотрел на него, и тогда Кен-

нистон, кивнул в сторону Горра Холла, задал следующий вопрос:

— А кто это?

Вновь Пирс Еглин оказался в затруднительном положении.

— Капелла, — произнес он наконец. — Горр Холл — из Капеллы.

Вокруг повисла напряженная тишина. В голове Кеннистона воцарился хаос, и лишь одна мысль сумела выплыть из этого бурного водоворота: выходит, «телестанция» обеспечивала связь на межзвездных расстояниях! Призыв города был услышан на Веге и Капелле!

— Послушайте, Пирс Еглин, но вы говорите на английском языке! — воскликнул он недоверчиво.

Юноша, запинаясь, объяснил, уже более уверенно выговаривая слова:

— Я — историк, специалист по доатомного... доатомному периоду цивилизации Земли. Я изучал языки по старым записям... нет, вернее, книгам. Потому я попросил взять меня в эти... эту — как сказать? — эту... экспедицию! Вы меня понимаете, я хорошо говорю, верно?

Девушка вновь прервала его. Низким взволнованным голосом она произнесла несколько фраз, не сводя с Кеннистона изучающих глаз. Выслушав ее, Пирс Еглин пояснил:

— Это Варна Аллан, Администратор этого... этого сектора Галактики. А это, — он кивнул в сторону высокого мужчины, — это Норден Лунд, ее заместитель. Варна Аллан спросила меня — может, поговорим в городе, где не как... не так холодно?

Кеннистон заключил, что девушка возглавляла делегацию пришельцев со звезд — и это его не очень удивило. Видимо, властные нотки в ее голосе звучали далеко не случайно.

Мэр Гаррис, успевший изрядно замерзнуть на пронзительном ветру, был весьма рад предложению Варны Аллан. Он обернулся к portalу, где теснились, сгорая от любопытства, тысячи заинтригованных горожан.

— Граждане Нью-Миддлтауна, расступитесь — мы возвращаемся в город вместе с нашими гостями! — важно произнес он и сделал указующий жест полисменам, едва сдерживающим толпу у портала: — Эй, очистите немедленно проход для нас! — Гаррис вновь обратился к горожанам: — Все идет прекрасно! Пришельцы со звезд хотят увидеть наш город! Прошу вас, расступитесь!

Толпа неохотно подалась в стороны, очистив узкий проход. Полицейские, вытянувшись в две цепи, с трудом смогли расширить образовавшийся коридор. И тогда мэр Гаррис, на-

двухшись, словно индюк, возглавил делегацию пришельцев. По его высокомерному лицу было заметно, что он упивается этими историческими минутами, — но порой по его челу пробегала тень неуверенности, и он не без страха оглядывался на массивную фигуру Горра Холла. И все же мэр из всех сил пытался держаться бодро. Он то и дело объяснял стоявшим вдоль дороги горожанам, что, мол, все идет замечательно и никаких оснований для беспокойства нет.

Варна Аллан шла вслед за Гаррисом, настороженно глядя в лица пляшущих на нее людей. Позади шагали невозмутимый Норден Лунд и улыбающийся во весь рот Пирс Еглин. Всех троих горожане встретили радостными возгласами, эхо которых прокатилось под сводами купола. Люди так долго ждали помощи и почти потеряли надежду на спасение — и вновь обрели ее! Полицейские с огромным трудом сдерживали напор бурлящей толпы — казалось, горожане готовы нести на руках пришельцев со звезд.

Кеннистон и капеллянин медленно шли позади, заметно отстав от мэра и остальных членов маленькой делегации. Когда они ступили под своды портала, люди впервые смогли как следует рассмотреть гуманоида — раньше им мешали толстые стенки купола. И сразу же восторженные голоса смолкли. С тревогой и изумлением горожане вглядывались в кряжистую фигуру Горра Холла. Женщины, стоявшие вдоль прохода, со сдавленными криками ужаса попытались тотчас скрыться в глубине толпы. Казалось, вот-вот людей охватит паника. И тогда Джон решительно положил руку на плечо мохнатого инопланетянина и широко улыбнулся — мол, это наш друг, бояться нечего! Но жители города были явно напуганы.

— Что это за чудовище?

— А что за странная одежда?

— Эй, ребята, держитесь подальше от этого дьявола. Вы только посмотрите, какие у него клыки!

Джон едва не охрип, объясняя, что бояться нечего, а сам, ощущая под пальцами теплый мех капеллянина, был почти так же напуган. Внезапно из толпы им навстречу выбежала крошечная девушка. Ее глазенки сияли от восторга.

— Да это же Тедди-медведь! — радостно завизжала она. — Тедди-медведь, такой же, как у меня дома, только большой и живой!

Подскочив к инопланетянину, она, визжа от удовольствия, повисла на нем, обхватив ручонками его мохнатую ногу.

Горр Холл разразился громоподобным хохотом. Нагнувшись, он ласково погладил девушку по голове. Тотчас десятки ребятишек, вырвавшись из рук своих перепуганных мате-

рей, закружились вокруг добродушного капеллянина. Тот, казалось, был очень доволен этим. Одним движением могучих рук он усадил хохочущую девочку себе на плечо и понес ее по улице на зависть детворе. Напряжение в толпе немедленно спало, многие взрослые заулыбались.

— Посмотрите на этого парня! Как он вам нравится, а? Шикарный мужик, нечего сказать! Держу пари, он и говорить умеет.

Пирс Еггин с усмешкой оглянулся на капеллянина, но переводить этих слов не стал.

Пропустив делегацию пришельцев, толпа немедленно смыкалась и следовала за ней по улицам. Лица людей сияли — наконец-то к ним пришла долгожданная помощь! Кеннистон внимательно следил за голубоглазой красавицей и Норден Лундом и заметил — горячий прием горожан произвел на них впечатление. Выражение недоверчивости постепенно покидало лица гостей.

Пирс Еггин немного замедлил шаг и вскоре уже шел рядом с Джоном. Его внимание привлекли дамские меховые накидки — на них историк смотрел словно на диковинки. Видимо, сейчас ни на Земле, ни на далеких планетах не встретишь таких заурядных некогда животных, как заяц и белка, подумал Джон. Но еще больше Еггин был поражен, увидев на перекрестке автомобиль. Варна Аллан и ее заместитель также остановились, с любопытством разглядывая потрепанный «форд». Капеллянин же выпучил глаза и издал гортанный звук изумления. Опустив на землю протестующую девочку, он внимательно осмотрел салон, а затем вопросительно взглянул на Кеннистона. Тот понял, что интересуется инопланетянина, и поднял капот. Все четверо пришельцев, наклонившись, некоторое время изучали двигатель, обмениваясь короткими фразами. Наконец Горр Холл поднял голову и, усмехнувшись, что-то сказал историку.

— Такая красивая машина — и такая примитивная! — перевел тот Джону. — Они спрашивают — можете вы... — он запнулся, подыскивая подходящее слово, но Кеннистон уже понял его. Он сел в кабину и, заметив, что ключ на месте, включил зажигание. Мотор проработал всего несколько минут, и горючее кончилось. Пришельцы недоуменно переглянулись и последовали вслед за нетерпеливо оглядывающимся на них мэром.

Гаррис был в прекрасном настроении. Он уже не боялся Горра Холла. Шагая рядом с пришельцами, он без умолку рассказывал им о Миддлтауне, об эвакуации в город под куполом, об открытых на новом месте школах, столовых и мас-

терских, о системе распределения продуктов — не забывая, конечно, упоминать о своем личном вкладе и о неуспешной заботе о благе горожан. Джон не был уверен, что Пирс Еглин успел многое перевести своим спутникам из этой болтовни, но в нем почему-то росла беспричинная досада. Гаррис, конечно, редкостный осел, но горожанам действительно есть чем гордиться. За короткое время они сумели возродить совершенно чужой и заброшенный город — и это потребовало от всех огромного и неустанный труда. Тем не менее чужаки с заметным презрением оглядывали насосы, систему водоснабжения, генераторы — словом, все хозяйство Нью-Миддлтауна, которое им по пути демонстрировал Гаррис.

Не дойдя до мэрии сотни две метров, пришельцы внезапно остановились и после недолгого совещания пришли к какому-то решению. Пирс Еглин обратился к мэру:

— Спасибо, мы видели достаточно за это время. Позднее, — тут его голос дрогнул, а глаза блеснули от восторга, — позднее мы желаем осмотреть ваш старый город — который там, за холмами. Но теперь Варна Аллан приказала — мы должны возвратиться на корабль и сообщить о нашей находке Совету Губернаторов.

— Послушайте, мы нуждаемся в срочной помощи! — настойчиво сказал Кеннистон. — Нам необходима энергия — ведь наши запасы топлива подходят к концу.

Хуббл, молчаливо следовавший за ним от самого портала, добавил:

— Если бы вы помогли нам запустить местные атомные генераторы...

Пирс Еглин посоветовался с Варной Аллан и согласно кивнул.

— Хорошо, мы поможем вам. Варна Аллан просила передать — мы постараемся сделать вашу жизнь в этом городе как можно комфортнее, пока вы еще остаетесь здесь. Атомными генераторами займется группа техников во главе с Горром Холлом — это наш главный инженер-атомщик.

Мэр возмущенно охнул:

— Этот мохнатый дикарь — инженер?

Пирс Еглин прокашлялся, с явным смущением покосившись на невозмутимого капеллянина.

— Хочу предупредить вас: в экипаже «Таниса» есть и другие гуманоиды — их вид может быть странным для землян. Но они — тоже друзья. Объясните это вашим людям.

Гаррис судорожно сглотнул, выслушав историка.

— Я займусь этим, — дрожащим голосом пролепетал он.

— Хорошо. Я буду работать с вами как... как переводчик, —

я правильно говорю? Скоро я вернусь вместе с группой Горра Холла.

Пришельцы вежливо отказались от предложения мэра посетить его резиденцию и заспешили назад к portalу. За ними чуть поодаль следовала толпа горожан, сгорая от любопытства. Проводив делегацию, мэр разразился напыщенной речью. Он сообщил жителям Нью-Миддлтауна о результатах переговоров.

— Скоро у нас будет много энергии, воды, света, а возможно, и тепла, — уверенно заявил он.

Крики радости были ответом на его слова. Люди обнимались, женщины не скрывали слез — казалось, все дурное для них уже позади!

Хуббл не принимал участия во всеобщем веселье — нахмурившись, он тихо спросил стоявшего рядом Кеннистона:

— Все это замечательно, но что они имели в виду, когда сказали: «пока вы еще остаетесь здесь»?

Джон недоуменно пожал плечами. У него возникло необъяснимое дурное предчувствие. Между старым добрым Миддлтауном и звездной цивилизацией лежала слишком глубокая пропасть. Человечество ныне перебралось к Бере — удивительно, что старушка Земля почти забыта.

«Могут ли люди, представляющие две совершенно различные культуры, понять друг друга?» — размышлял Кеннистон, следя, как возбужденная толпа начинает расходиться. Даже приятная мысль о том, что в городе вскоре заработают атомные генераторы и они получат практически неисчерпаемый источник энергии, не могла развеять его тревоги.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ОТКРОВЕНИЕ

Экипаж «Таниса» пришел в Нью-Миддлтаун после полудня. Его приветствовали тысячи горожан, вновь собравшиеся у портала. Они увидели два десятка высоких, крепко сложенных людей с могучими буграми мышц под обтягивающими синими комбинезонами. Астронавты чем-то напоминали моряков — только их океанами были галактические просторы, а лица потемнели от загара под лучами иных солнц.

Рядом с ними шагали несколько гуманоидов, о которых говорил Пирс Еггин, — дети далеких звездных систем.

Джон и Кэрол также стояли не遠далеке от портала, с любопытством разглядывая техников «Таниса», намеревавшихся возродить к жизни городские атомные генераторы. Утром Кэрол толком не сумела рассмотреть Горра Холла — мешала толпа, и она заметила лишь верхушки его круглых ушей. По дороге к portalу Кеннистон пытался подготовить ее к встрече с инопланетянами, но вряд ли невеста его поняла. И вот теперь расширенными от ужаса глазами Кэрол смотрела на гуманоидов.

— И они все прилетели с Веги? — дрожа, прошептала она, взглянув на небо, где даже лучи Солнца не могли погасить огоньки созвездий. — Кен, да они же совсем не похожи на нас!

— Да, люди изменились, но не слишком заметно, — согласился Джон, успокаивающе обняв испуганную невесту. — А что касается гуманоидов... они тоже наши друзья, хоть и выглядят странно!

Об этом же говорил в этот момент и мэр Гаррис с мегафоном в руке:

— Граждане Нью-Миддлтауна! Как бы пришельцы ни выглядели, мы должны радушно встретить их. Обещаю каталажку всякому, кто причинит им хоть малейшее беспокойство. Дело не в том, какова их внешность — работать-то они могут на наше благо не хуже людей!

Горожане молчаливо выслушали мэра, но то, что они видели, заметно расходилось с его бодрыми словами. Пальцы Кэрол болезненно вцепились в плечо Джона, и, в конце концов, она не выдержала и спряталась у него за спиной. Да и многие в толпе, также ошеломленные фантастическим зрелищем, испуганно отпрянули назад.

Один из гуманоидов напоминал слона — он был почти таким же большим и грузным. Шел он с явным трудом, тяжело переступая массивными столбообразными ногами. Его морщинистая серая кожа свисала с боков широкими складками. Лицо было плоским и невыразительным, с маленькими, полными старческой мудрости глазками. Он смотрел на притихшую толпу с пониманием и сочувствием.

Двое других чем-то напоминали испанских грандов — походка их была легкой и горделивой, изящество их фигур подчеркивали темные бархатистые плащи. Узкие лица, лишенные волос, украшали длинные птйчьи носы-клювы; в узких янтарных глазах светился безумный огонь отпетых сорвиголов. Кеннистон, приглядевшись, вдруг понял: пышные плащи — на самом деле... крылья, тесно сложенные по бокам туловищ!

Четвертый пришелец выделялся даже по сравнению с «испанцами» поразительной грацией, и в то же время в каждом движении его стройного тела проглядывала мощь. Высоко посаженную голову украшала грива белоснежных волос, начинавшаяся от густых бровей и спускавшаяся на плечи тугой волной. На его квадратном лице не было ни следа носа, рот казался узкой щелью, огромные голубые глаза улыбались, хотя в их глубине затаилась тень жестокости.

Возглавлял эту пеструю компанию Горр Холл. Приветственно махая рукой, «Тедди-медведь» непринужденно шагал по улицам древнего города. Ребятишки встречали его восторженными визгом.

— Они ужасны, ужасны, — прошептала Кэрол, уткнувшись лицом в спину Джона. — Как ты можешь стоять так близко от них?

Кеннистон презрительно хмыкнул и мужественно расправил плечи, хотя тоже чувствовал нечто подобное. Горожане же были явно подавлены. Им трудно было поверить, что есть другие разумные существа, отличные от человека, и тем более принять их как равных. Земляне привыкли делить все живое на людей и зверей — нечто промежуточное не могло иметь места.

Совсем иначе приняли пришельцев ребятишки. Не обращая внимания на загорелых астронавтов, они с восторженным визгом клубились вокруг гуманоидов. У детей не было предрассудков, свойственных их родителям. Пришельцы со звезд казались им сказочными персонажами...

Рядом с капеллянином шагал Пирс Еглин. Заметив в толпе Джона, он приветственно махнул ему рукой и немедленно подошел. Кеннистон представил ему Кэрол и сказал:

— Хуббл ждет нас в главном генераторном зале города. Я провожу вашу команду, Пирс.

Юный историк кивнул; словно вспомнил о чем-то неприятном, нахмурился. Попрощавшись до вечера с невестой, Джон пошел рядом с ним.

— Что-то случилось? — сочувственно спросил он.

— О, Джон, я получил грустный для меня приказ: быть переводчиком в группе Горра Холла. Кроме того, я должен обучить кого-нибудь из вас, горожан, галактическому языку. Это займет, увы, много времени — а я так хочу побывать в вашем старом городе!..

Джон улыбнулся.

— Если не возражаете, я буду первым вашим учеником. Постараюсь учиться прилежно и, главное, быстро!

Приветливо поздоровавшись с Горром Холлом, Кеннис-

тон повел группу «Таниса» к генераторной подстанции. От гулких шагов гуманоидов ему было не по себе. Выглядели пришельцы со звезд более чем странно: кто знает, быть может, и их поведение также весьма отлично от принятого среди людей?

Не доходя два квартала до Центральной площади, Джон свернул в узкий переулок и вскоре ввел гостей в приземистое, квадратной формы здание. В огромном сумрачном зале стояли ряды башнеподобных генераторов, в которых они с Хубблом так и не смогли толком разобраться. Работавшие в зале инженеры из «промышленной лаборатории» с изумлением воззрились на вошедших инопланетян.

Джон обратился к Горру Холлу:

— Мы полагаем, здесь находятся главные генераторы системы электроснабжения города. Быть может, вам удастся запустить их...

Его голос дрогнул. Пять пар чужих, нечеловеческих глаз приветливо смотрели на него. Белая грива на затылке одного из гуманоидов вздыбилась, как у зверя... Нет, он, Джон, не в силах разговаривать с этими существами как с людьми!

Пирс Еггин пристально взглянул на него и, нахмурившись, перевел его слова своим спутникам.

Внезапно один из «испанских грандов», взмахнув крыльями, с быстротой летучей мыши прыгнул к Кеннистону и визгливо крикнул: «Бу-у-у!»

Джон в испуге отпрянул. «Испанец» захохотал, а вместе с ним и другие члены техгруппы, даже флегматичное слоноподобное существо. Джону ничего не оставалось, как рассмеяться тоже. Было очевидно, что над ним попросту подшутили. Гуманоиды, видимо, отлично ощущали его невольную неприязнь к ним, и «испанец» отплатил ему той же монетой — но с юмором и без тени злобы.

Обстановка сразу же разрядилась. Горр Холл, широко ухмыльнувшись, хлопнул Кеннистона по плечу — мол, ничего, привыкнешь. Но подойдя к покрытым пылью генераторам, капеллянин посерьезнел. Он ловко открыл переднюю панель одной из установок. Достав из кармана своей «упряжки» сияющий фонарь, по плечи залез внутрь генератора. Некоторое время изучал многочисленные агрегаты, что-то неразборчиво громыхая себе под нос. Наконец со вздохом выпрямился и с явным отвращением произнес несколько фраз. Пирс Еггин немедленно перевел:

— Горр Холл сказал: эта старая установка находится в бедственном состоянии. Горр добавил — он с уважением по-

жмет руку того парня, кто сможет починить эту... эту развалину.

Джон невольно улыбнулся. Огромный мохнатый капеллянин выразился точно так же, как это сделал бы любой техник в ремонтной мастерской на старой Земле.

В то время, когда Горр Холл со своими коллегами тщательно изучали другой генератор, Пирс Еглин забросал Джона и Хуббла вопросами о XX веке. Они, в свою очередь, задали давно мучивший их вопрос:

— Почему Земля безжизненна? Что случилось с человечеством?

Пирс Еглин недоуменно взглянул на них:

— Разве вы не знаете? Когда Земля начала остывать — а это произошло многие тысячелетия назад, — люди решили окончательно переселиться на другие миры. Планеты Солнечной системы непригодны для жизни, поэтому земляне полетели к звездам.

— Но кто-то должен был здесь остаться? — с недоумением спросил Джон.

Еглин пожал плечами.

— Конечно, нашлись и непримиримые домоседы... Но планета остывала так быстро, что даже города под куполом типа вашего Нью-Миддлтауна не спасали от стужи. В конце концов, последние земляне вынуждены были переселиться к иным, теплым звездам...

Так вот где теперь находится человечество, растерянно подумал Кеннистон. Другие миры, другие солнца...

Горр Холл наконец закончил изучение второго генератора и, вытирая тряпкой огромные лапы, испачканные смазочным маслом, подошел к ним. Брезгливо поморщившись, он произнес грохочущим голосом несколько фраз. Пирс Еглин перевел:

— Горр считает, что некоторые генераторы можно запустить в действие. Но для этого необходимо время и ряд материалов — медь, магний, немного платины...

Хуббл согласно кивнул.

— Все это можно будет раздобыть в старом Миддлтауне.

— Старый город? — возбужденно воскликнул Еглин. — Я отправляюсь вместе с вами!

Маленький историк горел желанием увидеть город, чудом выплывший из пучин тысячелетий. Когда через несколько часов он вместе с Джоном и Хубблом пересекал бурю равнину на джипе, его ликование не было предела.

— Только подумать — я своими глазами увижу город начала атомной эпохи!

Оба ученых-землянина отнюдь не разделяли его радости. С тяжелым сердцем смотрели они на притихший и всеми покинутый Миддлтаун. Дома были заколочены, в опустевших подъездах гулял ледяной ветер. Мостовую покрыл толстый слой пыли и песка. Деревья потеряли последнюю листву, трава потемнела и поникла.

Кеннистон заметил, как в глазах шефа появился туман глубокой грусти, да и его сердце пронзила острая боль тоски. Он уже сожалел о приезде в Миддлтаун — здесь ничто не говорило о древних временах, когда город кипел жизнью. Джон осторожно вел джип по сумеречным улицам, и перед его глазами невольно возникали яркие картины: разгар лета, девушки в разноцветных сарафанах, цветущие кроны деревьев, перезвон птиц, шум людских голосов...

Пирс Еглин тоже молчал, но по иной причине. С благоговением он оглядывал старые дома и магазины, проплывающие мимо него по обеим сторонам улиц.

— Это все нужно сохранить, — наконец прошептал он, — это слишком драгоценно! Дома надо законсервировать, а над городом построить купол. Я позабочусь, чтобы все было сохранено для потомков — картины, мебель, книги, даже обрывки старых газет.

Хуббл неожиданно воскликнул:

— Э, да здесь кто-то есть!

В этот момент джип проезжал по Милл-стрит. Приглядевшись, Кеннистон заметил небольшой, обтекаемой формы автомобиль, стоявший рядом с воротами «промышленной лаборатории». Внезапно из здания вышли... Варна Аллан и Норден Лунд!

Увидев джип, они переглянулись. Когда машина остановилась, Варна что-то сказала Егдину, и тот перевел:

— Вас просят не волноваться — руководители экспедиции решили лично обследовать город, перед тем как связаться с Советом Губернаторов.

Администратор тем временем с заметным презрением бросил взгляд на утрюмое здание фабрики, закопченные трубы, проржавевшие рельсы на подъездных путях, неряшливые дома с облупленными стенами.

Джон сказал вызывающе:

— Спросите ее, Пирс, что она думает о нашем Миддлтауне?

Еглин задал вопрос, и Варна, усмехнувшись, что-то резко ответила. Еглин смущенно пробормотал:

— Варна сказала — ей не верится, что люди могли жить в столь жалком и презренном месте!

Лунд одобрительно расхохотался. Кеннистону кровь уда-

рила в лицо, и в этот момент он возненавидел Администратора за ее высокомерие. Она смотрела на добрый старый городок словно на логово обезьян!

Хуббл понял его чувства и успокаивающе положил ему руку на плечо.

— Пойдемте, Кен, нас ждут дела, — напомнил он.

Холодно попрощавшись с Варной Аллан и ее заместителем, они вместе с Пирсом Еглином вошли в здание лаборатории. Джон раздраженно сказал:

— Дьявол, почему эта блондинка так высокомерна?

Хуббл покосился на него:

— Кен, держите себя в руках. Не позволяйте мужскому самолюбию закружить вам голову!

Пирс Еглин сочувственно взглянул на них.

— Не такое уж это и старомодное чувство, — усмехнулся он. — Норден Лунд тоже не очень-то рад, что ему приходится быть заместителем у молоденькой девушки...

Вскоре они вышли вновь на улицу, держа в руках ящики с необходимыми для Горра Холла материалами. Варны Аллан и Лунда не было видно — видимо, они продолжали исследовать Миддлтаун.

Вернувшись в город под куполом, они обнаружили, что капеллянин и его группа уже начали разборку генераторов. Техники работали с удивительным мастерством и ловкостью.

Последующие несколько дней Джон провел в генераторном зале, помогая пришельцам, как мог. Он уже не испытывал неприязни к гуманоидам. Они вместе трудились, вместе садились за стол, хотя экипаж «Таниса» предпочитал земным консервированным продуктам свои малоаппетитные на вид пасты и концентраты. Понемногу Джон начал понимать межгалактический язык. Пирс Еглин постоянно помогал ему, и вскоре Кеннистон не без удивления обнаружил, что в основе языка инопланетян лежит... его родной английский! С того момента дела у него пошли споро.

Через несколько дней он внезапно осознал, что работает с пришельцами столь же слаженно, как со своими коллегами из ядерного центра! Его больше не удивляло, что белогривый Магро, житель одной из планет звезды Спика из созвездия Девы, был прекрасным инженером-электронщиком. Магро шутя справлялся с ремонтом сложнейших блоков и электросхем. Джону такое и присниться не могло.

«Испанские гранды» оказались братьями по имени Бан и Бал. Они были искусными техниками. Паря на своих широко раскрытых крыльях, они легко взмывали к вершинам многометровых генераторов и столь же легко восстанавливали самые безнадежно изношенные агрегаты.

Слоноподобный гуманоид по имени Лаллор был прекрасным теоретиком и математиком. Джон выяснил это во время экскурсии в подземную шахту под городом. Хуббл, опираясь на металлический барьер у жерла пропасти, коротко рассказал о своих догадках — и Пирс Еггин, выслушав его, согласен кивнул.

— Да, вы правильно угадали назначение шахты, — сказал он. — Подобные сооружения позволили людям долгие столетия продержаться на остывающей Земле. Кстати, этот же метод использовался почти на всех ныне опустевших мирах Федерации... Но, увы, магма быстро остывает...

Стоявший рядом с ним Лаллор ободряюще пробормотал:

— Ничего еще не потеряно, земляне. Йон Арнол предложил метод возрождения мертвых планет — с математической точки зрения его уравнения кажутся безупречными.

Он достал из нагрудного кармана блокнот и ручку, молниеносно набросал на нем несколько десятков сложнейших уравнений и что-то начал объяснять, поглядывая на Хуббла. Тот, заинтересовавшись, вопросительно взглянул на Еггина, но историк почему-то не пожелал переводить слова Лаллора.

— Йон Арнол мог ошибиться, — недовольно произнес он, укоризненно поглядывая на гуманоида. — Он фанатик своей идеи и к тому же чистый теоретик. Когда он попробовал применить свой метод на практике, дело окончилось катастрофой... Не обращайтесь, земляне, внимание на Лаллора — он великолепный математик, но в практической жизни мало что смыслит...

Еггин многозначительно посмотрел на Лаллора, и тот, смутившись, спрятал блокнот в карман. Джон с Хубблом озадаченно переглянулись — они толком ничего не поняли.

Через несколько дней Джон более или менее освоил язык пришельцев. Пирс Еггин с явным облегчением посчитал, что его миссия переводчика окончена, и немедленно отправился в старый Миддлтаун, предвкушая встречу с «сокровищами» давно минувших веков. Джон же продолжал работу с группой техников в генераторном зале. Чем больше он узнавал об их обычаях и культуре, тем сильнее проникался к гуманоидам уважением и даже восхищением.

Совместными усилиями им удалось-таки привести в порядок генераторы, питавшие городскую систему водоснабжения, — так что Нью-Миддлтаун приобрел практически неограниченный источник воды. Еще через несколько дней заработали и остальные установки, в том числе и входящие в систему теплоцентрали. В результате в городских квартирах стало заметно теплее и можно было наконец отказаться от переносных печек.

Однажды ночью капеллянин по рации позвал Кеннистона в генераторный зал. Магро и остальные техники с «Таниса» были уже здесь. Они были с головы до ног перепачканы в пыли и смазочном масле, но лица их сияли — чувствовалось, что они гордятся проделанной работой. Горр Холл торжественно подвел недоумевающего Джона к окну. Безлунная ночь, окутанные мглой небоскребы, и лишь кое-где тускло светятся фонари, питающиеся от бензиновых генераторов...

Капеллянин подошел к расположенному на стене распределительному щиту и включил несколько рубильников. Внезапно за окном словно вспыхнуло солнце — весь город залило ослепительным морем света!

Небоскребы переливались огнями, словно новогодние елки, по улицам струились реки голубого пожара. Иным стало и небо — купол внезапно засветился мягким светом. Создавалось впечатление, будто в зените сияла полная луна, а рядом проплывали разноцветные облака, отбрасывая отсвет на крыши домов. Это зрелище было настолько странным и непривычным после многих недель угнетающего мрака, что Джон застыл, ошеломленный, не находя слов. Он почувствовал, как на его глаза наворачиваются слезы радости...

Спящий город немедленно проснулся. Люди хлынули на сияющие улицы, и вскоре все вокруг наполнили восторженные крики. Кеннистон взволнованно обернулся к своим новым друзьям, но так и не смог найти слов благодарности. Горр Холл понимающе хохотнул, хлопнул его по плечу — и все вместе они вышли из зала.

На пороге генераторной их встретил Гаррис — забыв о солидности, он, словно мальчишка, прибежал от стоящего в двух кварталах отсюда здания мэрии. Чуть позднее появились Хуббл, Криски и другие сотрудники бывшего ядерного центра — а за ними повалили толпы возбужденных горожан. С восторженными криками они подняли на руки экипаж «Таниса», а заодно и Джона с Хубблом, и сделали с ними торжественный круг по Центральной площади. Свету люди радовались куда больше, чем воде и теплу — им казалось, что в небе зажглось животворное солнце! Этой ночью техников с «Таниса», и особенно гуманоидов, приветствовали как римских триумфаторов, и даже больше — как братьев.

Часа два спустя Гаррис устроил в здании мэрии прием. Подняв бокал шампанского, он выразил экипажу «Таниса» огромную признательность от имени пятидесяти тысяч горожан и сделал это весьма витиевато и красноречиво. В ответ сидевший рядом с ним Горр Холл похлопал Гарриса по плечу и обернулся к Кеннистону.

— Что он сказал?

Джон усмехнулся.

— Наш мэр жаждет знать, чем он может выразить вам свою безграничную признательность? Он готов вручить вам ключи от города, или предложить в невесты свою дочь, или даже подарить графин с пинтой собственной крови — он до сих пор не знает, чем вы питаетесь. Ну а если серьезно — мы все признательны вам, Горр! Ваши люди возродили Нью-Миддлтаун к жизни — вы понимаете, как это важно для нас?

Горр Холл добродушно улыбнулся, обнажив два ряда крепких клыков, — но на этот раз мэр мужественно воздержался от бегства.

Выразительно переглянувшись с товарищами, капеллянин прогрохотал своим могучим басом:

— Ну что ж, если вы хотите порадовать нас, звездных странников, то давайте кончим речи — и устроим славный пир! Только передайте вашему мэру, Джон, — его кровь нам не подойдет, мы предпочитаем напитки покрепче!

Хуббл расхохотался — он также стал немного понимать галактический язык. Кеннистон передал мэру слова капеллянина — разумеется, в смягченном виде. Гаррис немедленно отдал приказ накрывать столы — для этого он без колебаний решил использовать городские неприкосновенные запасы.

Пир горой продолжался всю ночь. Наутро техники с «Таниса» неохотно поднялись из-за столов — им нужно было вернуться на корабль до восхода Солнца. Заплетающимся языком Джон попытался протестовать:

— Ребята, к чему эта спешка? — пробормотал он, обняв белогривого Магро за плечи. — Работа сделана, разве нельзя нам немного расслабиться? Глядишь, ваша «снежная королева» — я имею в виду эту зазнайку Варну Аллан — сдуру и назначит отлет...

Магро вздохнул:

— Увы, улетим мы не скоро, Джон. Это определяется многими вещами... — и он пристально посмотрел на Горра Холла.

Капеллянин, поглотивший за ночь великое множество крепких напитков, был, казалось, слегка пьян. Он сидел, обнявшись с мэром. Гаррис со слезами на глазах просил прощения:

— Извини, друг, я был болваном, когда испугался тебя поначалу! Ты отличный парень — ты и твои гум... гам... словом, ребята со звезд!

Джон с готовностью перевел это капеллянину. Тот громко расхохотался и так хлопнул мэра по спине, что тот едва не свалился со стула.

— Мы сделали все, что могли, земляне, — забасил Горр

Холл, покосившись на Магро. — Свет и прочее сделает вашу жизнь более приятной — пока вы еще остаетесь здесь.

Кеннистон удивленно взглянул на него.

— Пока мы еще остаемся здесь? Что это значит, Горр?

— Конечно, вашу скорую эвакуацию, — простодушно ответил огромный капеллянин и опрокинул еще один бокал с бренди.

Джон механически перевел его слова — и только чуть позже осознал, что здесь что-то не то. В зале повисла напряженная тишина, земляне с тревогой переглядывались, а люди из экипажа «Таниса» недоуменно смотрели на своего начальника.

— Горр, я чего-то не понял, — медленно произнес Джон. — Что вы сказали насчет эвакуации?

На медведеподобном лице капеллянина отразилось удивление.

— Разве Пирс не сказал вам об этом?.. Странно... Видимо, командование корабля решило не волновать вас по пустякам. Вы, земляне, очень эмоциональны — вроде нас с Магро. Наши народы в Федерации даже прозвали «примитивами» в отличие от высокоинтеллектуальных людей с Веги. Ну что ж, эту забывчивость можно понять и так — чем позднее вы узнаете о своей дальнейшей судьбе, тем меньше с вами будет возни.

— Погодите, Горр, погодите, — пробормотал Кеннистон, морщась от головной боли. — Лучше объясните: что вы имеете в виду под эвакуацией?

Горр Холл сочувственно взглянул на него — теперь было ясно, что он вовсе не пьян.

— Я говорю о решении Совета Губернаторов, — пояснил он. — Все жители вашего города в ближайшее время будут эвакуированы с Земли на одну из планет Галактического содружества!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

КРИЗИС

Кеннистон, Хуббл и руководство города во главе с мэром изумленно смотрели на капеллянина. Довольно долго никто из них не мог вымолвить ни слова — настолько все были ошеломлены. Горр Холл тем временем с мрачным видом допил вино из бокала Джона. Магро сочувственно смотрел на зем-

лян блестящими выпуклыми глазами. Зал заседаний сиял ослепительным светом ламп, искусно встроенных в потолок, словно дикий цветы, — но в душах землян царилась ночь.

Первым пришел в себя Гаррис.

— Эвакуация? — прошептал он в ужасе. — К далеким звездам? — Его пухлое лицо исказила гримаса боли. Повернувшись к Горру Холлу, он яростно закричал: — Думаете, мы рехнулись?

Капеллянин вздохнул.

— Видимо, я напрасно проболтался...

Его печаль показалась Джону несколько наигранной, так же как и недавнее удивление забывчивостью Еглина.

Мэр Гаррис затрясся от бешенства и метнул в пришельца испепеляющий взгляд.

— Вы знали это с самого начала! Вы пришли в наш город, притворившись друзьями, а между тем держали за пазухой такой камень... — Он внезапно взвизгнул: — Скажите им, Кеннистон, если они надеются, что мы оставим Землю ради... ради черт знает какой дыры в их разлюбленной Галактике, то они полные идиоты!

Хуббл знаком заставил мэра замолчать и тихо спросил:

— Кен, спросите, чем занимается этот Совет Губернаторов? Он что, вправе без согласия народов переселять их с одной планеты на другую?

Выслушав корявый перевод Джона, Горр Холл кивнул.

— Да. Такое случается, если та или иная планета становится непригодной для жизни — скажем, из-за истощения природных ресурсов. Тогда Губернаторы могут принять решение об эвакуации населения в другую звездную систему. Подходящих миров более чем достаточно... Подобная история однажды произошла и с моим народом — нас переселили на Альдебаран-3.

Кеннистон с возмущением воскликнул:

— И что же, народы целых планет должны безропотно подчиниться? Неужели никто не пытался сопротивляться?

Капеллянин хмыкнул.

— Если вы, Джон, под народами имеете в виду ваших потомков, чьи корни здесь, на Земле, то с ними, как правило, не бывает проблем. Люди миллионы лет назад покинули родину и с тех пор бесчисленное количество раз перемещались с одной планеты на другую. Для них давно не существует понятия «отчего дома» — есть лишь «место проживания». По отношению к таким народам Федерация Звезд использует лишь метод убеждения. Им объясняют, что на новой планете жить легче и сытнее — и этого вполне достаточно. Другое дело

«примитивы» вроде нас с Магро: для Совета Губернаторов мы лишь первобытные гуманоиды. Наши народы в свое время без всякого восторга отнеслись к идее переселения. Больше того, мы так же боялись этого, как и вы сейчас!

— Эй, Гаррис, вы куда? — внезапно воскликнул Хуббл. Он едва успел схватить мэра за фалду пиджака, когда тот устремился к двери.

— Не пытайтесь меня остановить! — заорал тот. — Я сейчас выйду на балкон и все расскажу гражданам города! Они веселятся там, на площади, не подозревая, что уготовили им эти... эти чудовища! Посмотрим, что люди скажут об этом!

— Чего вы хотите добиться, Гаррис? — угрюмо спросил Хуббл. — Поднять восстание? Не будьте глупцом, у нас нет ни малейших шансов на победу. Нам нужно вступить в мирные переговоры с командованием звездолета — других путей к спасению нет! Да остановитесь же вы, идиот! Полумеры только осложнят наше положение...

Гаррис перестал сопротивляться и налитыми кровью глазами посмотрел на Хуббла и Джона.

— Хорошо, — прохрипел он и вновь уселся на стул. — Я согласен на переговоры. Только пусть они не думают, что мы бессловесные бараны, с которыми можно делать что угодно. Подумать только — кто-то там, на звездах, будет решать, на какой планете нам жить! Джон, гоните этих уродов прочь. Я был прав с самого начала, не доверяя им...

— Прекратите истерику, Гаррис, — сухо сказал Кеннистон. — Неужели вы так и не поняли, что Горр и Магро специально предупредили нас, дабы мы приняли меры, пока не поздно!

Он обратился к гуманоидам, молча наблюдавшим за происходящим.

— Вы видели, как бурно отреагировал мэр на ваши слова. Уверю вас, точно такой же будет и реакция остальных горожан. Расскажите об этом Варне Аллан и предложите ей немедленно начать переговоры — иначе ситуация может стать неуправляемой. Передайте ей — мы не потерпим, чтобы наши судьбы решались неизвестно кем за нашей спиной! — Он замолчал, едва сдерживая охватившую его ярость. — Нет, пожалуй, последние мои слова передавать не стоит...

Горр Холл сочувственно улыбнулся.

— Как один «примитив» другого, я прекрасно понимаю вас, Джон.

— Спасибо, Горр. Но учтите — когда начнется заварушка, вам с Магро придется где-нибудь скрыться. Иначе я не смогу гарантировать вам жизнь.

— О, в корабле мы будем в полной безопасности, — усмехнулся капеллянин. — У меня есть кое-какие идеи, скажем, поговорить с экипажем насчет возвращения...

Магро добавил:

— И вот еще что, Джон. Если здесь начнется то, что вы называете заварушкой, — а я чувствую, так и будет, — обратите внимание на Лунда. Варна Аллан слишком самоуверенна и горда, с ней вам не удастся договориться. Другое дело Лунд, он мечтает занять пост Администратора и ради этого способен на многое.

— Что верно, то верно, — подтвердил Горр Холл.

— Спасибо, я запомню, — поблагодарил их Кеннистон.

Гуманоиды попрощались с хозяевами и отправились на корабль — они должны были сообщить командованию о том, что жители Нью-Миддлтауна не желают повиноваться приказу об эвакуации. Толпа на площади встретила их бурными приветствиями. Люди еще ничего не знали...

— Прошу прощения за несдержанность, — сказал мэр, виновато глядя на Хуббла и Джона. — Но кто мог подумать, что эти существа куда ближе нам, чем наши же потомки с корабля!

— Ничего удивительного, — усмехнулся Хуббл, — они находятся почти на том же невысоком уровне развития, как и мы. А главное, они не потеряли своих корней. Что же касается людей с Веги... они давно уже граждане Галактики! Увы — мы чужие друг другу...

Джон шепнул шефу:

— Хуббл, попросите мэра держать язык за зубами...

Тот кивнул.

— Хорошо. А вы, Кен, идите-ка спать. Быть может, сегодня днем нам предстоит разговор с разъяренной Варной Аллан и Лундом.

Прощавшись, Кеннистон побрел домой, не отвечая на многочисленные приветствия кипящей от радости толпы. Спалось ему плохо — из головы не выходили слова капеллянина об эвакуации. «Какое разочарование ждет сегодня горожан! — мучился он, ворочаясь на кровати. — Они-то считают, что все тревоги позади. И Кэрол тоже...» Но больше всего он почему-то думал о прекрасной, голубоглазой Варне Аллан. Он ненавидел ее — и боялся... Но еще сильнее опасался неведомого Совета Губернаторов, управляющего настоящим и будущим Галактики. Символом его мощи был титанический звездолет «Танис»... Вряд ли земляне смогут дать достойный отпор звездному воинству!

Джон сумел заснуть только часам к десяти утра — и тут его разбудил Хуббл.

— Вставайте, Кен. Варна Аллан и Лунд уже в здании мэрии! — встревоженно сказал он. — Вы лучше всех овладели их языком — придется поработать переводчиком. Дело слишком важное, нельзя допустить даже малейшей неточности...

Они молча направились к соседнему небоскребу. Никогда еще Джон не видел своего шефа таким озабоченным и мрачным.

Толпа еще не разошлась — люди веселились от всей души, не подозревая об уготованной им участи. Совсем другая атмосфера царила в зале заседаний. За массивным столом сидели с одной стороны мэр Гаррис, Борхард, Моретти и еще шесть членов муниципалитета, а с другой — Администратор и ее заместитель, жители далекой Веги.

Мэр Гаррис выглядел до предела утомленным — похоже, он так и не ложился спать. Пожав руки обоим ученым, он твердо сказал:

— Кеннистон, спросите их, соответствует ли истине слух об эвакуации землян к звездам?

Джон перевел.

Варна Аллан кивнула.

— Да. Я сожалею, что Горр Холл преждевременно разгласил наши планы — это, кажется, вас расстроило. — Она обвела взглядом напряженные лица землян и остановилась на Гаррисе. Джон подумал: а ведь Администратору наверняка не раз приходилось бывать в подобной ситуации на других планетах! Конечно, она отлично знала, как вести себя в таких случаях.

— Я уверена, население города нас поймет, — продолжала Варна Аллан. — Мы действуем в ваших же интересах...

— В наших интересах? — возмущенно воскликнул Гаррис. — Почему вы сразу не сказали правду нам, руководству города, а держали камень за пазухой?

Норден Лунд посмотрел на побагровевшего мэра и презрительно процедил:

— Я же говорил вам, Варна, надо было...

— Мы обсудим это позднее, — резко оборвала своего заместителя девушка. Джон заметил, с каким трудом она сдерживает гнев. Варна Аллан повернулась к мэру: — Мы собирались подождать, когда план эвакуации будет полностью подготовлен...

Забыв перевести эти слова, Джон воскликнул:

— Скажите прямо — вы считаете нас примитивными аборигенами, с которыми не стоит церемониться?

— Не понимаю, почему у вас сложилось такое превратное

впечатление, — раздраженно возразила Администратор. После паузы она мирно произнесла, словно уговаривала ребенка: — Скоро прибудет корабль с экспертами Совета Губернаторов. Они ознакомятся с обстановкой и подберут планету, соответствующую вашим потребностям. Думаю, она будет очень похожа на Землю вашего времени...

— Это весьма благородно с вашей стороны, — ядовито ответил Джон. Варна Аллан смерила его высокомерным взглядом, но промолчала.

Кеннистон вспомнил о своих обязанностях и перевел их небольшой диалог членам муниципалитета. Гаррис от негодования даже потерял голос. Он просипел:

— Если они думают, что мы покинем Землю ради какого-то дурацкого мира в небесах, то они глубоко заблуждаются! Объясните им это, Кеннистон!

Когда Джон перевел слова мэра, Варна Аллан слегка побледнела — похоже, она была совершенно сбита с толку.

— Неужели ваши люди хотят остаться на этой холодной, умирающей планете?

Мэр затрясся, пожирая пришельцев испепеляющим взглядом.

— Кеннистон, объясните этим чужакам — нам и так пришлось оставить наш добрый старый Миддлтаун, наши дома и привычный образ жизни. Этого достаточно, больше мы не выдержим. Оставить Землю? Нет, ни за что!

Переведя слова мэра, Джон добавил:

— Поймите — мы прожили здесь большую часть жизни, здесь...

Он замолчал, не находя нужных слов. Да и как объяснить гражданам Галактики, что значит для них родная планета? Земля — это цветущие луга, весенний ветер, напоенный запахами цветов, грозовые дожди... это рождение и смерть... это любовь. Разве можно забыть это?

Встряхнув гривой каштановых волос, Лунд сказал своей начальнице, с пренебрежением глядя на землян:

— Я предупреждал вас, Варна, эти «примитивы» слишком эмоциональны. К ним нужен другой подход...

Девушка, игнорируя Лунда, обратилась к Кеннистону:

— Но жить на умирающей планете невозможно. Рано или поздно вам придется уйти.

— Пусть она сама скажет это горожанам, — не без угрозы произнес мэр. — Впрочем, я и сам это сделаю...

Он поднялся и не спеша направился к выходу. Его округлая приземистая фигура обрела неожиданную горделивую осанку. Борхард, Моретти и другие члены муниципалитета последовали за ним, смущенно переглядываясь, — они пони-

мали, какое неприятное дело им предстоит. Помедлив, командование «Таниса» также вышло из здания.

Отсюда, со ступеней широкой лестницы, была отлично видна площадь, запруженная тысячами горожан — рабочих и домохозяек, банкиров и библиотекарей, стариков и ребятишек. Звучала веселая музыка, многие танцевали. Увидев мэра и рядом с ним двух пришельцев, люди зааплодировали. Громкое эхо от восторженных криков прокатилось под сияющим куполом.

Мэр Гаррис шагнул вперед, держа в руках мегафон:

— Граждане Нью-Миддлтауна, слушайте меня внимательно, — твердо сказал он. — Пришельцы со звезд приказывают нам покинуть Землю! Они обещают найти для нас другой мир где-то на другом краю Галактики. Что вы на это скажете? Хотите вы оставить нашу родную планету?

На площади внезапно воцарилась тишина. Радость на лицах сменилась недоверием. Джон покосился на Варну Аллан — в ее голубых глазах росла тревога. «Вряд ли мы поймем друг друга, — подумал он. — Слишком уж мы разные...»

Наконец до горожан дошел смысл сказанного мэром. Ответом стал нарастающий гул возмущения:

— Улететь отсюда куда-то в небо? Эти чужаки что, спятили?

— Мало того, что мы с болью в сердце покинули Миддлтаун — теперь еще и Землю?

На лестницу вбежал краснощекий мужчина — Джон узнал в нем водителя городского автобуса. Подойдя вплотную к мэру, он закричал:

— Что все это значит, мистер Гаррис? Мы устроились в новом городе как следует, а сегодня еще получили и свет, много света! Почему же мы должны улететь на какую-то там Луну или еще куда подальше?

Гаррис с торжествующим видом обернулся к пришельцам.

— Видите? Мои люди не желают даже слушать о вашем нелепом предложении!

Варна Аллан с изумлением взглянула на него:

— Предложения? Это приказ Совета Губернаторов! Я рекомендовала провести операцию — и Совет ее одобрил.

Переведа, Джон не выдержал и сказал гостям:

— Наш народ не будет подчиняться никому, кроме своего собственного руководства. Приказ ваших Губернаторов ничего для нас не значит!

На лице Варны промелькнула тень испуга.

— Не понимаю... Никто не имеет права возражать Совету Губернаторов! Он представляет в этой части Галактики Федерацию Звезд, разве вы не понимаете это?

Джон ответил раздраженно:

— Что нам ваши звезды? Только огоньки в небе, не больше.
Норден Лунд, удовлетворенно улыбнувшись, вкрадчиво сказал Варне:

— Похоже, мы оказались в тупике, дорогая начальница. Не пора ли проконсультироваться с Вега-центром?

Администратор яростно взглянула на своего заместителя:

— О, я понимаю, что у вас на уме, Лунд. Не надейтесь — я выполняю решение руководства, чего бы это мне ни стоило. И тогда поговорим с вами... и с этим изменником Горром Холлом...

Повернувшись, она резко сказала Джону:

— Горожане должны уяснить — мы не собираемся причинять им вреда! Объясните, какая жизнь предстоит здесь: полная изоляция от остального человечества, жалкое прозябание даже без надежды на какие-либо перспективы в будущем...

— Возможно, — тихо сказал Джон, — но мы все же надеемся на лучшее. Вы совершенно не знаете наших людей — их нелегко сломить.

Был ли он так уверен в этом? Джон не хотел признаваться самому себе, но слова Варны Аллан порой казались ему справедливыми...

Варна Аллан пожала плечами:

— Вам придется скоро убедиться, что решение Совета Губернаторов — это закон, которому необходимо подчиняться. Лунд, пойдемте — нам здесь больше нечего делать.

Пришельцы спустились по лестнице и пошли в сторону портала. Бурлящая, встревоженная толпа нехотя расступалась перед ними. Люди были озадачены, но явной враждебности к чужакам еще никто не выказывал.

Джон обернулся к Хубблу:

— Что мы должны делать, шеф? — спросил он растерянно. — У вас есть какие-либо идеи?

— Увы, нет, — покачал головой тот. — Зато я знаю, чего нельзя допустить, — я имею в виду любое насилие по отношению к звездолетчикам. Это может иметь для нас самые фатальные последствия... Кен, мы должны как-то успокоить горожан и до прибытия эвакуационной комиссии тщательно продумать план действий.

Весь остаток дня Кеннистон только и делал, что выступал на многочисленных импровизированных митингах, беседовал со знакомыми и незнакомыми людьми, спорил, успокаивал, убеждал... Он повторял доводы Варны Аллан, но чувствовал — его слова не доходят до людей. Ему возражали: жизнь в новом городе налажена, есть свет, вода и тепло, они не одиноки во Вселенной — чего еще надо? С неукротимым опти-

мизмом, свойственным землянам, люди верили — завтрашний день будет прекрасным! Чего же ради лететь к звездам?

Кеннистон не настаивал — он их понимал. Люди и так испытывали страшный шок, перенесясь через миллионы лет в будущее, потеряв близких, привычный образ жизни и даже собственные дома. Повторный удар многие бы просто не вынесли... Кроме того, они были не одиноки в этом ледяном мире — там, за холмами, лежал старый Миддлтаун. Лучше всякого якоря он удерживал горожан от безумных попыток начать все снова на новом месте. Тем более если это место — далекий мир на другом краю Галактики...

Но было и еще одно — ужас, который охватывал людей при мысли, что им придется войти в звездолет и нырнуть в бездонную пропасть космоса, расцвеченную огоньками холодных звезд, а надежная, безопасная твердь Земли останется позади, потерянная навеки! Даже закаленным мужчинам станет не по себе на борту чужого корабля, что же говорить о женщинах и стариках? Миддлтаун был провинциальным, тихим городком, многие его жители не переносили даже автомобильных поездок — какие уж тут галактические перелеты?

До самого вечера люди тянулись к portalу и стояли там, возбужденно переговариваясь и с волнением наблюдая за громадой звездолета, который не подавал никаких признаков жизни. Выход из города охраняли теперь вооруженные гвардейцы — они не выпускали никого ни на шаг за пределы купола.

Кеннистон также некоторое время провел у портала, а затем, удрученный и встревоженный, направился к невесте.

Кэрол вместе с тетей встретили его в пустой комнате. Кэрол взглянула на него вопрошающим, полным горечи взглядом и жалобно спросила:

— Пришельцы не могут заставить нас уйти отсюда, верно, Кен? Они не делают этого?

— Командование звездолета считает, что творит благо, — вздохнул Джон, присев на стул. — И я не знаю, как их переубедить.

Кэрол нервно рассмеялась. Ее лицо было бледно, на глазах блестели слезы.

— Этому нет конца, — в отчаянье произнесла она. — Сначала мы оставили свой век из-за взрыва бомбы, затем пришлось уйти из Миддлтауна, а сейчас надо покидать и саму Землю. Почему мы не можем остаться здесь и умереть дома, подобно нашим предкам? Это сумасшествие, сплошное сумасшествие... Кен, я не хочу уходить, понимаешь, не хочу!

— Многие, если не все, чувствуют то же самое, — устало

сказал Джон. — Думаю, мы еще поборемся за свои права... Кэрол, пойдем прогуляемся — на свежем воздухе будет лучше.

Они вышли на окутанную мглой улицу. Яркая иллюминация была погашена — уж очень она не соответствовала подавленному настроению горожан. Джон и Кэрол шли, почти не разговаривая, погруженные каждый в свои мысли. «Вновь между нами появился барьер, — сокрушенно размышлял Кеннистон. — Взаимопонимание, кажется, окончательно потеряно. И непонятно, что делать».

Инстинктивно они свернули на улицу, ведущую к окраине города, и вскоре уже стояли около стены купола, через которую просвечивала мерцающая глыба звездолета. Кэрол долго смотрела туда, затем вздрогнула и отвернулась.

— Я не могу видеть ЭТО, — прошептала она. — Пойдем назад.

— Подожди, — сказал Джон, заметив мужчину, быстро приближавшегося со стороны портала.

Это был Хуббл. Кивнув Кэрол, он, задыхаясь, проговорил:

— Кен, я искал вас по всему городу. Этот чертов Гаррис совсем потерял остатки разума. Он призвал горожан к вооруженному сопротивлению! Пойдемте, прочистим ему мозги.

Джон раздраженно буркнул:

— Неудивительно, что эта зазнайка Варна Аллан считает нас стадом «примитивов»... Хорошо, попробуем, но сначала проводим Кэрол.

По пути встречались встревоженные группы людей. Они молча смотрели вверх на купол, словно пытаясь что-то разглядеть в темнеющем небе. Вскоре оттуда уже явственно слышался знакомый гроыхающий звук, нарастающий с каждой секундой.

— Второй звездолет! — воскликнул кто-то с ужасом.

Толпа ринулась к portalу. Сквозь многоголосый шум Джон едва слышал крик Хуббла:

— Эвакуационный отряд! Кен, скоро Варна Аллан даст нам жару!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ГОРОД ГОТОВИТСЯ К БОЮ

Они вновь стояли у стены купола вместе с тысячами встревоженных горожан. Перепуганная Кэрол дернула Джона за рукав:

— Кен, я лучше вернусь домой. Нет, не стоит меня провожать.

— Хорошо, — после некоторого колебания ответил Джон. — Хуббл прав, надо немедленно идти к мэру, пока он не наломал дров. И вот еще что: не выходи сегодня из дома, пока я не вернусь, ладно?

Он поцеловал невесту в щеку, и та, повернувшись, сразу затерялась в толпе. Джон посмотрел ей вслед — ему очень хотелось проводить ее до дому, так, на всякий случай. Конечно, в городе безопасно, пока безопасно, хотя...

Хуббл нетерпеливо сказал:

— Джон, нам тоже пора. Дорога каждая минута...

Они пошли в сторону бульвара, ведущего от портала к Центральной площади. Навстречу им двигался непрерывный поток испуганных, громко переговаривающихся людей. Когда оба ученых добрались наконец до площади, они увидели грузовики с солдатами, отъезжавшими от здания мэрии. Гвардейцы были одеты в зимнюю форму.

Хуббл охнул:

— Черт побери, да они же направляются за пределы города! Что за идиот отдал этот приказ?

Джон с Хубблом взбежали по ступенькам и вошли в здание. Оно кипело, словно муравейник, и больше напоминало прифронтовой штаб. В зале заседаний они нашли мэра и большинство членов муниципалитета. Гаррис шагал взад-вперед, заложив руки за спину. Осанка его была генеральской, но в глазах светился страх. Увидев ученых, он нарочито бодро воскликнул:

— Они хотят силой увезти нас с Земли, но мы так просто не сдадимся! Еще посмотрим, кто кого! — Его голос сорвался внезапно на фальцет. — Вы видели грузовики там, на площади? Солдаты направились в старый Миддлтаун, чтобы привезти из арсенала полевые орудия. Вы понимаете — орудия! Это единственный путь убедительно показать, что мы не позволим собой командовать.

— Вы глупец... — Хуббл едва сдерживал ярость. — Вы просто придурок, Гаррис!

Мэр побагровел, но не нашелся сразу, чем ответить на оскорбление. За него вступился Борхард:

— Мэр действует согласно нашему общему решению. Пожалуйста, Хуббл, занимайтесь-ка лучше своей наукой, а уж мы поступим так, как того требует долг.

— Это верно! — воскликнул Моретти, и остальные члены муниципалитета кивнули в знак согласия.

Хуббл взорвался:

— Господа, да вы словно разом ослепли! Пушки им, видите ли, понадобились! Неужели не ясно, что наши орудия — не больше чем игрушки по сравнению с мощью пришельцев! Эти люди завоевали звезды, можете вы это понять?

Гаррис наконец обрел дар речи. Подойдя к Хубблу вплотную, он прошипел:

— Вы попросту боитесь их, жалкий бумагомаратель, а мы нет. Вы с Кеннистоном наложили в штанишки, а мы будем бороться. И зарубите это себе на своем высокоученом носу!

Члены муниципалитета зааплодировали.

— Отлично, — холодно ответил Хуббл, — действуйте и дальше в том же роде. Пришельцы не будут вступать в переговоры с идиотами. Последний раз повторяю — наши шансы далеко не равны. У нас есть лишь один путь — вести себя подобно цивилизованному народу. В этом случае к нашим чувствам и переживаниям еще могут отнестись с должным пониманием. Мы могли бы начать диалог...

— Диалог! — презрительно фыркнул мэр. — Много нам дал ваш диалог! Нет, мы, руководство города, отныне пойдем другим путем и в ваших советах больше не нуждаемся. Мы не забыли свои священные обязанности охранять права граждан нашего города!

Его голос поднялся почти до крика. Обменявшись безнадежными взглядами, Хуббл и Кеннистон покинули зал.

Выйдя на площадь, Джон вздохнул:

— Кажется, наши бюрократы закусили удила... Надеюсь, они все-таки встретятся с командованием звездолета. Если Варна Аллан согласится отозвать свою звездную свору, то все еще, возможно, уладится. Но если нет... Страшно подумать, на что способен этот пустоголовый Гаррис! Он словно капризный ребенок...

— Не стоит обвинять их, Кен, — прервал его Хуббл. — Мы все сейчас подобны малым детям, встретившимся с НЕИЗВЕСТНЫМ. Бежать некуда — выходит, надо драться. Но есть третий путь... — Он пристально взглянул на Джона. — Кен, вам надо пробраться на корабль! Попробуйте начать тот самый диалог, о котором так презрительно отозвался мэр, а я, как ни противно, вернусь в мэрию и попытаюсь согнать с этих деятелей спесь. Удачи вам, Кен!

Крепко пожав Джону руку, Хуббл повернулся и быстро зашагал назад. Кеннистон вздохнул и с тяжелым сердцем поплелся к portalу.

Здесь уже собрался почти весь город. Люди толпились у прозрачных стен купола и, негромко переговариваясь, с тревогой смотрели на две — уже две! — мерцающие глыбы звезд

долетов. Портал был перегорожен наспех сооруженными баррикадами, среди которых уже занял боевые позиции отряд вооруженных солдат. В сторону звездных пришельцев грозно смотрели дула нескольких полевых орудий.

Нарочито небрежной походкой Кеннистон подошел к солдатам. Широко улынувшись, он дружески потряс руки несколькими знакомым и сказал:

— Ребята, у вас, надеюсь, все в порядке? Мэр очень надеется на ваше мужество и выдержку! Кстати, он направил меня к нашим гостям для участия в важной конференции... Где тут можно пройти?

Но его тут же остановили.

— Прощу прощения, мистер Кеннистон, но мы получили распоряжение не выпускать никого из города, — вежливо сказал лейтенант.

— Меня послал сам мэр! — вновь прибегнул ко лжи Кеннистон, впрочем, не особенно надеясь на успех.

— У вас есть письменный приказ? Нет? Тогда будьте добры, принесите его, — недоверчиво произнес офицер.

Джон, улынувшись, развел руками — мол, придется принести, раз вы настаиваете! — а сам попытался проскользнуть через баррикаду в другом месте. Увы, на его пути вновь возник тот же лейтенант — он смотрел уже с нескрываемым подозрением. «Черт побери, да меня ведь могут принять за шпиона инопланетян! — с тоской подумал Кеннистон. — Я знаю их язык, общался с экипажем...»

— Если мистер Гаррис действительно послал вас к пришельцам, он должен дать вам письменный приказ, — повторил офицер, делая ударение на слове «если». — Убедительно прошу вас принести этот документ.

Кеннистону ничего не оставалось, как возвратиться в мэрию. Видимо, лейтенант предупредил командование о его попытке проникнуть за пределы города — во всяком случае, Джона уже поджидали солдаты с карабинами наперевес. Остаток дня и ночь Кеннистон провел вместе с Хубблом под стражей. Тем временем в соседнем зале мэр, члены муниципалитета и офицеры Национальной гвардии разрабатывали план военной кампании.

Рано утром стража была снята. Джон и Хуббл с облегчением покинули свою «тюрьму». В коридоре им встретились мэр и офицеры — они только что закончили совещание. Гаррис выглядел крайне утомленным, лицо его было бледно, веки набрякли, но глаза победно сияли. Заметив обоих ученых, он, не поздоровавшись, надменно сказал:

— Кеннистон, идите с нами, понадобится переводчик.

На Хуббла мэр демонстративно не обратил внимания, но тот, ничуть не смутившись, присоединился к Джону. На площади они уселись в лимузины и торжественной кавалькадой направились к выходу из города. У баррикад машины затормозили, парламентареры не спеша вышли на равнину и остановились в нескольких шагах от линии обороны. К ним приближалась группа звездолетчиков — Джон узнал только Варну Аллан и Лунда. Остальные — женщина средних лет и трое довольно пожилых мужчин — были, по-видимому, экспертами. Скорее удивленно, чем с опасением, они смотрели на вооруженных солдат и дула орудий.

Мэр выглядел суровым и непреклонным — сознание важности миссии придавало ему мужества. Шагнув вперед, он хрипло заявил:

— Кеннистон, передайте чужакам: это наш мир, и мы здесь хозяева. Никто не смеет отдавать нам приказы! Пусть садятся в свои корабли и убираются подобра-поздорову. Это не пустые угрозы, а ультиматум! Если они не примут его, то мы применим силу.

Толпа у портала одобрительно загудела.

Кеннистон неохотно перевел. На лицах делегации пришельцев появилось сомнение — ропот толпы, вооруженные солдаты и агрессивный тон мэра вызвал у них обеспокоенность. И все же Варна Аллан спокойно сказала:

— Познакомьтесь — это представители департамента планетарных миграций, — она кивнула в сторону вновь прибывших звездолетчиков. — Они подготовили предварительный план эвакуации, и теперь мы должны совместно...

Джон прервал ее и уже от себя лично горячо воскликнул:

— Послушайте, вам предлагают вместе с вашими «представителями» возвратиться на космолеты!

Толпа тем временем подалась вперед, потеснив ряды солдат. Послышались громкие оскорбительные выкрики. Мэр нервно переминался с ноги на ногу.

— Вы перевели мои слова, Кеннистон? — нетерпеливо спросил он. — Что она сказала в ответ?

Не выдержав, Джон закричал:

— Немедленно идите к звездолетам, и как можно быстрее! Разве вы не видите, что толпа становится неуправляемой? Варна Аллан, казалось, не восприняла его слов.

— У нас нет времени для дискуссий, — терпеливо сказала она. — Мы получили приказ Совета Губернаторов, и я должна предупредить вас...

Кеннистон едва сдерживал негодование:

— Я попробую предотвратить насилие. Немедленно бегите к кораблям — я приду позже и все объясню!

Администратор взглянула на него с изумлением.

— Насилие? Против нас, официальных представителей Федерации Звезд?

Варна Аллан была потрясена — видимо, ни с чем подобным ей еще не приходилось сталкиваться. Между тем волнение толпы нарастало с каждой минутой.

Внезапно Норден Лунд расхохотался:

— Я предупреждал вас, Варна, — вы приняли неверный тон при общении с этими варварами. А сейчас нам действительно лучше удалиться.

— Нет!

Варна Аллан побледнела, но явно не желала отступить. Сощурившись, она ледяным тоном произнесла, смерив Джона взглядом с головы до ног:

— Я думаю, вы все-таки что-то не поняли. Мы получили приказ Совета Губернаторов, и вам остается одно — повиноваться. Информируйте об этом ваше руководство и потребуйте, чтобы оно немедленно разогнало толпу!

Кеннистон застонал от отчаяния:

— Христа ради, опомнитесь...

Но его прервал мэр. С ненавистью глядя на пришельцев, он заорал так, чтобы его услышали в передних рядах толпы:

— Пусть они убираются, да поскорее — иначе мы выгоним их взаперть с нашей планеты!

— Убирайтесь вон, вон!! — скандировала толпа, поддерживая Гарриса. Люди внезапно двинулись вперед, и ничто — ни баррикады, ни ряды солдат — уже не могло их остановить.

Варна Аллан порозовела от гнева. Лунд, усмехнувшись, сделал шаг назад, эксперты с сомнением переглянулись...

— Если вы только прикоснетесь к нам... — начала было девушка. Людской поток, сметая со своего пути все преграды, угрожающе приближался. Кеннистон больше не медлил. Схватив Администратора за руку, он буквально потащил ее в сторону звездолетов. Осознав опасность, остальные пришельцы быстрым шагом последовали за ними.

Некоторое время Варна не сопротивлялась — была слишком ошеломлена, чтобы протестовать. Впервые в жизни она подверглась физическому насилию! Придя в себя, она гневно воскликнула:

— Оставьте меня в покое, дикарь!

Толпа преследовала их по пятам. Оглянувшись, Джон увидел разъяренные лица людей и побежал, не выпуская ладонь девушки. Вскрикнув, она вынуждена была также переить-

ти на бег. Джон остановился лишь тогда, когда над ними нависла мерцающая громада «Таниса». И в этот момент звездолет внезапно осветил толпу ослепительным лучом. Люди закричали от боли. Остального Джон не увидел — край луча задел и его. Потеряв сознание, он рухнул на землю...

Он очнулся, лежа навзничь на койке. Рядом с ним стоял капеллянин и массировал его спину своими сильными пальцами. Джон застонал и выругался сквозь зубы.

Горр Холл вздохнул с облегчением.

— Наконец-то вы пришли в себя, Кен! Я работал над вами два часа — вы были в сильнейшем шоке...

Охнув от боли во всем теле, Джон не без труда повернулся и сел на кровати, оглядываясь вокруг мутными глазами. Он был в одной из кают космолета — без окон, с солидным столом и широким креслом, соответствующим могучим пропорциям капеллянина. «Как я здесь оказался?» — тупо подумал он, безуспешно пытаясь вспомнить все происшедшее после начала переговоров.

— Вас принесла в корабль Варна Аллан, — усмехнувшись, сказал Горр Холл, словно разгадав его немой вопрос. — Она сообразила, что вы обошлись с ней столь грубо для ее же блага, и потому попросила привести вас в чувство как можно быстрее.

Кеннистон был слишком разбит, чтобы проявлять бурлящий в нем сарказм. Снова застонав от боли в позвоночнике, он пробормотал:

— Что произошло, Горр?

— Многое — и, увы, одно хуже другого. Взгляните-ка сюда...

Он прикоснулся к небольшой кнопке на стене — и тотчас одна из металлических панелей поднялась, открыв овальный иллюминатор.

Кеннистон с трудом встал на негнущиеся ноги и, подойдя к окну, посмотрел на равнину и далекий купол Нью-Миддлтауна. Он увидел отряды солдат, работающих в облаке пыли прямо перед порталом, — они рыли окопы, наполняли мешки песком и выкладывали ими брустверы на боевых позициях. С холмов к городу спускались военные грузовики — они везли длинноствольные орудия, закрытые чехлами. Похоже, мэр всерьез намеревался вступить в противоборство с Федерацией Звезд.

Горр Холл озадаченно прогромыхал:

— Ваше руководство отпустило нам три часа для подготовки к отлету — и за это время успело установить свои бата-

реи на боевых позициях. По истечении этого срока начнется артобстрел наших кораблей.

— Глупцы... — простонал Кеннистон. — Боже мой, какие же они глупцы...

Срок ультиматума между тем подходил к концу. Солдаты стали отгеснять толпу внутрь портала.

— Горр, я должен пойти и попытаться их остановить! — хрипло сказал Джон.

Капеллянин бросил на него внимательный, изучающий взгляд.

— Вы хотите рискнуть, Кен? У меня есть другое предложение, но это будет трудное, очень трудное дело.

— Что вы имеете в виду? — заинтересовался Кеннистон, ощутив прилив надежды.

Горр Холл торопливо пояснил:

— Существуют и другие умирающие миры, Кен. Я уже говорил, что мы, «примитивы», так же неохотно покидаем свои родные планеты, как и вы. Однажды мы даже попытались организовать нечто вроде заговора против Совета Губернаторов. Хотели остановить массовую миграцию наших народов, а надежды возлагали на метод Арнола. Помните, Лаллор рассказывал о путях возрождения угасших миров? В этом и состоит ваш шанс, Кен!

— Иными словами, — медленно произнес Джон, — вы хотите, чтобы мы попытались применить этот способ на Земле?

— Совершенно верно! Если все пройдет успешно, то вы останетесь на Земле, а мы впоследствии тоже обретем потерянные родные планеты. Если ничего не получится — что ж, хуже, чем теперь, вам не будет.

Он положил свою мохнатую руку на плечо задумавшегося землянина.

— Кен, надо действовать быстро. Варна Аллан сейчас находится в корабельной рубке, она собирается просить у Совета Губернаторов разрешение на применение против вас силы. Если вы вмешаетесь в их разговор, то вас уже никто не оставит. Решайтесь, Кен!

Джон колебался. Он словно стоял с завязанными глазами перед лабиринтом. Броситься так, наобум, в хитросплетение звездной дипломатии, о которой он не имел ни малейшего представления? Нет, никто не давал ему права впутывать жителей города в борьбу, расстановка сил в которой еще далеко не ясна! Но... в иллюминаторе были видны солдаты, готовившиеся к бою и снимавшие чехлы со стволов орудий... Да и есть ли другие пути к спасению?

— Что я должен делать? — хрипло спросил он.

— Я объясню по дороге к рубке, — улыбнувшись, ответил капеллянин. — Помните — и «примитивам» даны кое-какие права!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

АПЕЛЛЯЦИЯ

Горр Холл вел Кеннистона через лабиринты «Таниса». К счастью, им не встретился никто из членов экипажа — видимо, капеллянин избегал главных коридоров.

Джон во все глаза смотрел по сторонам, но мало что воспринимал из увиденного — его нервы были взведены в ожидании первого залпа. Минута проходила за минутой, и катастрофа неумолимо приближалась...

— Так вот, Кен, в соответствии с законами Федерации вы можете подать апелляцию на решение Совета Губернаторов на его же очередную Ассамблею, — торопливо пояснял капеллянин. — Никто не имеет права вам отказать!

Они внезапно вышли на узкий мостик, нависавший метрах в трех над разветвлением коридоров. Горр указал на один из них, ведущий к массивной округлой двери.

— Это рубка. Варна Аллан проводит сейчас сеанс связи с членами Совета. Вряд ли Администратор сможет вам помешать — ведь Лунд тоже находится там. Удачи вам, Кен!

Кеннистон с бьющимся от волнения сердцем спустился по винтовой лестнице. На мгновение он обернулся — но капеллянин уже исчез. Джон решительно распахнул дверь и вошел в узкое помещение с высоким потолком. Три стены были заняты панелями с аппаратурой, перемигивающимися разноцветными огоньками, а впереди светился огромный экран, перед которым сидели в креслах Варна Аллан и ее заместитель. Но Джон не обратил на них внимания — широко раскрытыми глазами он смотрел в распахнувшееся перед ним окно в далекий звездный мир...

За черным овальным столом восседало четверо. Трое из них были людьми — седой старик с морщинистым лицом и пронзительным взглядом голубых глаз, пожилой толстяк с коротким ежиком огненно-рыжих волос и могучего телосложения атлет с длинными черными кудрями и резкими чертами лица. Четвертый же член Совета, как и Магро, представлял одну из планет звезды Спика, но был намного старше. Грива

белоснежных волос пышными волнами спускалась на плечи, с удивительно красивым лицом контрастировал жесткий взгляд.

За спинами четырех Губернаторов располагалось широкое окно — Джон смог разглядеть силуэты титанических башен, над которыми ослепительно сияла бело-голубая Вега.

Черноволосый атлет первым заметил появление Кеннистона.

— Кто это? — неприязненно спросил он. — Администратор, почему в зале находятся посторонние?

Варна и Лунд обернулись и некоторое время с изумлением смотрели на Джона. Лицо девушки порозовело от гнева, а Лунд, напротив, удовлетворенно усмехнулся.

— Это один из аборигенов, сир, — сердито сказала Варна и зло добавила: — Вы не имеете права находиться здесь, Кеннистон! Немедленно уходите!

— Ну уж нет, — возразил Джон и шагнул к экрану. — Сначала я выскажу членам вашего Совета то, что хотел.

— Лунд! — крикнула Варна Аллан, вскочив с кресла. — Вызовите охрану!

Норден Лунд не спешил выполнять распоряжение своей начальницы. Задумавшись, он внезапно ехидно улыбнулся:

— Я полагаю, этот человек отныне равноправный член Федерации. Мы не можем лишать его слова!

Голубые глаза девушки вспыхнули недобрым огнем, но она пересилила раздражение.

— Прошу прощения, джентльмены, — сказала она, вновь повернувшись к экрану. — Возможно, самовольное появление этого аборигена даже к лучшему — вам теперь будет понятна вся сложность создавшейся ситуации. Эти земляне — самые настоящие дикари, не признающие никаких законов и норм приличия! А что касается моего помощника, — Варна покосилась на ухмыляющегося Лунда, — вы сами видите, он использует любую возможность, чтобы подорвать мой авторитет!

Атлет недовольно нахмурился.

— Сейчас не время выслушивать ваши препирательства. Что хочет от нас этот человек?

Кеннистон собрал всю свою волю в кулак — судьба жителей Миддлтауна во многом теперь зависела от него. Едва сдерживая волнение, он неожиданно для себя резко спросил:

— Это вы приняли нелепое решение об эвакуации нашего города?

Седовласый старик спокойно ответил:

— К чему агрессивный тон, землянин? Да, приказ Администратору отдали мы. — Взглянув на Варну Аллан, он доба-

вил: — Я думаю, раз наше заседание прервано, то стоит подробнее ознакомиться с деталями этого дела.

Девушка неохотно кивнула, а улыбка Лунда стала немного шире.

Джон быстро произнес:

— Я требую вашего немедленного вмешательства, господа! Через несколько минут солдаты, охраняющие город, обстреляют из орудий ваши корабли. Могут быть жертвы с обеих сторон — этого нельзя допустить!

Старик недовольно поморщился:

— Исключено! Я отдам приказ использовать парализующие лучи!

Кеннистон возразил:

— Они не помогут. Через час-другой солдаты придут в себя и все равно начнут боевые действия. Пока останется жив хотя бы один мужчина в нашем городе, мы будем бороться за право остаться на Земле!

Казалось, горячее восклицание Кеннистона несколько смutilo Губернаторов. Белогривый гуманоид задумчиво произнес:

— Что ж, я верю. Некогда мой народ, вопреки логике, также отказывался покидать свою родную планету.

Лунд заговорил почтительным тоном:

— Я считаю, в такой ситуации мы должны действовать в строгом соответствии с законами Федерации.

— Рада слышать это от вас, Лунд, — холодно заметила Варна Аллан.

— Здесь не может быть двух мнений, Варна! Нельзя разрешить землянам остаться на остывающей, не пригодной для жизни планете — в конце концов, это просто негуманно. Однако у меня есть своя точка зрения...

— К дьяволу ваше мнение! — вмешался Кеннистон. — Господа, я прошу немедленно отменить ваше решение об эвакуации, иначе я не ручаюсь за последствия.

Рыжеволосый толстяк покачал головой.

— Это даже не обсуждается, землянин.

— Тогда я от имени властей Нью-Миддлтауна подаю официальную апелляцию на ваше решение, — твердо заявил Джон. — Я хотел бы, чтобы она была рассмотрена на ближайшей Ассамблее Совета Губернаторов!

Все изумленно уставились на него. Затем Лунд расхохотался.

— Вот уж не ожидал, что этот дикарь знаком с законами Федерации! Видимо, наш дорогой Горр Холл успел его просветить...

Варна Аллан недовольно поджала губы.

— Бесполезная трата времени, Кеннистон. Совет Губернаторов не меняет своих решений.

— Совершенно верно, — подтвердил атлет. — Это всего лишь военная хитрость аборигенов — дабы выиграть время.

— Тем не менее требование земель вполне законно, — возразил ему гуманоид, внимательно разглядывая Кеннистона своими выпуклыми, словно у куклы, глазами.

Седой старик после некоторого раздумья сказал:

— Землянин, в соответствии с законами Федерации вы имеете право подать апелляцию. Мы рассмотрим ее на ближайшей Ассамблее. Но предупреждаю: Совет ратифицирует свое прежнее решение.

— Посмотрим, — хладнокровно ответил Джон. — Но пока вопрос окончательно не решен, мы требуем, чтобы с Земли были убраны ваши корабли — это разрядит критическую ситуацию.

Старик неохотно кивнул.

— Что ж, это также не противоречит нашим законам... Хорошо, звездолеты будут временно отозваны на Вегу. И вы, землянин, полетите вместе с ними. По традиции, все апелляции должны предъявляться Совету лично истцом.

— Лично? — У Джона перехватило дыхание. Неужели он должен оставить Землю и погрузиться в бездонную пучину космоса? Стоит ли пролетать пол-Галактики ради почти безнадежного дела? Да и что он сможет — один против мириад инопланетян... Теперь он понял, что имел в виду Горр Холл, когда предупредил: «Это будет трудное дело».

Голос Варны Аллан вернул его к действительности.

— Вы готовы лететь, Кеннистон? — нетерпеливо спросила она. — Отвечайте быстро — иначе мы не успеем предупредить ваших солдат и они начнут атаку. Учтите — мы сумеем отразить любое нападение.

«Погибнут десятки, сотни горожан, — в отчаянии подумал Кеннистон. — Ради того, чтобы предотвратить это, стоит пойти на риск!»

Он набрал воздух в легкие и выпалил:

— Хорошо, я готов!

Старик удовлетворенно кивнул.

— Администратор, вы должны взлететь с Земли не позднее чем через два часа. — Он поднялся, давая понять, что сеанс связи закончился. Его примеру последовали остальные Губернаторы. — Я сам сообщу Совету о возникшем спорном вопросе.

Экран погас. Варна Аллан сердито взглянула на Кеннистона и сухо сказала:

— Вы должны доложить обо всем вашему руководству. А затем без промедления возвращайтесь на корабль — долго ждать мы не намерены.

Джон кивнул и вышел из рубки. На пороге он оглянулся и встретился с улыбающимися глазами Лунда. Заместитель Администратора был очень доволен.

* * *

Почти бегом Джон направился через равнину к городу. Он пытался сосредоточиться на предстоящем разговоре с «отцами Нью-Миддлтауна», но вместо этого перед его мысленным взором то и дело возникала картина ледяного космоса, посреди которого сияла ослепительная Вега... Бог ты мой, неужели он должен скоро лететь в бездны Галактики?

Невдалеке от портала его остановили солдаты. Они все еще рыли окопы и устанавливали орудия на боевых позициях. Узнав Джона, сержант стер с лица пот, смешанный с пылью, и сипло спросил:

— Что происходит на этих чертовых кораблях, мистер? Они готовятся к атаке?

— Где мэр? — не отвечая, спросил Джон.

— В городе, в сотне метров от портала. Там собралось все начальство — они еще не решили, что делать!

Кеннистон не без труда пробрался через несколько рядов траншей и почти вбежал под своды огромного купола. Невдалеке действительно горячо спорили о чем-то члены муниципалитета. В нескольких десятках шагов от них толпились молчаливые горожане. Лица выглядели озабоченными — демонстрация парализующих лучей изрядно охладила пыл и веселила в сердца тревогу.

Заметив Кеннистона, мэр нахмурился.

— Что привело вас обратно? — подозрительно спросил он. — Я думал, вы останетесь с вашими новыми друзьями.

Джона покорили эти несправедливые слова, но он сдержал свой гнев.

— Можете говорить что угодно, — неровным голосом произнес он, — но я сделал все возможное для спасения города. Мне удалось связаться с Советом Губернаторов, и те согласились на ближайшем заседании рассмотреть нашу апелляцию. Но для этого мне придется лететь на Вегу. Через два часа корабли стартуют с Земли!

Вокруг воцарилась недоуменная тишина.

— Вы летите к Веге? — воскликнул Хуббл. — Думаете, это даст нам что-либо?

— Надеюсь, — пожал плечами Джон. — Быть может, мне удастся убедить Губернаторов оставить нас в покое.

Мэр Гаррис начал понимать. На его измученном лице появилась извиняющаяся улыбка. Остальные руководители города подошли к Джону и поочередно пожали ему руку с прочувственными словами благодарности. Джону стало ясно — «отцы Нью-Миддлтауна» отлично понимали тщетность попыток доказать свою правоту силой оружия. Сейчас же у них появилась другая надежда.

— Отлично! — воскликнул мэр. — Путь цивилизованных переговоров вполне приемлем для нас. Я не позволил бы чужакам безнаказанно распоряжаться судьбой моего города!

Неожиданно он с жаром обнял Кеннистона.

— Вы очень много сделали для нас, Джон. Быть может, там, на Веге, не все так упрямы и агрессивны, как эта высокомерная женщина.

Обернувшись, он закричал, обращаясь к заинтригованной толпе:

— Все хорошо, граждане Нью-Миддлтауна! Войны не будет! Мистер Кеннистон объяснил этим пришельцам, что они должны убираться с Земли! Кеннистон также полетит к звездам и примет участие от имени нашего города в мирных переговорах!

Люди отозвались восторженным ревом. Мэр, обретая былую самоуверенность, приветственно помахал горожанам рукой, но вдруг посерьезнел. Повернувшись к Джону, он пробормотал:

— Погодите, но если кто-то должен представлять интересы города, то я... — мэр запнулся, однако нашел в себе силы вымолвить ужасные, невозможные для него слова: — То я должен лететь тоже?

Кеннистон с уважением посмотрел на взволнованного Гарриса.

— Нет, лететь придется мне одному, — мягко сказал он. — Я начал разговор с Губернаторами, мне его и кончать — тем более что я неплохо знаю их язык. А вы, Гаррис... вы нужнее здесь, в городе.

Члены муниципалитета возгласами подтвердили справедливость его слов. Мэр с нескрываемым облегчением вздохнул.

— Это верно, без меня в городе не обойтись. Джон, мыверяем вам судьбу пятидесяти тысяч жителей Миддлтауна, помните об этом! А сейчас — чем мы можем помочь? Все, необходимое вам...

— Спасибо, мне ничего не нужно, — поблагодарил Кеннистон. — А сейчас, простите; я должен идти. У меня очень мало времени, а я хочу взять с собой личные вещи и кое с кем попрощаться. Спасибо за доверие, мистер Гаррис! Хуббл, проводите меня...

Мэр настоял, чтобы Джона отвезли домой на его личном лимузине. Толпа расступилась, давая машине проход. Люди приветствовали Кеннистона как героя — ведь он подарил их городу мир! Звездолеты скоро улетят с Земли, а уж там, на Веге, все решится самым замечательным образом. Ура-а-а!!

Джон застал, увидев сияющие лица сограждан.

— Хуббл, они вновь уверены, что все будет в порядке. В какой уже раз за последнее время! Почему они такие легкомысленные? Скорее всего я добился всего лишь небольшой передышки...

— Между нами, Кен, у нас есть шансы на успех? — спросил Хуббл, сочувственно глядя на него.

— Господи, откуда я знаю? Я влез в самое пекло какой-то хитрой галактической интриги, сути которой не понимаю и наполовину! — Сдержав бурлящие в нем эмоции, он коротко поведал шефу все, что узнал на звездолете, и добавил: — Горр Холл и другие гуманоиды на нашей стороне, но кто знает — вдруг они просто используют меня как таран? Тем не менее я сделаю все, что смогу.

— Не сомневаюсь, — ответил Хуббл. — Хотел бы я полететь с вами, увидеть далекие звездные миры, но... Я слишком стар для этого. Кроме того, за мэром нужен глаз да глаз! О, мы уже приехали... Кен, пока вы будете собираться, я схожу за Кэрол.

Джон быстро уложил в небольшой чемодан необходимые ему в дороге вещи и, только защелкнув замок, с изумлением подумал: черт, да я словно собрался в очередную командировку в Питсбург или Чикаго, а не лечу к центру Галактики!

Вскоре пришла Кэрол. Ее лицо было бледно, глаза лихорадочно блеснули. Не ответив на его поцелуй, она прошептала:

— Нет, Кен, только не это... Ты не должен лететь! Ты погибнешь там, среди звезд...

— Не беспокойся, все будет в порядке, — попытался успокоить ее Джон. — У меня есть шанс спасти город, и нас с тобой в том числе, от насильственной эвакуации — разве я могу упустить его?

Казалось, невеста не слушает. Она с силой сжала его ладонь, жадно вглядываясь в глаза. Внезапно убежденно сказала:

— Ты ХОЧЕШЬ лететь.

— Я? — возмущенно воскликнул Джон. — Да я боюсь до

дрожи в коленях! Но я должен сделать это — понимаешь, должен!

— Нет, ты хочешь отправиться к чужим звездам, — упрямо повторила Кэрол, и ее глаза потухли. Джон почувствовал, как между ними вновь вырос непроницаемый барьер.

— В этом все различие между нами, Кен, — тихо продолжила Кэрол. — Я люблю старые вещи, все привычное и знакомое с детства. Ты же ищешь новые пути, но у меня своя дорога.

Она отступила на шаг — и Джону показалось, будто его любимую уносит какой-то незримый поток.

— Я скоро вернусь, Кэрол, и ты будешь ждать меня! — с отчаянием воскликнул он. — Слышишь — мне нужно, чтобы ты меня ждала!

Девушка с мягкой улыбкой покачала головой, а затем с внезапной страстью бросилась к нему в объятия. Ее поцелуй был полон нежной горечи, и Джон понял — это прощальный поцелуй. Не оборачиваясь, Кэрол выбежала из комнаты. А из-за окна послышался нетерпеливый автомобильный гудок.

Джон постоял еще немного посреди опустевшей комнаты, попрощался с ней взглядом и, захватив с собой чемодан, вышел на улицу.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

МИССИЯ К ЗВЕЗДАМ

Джон старался не выказывать страха. Звездолетчики наблюдали за ним с интересом, но он лишь сжал кулаки в карманах куртки — так, чтобы этого никто не заметил, и принял вид бывалого космического волка.

Вместе с капеллянином и Пирсом Еглином он стоял на обзорной палубе и молча смотрел на огромный экран, заполненный сиянием мириад звезд. Бархатная бесконечность Вселенной завораживала его, затягивала в свою бездонную пасть, и он с трудом подавлял желание вцепиться двумя руками в металлические поручни. Он просто не мог допустить слабость — Пирс Еглин пристально следил за ним.

Третий час «Танис» находился в полете, но об этом свидетельствовал лишь глухой рокот двигателей и легкое дрожание пола. Звезды в центре экрана оставались неподвижными — среди них выделялся голубой маяк Веги и дымчатая

полоса Млечного Пути. На периферии созвездия казались красноватыми и расплывчатыми — это было следствие огромной скорости корабля, намного превышающей световую. Капеллянин пытался объяснить Джону принцип построения двигателя, но тот понял лишь одно — специальные установки контролировали рост массы и изменение размеров корабля при нарастании скорости, что позволяло перешагнуть далеко за «световой барьер».

Мысль об этом у Кеннистона вызывала внутреннюю дрожь так же, как и воспоминания о старте. Никогда ему не забыть ужасных минут, когда он сидел в амортизационном кресле, окутанный антигравитационным коконом, и, глядя на мигающий свет сигнальной лампы, прислушивался к тревожному вою сирен. Сердце его бешено билось, лоб покрыла испарина — тем не менее он пытался убедить себя, будто находится в обычном самолете.

Момент взлета он почти не заметил — кокон настолько снизил действие чудовищного ускорения, что получилось, будто тронулась кабина обычного скоростного лифта. Однако сознание того, что Земля с каждой минутой удаляется, и, быть может, безвозвратно, вызывало шок. Легкое шипение за обшивкой почти сразу прекратилось — корабль миновал атмосферу и вышел в космос. Вопреки желанию Джон вцепился в поручни кресла, лицо его позеленело — он не мог привыкнуть к мысли, что теперь со всех сторон его окружает лишь ледяной вакуум, а впереди путь в несколько световых лет!

Горр Холл сочувственно взглянул на него и сказал:

— Все мы когда-то прошли через это, Кен. Я думал, что не переживу свой первый старт! Пойдемте на смотровую палубу, там вам полегчает...

И вот теперь, глядя через экран на звездные миры, Джон понял — нет, легче не стало. Возможно, нынешние люди и превратились в «граждан Галактики» — но он, Кеннистон, оставался сыном Земли.

Пытаясь отвлечься, он вспомнил о цели своей миссии: там, на Веге, он должен защищать права маленького Миддлтауна перед Губернаторами Звезд. Как заставить этих вечных странников понять страстную привязанность горожан к своей родной, пусть и умирающей планете?

Джон глухо сказал, опустив глаза:

— Горр, пойдемте отсюда. Я больше не могу на это смотреть...

Они оставили Пирса Еглина — историк наслаждался серебристым светом бесчисленных созвездий — и спустились в

один из главных коридоров. Капеллянин вопросительно посмотрел на Джона, и тот кивнул:

— Я уже в полном порядке, Горр. Мне хотелось бы обсудить детали предстоящего дела.

Горр Холл пристально взглянул на него.

— Хорошо. Магро и Лаллор ждут нас.

Пройдя лабиринт узких коридоров, они оказались у двери каюты Магро. К облегчению Джона, жалюзи иллюминатора были опущены, и ему больше не надо было смотреть на россыпи холодных огоньков, словно говорящих ему: ты уже не на Земле, ты — галактический странник! Он стыдился своего страха, но понимал — для человека из далекого XX века его реакция была естественной.

В каюте царил мягкий полумрак. Слоноподобное тело Лаллора склонилось над столом, на котором в беспорядке валялись листы бумаги, испещренные сложнейшими математическими символами. Магро сидел рядом, в мягком кресле, и с легкой усмешкой наблюдал за увлеченно работавшим другом.

— Чем он занят? — шепотом спросил Джон, присаживаясь вместе с капеллянином на массивный диван у стены. — Быть может, он рассчитывает курс корабля?

Магро встряхнул белоснежной гривой волос и расхохотался.

— До чего же вы, земляне, наивны! На «Танисе» есть киберштурман, так что помощь экипажа в полете почти не требуется. Вот Лаллор и развлекается, блуждая в математических дебрях. Для него это — высшее из наслаждений!

Лаллор наконец заметил гостей и отложил расчеты в сторону.

— Очень рад вашему приходу, Кеннистон, — приветливо сказал он. — Хотелось бы, чтобы мы стали друзьями.

— Не сомневаюсь в этом, — улыбнулся Джон. — Но пока я блуждаю как в тумане. С вашей подачи я обнадежил своих сограждан и с закрытыми глазами влез в игру, правил которой не понимаю.

— Ничего страшного — мы все объясним, — хохотнул капеллянин и похлопал его по спине своей мохнатой рукой. — У нас есть общие проблемы и надежды — а это главное. Странно, но факт: мы куда ближе друг к другу, чем вы и ваши отдаленные потомки. Люди давно покинули Землю и расселились по всей Галактике. Их дом — это Вселенная. Другое дело мы — «примитивы». Когда люди обнаружили наши миры, мы были почти дикарями — но счастливыми дикарями. Теперь мы приобщены к могучей цивилизации Федерации Звезд, приняты в ее состав как равные среди равных,

но... В душе мы еще не потеряли свои корни и потому всякий раз противимся очередному переселению с одной планеты на другую — хоть это и не проявляется столь бурно, как у вас, землян. Увы, в конце концов мы всегда уступали... Но сейчас появилась надежда — я имею в виду метод Йона Арнола.

— Погодите, — прервал его Кеннистон. — Расскажите подробнее.

Лаллор покачал своей огромной головой.

— Боюсь, объяснить будет сложно... Суть идеи Арнола в том, чтобы искусственно возбудить в коре остывающей планеты процесс трансформации железа в никель подобно тому, как в недрах звезд идет постоянное преобразование водорода в гелий. Йон Арнол нашел метод, с помощью которого этот процесс можно сделать регулируемым и безопасным.

— Выходит, планеты перейдут на самообогрев по типу «солнечной печки»? — озадаченно воскликнул Джон.

— Да, Арнол предложил смелую, оригинальную идею! Она могла бы решить проблемы многих умирающих миров, входящих в состав Федерации. К несчастью, первое испытание, проведенное на небольшом астероиде, закончилось неудачей. Йон неверно рассчитал «заряд», заложенный в ядро планетоида, — и процесс стал неуправляемым. Произошел ужасный взрыв... Арнол объяснил это тем, что для эксперимента нужна достаточно большая планета.

— Почему же он не повторил свой опыт? — удивился Кеннистон.

— Совет Губернаторов был против, — усмехнулся Лаллор. — Мол, слишком опасно...

— Опасно? Но разве испытание на какой-нибудь необитаемой планете может быть опасным?

— Вы ничего не понимаете, Кеннистон, — раздраженно ответил Лаллор. — Губернаторы просто НЕ ХОТЯТ, чтобы работа Арнола завершилась успехом и тем самым дала «примитивным народам» шанс возродить их родные планеты. Наш провинциальный патриотизм им глубоко чужд — ему противопоставляется «райская жизнь» в космополитической звездной коммуне.

Кеннистон задумался: все рассказанное Лаллором было похоже на правду. Но...

— Выходит, вы хотите использовать мой мир, мою Землю как полигон? — медленно произнес он, пытливо глядя на гуманоидов. — Вы жаждете провести на моей родной планете эксперимент, который Совет Губернаторов — независимо от мотивов — признал опасным?

Лаллор холодно кивнул.

— Да, это так. Сложность здесь лишь в том, как заставить Совет дать разрешение на проведение испытания.

Горр Холл немедленно вмешался в разговор.

— Кен, вы напрасно подозреваете нас в эгоизме. Разве вы не видите, как здесь все тесно взаимосвязано? Да, мы заинтересованы в проведении эксперимента на Земле — но ведь и у вас нет другого выхода! Совет Губернаторов наверняка отклонит вашу апелляцию — и вам придется подчиниться приказу об эвакуации.

— Другими словами, метод Йона Арнола — наш единственный шанс?

— Да, единственный, — подтвердил капеллянин. — И для вас, землян, и для множества других «примитивных» народов. Стоит рискнуть, не правда ли?

Кеннистон задумался.

— По-моему, стоит...

— Мы понимаем ваши сомнения, Кен, — мягко продолжил Горр Холл. — Конечно же, окончательное решение должны принимать все жители вашего города — риск окончательно потерять Землю существует... Конечно, ваши люди в любом случае не пострадают — они будут временно выселены с Земли.

— Решайтесь, Кеннистон, — сказал Лаллор, пытливо глядя на землянина. — Йон Арнол — мой давний друг. Когда мы приземлимся на Веге-4, я попрошу его помочь вам на заседании Совета.

Джон обвел взглядом трех гуманоидов и подумал: «А ведь я им верю!»

— Хорошо, — сказал он наконец. — Любая, пусть даже призрачная надежда — это лучше, чем ничего.

Лаллор одобрительно кивнул.

— Будем считать, что мы пришли к соглашению, — спокойно заключил он.

Горр Холл захохотал и хлопнул Кеннистона по плечу.

— Кен, по вашему позеленевшему лицу я вижу, в чем вы сейчас нуждаетесь!

Он вышел и вскоре вернулся с большой плоской фляжкой из серого металла.

— К счастью, на техсостав не распространяется обязательный для экипажа «сухой закон», — громыхнул он. — Нам, «примитивам», трудно обойтись без стимуляторов... Давайте бокалы, Магро.

Белогривый гуманоид оживился и достал из шкафа пластмассовые стаканчики.

— Мы, в отличие от Лаллора, предпочитаем уравнения некоторым житейским радостям, — объявил он, сметая со стола

листы с формулами. Математик с осуждением посмотрел на друга, но отказываться от угощения не стал.

Горр Холл бережно взболтнул фляжку и аккуратно разлил ее содержимое по стаканчикам.

— Попробуйте это, Кен, — предложил он.

Жидкость имела странный привкус. Кеннистон сделал несколько глотков — и вдруг в его желудке словно взорвалась бомба. Горячие волны мгновенно распространились по всему телу. Когда Джон наконец вновь обрел дыхание, он хрипло спросил:

— Что за штука?

— Это настой из грибов, растущих в одном из миров моей родной Капеллы. Ну, берет за душу, а?

Кеннистон сделал еще несколько глотков, чувствуя, как все его тревоги начинают улетучиваться. Откинувшись на огромную спинку дивана, он лениво стал прислушиваться к неспешной беседе гуманоидов.

— ...Первый полет всегда труден, — говорил Магро, смакуя огненную настойку. — Никогда не забуду свой первый вояж к Плеядам...

— ...А катастрофа в созвездии Алголя? Я потерял там лучших друзей...

Перебивая друг друга, гуманоиды долго и взахлеб вспоминали свои приключения на далеких мирах.

— Но кто может описать все это? — вопрошал Лаллор, закатывая глаза. — Разве найдется перо, способное передать одиссею корабля, впервые достигшего той звезды — вы, земляне, называете ее Полярной?

— Был такой на Земле Герман Мелвилл, — прошептал Джон. — Только он мог описать и бушующие просторы Атлантики, и бескрайние зеркала морей, дремлющих под светом Луны и звезд...

На него внезапно нахлынула ностальгия. Вспомнился запах осеннего костра из опавших листьев, луга, заросшие темно-розовыми цветами клевера, заснеженные горы... Все это ушло, ушло навсегда! Земля, оставшаяся позади в ледяных пучинах космоса, была лишь тенью мира, который он любил... Кэрол права — все лучшее там, в прошлом... Что он, Джон Кеннистон, делает здесь, на чужом корабле, летящем к далекой Вере?..

Новые друзья с сочувствием глядели на него. Джон рассердился.

— Не надо меня жалеть, — сказал он. — Лучше дайте еще выпить!

Увы, вино только усилило тоску. Вскоре Джон поднялся

и, попрощавшись, поплелся к своей каюте. Войдя в темное помещение, он неожиданно для себя нажал на кнопку в стене и открыл жалюзи иллюминатора. В каюту тотчас хлынул звездный свет... Джон уселся в кресло и с ненавистью стал смотреть на серебристые россыпи далеких миров.

Внезапно в дверь постучали. Чертыхнувшись, Кеннистон неохотно поднялся и открыл дверь. В тусклом свете коридорных ламп он узнал Варну Аллан.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

К ЗВЕЗДАМ

Девушка скользнула взглядом по полутемной комнате и, убедившись, что та пуста, тихо спросила:

— Я могу войти?

Джон шагнул в сторону, пропуская Администратора. Хотел было включить свет, но Варна остановила его жестом.

— Нет, не надо. Я тоже люблю смотреть на звезды...

Она уселась в кресло вблизи иллюминатора и некоторое время наслаждалась причудливыми россыпями созвездий. Звездный свет мягко ложился на ее лицо, делая его еще прекраснее — и холоднее.

Озадаченный Кеннистон все еще стоял у двери. Он с трудом подавил закипающее в нем чувство неприязни и молча смотрел на нежданную гостью. Варна, одетая в длинный коричневый жакет и брюки, казалась безмятежной, но Джон чувствовал в позе девушки внутреннее напряжение. «Неужто ее тревожит мое будущее выступление на Ассамблее? — не без злорадства подумал он. — Кажется, высокомерная богиня сошла со своего пьедестала и превратилась в обычную встревоженную женщину...»

После затянувшейся паузы гостя отрывисто сказала:

— Кеннистон, я хочу сообщить — Совет Губернаторов решил выделить целых два часа на рассмотрение дела Сола-З — и сделает это на следующий же день после вашего прибытия в Вега-Центр.

— Целых два часа! — с иронией воскликнул Джон. — Не так уж и много, учитывая, что будет решаться судьба целого мира!

— Губернаторы заняты важнейшими проблемами доброй половины Галактики, — сухо возразила Варна. — Больше

времени вам не уделят, и не надейтесь. Тем не менее ваша апелляция будет рассмотрена.

Джон кивнул. Он понимал, что гостя вряд ли пришла к нему только ради этого сообщения, и терпеливо ждал.

Наконец Варна Аллан вновь заговорил:

— Как заместитель Администратора здешнего сектора Галактики Норден Лунд имеет право выступить на Совете и высказать свою точку зрения.

Кеннистон пожал плечами.

— Напрасно вы так спокойны — его выступление может оказаться для вас и ваших людей очень важным, — предупредила его Варна.

— Почему?

— Лунд весьма амбициозен, — нервно сказала девушка. — Он не скрывает, что хочет занять пост Администратора, а позднее — Губернатора или даже самого Главы Совета! Его честолюбие безмерно.

— Словом, он — ваш опасный конкурент, — понимающе усмехнулся Джон.

— Да, моя должность — это шаг вверх для Лунда, и он без колебаний этот шаг сделает. И точно так же переступит через судьбы жителей вашего Миддлтауна! Ваше неслыханное появление из глубин времени вызвало огромный интерес к делу Сола-3, и к заседанию Совета будет приковано внимание многих миров. Не сомневайтесь — Лунд использует этот шанс!

В порыве она встала и горько сказала:

— Если Лунд сможет найти в моих действиях серьезные ошибки, то...

Лицо Кеннистона не дрогнуло.

— Вы опасаетесь, что Лунд преподнесет нам обоим сюрпризы?

Варна Аллан кивнула.

— Да, уверена — он что-то задумал. С тех пор как мы стартовали с Земли, Лунд поглядывает на меня с явным превосходством. Но в чем состоит его план, не могу догадаться. — Неожиданно она в упор взглянула на Джона. — Быть может, вы попробуете? Это как-то связано с вашими, земными проблемами...

Джон изумленно взглянул на ее умоляющее лицо — и расхохотался.

— Это очень забавно, — сказал он, заметив в глазах девушки испуг и непонимание. — Вы приходите на Землю как глашатай законов Федерации, как Высокопоставленная Особа, Могушественная и Бесстрастная, и смотрите на нас, бед-

ных «примитивов», словно на стадо бессловесных овец. А сейчас, когда ваша драгоценная должность в опасности, вы спускаетесь с пьедестала и приходите к жалкому аборигену за помощью! Ха-ха...

Лицо красавицы побледнело, ее голубые глаза внезапно полыхнули огнем, фигура гордо выпрямилась.

Джон недобро усмехнулся.

— Знаете что, мисс Администратор? Мне абсолютно наплевать, кто из вас будет носить этот спесивый титул — вы или Лунд! Вы оба не входите в число моих друзей...

Он с удовольствием наблюдал, как остатки высокомерия сползают с лица античной богини — сейчас перед ним была всего лишь разгневанная женщина.

— Вы думаете, я прошу вас помочь сохранить мое положение?

Голос Варны задрожал — впервые в нем прозвучали страстные нотки.

— Моя позиция в отношении Земли определяется моим долгом — и ничем иным! Неужели вы считаете, будто я, подобно Лунду, с радостью отдала приказ о вашей эвакуации? Что можете вы, «примитивы», знать о традициях космических служб Федерации? И что можете знать обо мне? Вовсе не ради удовольствия я провела свои лучшие годы за упорной учебой — а ведь мне очень хотелось развлекаться, как другим девушкам! Я отнюдь не мечтала с детства угробить себя в сумрачных кабинах космолетов и среди диких аборигенов на других мирах...

Варна с трудом сдержала негодование и, резко повернувшись, шагнула к двери. Пораженный этой неожиданной вспышкой, Джон последовал внезапному импульсу и поймал ее за руку.

— Подождите!

Варна смерила его презрительным взглядом.

— Дайте пройти — иначе вызову охрану!

Кеннистон не выпустил ее ладонь из руки.

— Не уходите... Я прошу прощения за свою резкость!

Ему было на самом деле стыдно — он чувствовал, что не прав.

Девушка сердито взглянула на него и после минутного раздумья вернулась в кресло.

— Давайте забудем это, — прерывистым голосом произнесла она. — Я сделала ошибку, разговаривая эмоционально, словно...

— Словно «примитив», — закончил за нее Джон и невесело рассмеялся. Его неприязнь к Администратору и ее звезд-

ным соплеменникам не уменьшилась, но он окончательно избавился от комплекса неполноценности. Высокомерная представительница Совета Губернаторов исчезла — перед ним была лишь встревоженная и одинокая девушка, ищущая мужской поддержки.

— Еще раз прошу простить меня: я вовсе не собирался насмехаться над вами, — поспешно произнес он. — Не ожидал, что вы окажетесь настолько чувствительной!

После неловкой паузы Варна тихо сказала:

— Вы считаете, будто в наших с Лундом позициях нет никакой разницы, — и ошибаетесь, Кеннистон.

— Оба вы выступаете за нашу эвакуацию с Земли — в чем же различие?

— Да хотя бы в том, что я настаиваю на мирном решении проблемы, а Лунд явно хочет драматизировать ситуацию. Если у него получится, то против вас применят силу!

— Силу? Вы что, забыли о пушках перед входом в Нью-Миддлтаун?

— Я-то помню и потому дала согласие на переговоры. Но... Земля оказалась в фокусе давней, многовековой проблемы: имеют ли право «примитивы» на самостоятельный выбор судьбы? Внимание всей Федерации будет устремлено на Ассамблею совета — и можете не сомневаться, Лунд постарается выслужиться перед Губернаторами, даже если для этого придется покарать бунтарей! Чем жестче решение примет с подачи Лунда, тем больше шансов, что никогда в Галактике не возникнет прецедента с непокорными «примитивами»!

Джон ощутил прилив тревоги — в словах Варны была логика.

— Что ж, я готов помочь, — пробормотал он растерянно. — Но поверьте — я понятия не имею, какие козыри предъявит Лунд на заседании! Наша жизнь проста и открыта — что он мог такого вынюхать?

— Посоветуйтесь с вашими друзьями-гуманоидами.

— Я немедленно поговорю с ними, — кивнул Джон.

Варна встала и пошла к выходу. Не дойдя до двери, обернулась:

— И вот еще что, Кеннистон. Не доверяйте оптимизму Горра Холла — у вас почти нет шансов. Эвакуации не удастся избежать... — Неожиданно ее взгляд стал мечтательным, и она прошептала: — Хотела бы я быть простой земной девушкой и жить в вашем Миддлтауне... И звезды стали бы для меня лишь огоньками в небе...

Джон, улыбнувшись, покачал головой.

— Не завидуйте нам, Варна, у вас тотчас появились бы

другие проблемы. Почти все горожане чувствуют себя несчастными... Многие, как моя невеста Кэрол, тяжело переживают потерю своей эпохи, привычного образа жизни...

— Кэрол? Эта та красивая девушка, с которой я видела вас на площади?

— Да... Поставьте себя на ее место — Кэрол потеряла в далеком прошлом все, что любила: цветущие сады, реку, бескрайние луга, веселые пикники на лесных полянах. А теперь вы хотите лишить ее права остаться на Земле!

Варна сказала задумчиво:

— Только подумать — всю жизнь провести на маленькой планете, в крошечном городке, среди одних и тех же людей... Знаете, Кеннистон, мне ее жалко!

— Жалость, сострадание — не слишком ли много эмоций для звездной странницы? — улыбнувшись, сказал Джон и ласково погладил ее по руке.

Варна вздрогнула, неуверенно улыбнулась ему в ответ и, словно опомнившись, торопливо вышла из комнаты.

— Черт побери, да она же боится мужиков! — пробормотал Джон, с изумлением глядя ей вслед.

Мысль о Нордене Лунде тревожила не только его — Горр Холл выслушал Джона с озабоченным видом.

— Только этого нам не хватало! — воскликнул капеллянин. — Лунд весьма опасный тип. То-то я вижу, он ходит по кораблю словно хозяин и загадочно ухмыляется... В чем дело? Постойте, Кен, в последнее время Лунд довольно близко сошелся с нашим историком. Быть может, нам удастся вытянуть что-нибудь у Еглина?

Кеннистон одобрительно кивнул.

— Отлично — и, кстати, повод для разговора есть. Пирс давно хочет со мной основательно побеседовать о старом Миддлтауне. Слово за слово — что-либо и сболтнет...

Но встреча не состоялась ни на этот, ни на следующий день — если, конечно, считать днем регулярные изменения яркости искусственного освещения. Наконец Джон совершенно случайно встретил историка в коридоре и, не дав тому ускользнуть, прямо спросил:

— Пирс, вы должны знать, какой сюрприз ваш приятель Норден Лунд готовит для своего выступления на Совете Губернаторов. Скажите откровенно: какую пакость он приберет?

Глаза Пирса Еглина забежали. Он оглянулся с затравленным видом и пробормотал:

— Джон, почему вы спрашиваете меня об этом? Что я могу знать?

Кеннистон в упор взглянул на него.

— Вы чертовски плохой лицемер, Пирс. Итак?

Еггин воскликнул, безуспешно пытаясь улизнуть:

— Джон, послушайте, не втягивайте меня в ваши дрязги! Лично мне вы симпатичны, я искренне хотел бы вам помочь. Но я не политик, а всего лишь историк... Ваш старый Миддлтаун — это мечта моей жизни, воплотившаяся наяву, и ради его спасения я готов сделать все возможное. Все!

— О чем вы толкуете, Пирс? — сердито спросил Кеннистон. — При чем здесь Миддлтаун?

Юноша лихорадочно заговорил:

— Кен, вы ничего не понимаете... Мне жаль вас — и остальных горожан тоже. Но поймите — люди смертны, а Миддлтаун должен быть сохранен на многие тысячелетия как ценнейшая историческая реликвия! Я могу спасти его и посвятить остаток своей жизни его изучению, но мне необходима официальная поддержка...

Джон начал кое-что понимать.

— Погодите... Какую поддержку обещал Норден Лунд? В обмен на что? Судя по всему, этот человек ничего не делает даром.

Еггин с несчастным видом покачал головой.

— Кен, я не могу вам ничего рассказать. Правда, не могу!

В его глазах заблестели слезы. Джон на мгновение растерялся и потерял бдительность — и Еггин, воспользовавшись этим, немедленно улизнул. Он почти бежал к своей каюте вдоль пустынного коридора. Джон с тревогой смотрел ему вслед.

Он немедленно направился к Горру Холлу и рассказал друзьям то небольшое, что сумел узнать. Гуманоиды с хмурым видом выслушали его короткий рассказ.

— Не понимаю, чем Пирс Еггин мог оказаться полезным для Лунда? — озабоченно произнес Магро.

— Еггин неплохо знает наш язык. Быть может, он подслушал угрозы со стороны горожан и донес Лунду? — растерянно предположил Кеннистон.

Горр Холл в сомнении покачал своей огромной головой.

— Слова перепуганных обывателей — не аргумент для Совета Губернаторов! К тому же Еггин в последнее время не вылезал из вашего старого Миддлтауна... Нет, здесь кроется что-то другое.

Лаллор тихо сказал:

— Не нравится мне все это, очень не нравится... Кен, только вы сможете догадаться, что неприглядного сумел раскопать Пирс Еггин в прошлом вашего города.

Джон хмуро кивнул.

В последующие несколько дней историк явно избегал зем-

лянина. Между тем корабль стремительно приближался к Вега-Центру. Кеннистон часами просиживал на обзорной палубе «Таниса», любуясь фантастическим зрелищем. Из бархатной бездны навстречу кораблю величественно выплывал ослепительный бело-голубой шар, занимая все большую и большую часть экрана. Внезапно рядом с Вегой появился алмазный венец планет и медленно закружился вокруг своего солнца.

«Танис» совершил плавный маневр разворота и направился к четвертой планете. Вскоре невзрачная желтая искорка разрослась в огромный, окутанный непроницаемыми облаками шар. Джон услышал предупредительный вой сирены — и сразу перегрузка стала стремительно нарастать. Антигравитационный кокон автоматически обхватил его тело, не давая пошевелиться. Расширенными от тревоги глазами Джон смотрел, как корабль круто входит в верхние слои атмосферы. Казалось, они неизбежно врежутся в поверхность планеты, но вскоре «Танис» вырвался из плотного слоя облаков и по планирующей траектории заскользил над поверхностью. Джон жадно разглядывал мелькающий на экране ландшафт, совершенно не похожий на земной. Внизу промелькнула широкая голубая равнина, за ней лежал невысокий горный хребет с черными и пурпурными скалами, а еще дальше растянулся золотистый океан, в бесчисленных волнах которого отражался алмазный блеск Веги. А затем Кеннистон увидел материк, большую часть которого занимал титанический мегаполис. Невдалеке от него, на берегу океана, находился космопорт. «Танис» еще больше замедлил свой полет и вскоре, совершив сложный маневр разворота, плавно опустился дюзами вниз, в жерло огромного дока.

Горр Холл растегнул свой кокон и помог Кеннистону. Могучий капеллянин явно нервничал.

— Мы предупредили Йона Арнола, и он ждет нас, — глухо сказал гуманоид. — Его лаборатория довольно далеко, в другом полушарии, но Йон обещал нас встретить...

Йон Арнол? Джон почти забыл о нем, ошеломленный величественным городом, простиравшимся на сотни километров в глубь материка. Он все еще не мог осознать, что находится в Вега-Центре, более чем в двадцати шести световых годах от Земли!

Вместе с Горром Холлом он покинул корабль, миновал широкий туннель, преодолев встречный поток телеперсонала и бесчисленных обслуживающих роботов самой причудливой формы. Пройдя огромный холл, где экипаж ожидали встречающие, они вышли из дока. Воздух, напоенный чуждыми

запахами, показался ему несколько разреженным и богатым озоном, словно в горах.

Администратор и ее заместитель были уже здесь. К ним подкатил роскошный обтекаемый лимузин, и робот-водитель приглашающе распахнул дверцу. Лунд скользнул взглядом по озадаченному лицу Кеннистона и, недобро усмехнувшись, направился к машине. Варна Аллан повернулась к Джону и официальным тоном произнесла:

— Кеннистон, на время пребывания на Веге-4 вам предоставляется квартира в одной из гостиниц Административного Центра. Если хотите, могу подвезти.

Голос ее звучал ровно и бесстрастно, но в глазах светились тревога и сочувствие.

Горр Холл тем временем заметил высокого темноволосого мужчину, выходявшего из только что подкатившего приземистого автомобиля.

— Спасибо, Варна, мы отвезем Джона сами, — заторопился он. — Заодно покажем ему город... Привет, Йон, привет, дружище!

Йон Арнол горячо пожал руку старому другу. Джона поразило его лицо — впалые щеки, высокий лоб, грива седых волос и огромные мечтательные глаза, в глубине которых горел огонь. Заметив Администратора, Арнол нахмурился и коротко кивнул в знак приветствия. Варна Аллан неприязненно сказала:

— Так и думала, Арнол, что увижу вас здесь. Но не рассчитывайте на успех очередной авантюры... И вы тоже, Горр Холл.

— Кто знает, Варна, быть может, на сей раз повезет? — добродушно прогудел капеллянин.

— Учтите: отныне вы с Арнолом отвечаете за все, что произойдет на заседаниях Совета, — холодно предупредила Администратор. — Земляне и так находятся в незавидном положении — не стоит усугублять его!

Она бросила на Кеннистона серьезный взгляд и, усевшись в автомобиль, умчалась в сторону города.

Джон долго смотрел ей вслед. Он сожалел, что Варна так сухо разговаривала с ним, не произнесла ни одного ободряющего слова. И его встревожила злая усмешка Лунда.

Йон Арнол тем временем сердечно приветствовал подошедших Лаллора и Магро. Его движения поражали быстротой и резкостью — казалось, нервы ученого напряжены до предела!

— Я думаю, у нас появился реальный шанс! — воскликнул он. — Господи, неужели ты услышал мои молитвы? Про-

блема Сола-3 может оказаться именно тем делом, которое мы так давно ждали. Увидите — ныне я добьюсь успеха, нравится кому-нибудь это или нет!

Горр Холл смущенно кашлянул и кивнул в сторону Джона.

— Йон, познакомьтесь — это Кеннистон, представитель Земли.

Арнол, казалось, заметил Джона только сейчас. Немного растерянно протянул руку.

— Извините, если мои слова прозвучали несколько эгоистично, — сказал он. — Я понимаю, у вас свои проблемы, но... Если бы вы знали, как долго я ждал подходящего случая!

Горр Холл прервал ученого.

— Здесь не место для таких разговоров, — тихо сказал он, подозрительно оглядываясь по сторонам — в этот момент мимо них проходила шумная толпа: экипаж «Таниса», родственники, друзья. — Поехали в гостиницу. У Кеннистона и наметит план дальнейших действий.

Они спустились по широким ступенькам и оказались на гладких, словно стекло, шестиугольных плитах, устилающих поверхность огромного космодрома. Прежде чем влезть в автомобиль Арнола, Джон еще раз с любопытством огляделся. Вокруг, до самого берега океана, тянулись в зеленую высь сотни звездолетов, прилетевших из всех уголков Галактики. Время от времени небо сотрясало от грохота — в доки спустился очередной космолет. Гораздо отчетливее, чем во время полета, Джон осознал, что он — первый из землян, совершивший вояж через безмянные океаны космоса к звездным островам Галактики!

Если бы не нетерпеливый Горр Холл, он еще долго любовался бы причудливыми силуэтами космических кораблей. Усевшись на мягкое сиденье, Джон вздрогнул — автомобиль Арнола рывком поднялся на несколько метров и заскользил меж стальных башен кораблей. Вылетев за пределы космопорта, он вырулил на скоростное шоссе и стремительно помчался в сторону города. Джона поразила интенсивность движения. Несколько раз над перекрестками они взмывали на парящие в воздухе арочные мосты, под которыми сверкал разноцветный поток флайеров самых разнообразных форм и размеров.

Вскоре все внимание Джона переключилось на бесчисленные башни, переливавшиеся в голубых лучах уже клонившейся к горизонту Веге. Он вновь почувствовал себя невежественным дикарем, стоящим на холме возле священного Вавилона. Через несколько минут летающий автомобиль ворвался в запыленную мглой ущелье между величественными зда-

ниями. На парящих по обочинам тротуарах бурлили толпы людей, закутанных в пышные шелковые одежды, а также крылатых, мохнатых и хвостатых гуманоидов десятков различных рас. Через приоткрытую дверцу в салон ворвалась странная бухающая музыка, больно ударяющая по нервам, а позади все еще был слышен гул стартующих звездолетов.

Горр Холл положил ему руку на плечо и указал кивком вперед. Джон вздрогнул. В самом центре мегаполиса располагалась огромная округлая площадь, посреди которой высилась цепь титанических белых зданий, уходящих своими спиралевидными шпилями в темнеющее небо, казалось, к самим звездам. И хотя никто из спутников не произнес ни слова, Джон понял — да, это и есть Вега-Центр, резиденция всевластного Совета Губернаторов. Завтра он выступит там, защищая право Земли на свободу и независимость.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ПРИГОВОР ЗВЕЗД

Кеннистон сидел за круглым столом из светящегося пластика, крепко сжав кулаки и изо всех сил стараясь не потерять самообладания. Рядом с ним находились свидетели, вызванные Советом по его делу, — Варна Аллан, Норден Лунд и Йон Арнол, а напротив в роскошном кресле восседал Секретарь Ассамблеи, тщедушный старик с удивительно цепким и пронизательным взглядом. А вокруг круто уходили ввысь бесчисленные ряды, заполненные Губернаторами обитаемых планет почти половины Галактики. В огромном зале царил полумрак, но Джону казалось, что он видит тысячи человеческих и нечеловеческих лиц, серьезных и внимательных.

«Только подумать — еще несколько недель назад я жил себе в Миддлтауне и знать не знал о каких-то там звездах! — с трепетом думал он, обводя взглядом укутанные мглой ряды амфитеатра. — И вот теперь я на краю света, в Вега-Центре, и должен отстаивать права всей Земли перед представителями миров, о которых почти ничего не знаю! Кто я для этих Губернаторов? Равный среди равных гражданин Галактики — или чудом оживший реликт бесконечно далекого прошлого?»

Негромкий, уверенный голос Варны Аллан оторвал его от невеселых мыслей. Администратор заканчивала доклад об экспедиции на Сол-3.

— ...Итак, возникла сложная, нестандартная ситуация, — говорила девушка. — Прежде чем вы, достопочтимые Губернаторы, примете окончательное решение, прошу иметь в виду — эти несчастные люди, потерявшиеся во времени, требуют к себе особого внимания.

Я предлагаю следующее: начать процесс эвакуации лишь тогда, когда жители Сола-3 психологически будут подготовлены к мысли о переселении на другую планету. Я верю — в таком случае эвакуация пройдет без особых осложнений. Иначе, боюсь, не миновать шока и проявления агрессивности и этих «примитивов», обладающих, к сожалению, повышенной эмоциональностью.

Она взглянула на сидевшего рядом Нордена Лунда и нехотя добавила:

— Впрочем, это лишь мое личное мнение. Быть может, присутствующий здесь Суб-Администратор Лунд пожелает что-либо добавить к моему докладу.

Лунд добродушно улыбнулся и, встав, сказал:

— Если уважаемая Ассамблея не возражает, я хотел бы выступить несколько позже.

На мгновение в огромном зале повисла напряженная тишина — до Кеннистона доносился лишь легкий шорох приглушенных голосов.

— Хорошо, — сказал Секретарь после минутного раздумья. — Мы дадим вам слово, Суб-Администратор. А теперь, уважаемые Губернаторы, представляю вам Джона Кеннистона, жителя планеты Сол-3.

Джон с трудом поднялся, не чуя под собой ног. В горле его пересохло. Он ощутил на себе взгляды тысяч заинтересованных глаз обитателей множества миров Галактики — они ждали его выступления. Ждали этого и тысячи его сограждан — фабричные рабочие, домохозяйки, владельцы магазинов, водители, бизнесмены — ждали и надеялись.

Слегка повернувшись, он увидел, как Варна Аллан ободряюще улыбается ему. Набрав в грудь побольше воздуха, Джон медленно заговорил глухим, неровным голосом, стараясь тщательнее подбирать слова:

— Уважаемые Губернаторы! Я представляю здесь небольшой народ, насчитывающий чуть больше пятидесяти тысяч человек. Волей несчастного случая мы перенеслись на миллионы лет в будущее и оказались в вашем времени. Мы лишь совсем недавно узнали о Федерации Звезд и Совете Губернаторов, но готовы признать вашу власть и повиноваться вашим законам. Насколько я понимаю, отныне мы являемся полноправными членами сообщества обитаемых миров и можем

пользоваться правами, естественными для цивилизованного общества. И потому мы выражаем решительный протест против бесцеремонного вмешательства в наши внутренние дела...

Джон пытался как можно более ярко рассказать членам Ассамблеи о жизни обитателей Миддлтауна до того ужасного дня, когда в синем июньском небе над ними разразилась катастрофа. Он отметил, что люди XX века не мечтали о звездах всерьез и своими корнями очень сильно привязаны к родной планете — пусть ныне и не очень гостеприимной.

— Я понимаю, вас может смущать необходимость постоянной помощи нашему поселению на холодной, умирающей планете, — продолжал Джон окрепшим голосом. — Но поверьте, нам не так уж много и надо — в наше время люди были не избалованы. Мы знаем, что такое лишения и страдания, и сумеем решить все наши проблемы — дайте только срок! Да, не скрою, мы надеемся на вашу поддержку, но, в конце концов, готовы обойтись и своими скромными силами. Все, что мы безусловно просим и даже требуем, — оставьте нас в покое, не навязывайте нам свои, непривычные нам, стандарты жизни. Наши предки, все до единого, жили и умирали на Земле — и мы хотим того же!

Он замолчал, собираясь с силами перед заключительными словами. Он не сказал и десятой доли того, что наметал, — да разве обо всем скажешь?

— Какое бы решение вы ни приняли, уважаемые Губернаторы, не забывайте: наша планета — это не просто Сол-3, а Земля, мать для многих из вас, мать забытая и одинокая. Вы не должны дать ей окончательно умереть!

Он поклонился и сел, выжатый, как лимон. Хорошо или плохо, но он сделал все, что было в его силах.

Йон Арнол наклонился к нему и ободряюще прошептал:

— Впечатляюще, очень впечатляюще, Джон!

Секретарь Ассамблеи пристально взглянул на Кеннистона.

— Быть может, вы намереваетесь возродить к жизни ваш Сол-3 с помощью метода присутствующего здесь известного ученого Йона Арнола?

Джон вновь встал, намереваясь ответить, но Йон опередил его:

— Ваши светлости, если позволите, я расскажу об этом в моем выступлении.

Секретарь кивнул.

— Хорошо. Предоставляю вам слово, Йон Арнол.

Ученый поднялся с места. Его тонкое, одухотворенное лицо было бледно, глаза возбужденно блестели. Обведя вызывающим взглядом ряды членов Совета, он резко сказал:

— Не буду кривить душой и говорить: «уважаемые Губернаторы», как это только что сделал мой коллега с далекой Земли. Не всех сидящих в этом зале я уважаю и отлично знаю — это чувство взаимно. Большую часть жизни я посвятил разработке процесса возрождения остывающих планет, которых, увы, множество в нашей дряхлеющей Галактике. Как вы отлично знаете, я добился успеха — моя теория была признана большинством членов галактической Коллегии Науки! Увы, мой первый и пока единственный эксперимент окончился неудачей — и не без вашего участия. Несмотря на мои протесты, вы предоставили мне в распоряжение лишь небольшой планетоид. Ядро его слишком холодно, масса незначительна — потому мне и не удалось стабилизировать развитие ядерной реакции преобразования железа в никель. Вы отлично знали, что в таких условиях вероятность успеха мала — потому и поставили меня в столь тяжелые условия. И исходили вы не из интересов Галактики, а из своих грязных политических расчетов! По этим же соображениям многие из вас и сегодня хотят запретить мне эксперимент на планете Земля, но верю, на этот раз здравый смысл все же восторжествует!

Поймите, Земля — идеальный мир для моего метода: и по массе, и по возрасту. Планета еще далеко не остыла, и в ее недрах можно вновь разбудить жизнь!

Я прошу — нет, требую, чтобы вы разрешили мне провести эксперимент! Поймите — я смогу разрешить не только данную проблему, но и сотни задач, которые встанут перед вами в ближайшем будущем. Пока вам удастся находить для «примитивов» подходящие для заселения планеты, но это не может продолжаться бесконечно. И тогда метод Арнола спасет Федерацию от многих потрясений...

Никогда политиканам не удавалось остановить, а тем более повернуть вспять развитие науки. Народы Федерации имеют право выбора — оставаться ли практически бесконечно долго на родной планете или становиться народом-странником. Дайте мне возможность применить мой метод на Земле — и вам за это скажут спасибо благодарные потомки!

Он сел на место, дрожа от возбуждения. В зале вновь прокатилась волна голосов — выступление Арнола произвело на Губернаторов впечатление. Кеннистон жадно вглядывался в лица, укрытые полутьмой, — ему показалось, что многие звездные посланники благожелательно смотрят на них с Йоном. Или ему это только показалось?

— Мы почти победили! — шепнул ему Арнол, улыбаясь. — Вот увидите, большинство будет на нашей стороне.

Секретарь задумчиво разглядывал их — резкие черты его лица смягчились. Он вздохнул и сказал:

— Ну что ж, по-моему, все ясно. Будем приступать к голосованию.

Норден Лунд вскочил с места:

— Прошу слова, ваша светлость!

Секретарь без особой охоты кивнул. Сердце у Кеннисто-на сжалось от недоброго предчувствия.

Звучный голос Суб-Администратора прокатился под высокими сводами:

— Глубокоуважаемые Губернаторы, я посчитал возможным оторвать у вас драгоценные минуты по особым и, я бы сказал, чрезвычайно важным обстоятельствам. Доклад Администратора Аллан был довольно полон и обстоятелен, но она упустила из виду — более того, просто не смогла обнаружить — одно обстоятельство, касающееся жителей планеты Сол-3. Я отыскал этот факт лишь после тщательного изучения документов из старого Миддлтауна, которые мне помог расшифровать Пирс Еггин, специалист по древней истории и лингвистике из нашего экипажа.

Предыдущие выступавшие, включая и моего начальника Администратора Аллан, описывали жителей Сола-3 как дружелюбных, не способных на серьезные преступления людей. Нас убеждали здесь чуть ли не извиниться перед ними, настаивали на том, чтобы мы посмотрели сквозь пальцы на агрессивность, проявленную ими при встрече мирных посланников Федерации Звезд. Мол, обитатели Сола-3 — безвинные жертвы нашего насилия, и они имеют право жить так, как они хотят, как они привыкли в своем бесконечно далеком от нас XX веке.

Лицо Лунда ожесточилось, глаза сузились и потемнели.

— Но они умолчали об одном — какая же катастрофа перенесла их через тысячелетия. Нам было сказано — над городом произошел взрыв, и только; но из обнаруженных мною документов я узнал: это был взрыв мощнейшей ядерной бомбы! Вы понимаете, уважаемые Губернаторы, с чем мы столкнулись — с последствиями ужаснейшей войны, которую только знала Галактика. Эти якобы «мирные» жители Миддлтауна — на самом деле дети войны, насилия и смерти!

Лунд сделал эффектную паузу, давая членам Совета время осознать сказанное им. В огромном зале повисла мертвая тишина. Джон в отчаянии взглянул на Варну Аллан, ища у нее поддержки и сочувствия, но увидел лишь ужас в ее голубых глазах.

Суб-Администратор с легким надрывом в голосе воскликнул:

— Я понимаю, сказанное мной чудовищно, невероятно, но тем не менее это чистая правда. Пусть Кеннистон попробует опровергнуть меня, если сможет! Взгляните на лицо землянина, уважаемые Губернаторы, — и вы поймете, что я прав. Да, «счастьем» принять в нашу Федерацию жителей Сола-3 мы обязаны мощному взрыву ядерной бомбы, который возвестил начало чудовищной войны. Взрыв нарушил пространственно-временной континуум и перенес Миддлтаун через миллионы лет в будущее. Среди нас появились существа, носящие в своих душах страшное семя смерти!

Не удивительно, что толпа этих существ с такой яростью и агрессивностью встретила нашу мирную миссию. Более того, горожане готовились к серьезным военным действиям против наших двух кораблей — солдаты рыли окопы, устанавливали артиллерийские орудия!

Лунд понизил голос.

— Я предупреждаю вас, Губернаторы: этот небольшой народец заражен самой опасной чумой — чумой войны! Долгие тысячелетия Федерация пыталась навсегда избавиться от проклятия, уносившего мириады жизней в разных концах Галактики, — и не так давно наконец преуспела в этом. В нашем огромном звездном доме воцарились мир и спокойствие, но теперь над нами вновь нависла смертельная угроза!

Неужели вы, столпы Федерации, вестники ее законов, хранители лучших традиций галактического содружества, дрогнете в час, когда на вашем пути встала бешеная, оскалившая клыки собака?

Джон в порыве ярости вскочил с места. Йон Арнол схватил его за рукав, усаживая на кресло. Варна Аллан предостерегающе сказала ему вполголоса:

— Сдержите свой темперамент, Кеннистон! Это только ухудшит ваше положение...

Секретарь сурово взглянул на Джона, и тот, дрожа от негодования, с трудом заставил себя сесть. Секретарь обратился к самодовольно улыбающемуся Лунду:

— Что бы вы рекомендовали Совету Губернаторов?

— Заставьте этих людей повиноваться законам Федерации! Переведите обитателей Сола-3 на какой-нибудь из отдаленных миров, расположенных на периферии Галактики. Только оказавшись в полной изоляции, они не смогут заразить наше содружество своей варварской психологией!

Джон, потеряв голову, вырвался из цепких рук Арнола и подскочил к Лунду.

— Кто вы такой, чтобы судить о целом народе, о котором почти ничего не знаете? — гневно воскликнул он.

Слова застряли у него в горле. Он толкнул Лунда — тот не удержался на ногах и упал.

— Да, Губернаторы, мы прожили часть своей жизни в XX веке, когда над Землей прокатились две смертоносные войны, унесшие многие миллионы жизней! — воскликнул Джон, вглядываясь в темные ряды, круто уходящие вверх. — Это был период борьбы за прогресс, за то, чтобы мир и свобода могли воцариться на нашей планете. Вы должны не осуждать своих предков, а преклонить головы перед бесчисленными жертвами, благодаря мужеству и самоотверженности которых существует сейчас ваша Федерация! Да, мы изобрели ядерную бомбу и злоупотребили этой страшной силой, но на этой силе зиждется вся мощь вашей цивилизации.

Помните об этом, люди будущего! Все вы родом с Земли — даже если и принадлежите к иным галактическим расам. Вы живете в мире и благоденствии потому, что многие поколения сложили свои головы на поле брани. Неужели вам неведомо чувство благодарности, достопочтимые Губернаторы?

Он замолчал и опустил голову. Вспышка ярости прошла, уступив место усталости и опустошенности. Варна ласково взяла его за руку и усадила на место — он беспрекословно повиновался.

Лунд тем временем с театральным стоном поднялся на ноги. На его округлом лице застыла маска страдания.

— Вы видите, уважаемые Губернаторы, насколько мало цивилизован этот обитатель Сола-З. Больше мне нечего добавить...

Он также уселся на свое место, не скрывая торжествующей усмешки.

Дискуссия была завершена. Началось голосование. Перед Секретарем из глубины стола появился дисплей, и старик вперил в него свой взгляд. Джон не мог видеть, какие цифры мелькают на экране, но предчувствия у него были самые дурные. И как он мог потерять самообладание в решающий момент?!

Наконец Секретарь встал и торжественно произнес:

— Ассамблея Губернаторов постановляет: население планеты Сол-З должно быть эвакуировано в соответствии с ранее принятым решением.

Эксперимент, на котором настаивает Йон Арнол, не может быть проведен вследствие отсутствия необходимых гарантий безопасности.

Совет Губернаторов выражает надежду, что население Сола-З может мирно и бесконфликтно войти в галактическое содружество. Если же этого не произойдет и аборигены вновь

проявят присущую им агрессивность, то Губернаторы оставляют за собой право применения силы ради торжества законов Федерации.

Решение Ассамблеи окончательно и обжалованию не подлежит.

Вспыхнул яркий свет. Губернаторы, шумно переговариваясь, покинули зал. Ушел и Секретарь, сочувственно взглянув на Кеннистона, но тот ничего этого не заметил. Он сидел, низко опустив голову, и тщетно пытался собраться с мыслями. То, что произошло на заседании Совета, казалось ему кошмаром из дурного сна, но этот сон никак не проходил...

Ион Арнол ласково положил ему руку на плечо:

— Надо идти, Джон, — мягко напомнил он.

Кеннистон кивнул и, поднявшись, пошел вслед за ученым, почти ничего не воспринимая из окружающего. Он смутно расслышал чей-то спор — это Варна Аллан обрушилась с гневными упреками на изрядно растерявшегося Лунда.

Джон не помнил, как вновь оказался в своем номере. Магро, Лаллор и Горр Холл с тревогой ожидали результатов Ассамблеи. Увидев грустные глаза вошедших Арнола и Варны Аллан, а также белое как мел лицо Кеннистона, они поняли все без слов.

Джон опустился в кресло и невидящими глазами уставил в окно, за которым высились титанические башни города. Варна присела рядом и сочувственно сказала:

— Джон, простите меня, я не смогла вам помочь...

— Вам не в чем винить себя, — хрипло сказал он. — Все было в моих руках, но я говорил, видимо, неубедительно, а затем еще и сорвался... Лунд специально провоцировал меня — и я попался в ловушку, как мальчишка!

— Не корите одного себя, Джон, — мягко сказала девушка, не сводя с землянина ласковых глаз. — Кроме того, Лунд по-своему прав. Почему ни вы, ни кто иной не рассказали нам раньше правду о катастрофе над Миддлтауном? Вы скрыли, что находились в тот момент в состоянии войны...

— Но мы на самом деле не участвовали в боевых действиях! Бомба обрушилась на нас, когда на Земле царило относительное спокойствие. Нет, мы не дети войны, как о нас говорил Лунд, — мы лишь ее первые жертвы.

Нахмурившись, Администратор прошлась по комнате и наконец сказала:

— Я могу помочь вам, Джон, лишь в одном — попытаюсь, насколько смогу, оттянуть начало эвакуации. Это немного смягчит психологический удар. Я пользуюсь некоторым влиянием среди Координаторов... хотя сейчас, после выступ-

ления Лунда на Совете, я в этом не уверена. И все же постараюсь...

Только сейчас до Кеннистона дошло, что прошедший день принес неприятности не для него одного.

— Прошу прощения, Варна, — с раскаянием сказал он. — Я доставил вам массу хлопот...

Девушка смущенно улыбнулась.

— Я должна идти, — тихо сказала она. — Не переживайте слишком сильно, Джон. Поверьте, никто не смог бы сделать большего на вашем месте...

Она резко повернулась и вышла из комнаты.

Горр Холл шумно вздохнул.

— Черт побери, я не узнаю Варну — до сих пор я считал, что эмоций у нее не больше, чем у мороженой рыбы! И откуда все берется? — Он с улыбкой покосился на Кеннистона. — Джон, не вешайте голову — жизнь еще не кончилась. Я предлагаю для начала пропустить по стаканчику и разрядить нервы...

Магро встряхнул своей белоснежной гривой:

— Горр, примите мои соболезнования! Ваш народ потерял сегодня последнюю надежду на возвращение в свой дом...

Капельянин поморщился:

— Не трави душу, друг. Лучше достань-ка из шкафа...

Наполнив бокалы золотистым напитком, Горр Холл раздал их друзьям. Йон Арнол, казалось, не заметил этого — он сидел, вперив неподвижный взгляд в стену.

— Бодритесь, Йон, — сочувственно сказал Горр. — Рано или поздно ваш метод пробьет себе дорогу.

Ученый уныло ответил:

— Может быть... Но сейчас я подвел десятки гуманоидных народов со всех концов Галактики! Они поддерживали мою работу, надеялись на меня, но я не оправдал их доверия...

Кеннистон еще раз вспомнил о жителях Миддлтауна, ожидающих его возвращения. И он подумал о Кэрол...

— Не могу я лететь на Землю с пустыми руками! — с отчаянием произнес он. — Я не смогу посмотреть в глаза моим согражданам и сказать — все кончено...

— Что же поделать, Джон, они переживут и это, — сказал Горр в неуклюжей попытке как-то успокоить его. — Помоему, переселение в чужой мир и наполовину не столь ужасно, как ваш прыжок во времени! Люди поворчат, поворчат и притерпят — как это было однажды с моим народом...

— Вы ничего не понимаете, Горр, — раздраженно ответил Кеннистон. — Мы перенеслись в будущее мгновенно, даже не подозревая об этом, — переселение же к звездам займет дол-

гие недели, если не месяцы. Разница более чем существенная. И потом, горожане остались на Земле, рядом с родным, хоть и временно покинутым городом... Нет, Горр, они не согласятся с решением Совета и будут бороться до конца за свою независимость!

Ярость вновь охватила Джона, и он потряс кулаками:

— Этого не понять даже вам, Горр. Люди принадлежат Земле, она — словно часть их плоти и души. Горожане будут готовы рискнуть всем, даже собственной жизнью, в борьбе за право самим выбирать свою судьбу. И они добьются своего, вот увидите!

Его взгляд упал на расстроенное лицо Йона Арнола, погруженного в размышления. Внезапно Кеннистону пришла в голову дерзкая мысль. Он вскочил с кресла и подошел к ученому из Вега-Центра.

— Йон, вы как-то говорили, что имеете небольшой звездолет и преданный вам экипаж, включая группу техников?

Арнол непонимающе кивнул.

— Да... Я отдал приказ еще прошлой ночью начать подготовку к полету на Землю. Я был так уверен в успехе.

Джон тихо спросил, не сводя с Арнола пытливых глаз:

— Скажите, Йон, вы действительно верите в свой метод? Хватит у вас этой уверенности, чтобы рискнуть и нарушить решение Совета?

Арнол вскочил на ноги — глаза его загорелись надеждой.

— А почему бы и нет? — воскликнул он. — Земля — идеальный объект для моего метода, там даже имеются подходящие по глубине тепловые шахты. Если опустить туда энергозаряд, то... — Внезапно он запнулся и со вздохом покачал головой. — Нет, Кен, это невозможно! Законы Федерации меня не останавливают, но... В случае неудачи я буду навечно исключен из галактической Коллегии Науки! Я стану изгоем среди коллег... все мои работы будут забыты...

— Йон, сейчас не время проявлять малодушие, — жестко сказал Джон. — Если сейчас вы не рискнете, то уж Совет Губернаторов постарается, чтобы о вашем методе напрочь забыли — попомните мое слово! Принесет ли такой шаг вам уважение среди коллег? Подумайте хорошенько, Йон: судьба предоставляет вам уникальный шанс. Не упустите!

Взоры всех сидящих в комнате обратились на Арнола. Глаза Горра Холла возбужденно сияли, а Магро, напротив, с сомнением покачал головой — он явно не верил в смелость вегианского ученого.

Арнол обхватил голову руками и застонал:

— Я не могу — поймите, не могу сделать это! И все же вы

правы — Совет никогда не даст мне «добро», я знаю. Работа всей моей жизни так и останется на бумаге...

Кеннистон смотрел на ученого с сочувствием — Арнол мучительно делал выбор между мечтой и долгом. Наконец Йон хрипло сказал, растерянно глядя на Джона:

— Кен, мы оставим право выбора за вашими людьми. В конце концов, они будут рисковать своими жизнями — ведь теперь мы не сможем их эвакуировать на орбиту.

— Арнол, я знаю их — они согласятся! — горячо воскликнул Кеннистон.

Капли пота выступили на побледневшем лице Арнола.

— Ну что ж, в таком случае я начну эксперимент — чего бы это впоследствии мне ни стоило. Хотя, впрочем, неудача будет стоить мне жизни — так что особенно беспокоиться не о чем...

У Кеннистона перехватило дыхание. Свершилось! У землян появился последний, безумный шанс спасти свою планету.

Он вопросительно взглянул на молчаливо сидящих гуманоидов.

— Друзья, а вы что скажете? Вы поддерживаете нас с Арнолом?

Горр Холл разразился громыхающим смехом:

— Кен, вы еще спрашиваете? Я ждал этого часа с детства — неужели я отступлю?

Магро молча кивнул в знак согласия. Лаллор же никак не отреагировал — он лишь не сводил с Кеннистона мудрых глаз, в которых светились сочувствие и восхищение.

Йон Арнол облегченно вздохнул и слабо улыбнулся.

— Ну что ж, решение принято — теперь настало время действовать. Мой флайер неподалеку, в южном аэропорту. Через несколько часов мы будем в моей лаборатории в горах. Но нам необходимо здесь прикрытие, иначе за нами немедленно пошлют погоню.

Он вопросительно взглянул на Лаллора. Грузный гуманоид вскинул свою слоноподобную голову:

— Йон, я хотел бы с вами...

Горр Холл мягко прервал его:

— Старина, вам надо остаться здесь, в Центре. Рассказывайте всем, будто мы повезли Кеннистона в круиз по достопримечательным местам планеты или что-нибудь в этом роде. Вы пользуетесь у здешнего руководства большим уважением — вам поверят скорее, чем, скажем, мне или Магро.

Лаллор был явно огорчен, но спорить не стал.

— Что ж, логично... Будьте осторожны, а я уж постараюсь морочить им головы так долго, как только смогу.

Вскоре четверо друзей с беспечным видом вышли из холла гостиницы, неся в руках только что купленные яркие туристические сумки. Портье проводил их долгим взглядом и тут же заторопился к ближайшему видеотелефону. Еще через полчаса каплевидный флайер стремительно взмыл в ночное небо и направился в северное полушарие Веги-4.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ЗЕМЛЮ

Флайер плавно сел в долине, расположенной среди цепи старых гор явно вулканического происхождения. Ночь еще не сдала свои права, восхищая Кеннистона алмазными россыпями ослепительных звезд. Они мягко освещали группу приземистых зданий лаборатории Арнола, обширный склад с мощным мостовым краном и небольшой звездолет, стоявший на решетчатых опорах посреди округлой стартовой площадки.

Его грузовой люк был распахнут, на землю спускался широкий пандус. Со стороны склада к нему неторопливо ехал роботокар с массивным черным шаром в кузове. За ним шли Арнол и его гости. Горр Холл выглядел, как всегда, беспечно, но Магро и особенно Кеннистон не могли скрыть своей настороженности.

Арнол покосился на их напряженные лица и усмехнулся:

— Не тревожьтесь: энергобомба действительно способна разнести вдребезги планету, но без специального взрывателя она совершенно безопасна.

Горр Холл хохотнул и почтительно поклонился черной глыбе.

— Мы, «примитивы», привыкли поклоняться силе, так что у меня на планете ваша бомба, Йон, почиталась бы верховным божеством!

Джон раздраженно взглянул на друга — его смех показался явно неуместным. Недавняя уверенность в своей правоте сменилась у него сомнениями, граничившими с отчаянием. Вся эта затея стала представляться каким-то безумием. Бог мой, да разве этот двухметровый шар может изменить судьбу целой планеты? Бред, да и только...

Он попытался вернуть себе прежнее душевное равновесие. Да, сказал он себе, энергобомба выглядит не очень внушительно, но теория Йона Арнола получила полное призна-

ние среди ведущих ученых Федерации Звезд. В любом случае время для сомнений он выбрал явно неподходящее...

Джон чувствовал себя смертельно усталым. За несколько прошедших после приземления часов было сделано немало: на борт звездолета поднято несколько тонн приборов и оборудования, о назначении которого он, Кеннистон, мог только догадываться. Экипаж работал не покладая рук, понимая указания Арнола с полуслова. Ведь корабль был настоящей исследовательской лабораторией, и они, странствуя по Галактике, провели вместе долгие годы. Но знали ли техники и пилоты о цели своей новой экспедиции, догадывались ли, что нарушают решение Совета Губернаторов?

Роботокар мягко въехал по металлическому пандусу в грузовой отсек. Бомба была снята краном с ложемента и тщательно установлена в противоударный контейнер.

Первый пилот спустился по трапу и отрапортовал:

— Все готово к старту, господин Арнол.

Ученый кивнул. Он выглядел предельно утомленным.

— Как только бомба будет надежно закреплена, можно отправляться в путь, — сказал он и вдруг с тревогой взглянул в небо.

Джон последовал за ним взглядом и увидел среди звезд оранжевый факел. Чей-то флайер стремительно шел на посадку.

Кеннистон недоуменно сказал:

— Должно быть, Лаллор с какой-то важной вестью, которую нельзя передать по видеофону! Но что произошло?

— Хм... — пробормотал Арнол. — Надеюсь, это он. Никто иной не знает, что мы здесь, точнее, не должен знать...

Флайер сделал круг над звездолетом, словно его экипаж хотел тщательно осмотреть освещенную прожекторами взлетную площадку, а затем круто пошел на посадку. Арнол и его друзья с нарастающей тревогой следили за машиной. Чутье подсказывало: здесь что-то неладно.

Из флайера вышли трое. В ночной мгле Джон не сразу разглядел неожиданных гостей — ясно было только, что среди них нет Лаллора. Вскоре вновь прибывшие вышли в круг света. Впереди шел приземистый мужчина с коротко стриженными волосами и надменным выражением бульдожьего лица. За ним следовала хмурая Варна Аллан, а замыкал небольшую группу самодовольно улыбающийся Норден Лунд.

Коренастый незнакомец остановился и с изумлением стал наблюдать за работой экипажа звездолета, заканчивающего подготовку к старту.

— Вот уж не думал, что такие вещи возможны в нашем

цивилизированном мире! — возмущенно воскликнул он наконец. — Лунд, вы оказались правы — эти четверо готовились вопреки решению Совета лететь к Земле! И, как я вижу, не с пустыми руками...

Лунд слегка поклонился, польщенный похвалой.

— Я с самого начала не доверял им, особенно этому аборигену с Сола-3 Кеннистону. На всякий случай я с помощью своих людей установил за ними слежку — и, как видите, оказался прав, Координатор Матис.

Девушка мрачно рассматривала контейнер в грузовом люке, в котором виднелся черный шар энергобомбы. Повернувшись к Кеннистону, она растерянно сказала:

— Я не поверила словам Лунда и прибыла сюда только для того, чтобы убедиться в его очередной ошибке... Но... но ошиблась я! Джон Кеннистон, вы обманули мое доверие, вы варвар, не признающий никаких законов. Я невольно начинаю думать, что ваш дикий народ действительно надо изолировать от цивилизованного сообщества...

Координатор Матис поморщился. Он не собирался снисходить до разговора с каким-то «примитивом». В упор глядя на побледневшего Арнола, он угрожающе сказал:

— Йон, вы зашли слишком далеко. Землянин может и не ведать, как сурово наказание за нарушение законов Федерации, но вы-то отлично знаете!

— Всех четверых необходимо немедленно арестовать, — дрожащим от восторга голосом произнес Лунд, с ненавистью глядя на Кеннистона. — Я надеюсь, сир, вы отметите мою скромную заслугу в разоблачении заговора против Федерации! Заметьте также, что Администратор Аллан не скрывает своей откровенной симпатии к преступникам.

— Я запомню это, Суб-Администратор, — ответил Матис с легким презрением. — Но прежде всего мне нужно известить Секретаря Совета о создавшейся ситуации. Лунд, принесите видеофон, я хочу, чтобы Секретарь мог увидеть звездолет и энергобомбу на его борту.

Лунд с готовностью почти бегом направился к флайеру, но тут Джон внезапно издал глухой вопль и рванулся за ним вслед. Схватив Лунда за плечо, Кеннистон заставил того обернуться — и тут же нанес ему сокрушительный удар в челюсть. Лунд рухнул, словно сноп.

Матис отпрянул, ошеломленный таким явным проявлением насилия. Варна Аллан бросилась к Джону, возмущенно крича:

— Вы варвар, варвар! Как вы смеете поднимать руку на свободного гражданина Федерации? Убирайтесь...

Она не успела договорить — Лунд со стоном поднялся на ноги и выхватил из-за пояса небольшой бластер.

— Я знал: здесь произойдет что-то в этом роде, — злобно сказал он, вытирая ладонью кровь с разбитых губ. — Ничего, «примитив», вам все зачтется на суде...

Но тут Горр Холл, до сих пор растерянно наблюдавший за происходящим, грозно взревел и двумя длинными прыжками настиг Суб-Администратора. Словно гризли, он обрушился на Лунда и подмял его под себя. Одной рукой выхватил у него оружие, а другой поднял за шиворот, словно котенка.

— Отпустите меня! — завопил возмущенно Лунд. — Я приказываю вам...

— Послушай, сынок, ты ведь мог выстрелить в кого-нибудь ненароком, — усмехнулся Горр. — Поостынь малость на ветерке...

Победоносно обернувшись к Матису, он спросил:

— Ну что, Координатор, нам можно лететь?

Матис шагнул ему навстречу, сжимая в бессильной ярости кулаки:

— Приказываю вам именем Федерации... Арнол, остановите своих бандитов!

Ученый холодно усмехнулся — былая его растерянность окончательно прошла.

— Мы уже достаточно нарушили законов, так что одним больше, одним меньше... Словом, Матис, и вы двое — вы арестованы!

Магро одобрительно улыбнулся и, шагнув к Координатору, положил ему руку на плечо. Джон подошел к застывшей на месте Варне и с раскаянием сказал:

— Простите, но вы вынудили нас прибегнуть к насилию. Мы не можем позволить вам поднять тревогу и сорвать наш замысел, от которого зависят судьбы десятков тысяч земель.

Девушка с неожиданной жалостью взглянула на него.

— Джон, вы делаете ошибку — за вами будет послана погоня, как только наше исчезновение заметят. Подумайте, вы рискуете многим и многими!

Она выразительно посмотрела на членов экипажа звездолета, столпившихся рядом с пандусом. На их лицах были нарисаны сомнения и растерянность.

Ион Арнол подошел к ним и устало сказал:

— Простите меня, друзья, за все, что здесь происходит. В любом случае знайте — вы не несете никакой ответственности за наши поступки. Если вы примете сейчас сторону Матиса, Совет будет вам только благодарен. Решайте сами...

Члены экипажа молча переглянулись. Навстречу Арнолу

шагнул первый пилот, широкоплечий молодой человек с длинными русыми волосами. В его глазах не было и тени страха.

— Йон, мы с вами долгие годы странствовали по Галактике и доверяем друг другу. Я не знаю ваших новых друзей, но я пойду с вами до конца.

Члены экипажа одобрительно зашумели.

Глаза Арнола затуманились — он был растроган преданностью своих людей. Он крепко пожал руку каждому технику и пилоту, а затем отрывисто сказал:

— Готовьтесь к старту! Дорога каждая минута — не пройдет и нескольких часов, как за нами выплут погоню.

Экипаж быстро, без суеты занял свои места в звездолете. За ними по пандусу взошли Кеннистон, держа за руку покорную Варну Аллан, Горр с протестующим Лундом и Магро с растерянным Координатором. Арнол вошел в корабль последним и, обернувшись, обвел взглядом здания лаборатории — словно прощался с ними навсегда.

Люки были автоматически задраены, воздушные переборки подняты. Проходя по узкому коридору, Джон увидел предупреждающее мигание сигнальных ламп и услышал рев сирен. Где-то внизу, под его ногами, ожили двигательные установки, оглашая все вокруг нарастающим грохотом.

Арнол открыл двери, ведущие в несколько тесных кают. Указав на одну из них, он отрывисто сказал:

— Я думаю, вам будет здесь удобно, Администратор Аллан. К сожалению, на время перелета нам придется закрыть вашу дверь на замок.

Варна, не удостоив его взглядом, молча вошла в свою временную тюрьму и захлопнула за собой дверь. Лунд и Матис были размещены в противоположной каюте — они тихо бормотали угрозы и с ненавистью смотрели на Арнола. Захлопнув за ними дверь, Йон сказал друзьям:

— До вылета осталось несколько минут. Пройдемте в салон.

Вскоре они уже сидели в мягких креслах, окутанные антигравитационными коконами. Оглушительно зазвенел стартовый колокол, и Джон почувствовал, как на него обрушилась стремительно нарастающая перегрузка — даже кокон не мог полностью нейтрализовать ее. За обшивкой корабля раздался свист — он проходил плотные слои атмосферы. Собравшись с силами, Джон повернул голову и увидел в иллюминатор огромный, покрытый облаками шар Веги-4, величественно уплывающий вдаль. Вокруг зияла бездонная чернота космоса, усеянная сияющими звездами. Джон смотрел на них как завороченный — полет на Вегу казался ему теперь стран-

ным, фантастическим сном. В этот момент перегрузка стала спадать, и на плечо Джона легла могучая рука Горра Холла.

— Пойдемте, Кен, мы все измотаны, надо отдохнуть. На Земле нам вновь придется попотеть, а во время полета от нас мало толку.

Капеллянин проводил пошатывающегося от усталости Кеннистона до его каюты и помог ему улечься в постель.

Джон проснулся только через несколько часов. Сон не освежил его — он чувствовал себя совершенно разбитым после тревожений последних дней. Подойдя к иллюминатору, увидел, что Вега превратилась в сияющую бело-голубую искру — корабль преодолел уже миллионы миль пути. Не зная, куда себя деть, Кеннистон пошел на смотровую палубу звездолета и нашел там Магро и первого пилота.

— Я прощупал пространство позади нас дальним локатором и не обнаружил даже намека на погоню, — сказал пилот.

Магро усмехнулся.

— Ну, за этим дело не станет. Наше отсутствие наверняка уже не секрет, так что на Земле нас ждет цейтнот. У ваших людей, Джон, будут считанные часы на размышления.

Кеннистон кивнул — эта мысль и его очень тревожила. Жителям Миддлтауна предстоит решать не просто судьбу эксперимента — нет, они вынуждены будут выбирать между жизнью и смертью. Только как узнать, какой путь куда ведет?..

— Где Арнол? — глухо спросил он.

— В грузовом отсеке. Йон сидит в обнимку со своей черной кошкой и напевает ей колыбельную песенку, — с иронией сказал Магро.

Джон спустился с палубы и пошел в кормовую часть корабля через сеть узких коридоров. Несколько раз он сворачивал в боковые ответвления, заканчивающиеся тупиками, но ни разу не встретил ни одного члена экипажа, у которого можно было уточнить дорогу. Все были заняты делом — делом, которое, возможно, в конечном счете могло привести к гибели Земли...

Сомнения вновь нахлынули на него. Черный двухметровый шар выглядел весьма внушительно, но разве он мог изменить судьбу огромной планеты?

Джон нашел Арнола у одного из пультов управления энергобомбой. Ученый тщательно проверял его работу и, казалось, любовался перемигиванием десятков разноцветных огоньков на передней панели. Лицо его озаряла счастливая, умиротворенная улыбка.

Заметив Кеннистона, Арнол смущенно сказал:

— Я не могу оторваться от своего детища, Джон. Это вы-

глядит глупо, не правда ли? Но что поделать — я вложил в энергобомбу и аппаратуру управления взрывом большую часть своей жизни. Бог мой, как же я долго ждал! И теперь, через несколько дней...

Его взгляд остановился на черном шаре, надежно укрепленном в металлическом контейнере и окутанном сетью проводов. Но Джон не ощутил никакого энтузиазма.

— Йон, возможно, я задаю не деликатный вопрос, но все-таки как этот крошечный — по сравнению с масштабами Земли — шарик сможет разбудить ее остывшие недра?

Арнол взглянул на него с замешательством.

— Даже не знаю, как объяснить вам это, Джон. Я знаю, в свое время вы были физиком-ядерщиком, но прошло так много времени... Я попытаюсь в двух словах объяснить лишь саму идею, положенную в основу моего метода. Вы, конечно, знаете, что большинство звезд черпает свою энергию из ядерной реакции преобразования водорода в гелий, в результате которой образуются углерод и азот?

Джон кивнул.

— Да, процесс преобразования водорода в гелий был открыт в моем XX веке. Он получил название «солнечный феникс».

— Верно! Но в свое время вы не догадывались, что подобная реакция может осуществляться в широких масштабах и между тяжелыми элементами — и не только в недрах звезд. Нижние слои коры большинства планет богаты именно тяжелыми элементами, в частности, железом. В наше время удалось провести управляемую реакцию преобразования железа в никель. Я разработал метод, позволяющий осуществлять ее в планетарных масштабах. Внутри коры зажигается небольшая «солнечная печка», способная поднять температуру на поверхности умирающего мира на десять-пятнадцать градусов. Расчеты показывают, что этого вполне достаточно для возрождения планеты — даже если ее светило почти угасло.

— Но если в результате параллельно начнется процесс синтеза легких ядер... — начал было Кеннистон.

— Это исключено — нужны на порядок более высокие температуры и давления, — быстро ответил Арнол.

— Но выдержит ли кора возникающие при реакции напряжения? И не распространится ли реакция к поверхности планеты?

— Расчеты показывают, что нет. Кроме того, верхние слои коры обычно состоят из более легких веществ, таких, как кремний и алюминий. Они не дадут распространиться нашей «солнечной печке» слишком далеко. Но необходимо опустить

энергобомбу достаточно глубоко в кору. На Земле для этого могут послужить открытые вами «тепловые шахты».

Кеннистон кивнул. В теории все звучало достаточно убедительно. И все же...

— И все же однажды ваша теория дала осечку, — медленно произнес он, пыгливо глядя на Арнола. — Планета была разорвана мощным взрывом...

— Не планета, а планетоид, — раздраженно поправил его Йон. — Сколько можно повторять, Джон? Масса коры планетоида оказалась недостаточной для поддержания нормального процесса преобразования. — Внезапно он добавил в сердцах: — И как это я, глупец, дал согласие на тот явно обреченный на провал эксперимент? Сейчас — иное дело, и я знаю, на что иду. Джон, я понимаю причину ваших сомнений, но учтите — и до, и после неудачи мою теорию тщательно анализировали ведущие ученые Федерации и не нашли ни единой ошибки. Удовлетворяет ли вас это?

— Да, — согласился Кеннистон, — удовлетворяет.

Вернувшись в свою каюту, Джон тем не менее стал нервно мерить шагами небольшое пространство. Разжечь в недрах Земли «солнечную печку»? Чудовищная нелепая мысль... Впрочем, столь же нелепой показалась бы, скажем, зажигалка первобытному человеку, привыкшему высекать огонь кремнем.

Одно было ясно — риск землетрясений планетарного масштаба все же существовал. А это значит, что никто из жителей Миддлтауна не должен оставаться на Земле во время эксперимента. Увы, корабль вряд ли может принять более сотни человек...

Внезапно он подумал о Варне Аллан. Она, а также Лунд и Матис летят на Землю вопреки своей воле и в любом случае должны быть избавлены от всякого риска. Нужно немедленно сказать об этом Варне — как знать, быть может, девушка вся извелась от мысли о возможной близкой и нелепой смерти!

Джон торопливо зашагал по коридору. Дверь была заперта на шифрозамок. К счастью, Арно на всякий случай передал друзьям шпаргалку с шифрами кают пленников. Джон предварительно постучал и, выждав для приличия минуту-другую, открыл дверь.

Варна сидела в кресле у иллюминатора в той же задумчивой позе, как во время их встречи на борту «Таниса». Не отрываясь, она любовалась причудливыми россыпями звезд. Услышав шаги, она обернулась и с вызывающим видом взглянула на Кеннистона.

— Надеюсь, к вам вернулся здравый смысл — и вы пришли ко мне, полный раскаяния? — с надеждой спросила она.

Джон покачал головой, и в ответ голубые глаза девушки немедленно посуровели. Кеннистон также почувствовал прилив гнева.

— Почему вы решили, Варна, что я окажусь столь малодушным? — глухо сказал он. — Я пришел совсем с иной целью — сказать, что вам вовсе не обязательно рисковать во время эксперимента. Вместе с Лундом и Матисом вы получите возможность переждать это время на орбите на борту нашего звездолета...

— Вы думаете, я беспокоюсь сейчас о себе? — воскликнула Варна. — Нет, я думаю о судьбе тысяч ваших сограждан, которых вы своим безумным поступком поставите на грань между жизнью и смертью! Я уже не говорю о нарушенных вами законах Федерации...

— К дьяволу вашу Федерацию с ее дурацкими законами! — не выдержав, резко оборвал девушку Джон.

Глаза Администратора недобро вспыхнули.

— Напрасно вы недооцениваете нашу мощь, Джон. Корабль Патруля наверняка уже посланы за вами в погоню — они не дадут вам осуществить на Земле свой безумный замысел.

В бешенстве Кеннистон шагнул к девушке, грубо схватил ее за руку — и с изумлением увидел, как на глазах холодной и неприступной Варны выступили слезы.

Он опомнился и, присев на соседнее кресло, с раскаянием сказал:

— Простите меня, Варна, — в последнее время у меня что-то разгулялись нервы... Я понимаю, вы искренне пытались помочь мне в Вега-Центре. Быть может, вы считаете меня неблагодарным, но это не так! Поймите, мы должны попытаться возродить к жизни Землю, иначе мои земляки выступят против Федерации с оружием в руках. Вы сознаете, к каким жертвам это может привести?

Девушка, всхлипнув, немного успокоилась.

— Я вела себя неразумно, — прошептала она, — словно эмоциональный «при...»...

Опустив голову так, чтобы не встречаться взглядом с Кеннистоном, она уже более твердым голосом произнесла:

— Я верю в вашу искренность, Джон. Но вы выбрали неверный путь! Если даже случится чудо и ваш эксперимент удастся, то Совет не простит вам своей ошибки.

Джон не нашел, что возразить. Коротко попрощавшись, он с тяжелым сердцем вышел из каюты, даже не позаботившись захлопнуть за собой дверь. Слова Варны, бесспорно, были справедливы и наводили на малоприятные размышления, но... Почему-то сейчас его больше всего волновало вос-

поминание о том, как его рука прикоснулась к ее чудным плечам. Словно животворный ток пробежал тогда между ними...

— Это безумие, — прошептал он. — Кэрол...

Все оставшиеся дни перелета Кеннистон порывался вновь зайти к Варне Аллан, но каждый раз мысль о невесте удерживала его. К счастью, вскоре ему стало не до личных переживаний — впереди по курсу с каждым часом все отчетливее проступал красный маяк Солнца. Войдя за орбиту Плутона, корабль начал торможение.

За время полета техническая группа успела провести все работы по подготовке оборудования к эксперименту. Йон Арнол целые дни напролет пропадал в грузовом трюме, появляясь лишь к обеду — усталый, с мешками под глазами. Джон как-то посоветовал Йону отдохнуть, но тот лишь взглянул на него покрасневшими от недосыпания глазами и усмехнулся:

— Когда мы прибудем на Землю, нам придется действовать предельно быстро, — глухо ответил он. — Как только в небе над вашим городом появятся корабли Патруля, будет уже поздно что-либо предпринимать.

Джон промолчал — его мучили те же сомнения. И все же больше всего тревожила мысль о предстоящей встрече с горожанами. Люди так ждали и надеялись на него, а что он принес? Надежду на новую жизнь или окончательную гибель?..

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

МИДДЛТАУН ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

Со взведенными нервами Кеннистон шел через бурую безжизненную равнину по направлению к сияющему куполу Нью-Миддлтауна. Чуть позади шагали его друзья — Йон Арнол и Горр Холл. Холодный утренний ветер бросал им в лицо пригоршни пыли, косматое от протуберанцев Солнце нехотя выползло из-за горизонта. Все вокруг было таким, как и несколько недель назад, и все должно будет вскоре измениться.

— Отлично! — бодро воскликнул Арнол, с любопытством оглядываясь по сторонам. — Остывающая, массивная планета, наверняка содержащая в коре много железа! То, что нужно для моего опыта.

— Йон, спуститесь с небес, — усмехнувшись, сказал Горр

Холл. — Сначала нам надо убедить в этом землян. Кстати, они уже нас поджидают...

Узнав Кеннистона и капеллянина, солдаты вышли из-за баррикад и приветствовали их, размахивая фуражками. Вслед за ними через проходы в ограждении ринулись толпы горожан. Они окружили Джона и его друзей, едва не смяв их в порыве восторга. Казалось, у них не было сомнений в успехе его миссии...

Кеннистон узнал в толпе хорошо знакомые лица — Буд Мартин, Джек Борзак, Лаубер... Вскоре к нему сквозь плотную массу людей протиснулся высокорослый Мак Лаубер и с энтузиазмом пожал ему руку.

— Джон, приветствую вас на старушке Земле! Как ваши, вернее, наши, дела?

— Эти безголовые звездожители отменили, конечно, свое дурацкое решение насчет эвакуации? — крикнул кто-то из толпы. — Нам разрешено остаться в городе?

Волнение в толпе нарастало. Джон закричал во весь голос, пытаясь перекричать всех:

— Идите на Центральную площадь! Я расскажу вам там обо всем!

— К площади! Идем на площадь! — прокатилось по людскому морю.

Толпа подалась назад. Основная масса горожан быстрым шагом направилась к portalу. Наиболее любопытные роились вокруг Джона и гостей со звезд. Личность никому не известного Йона Арнола вызвала всеобщий интерес, и Кеннистона забросали вопросами, но он в ответ только качал головой. Он намеревался рассказать обо всем на площади, в присутствии десятков тысяч людей.

По дороге он постоянно выискивал в людском море Кэрол. Он жаждал хоть издали увидеть ее лицо — и одновременно в глубине души боялся этого. Джон огорчился, не увидев невесту рядом, и в то же время испытал странное облегчение.

Мэр Гаррис нетерпеливо ждал его у портала, чуть позади него стояли несколько столь же взволнованных членов муниципалитета.

— Джон, наконец-то вы прибыли! — закричал Гаррис и снизошел до того, что шагнул навстречу Кеннистону и первым протянул ему руку. — Вы остановили этих наглецов? Надеюсь, они теперь поняли, кто хозяин на Земле?

Джон не стал делать для мэра исключение.

— Я расскажу обо всем там, на площади, где меня сможет услышать каждый горожанин.

Гаррис нахмурился, в его глазах промелькнул испуг. Тем

временем Джон обменялся крепким рукопожатием со своим шефом.

— Хуббл, проводите меня, — тихо сказал он. — Я сделал очень серьезный шаг — не знаю уж, к нашему спасению или гибели...

По дороге к площади Джон торопливо рассказал старому другу о своей миссии к звездам. Как он и ожидал, Хуббл померчал.

— Кен, что вы наделали... Взрыв энергобомбы, «солнечная печка» в недрах Земли... да это же безумие!

Кеннистон посвятил его в немногие известные ему детали эксперимента — и Хуббл слегка успокоился.

— Это звучит логично, даже с точки зрения нашей, «первобытной» науки, — сказал он, с любопытством оглядываясь на идущего в нескольких шагах позади Йона Арнола. — Кен, мне хотелось бы обстоятельно поговорить с вашим гением с Веги.

— Напрасно потратите время, — утрюмо ответил Джон. — Наука ушла на миллионы лет вперед, так что Арнол разговаривал со мной так, как, скажем, я бы разговаривал о ядерной физике со средневековым монахом.

Хуббл подошел к Горру Холлу, с которым проработал много дней плечо к плечу при ремонте атомных генераторов, и спросил:

— Горр, скажите — вы верите в метод Арнола?

Джон перевел его слова, и капеллянин, не колеблясь, ответил:

— Я верю в Йона настолько, что даже готов рискнуть своей драгоценной шкурой и остаться рядом с тепловой шахтой во время эксперимента. Устраивает вас это, старина Хуббл?

Тот кивнул — он знал Горра Холла как прекрасного инженера-ядерщика и всецело доверял ему.

— Похоже, Джон, мы будем участвовать в большой игре, — усмехнулся он. — И эта игра, кажется, стоит свеч...

Через несколько минут Джон уже стоял на дощатой трибуне, оставшейся на Центральной площади со времен неудавшегося «праздника города». Он сжимал в руке микрофон и с замиранием сердца смотрел на море взволнованных, возбужденных, ожидающих глаз. Сейчас он произнесет жестокие, тяжелые, как глыбы, слова, и тогда...

И он произнес их, решительно отбросив колебания:

— Я принес вам недобрую весть, мои дорогие сограждане, — Совет Губернаторов, несмотря на мой протест, утвердил решение о нашей эвакуации на другую планету.

Толпа отозвалась глухим ропотом — лица многих людей исказились от гнева и возмущения.

Мэр Гаррис, стоявший на трибуне рядом с Кеннистоном, выхватил у него из рук микрофон и закричал, багровея от ярости:

— Нет уж, дудки, мы не оставим Землю! Пусть только эти Губернаторы попробуют применить против нас силу — мы дадим им достойный отпор!

Джон недовольно посмотрел на мэра и не без труда вновь отобрал у него микрофон:

— Подождите, сначала выслушайте меня! Нам не обязательно для спасения братья за оружие — у нас есть другой путь...

И он рассказал им, насколько мог просто и доступно, о методе Йона Арнола.

— ...Итак, я уверен — Земля может быть вновь возрождена! «Солнечная печка» прогреет верхние слои планетарной коры, и климат вновь потеплеет. Не так, как это было раньше, ведь Солнце-то порядочно остыло, но вполне достаточно для сравнительно комфортабельной жизни.

На площади воцарилась глубокая тишина. Джон понимал — идея Арнола была слишком смела и неожиданна, и горожане далеко не сразу воспримут ее, если вообще воспримут. Увы, люди XX века не были приучены принимать решения в планетарном масштабе.

Наконец на трибуну взошел Джек Борзак, проработавший большую часть своей жизни на фабрике.

— Мистер Кеннистон, правильно ли я вас понял, — спросил он, пытливо разглядывая Арнола, — если эта штука с вашей бомбой выгорит, то мы сможем вернуться в наш старый Миддлтаун?

— Совершенно верно, — подтвердил Джон. — Мы навсегда вернемся в свои дома.

Борзак обернулся к толпе и закричал:

— Слышите — мы сможем вернуться в наш старый город! Да о чем тут еще рассуждать, ребята!

Джон невольно улыбнулся. Для рядового обывателя фантастический, всепланетарного масштаба эксперимент означал лишь одно — возможность вернуться к своему очагу.

Он поднял руку, призывая к тишине.

— Я хочу предупредить вас — метод Арнола никогда еще не применялся на планете типа нашей Земли. Существует, хотя и небольшая, вероятность ошибки в расчетах... Кроме того, лишившись поддержки Федерации, мы не сможем, как намеревались вначале, эвакуировать все население города на орбиту. В случае неудачи нам всем придется заплатить за свой выбор жизнями...

Он сделал паузу. Лица стоявших около трибуны людей

сразу же вытянулись, они начали горячо обсуждать эту неприятную новость. Наконец чей-то силовый голос выкрикнул:

— А что думает мистер Хуббл? Почему наши ученые по-малкивают?

Кеннистон воспринял эти слова также и в свой адрес. Заколебавшись, он не очень уверенно сказал:

— Если вас интересует мое мнение — то я без сомнений согласился бы на этот опыт, будь я единственным человеком на Земле. Но нас здесь многие тысячи, в том числе женщины и дети, и потому решение мы должны принимать сообща.

Он пригласил стоящего рядом с мэром Хуббла и со вздохом облегчения уступил ему место у микрофона.

— Я не могу ничего вам советовать, сограждане, так как и сам не пришел еще к окончательным выводам, — начал тот не слишком уверенно. — Увы, уровень науки XX века не позволяет хотя бы в общих чертах разобраться в теории Арнола. Остается верить или не верить ученым Федерации на слово. Судя по тому, что известно, наши коллеги с различных галактических миров признали правоту идей Йона Арнола. И все же, на мой взгляд, существует определенная возможность ошибки. Я не могу, к сожалению, оценить, насколько велик риск. Думаю, решение следует принимать, прежде всего исходя из того, насколько важна для нас ставка в этой игре со смертью. Мне лично не хотелось бы провести остаток жизни на другом конце Галактики, но Кеннистон прав — выбор мы должны делать вместе.

Хуббл вернул микрофон Джону, и тот сразу протянул его мэру.

— Гаррис, скажите горожанам, чтобы они тщательно обдумали все сказанное. Минут десять-пятнадцать мы им дадим на это, а затем те, кто за эксперимент Арнола, пусть перейдут, скажем, в правую от нас половину площади, а те, кто против или колеблется, — в левую.

Мэр замаялся и завертел микрофон в руках — чувствовалось, что ему очень не хочется обращаться к горожанам с подобным предложением: оно могло привести к роковым последствиям. Кеннистон же горько сказал Хубблу:

— Надо было дать им месяцы на размышление, а мы можем выделить только минуты!

Хуббл устало усмехнулся:

— Может, это и к лучшему. Горожане будут меньше терзаться сомнениями и тревогами.

Мэр Гаррис наконец набрался мужества и передал народу предложение Кеннистона, но уже от своего имени. На площади тотчас воцарилась суматоха — люди не были готовы столь

быстро делать выбор между жизнью и, возможно, страшной гибелью. До Джона донеслись обрывки фраз:

— ...эти парни со звезд знают, что делают. Они смогут оживить нашу старушку Землю, вот увидите!

— ...не знаю, не знаю... А что, если начнутся землетрясения на всей материке? Пожалуй, мы и костей тогда не соберем...

— ...ну и черт с ним! По мне лучше сотня землетрясений, чем жизнь где-то на задворках Вселенной!

Площадь буквально кипела от тысяч взволнованных голосов. Наконец Гаррис, вопросительно взглянув на Кеннистона, хрипло сказал:

— Вы готовы принять решение, граждане Миддлтауна? К сожалению, мы не можем дать вам больше времени на размышление...

С бешено бьющимся сердцем Джон смотрел, как внезапно огромная толпа пришла в движение — люди начали переходить из одной стороны в другую. С не меньшим волнением за этим следили Арнол и Горр Холл, которым Джон объяснил процедуру принятия решения.

Некоторое время на Центральной площади царил такой хаос, что нельзя было ничего понять. Однако вскоре ситуация стала проясняться.

Кто за эксперимент — в правую часть площади...

Кто против — в левую...

Между двумя противостоящими группами появился коридор, который начал непрерывно расширяться. Кеннистон с облегчением увидел — на левой половине площади осталось около двух сотен людей.

Горожане подавляющим большинством высказались за проведение эксперимента.

Колени у Кеннистона внезапно задрожали — на него словно обрушилась огромная глыба ответственности. Он взглянул на Арнола — и увидел в его глазах слезы радости. Горр Холл улыбался во весь рот, обнажив два ряда мощных клыков. Мэр же отошел в левую часть трибуны и с сокрушенным видом разглядывал многочисленных «отказников» — видимо, он не ожидал, что у него окажется так мало сторонников.

Джон вновь подошел к микрофону.

— Спасибо, люди, за ваше доверие! — растроганно произнес он. — Мы начинаем подготовку к эксперименту немедленно. Корабли Федерации могут появиться в небе в любой момент — и они не дадут нам что-либо предпринять без согласия Совета Губернаторов.

Мы просим вас как можно скорее оставить город. Никто не должен оставаться под куполом в момент, когда в шахту будет спущена и сдетонирована энергобомба. Это время мож-

но будет переждать, скажем, за грядой холмов — хоть небольшая, да защита. Те же из вас, кто высказался против эксперимента, имеют право временно покинуть Землю и наблюдать за происходящим с орбиты. К сожалению, наш космолет невелик и может взять на борт лишь несколько десятков, может, сотню людей.

Он вновь обернулся к мэру.

— Гаррис, пора действовать. Возглавьте временную эвакуацию жителей города и постарайтесь, чтобы не было давки и хаоса... Хуббл, а что намереваетесь делать вы?

— Думаю, нам с вами, Джон, надо будет помочь Арнолу и его людям в шахте. Толку от нас, боюсь, будет немного, но все же...

Мэр спустился с трибуны в сопровождении членов муниципалитета и немедленно взялся за дело. Кеннистон же с Хубблом дождались, когда на опустевшую площадь приехали на роботокарах техники со всем необходимым оборудованием, и проводили гостей в шахту. В ее жерло были спущены многочисленные датчики; Арнол с Холлом получили возможность увидеть на экране дисплея химический состав земной коры, причем не только под Миддлтауном, но и на всей планете! Небольшая по габаритам вычислительная машина стремительно провела необходимые расчеты и выдала на экран свое заключение — «солнечную печку» в недрах Земли зажечь можно. Вероятность возникновения неуправляемого процесса составляла лишь десятые доли процента, но она существовала.

— Что ж, годится, — бодро сказал Арнол. — Шахта пролегает достаточно глубоко. И все же в этом районе в коре имеется слишком много разломов... может, используем для спуска энергобомбы какую-нибудь другую шахту? Джон, вы, кажется, говорили, что на Земле есть другие заброшенные города под куполами?

Кеннистон был озадачен — эта мысль не приходила ему в голову.

— Вы правы, Арнол, — кивнул он. — Но это потребует массу времени, которого у нас нет.

— Ну, не так уж и много! Вы забываете — в нашем распоряжении космолет. К счастью, я догадался захватить с собой древнюю карту Земли... Вспомнил — в последний период перед всеобщей эвакуацией на вашей планете оставалось шесть крупных городов, и три из них располагались в другом полушарии.

Горр Холл и Хуббл дружно начали возражать — они считали, что это не скажется на безопасности людей, и Арнол хотя и согласился с ними.

— Хорошо, — кивнул он. — Тогда мы немедленно приступаем к делу. Думаю, завтра к полудню мы будем готовы... Джон, нам понадобится ваша с Хубблом помощь.

— Мы сделаем все, что в наших силах, — пообещал Джон. — Только дайте мне час... нет, хотя бы полчаса — у меня кое-какие личные дела.

Горр Холл и Хуббл понимающе улыбнулись, а Джон тем временем уже бежал к лифту. Полчаса — не так уж и много для человека, преодолевшего половину Вселенной и мечтающего о встрече со своей невестой, думал он, захлопывая за собой дверь кабины. Он не видел Кэрол на площади среди «отказников», и это тревожило его. Кэрол могла просто испугаться полета, и он должен переубедить ее любыми средствами. Рисковать ее жизнью... — нет, это выше его сил!

Кэрол была дома и ждала его. К удивлению Кеннистона, на ее лице не заметно было даже тени страха — напротив, глаза девушки лучились радостью и надеждой — такой она не была уже давно.

При виде жениха Кэрол бросилась ему на шею и жарко расцеловала — так, как в их первые годы. Джон растрогался было, приняв ее ласки на свой счет, но первые же слова невесты спустили его с небес на землю.

— Джон, вы действительно делаете это чудо? — зашептала Кэрол, прижимаясь к нему. — Земля вновь оживет, я вновь смогу собирать цветы на лугах, и ветер будет теплым и напоенным запахом трав?

— Хм... Мы попробуем разогреть Землю, но учти, милая, — Солнце останется таким же холодным и тусклым, — предупредил он невесту. — Кроме того, есть риск неуправляемого взрыва...

Кэрол сердито нахмурилась — она не желала этого слушать.

— Нет, нет, этого не случится, я знаю! Через несколько дней, ну, может, через неделю мы вернемся в наш дом в Миддлтауне, и тетя вновь посадит в палисаднике свои любимые петунии...

Он увидел в глазах девушки слезы, ласково поцеловал ее, зарывшись пальцами в пышные волосы. «Конечно же, Кэрол любит меня, — подумал он, — но только как часть своей прежней, любезной ее сердцу жизни. Если все вернется в прежнее накатанное русло, то она будет счастлива со мной. А я — буду ли счастлив я?»

Против воли он вспомнил о Варне Аллан, звездной страннице, мужественно несущей на своих хрупких плечах тяжелую ношу Администратора огромного сектора Галактики.

Словно почувствовав это, Кэрол тихо спросила:

— Джон, как было там... на звездах?

— Тебе бы не понравилось, — откровенно ответил он. — Все чужое и даже чуждое... но по-своему прекрасное!

Кэрол с тревогой взглянула ему в лицо.

— Мне кажется, ты еще больше изменился, — грустно сказала она. — Глаза стали какие-то другие... глубокие, как омут... Джон, мне немного страшно...

Она вздрогнула и отстранилась, словно и на самом деле почувствовала себя в объятиях инопланетного существа.

— Нет, Кэрол, я не изменился, я остался прежним! — горячо воскликнул Джон, силой привлекая невесту к себе и осыпая ее поцелуями. — Ты слишком мнительна, милая, только и всего... Извини, я должен возвращаться в шахту — сейчас дорога каждая минута...

Девушка разочарованно взглянула на него, но протестовать не стала. Она проводила Джона до порога и, поцеловав на прощание, долго махала ему рукой, стоя на крыльце. И все же у него сложилось малоприятное ощущение, что Кэрол провожала не любимого жениха, а ГЕРОЯ, ИДУЩЕГО НА ПОДВИГ.

Шагая к центру города, Джон оказался в людском водовороте. Люди с рюкзаками, чемоданами и просто свертками, в которых находилось самое необходимое, широким потоком двигались по направлению к portalу. При виде своего «спасителя» они окружили его плотным кольцом. Каждый мужчина старался протиснуться сквозь толпу и пожать ему руку; женщины норовили чмокнуть его в щеку, детишки засыпали градом вопросов — им хотелось узнать, когда дядя Горр собирается разжечь заодно и Солнце. Джон улыбался направо и налево, так что у него задеревенели мышцы лица, пожимал бесчисленные протянутые ему руки, но вздохнул с облегчением лишь тогда, когда спустился в тоннель, ведущий к шахте.

Здесь работа кипела вовсю. Хуббл привлёк на помощь техникам Арнола лучших мастеров города. Из космолета были привезены все крупногабаритное оборудование и сама энергобомба. Над жерлом шахты была быстро и умело сооружена решетчатая ферма. Магро руководил работами по установке на ней мощного атомного двигателя с хитроумным спускным устройством, а Горр Холл заканчивал подготовку системы дистанционного управления — она должна была обеспечивать горение «солнечной печки» по расчетному режиму. Джон присоединился к Арнолу и Хубблу — они были заняты наладкой взрывателя энергобомбы.

На долгие часы Кеннистон был полностью погружен в сложную и непривычную работу. И все же в короткие минуты отдыха перед его глазами выплывало милое, родное лицо... — нет, не Кэрол, а Варны Аллан. Что она делает сейчас там, на

борту звездолета, из которого не пожелала выходить — так же, как и Лунд с Матисом?

Наконец пришло утро. Посыльные от мэра сообщили, что город в основном уже пуст, но колонны людей еще продолжают движение к холмам. Гаррис твердо гарантировал, что в полдень можно начинать эксперимент — людей в Нью-Миддлтауне больше не будет.

Круглую черную бомбу установили с помощью крана на площадке в середине фермы. Окутавшая ее металлическая сеть соединялась с тросами спускного устройства. Над бомбой разместили четыре заряда. Их должны были сбросить с некоторым запаздыванием вслед за энергобомбой. При взрыве этим зарядом в шахте образуется «пробка», которая закроет «солнечной печке» путь на поверхность. Правда, оставались незакрытыми остальные пять шахт, но Арнол посчитал это обстоятельство несущественным. «Потом разберемся, — ответил он на вопрос Кеннистона. — Жаль, конечно, остальные города — огненные факелы могут сжечь их дотла, но времени заниматься ими, увы, нет».

В этот момент к Арнолу подбежал, задыхаясь, один из пилотов — он готовил корабль к взлету на орбиту с «отказниками» на борту.

— Шеф, мы только что получили сообщение по дальней видеосвязи! Корабли Патруля уже недалеко, и командование армады требует немедленно остановить все работы! Через несколько часов они будут здесь, на Земле...

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

СУДЬБА ЗЕМЛИ

Все находившиеся в шахте люди с тревогой переглянулись. Кеннистон невольно вспомнил слова Варны: «Вам не удастся противостоять законам Федерации!»

На Арнола было страшно-смотреть — от мысли, что дело его жизни может быть окончательно погублено в самый последний момент, он пришел в ярость. Шагнув к посланнику, он схватил его трясущимися руками за воротник и воскликнул хрипло:

— Далеко корабли Патруля от Земли?

— Они только что пересекли орбиту Плутона и будут здесь через несколько часов. Если рискнут идти в Солнечной системе на маршевой скорости.

— Они идут на предельной скорости, в этом можно не сомневаться, — угрюмо пробормотал Арнол, оставляя китель пилота в покое. Лицо его побелело и напоминало сейчас восковую маску, скулы резко очертились, щеки втянулись. После некоторого раздумья он обратился к стоявшим рядом с фермой техникам:

— Ребята, много вам еще требуется времени?

— Час-полтора, не больше, — поколебавшись, ответил один из техников. — Есть трудности с подъемником, но, думаю, к этому сроку мы управимся.

Джон вновь ощутил прилив надежды.

— Йон, мы, кажется, успеваем! Я пойду прослежу, как идут дела у мэра.

Гаррис находился на площади рядом со зданием мэрии, где был создан импровизированный центр эвакуации, и беседовал о чем-то с членами муниципалитета. Вид у него был усталый и озабоченный. Узнав от Джона о приближении кораблей Федерации, он только вздохнул:

— Что ж, мы сделали все возможное. Старики, дети и больные уже перевезены в старый город. Взрослые почти все ушли пешком, но кое-кто из них в суматохе потерял своих детей. Этим мы сейчас и занимаемся... Думаю, через час город будет совершенно пуст — так и передайте вашему Арнолу.

Он помолчал и затем тихо спросил:

— Джон, как вы считаете, мы переживем сегодняшний день? Ведь мы оказались между молотом и наковальней... Если даже ваш эксперимент удастся, корабли пришельцев могут начать против нас военные действия...

— Не тревожьтесь, хуже, чем сейчас, не будет, — ободрил его Кеннистон. — Мы полагаемся на вас, Гаррис, через полтора часа бомбу опустят в шахту!

Он почти бегом вернулся назад и сразу же включился в работу, которая велась в бешеном темпе. Жесткий цейтнот оборачивался против них — инструменты неожиданно ломались и терялись, приборы выходили из строя и даже опоры фермы лопались под тяжестью энергобомбы.

И все же настала минута, когда все было готово. Остальное сделает автоматика.

Арнол еще раз обошел все оборудование, проверил работу приборов — и только тогда дал знак всем находящимся в шахте подниматься на поверхность. Оказавшись в туннеле, они вышли на пустынную улицу и быстрым шагом направились в сторону бульвара. Не доходя до портала, они увидели сквозь прозрачные стены купола огромный поток людей, пересекавший равнину.

Выйдя на открытое пространство, Джон вздохнул с облегчением — и тут же с тревогой взглянул на мглистое небо. Но как ни вглядывался, не заметил следов приближения кораблей Патруля.

Арнол отдал короткий приказ. Горр Холл, Магро, Хуббл и несколько техников с переносным пультом управления направились вслед за горожанами к холмам. Сам же Арнол вместе с Кеннистоном пошли в другую сторону, к стоявшему в двух километрах от города звездолету. Около корабля собралась небольшая группа «отказников», не желавших рисковать жизнью, — за ходом эксперимента они предпочитали наблюдать с орбиты. Горожане столпились у пандуса и нерешительно поглядывали друг на друга — видимо, полет в космос их также страшил.

Арнол, улыбнувшись, пригласил людей в корабль и, взяв двоих детишек за руки, повел их в раскрытый люк. За ними, опустив головы, последовали родители. Поколебавшись, на борт поднялись еще три женщины и двое стариков. Остальные отошли от пандуса — на их лицах была написана полная растерянность.

Джон еще раз взглянул на небо и воскликнул:

— Почему мы остановились? Немедленно поднимайтесь на корабль, он не может долго ждать!

Оставшиеся — а их было не более трех десятков — не двинулись с места. Наконец один из «отказников», худощавый старик с обезображенным оспой лицом, вышел вперед и, прокашлявшись, сказал:

— Знаете, мистер Кеннистон, мы все-таки решили остаться. Нам не нравится то, что вы затеяли с этими пришельцами, — он кивнул в сторону спускавшегося с пандуса Арнола, — но мы не хотим покидать друзей в такой час. Плохо ли, хорошо ли, но мы прожили бок о бок многие годы — что ж, если надо, вместе и умрем. Пошли, чего стоим!

Он приглашающе махнул рукой — и небольшая группа последовала за ним через равнину в сторону холмов.

Арнол с восхищением посмотрел им вслед.

— Джон, вы, земляне, мне определенно нравитесь! Даже самые малодушные из вас не лишены мужества и благородства. Теперь я и сам вижу, что Лунд попросту очернил горожан в глазах Совета Губернаторов. Кстати, о Лунде...

Они вдвоем поднялись на борт корабля и, пройдя через сеть коридоров, открыли двери, в которых находились их пленники. Варна Аллан по-прежнему сидела в кресле и не желала даже обернуться, а Матис с Лундом, напротив, шагнули им навстречу со сжатыми от злости кулаками.

— Арнол, вы все-таки собираетесь сделать свое черное

дело? — прошипел Координатор, с ненавистью глядя на ученого.

— А вы сомневались в этом, Матис? — усмехнулся Йон. — Земляне высказались за эксперимент — что еще могло меня остановить? Кстати, хочу напомнить — лично вам ничего не угрожает. Скоро корабль стартует, и вы будете в полной безопасности.

Норден Лунд процедил сквозь зубы:

— Надеюсь, вас обоих разнесет на мелкие кусочки вместе с этим чертовым Миддлтауном! Но даже если этого и не произойдет, то вы не будете победителями, нет. Вам предстоит ответить перед судом за преступное нарушение законов Федерации! С радостью полюбуюсь, как всю вашу банду засадят куда надо!

— Посмотрим, — хладнокровно ответил Арнол. — А теперь нам пора идти. Счастливого путешествия!

Он повернулся и зашагал к выходу, но Кеннистон замешкался. Варна Аллан все-таки выпшла из своей каюты и теперь выжидающе смотрела на него. Лицо девушки было бледно, но в ее голубых глазах не было ярости — только грусть и сомнение.

Джон хотел сказать этой чудной девушке о многом, но не находил слов. Наконец он пробормотал:

— Простите меня, Варна, за все те неприятности, которые я вам невольно причинил. Прощайте...

— Подождите, Джон!

Девушка шагнула к нему, пытливо вглядываясь в его лицо.

— Знаете, я хотела бы остаться с вами на Земле, — просто сказала она.

Кеннистон в изумлении воззрился на нее — как и Матис с Лундом. Наконец Координатор возмущенно воскликнул:

— Вы с ума сошли, Администратор! Что вы делаете?

Варна спокойно объяснила:

— Пока я еще Администратор этого сектора Галактики. В том, что здесь происходит, есть и моя вина, и я не собираюсь уходить от ответственности. Повторяю — я остаюсь на Земле во время эксперимента и разделю судьбу жителей этой бедной планеты.

Лунд неожиданно ревниво сказал:

— Вы думаете, Варна, не о своем долге, а об этом проклятом «примитиве» Кеннистоне!

Девушка вздрогнула, еще больше побледнела, но ничего не ответила. Джон с внезапно вспыхнувшей надеждой пытался поймать ее взгляд, но Варна опустила глаза.

Матис недовольно сказал:

— Я не могу, к сожалению, приказать вам следовать за мной, Администратор. Но учтите — вам придется держать ответ за свое безответственное поведение.

Девушка кивнула и быстрым шагом направилась по коридору к выходу. Смущенный до глубины души Кеннистон последовал за ней. Сердце его бешено колотилось, дыхание перехватывало от волнения. «Неужто Лунд прав? — лихорадочно думал он. — Нет, не может быть... Но почему Варна промолчала и лишь опустила глаза?»

Они вместе сбежали по пандусу и подошли к Арнолу, ожидающему Кеннистона в нескольких шагах от корабля. Увидев Варну, он, казалось, не удивился. Не успели они пройти и несколько десятков метров, как пандус поднялся, люки корабля автоматически задраились, и космолет плавно поднялся ввысь и быстро исчез в багряном небе.

Через полчаса они поднялись к холмам, где волновалось целое людское море. На вершине одного из холмов, за живым барьером из солдат гвардии, стояли техники с приборами контроля, а так же Хуббл с гуманоидами.

При виде Варны Аллан глаза у капеллянина округлились от удивления.

— Надо же, сам Администратор пожаловал! Вот уж не думал, что вы останетесь с нами, грешными.

Девушка гневно оборвала его:

— Не забывайтесь, Горр, я не намерена отчитываться перед подчиненными за свои... — она с трудом сдержалась и после паузы спросила уже более мирно: — Когда вы собираетесь начинать?

Капеллянин смущенно покосился на недовольного его словами Кеннистона и ответил:

— Мы готовы, Арнол, командуйте!

Ученый волновался так, что на него было страшно смотреть. Он подошел к пульта управления и внимательно изучил показания многочисленных приборов.

— Джон, предупредите ваших людей — мы начинаем! — глухо сказал он и положил руку на панель.

Кеннистон закричал — его голос гулко прокатился среди каменных склонов, поддерживаемый резким ледяным ветром:

— Спускайтесь вниз, за гряды! Холмы защитят вас от ударной волны, если катастрофа все-таки произойдет!

Горожане начали торопливо спускаться по противоположному склону, скользя ногами по осыпающимся камешкам. Многие упали на колени и стали горячо молиться. Заплакали малыши, прижавшись к своим перепуганным матерям.

Сердце Кеннистона сжалось от боли. Прав ли он был, поставив на карту жизни многих тысяч людей?

Он подошел к Арнолу и вместе с ним некоторое время молча смотрел вниз, где посреди бурой равнины возвышался огромный купол, залитый пурпурными лучами предзакатного Солнца. Где-то там, в недрах города, под белыми башнями небоскребов, затаилась энергобомба, готовая вот-вот нырнуть в чрево Земли...

Неожиданно он почувствовал, как чья-то узкая прохладная ладонь скользнула ему в руку. Он повернулся и увидел Варну, замороженно смотревшую на Нью-Миддлтаун. Глаза их встретились...

Йон Арнол решительно нажал на красную кнопку. Тысячи людей, не пожелавших прятаться за холмами, тревожно смотрели на сияющий купол. Они понимали: через несколько минут оттуда, с равнины, к ним может прийти смерть — и хотели встретить ее лицом к лицу.

— Теперь я понимаю, что мы, люди будущего, немало потеряли по сравнению с вами, — прошептала Варна, крепко сжав пальцы Джона. — У вас есть отвага и безрассудство, которого мы лишены. Вы повинуетесь не только разуму, но и сердцу... Я рада, что осталась с вами, Джон!

— Началось! — воскликнул Арнол, не сводя глаз со шкалы приборов.

Потекли томительные минуты. Внезапно люди ощутили под ногами сильные толчки — один, второй, третий, четвертый... Это сработали сопровождающие энергобомбу заряды. Чуть позднее из глубин на поверхность пришло землетрясение, докатилось до холмов и ушло вдаль, поднимая тучи пыли на бескрайней равнине. Затем Земля вновь содрогнулась, но не в предсмертной конвульсии. Билось сердце возрождающейся к жизни планеты — ликующе, взхлеб...

Люди, многие из которых были брошены толчками на землю, закричали — кто из страха, кто от восторга. Одни прощались с жизнью, другие с надеждой прижимались лицом к каменистой почве, словно пытаясь уловить пульс недр.

Указатели на приборах, казалось, совершенно сошли с ума. Почти все стрелки зашкалили, но это продолжалось недолго. Постепенно все пришло в норму, но ни один указатель не стоял больше на нуле. «Солнечная печка» в глубине земной коры разгоралась, и животворящее тепло медленно, но верно стало распространяться по многокилометровой толще коры.

Арнол с победной улыбкой обернулся к друзьям.

— Все идет нормально! — звенящим от радости голосом произнес он. — Не пройдет и нескольких недель, как тепло вновь придет на Землю...

Он замолчал, не находя слов, чтобы выразить бурлящие

в нем чувства. Долгие и упорные годы его работы наконец принесли первые плоды... Лицо Арнола внезапно осунулось, улыбка погасла — сейчас рядом с приборами стоял смертельно усталый, пожилой человек.

Кеннистон хотел было передать слова Арнола горожанам, но те сами инстинктивно почувствовали, что все страшное уже позади. С триумфальными криками бросились они вниз по склону к городу, обнимали друг друга, целовались и плакали от радости. Мэр Гаррис не скрывал счастливых слез, обнимаясь с могучим Горром Холлом. Магро с Хубблом что-то горячо объясняли членам муниципалитета.

— Это была холодная зима Земли — зима сроком в миллионы лет, — тихо сказал Джон, привлекая к себе не сводящую с него нежных глаз Варну. — Скоро придет весна, а это всегда пора любви. И кажется, я знаю, кто станет первыми влюбленными на новой Земле...

Внезапно в небе прокатился гром. Корабли Патруля, ошестинившиеся пушками, спустились на равнину рядом с холмами.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ ПРОСЫПАЮЩИЙСЯ МИР

Медленно, очень медленно в течение нескольких последующих недель весна вновь приходила на Землю. Ветры с каждым днем становились мягче, на тусклом небе стали проскальзывать одиночные облака. Однажды ночью над Нью-Миддлтауном разразилась гроза — первая за многие тысячи лет, и на следующее утро на бурой равнине проклюнулись робкие лучики травинки.

Увы, Кеннистон узнавал об этих изменениях лишь от Кэрол, навещавшей его... в тюрьме. Вместе с остальными участниками запрещенного эксперимента он был заключен под стражу в одном из зданий города. Командование эскадрильи Патруля временно взяло власть в Нью-Миддлтауне в свои руки, но до прибытия Комиссии Губернаторов никаких активных действий не принимало, кроме немедленного разоружения полицейских отрядов и сил Национальной гвардии. Вскоре на Землю прилетели представители Федерации, и в здании мэрии началось долгое, изнуряющее слушание «дела Сола-3». Комиссия тщательно собрала все данные о событиях, происшедших после встречи землян с экипажем «Тани-

са», выслушала сотни свидетелей и не спеша приступила к выработке своего постановления.

Джону казалось, что недели тянутся бесконечно, он не находил себе места в обширном зале, охраняемом солдатами Патруля. Арнол же, напротив, был бодр, на его губах часто играла беспечная улыбка. На допросах он держался дерзко и самоуверенно, часто ставя Губернаторов в тупик своими остроумными репликами. Цель его жизни достигнута, метод возрождения планет успешно апробирован — остальное его мало занимало.

Горр Холл и Магро также не выглядели удрученными. Капельлянин время от времени громогласно восклицал, с иронией поглядывая на сокрушенного Кеннистона:

— Черт побери, да в чем они могут теперь нас обвинять? Дело сделано! Метод Арнола проверен практически, и об этом скоро узнает вся Галактика. Пусть Губернаторы попробуют отказать в подобных просьбах жителям других остывающих планет!

Магро добавил:

— Учтите, Джон, Федерация не решится эвакуировать ваших сограждан: Земля-то оживает с каждым днем! Неужели это вас не радует?

— Радует, еще как, — вздохнул Джон, — но так уж устроен человек — ему всегда всего мало. Еще несколько недель назад я о большем и не мечтал, а сейчас еще хочется самому пройтись по цветущим лугам Земли. К возможной гибели я как-то морально притерпелся, но вот к тюрьме...

Горр Холл расхохотался.

— Это вряд ли случится, Джон. Вспомните — мы с вами лишь эмоциональные «примитивы», с нас и взятки гладки.

И вот наконец настал день, когда «заговорщиков» ввели в большой зал — еще недавно здесь заседали мэр и члены муниципалитета. Солдаты Патруля отвели их в первый ряд, который превратился в своеобразную «скамью подсудимых». Члены же комиссии разместились на невысокой сцене «в президиуме». Зал был переполнен — Губернаторы решили сделать последнее заседание открытым.

Джон скользнул взглядом по членам комиссии — трем пожилым, умудренным опытом мужчинам и соплеменнику Лаллора со звезды Спика — и осмотрел зал.

На соседней скамье он увидел Варну Аллан, и сердце его дрогнуло. Карьера девушки всецело зависела от результатов слушания дела, но она не казалась подавленной — напротив, встретившись взглядом со Джоном, ободряюще улыбнулась ему. Сидящий позади нее Лунд выглядел настроженным.

Встретившись глазами с Кеннистоном, он зло усмехнулся, но на его лице не было заметно обычной самоуверенности.

Почтенный старик, Председатель комиссии, начал заседание. Коротко огласив обстоятельства дела и результаты слушания, он перешел к самому важному — решению четырех Губернаторов. Его лицо все время оставалось бесстрастным, но Джону показалось, что он выполняет свою работу с явным неудовольствием.

— ...итак, выездная сессия Совета Губернаторов постановляет: Йон Арнол, Горр Холл, Магро и Джон Кеннистон виновны в преступном нарушении решения Ассамблеи Совета Губернаторов, в самовольном проведении недостаточно апробированного и опасного для населения Сола-3 эксперимента. Они приговариваются к высшей мере наказания, применяемой в Федерации Звезд, а именно: к пожизненному заключению на одной из отдаленных, необитаемых планет.

Горр Холл прошептал:

— Ого! Пусть только попробуют сделать это. Нас так просто не запугать... — Однако его голос звучал далеко не столь уверенно, как раньше.

Председатель комиссии холодно взглянул на капеллянина, и тот, смутившись, опустил глаза.

— Итак, повторяю: обвинения, безусловно, заслуживают самого сурового наказания, но надо признать — рассматриваемый случай невозможно оценивать чисто на юридической основе. Мы обязаны учитывать, что ваш дерзкий, безрассудный поступок создал совершенно новую, не предусмотренную законами ситуацию. За последние дни в Совет Губернаторов поступили заявки от нескольких десятков членов Федерации с просьбой применить метод Арнола на своих планетах. После долгих дискуссий Совет дал на это разрешение.

Кеннистон не поверил своим ушам. Неужели борьба Арнола все-таки привела к победе?

— Таким образом, — продолжил Председатель комиссии, — мы зашли в тупик. Заслуженное обвиняемыми наказание пришло в явное противоречие с последним решением Совета. Исходя из этого, а также учитывая ходатайство целого ряда Губернаторов, представляющих в основном гуманоидные миры, мы решили ограничиться общественным порицанием указанной выше четверке. Предупреждаем: в случае повторного нарушения законов Федерации Совет Губернаторов оставляет за собой право ужесточить наказание виновным, учитывая дело Сола-3.

В зале стало необычайно тихо. Никто не ожидал такого благоприятного поворота событий. Председатель, однако, еще не кончил зачитывать заключение:

— Наряду с вышесказанным комиссия рассмотрела вопрос об ответственности ряда официальных лиц Федерации, участвовавших так или иначе в данном инциденте. Необходимо отметить, что Администратор Варна Аллан проявила неумение работать в сложной, нестандартной ситуации, а также плохое знание психологии населения планет с недостаточно высокой степенью развития цивилизации. Вследствие этого Варна Аллан понижается в должности на одну ступень.

Норден Лунд торжествующе улыбнулся, но тут Председатель сурово взглянул и на него.

— Комиссия также сочла, что в действиях Суб-Администратора Нордена Лунда эгоистические мотивы порой мешали выполнению его служебного долга. Лунд также понижается в должности на одну ступень.

Зачитанное мною постановление получило одобрение секретариата Совета, является окончательным и обжалованию не подлежит.

После долгой паузы люди в зале робко заулыбались. Многие ринулись к передним рядам, чтобы пожать руку Кеннистону и его друзьям. Раздались первые восторженные возгласы, а затем зал взорвался аплодисментами. Йона Арнола и Магро подняли на руки, но вот с массивным Горром Холлом не удалось справиться даже самым сильным мужчинам. Тогда капеллянин, хохоча, сам подбросил к потолку нескольких человек и под одобрительные крики ловко поймал их в воздухе.

Кеннистон не принимал участия в общем веселье. Он заметил, как сразу после окончания выступления Председателя комиссии Варна Аллан молча поднялась и с окаменевшим, серым лицом пошла к выходу, и поспешил вслед за ней. Девушка заметила это и остановилась в ожидании у самых дверей. Неожиданно перед ней вырос Норден Лунд. Лицо бывшего Суб-Администратора тряслось, глаза были налиты кровью. Сжав кулаки, он шагнул навстречу Кеннистону.

— Будь ты проклят, мерзкий «примитив»! Ты погубил мою карьеру...

Варна остановила его, презрительно усмехнувшись:

— Бросьте, Лунд, вы сами сделали эту карьеру своими амбициозными интригами.

Лунд затравленно оглянулся на свою бывшую начальницу и внезапно сник. Опустив голову, он молча вышел из зала. Девушка проводила его тревожным взглядом и тихо сказала:

— У вас появился смертельный враг, Джон. Лунд не из тех, кто остается в долгу...

Джон пожал плечами — сейчас это меньше всего волновало его.

— Варна, — сказал он негромко, — вы тоже имеете основание ненавидеть меня...

Девушка серьезно взглянула на него:

— Нет, Джон, вы здесь ни при чем. Я оказалась в непривычной ситуации и наделала массу ошибок. Видимо, действительно еще не созрела для столь ответственной работы...

— Дьявол, о чем вы говорите? — взорвался Кеннистон. — Каждому ясно, что ваши Губернаторы предвзято отнеслись к вам. Вы старались найти лучшее решение...

— И все же оно оказалось не самым мудрым и прозорливым, — прервала его Варна и внезапно улыбнулась. — Джон, не переживайте за меня. Кто знает, быть может, все и к лучшему...

Кеннистон с восхищением смотрел на златовласую девушку. Ему хотелось сказать ей о многом.. но как решиться на это? Между ними лежала бездна... Может ли дикарь из далекого прошлого надеяться на любовь одной из самых блистательных девушек Федерации?

— Я поздравляю вас, Джон, — ласково сказала Варна. — Скоро ваша мечта исполнится, и вы вернетесь в свой дом... к этой очаровательной Кэрол. Не сомневаюсь, вы будете очень счастливы вместе...

— Варна! — в отчаянии воскликнул Джон. — Я давно хотел...

Девушка выжидательно смотрела на него, но Кеннистон вдруг потерял дар речи. Тогда Варна грустно усмехнулась:

— Я не прощаюсь с вами сейчас, Джон. Надеюсь, вы найдете время и заглянете к нам на корабль перед отлетом. Передайте вашей Кэрол привет и скажите, что я немного завидую ей.

Она резко повернулась и вышла из зала, а Джон лишь стоял и как завороченный смотрел ей вслед. Внезапно его захлестнула волна ликующих горожан. Несмотря на его протесты, Джона подняли на руки и вынесли на площадь, где, казалось, собрался весь город. По широкому проходу среди тесно сгрудившихся людей шел оркестр Национальной гвардии, одетый по случаю торжеств в парадную форму. Гремели барабаны, звучали фанфары, сотрясались литавры, ярко наряженные девушки маршировали, искусно жонглируя жезлами. За оркестром медленно ехал открытый лимузин мэра, украшенный первыми луговыми цветами. Гаррис размахивал шляпой, приветствуя многотысячную толпу. Следом за ним тянулся караван автомобилей — это ехали горожане, возвращающиеся в старый добрый Миддлтаун.

Позади машин шла процессия из самых крепких мужчин, не выпускающих из высоко поднятых рук Йона Арнола, Магро и Хуббла, а чуть поодаль шагал громогласный Горр

Холл, облепленный восторженно визжащими малышами. Кеннистон же смог вырваться из цепких рук своих обожателей и скрылся от них на соседней, сравнительно пустынной улице. Почти полчаса задворками он пробирался к дому невесты, опасаясь выходить на широкие магистрали, где бурлил праздник. Наконец ему удалось проскользнуть к хорошо знакомому подъезду, и вскоре он уже сжимал в объятиях плачущую от счастья Кэрол.

— О, Джон, ты свободен! — шептала она, прижимаясь к его груди мокрой от слез щекой. — Я побоялась прийти на заседание этой ужасной комиссии, но я ждала и надеялась...

— Да, Губернаторы признали нас невиновными, — сказал Джон и вдруг почувствовал себя очень неловко. Ему показалось, что он целует чужую невесту. Собственно говоря, так и было на самом деле...

В этот момент в комнату вошла озабоченная тетя Адамс.

— Джон, как хорошо, что вы пришли! — воскликнула она. — Я не знаю, верить ли нашим соседям? Неужто мы можем вернуться домой?

— Упаковывайте вещи, миссис Адамс, — улыбаясь, ответил Джон. — Я отвезу вас на своем джипе.

— О, я давно готова! — с энтузиазмом воскликнула старуха. — На всякий случай все последние дни я готовилась к переезду. Я так и заявила соседкам — не задержусь ни одной лишней минуты в этом ужасном, забытом Богом месте! Но знаете, что мне сказали сыновья миссис Борзак? Мы останемся здесь, в Нью-Миддлтауне, вот что сказали эти сорванцы. И их поддержала почти вся молодежь! Можете вы это понять, Джон?

Через полчаса Кеннистон подогнал к дому свой джип и погрузил в него тюки и чемоданы. Выехав на бульвар, он попал в медленно движущийся к порталу поток машин. Мимо проплывали белые небоскребы, так и не ставшие для большинства горожан родным домом. Колонна выехала за пределы купола — и ее встретил теплый ветер, несущий слабый запах зелени. Но в небе по-прежнему тускло светило багряное Солнце и перемигивались слабые звезды.

Караван проплыл мимо небольшого звездолета Йона Арнола, окруженного черными башнями кораблей Патруля. Джон долго оглядывался на них — ему было грустно при мысли, что скоро его новые друзья уйдут к далеким мирам, и, быть может, навсегда. И с ними будет Варна...

Перевалив через гряду холмов, колонна торжественно въехала на улицы Миддлтауна. Дома уже оживали — ставни были распахнуты, жалюзи на окнах подняты. Женщины в пестрых фартуках, весело переговариваясь, не спеша сметали

пыль со ступенек и садовых дорожек. Деловито гудели грузовики, развозя крупные вещи; дети носились по городскому парку среди деревьев, на голых ветвях которых проклевывались первые почки.

Джон свернул на Майн-стрит и вскоре подъехал к старому коттеджу, который они оставили несколько месяцев назад. Впрочем, месяцев ли? Джону показалось, что с тех пор прошли долгие годы.

Он остановил машину у тротуара. Миссис Адамс вышла из джипа и нерешительно подошла к веранде. Открыв дверь, она вдруг растерянно оглянулась, словно опасалась войти.

— Ничего не изменилось, — сказала она недоуменно. — Неужели все было просто кошмарным сном? Но пыли, сколько пыли на крыльце! Сейчас я возьму тряпку...

Внезапно она села прямо на ступеньки и разрыдалась

Кэрол, напротив, почему-то не спешила выходить из джипа. Чувствуя ее пристальный взгляд, Джон обернулся и, нарочито улыбаясь, спросил:

— Теперь ты счастлива, милая?

Она кивнула, не сводя с него серьезных, задумчивых глаз. Джону стало не по себе, и он торопливо сказал:

— Я помогу перенести в дом вещи, а затем, прости, должен буду отлучиться. Перед отлетом мне нужно повидаться с Горром Холлом, но я скоро вернусь.

Кэрол внезапно тихо сказала:

— Нет, Кен... не возвращайся.

Он вздрогнул и протестующе воскликнул:

— Опомнись, милая, что ты говоришь?

В глазах его невесты появилась грусть, но голос по-прежнему оставался твердым.

— Мы не сможем быть вместе, Кен, и ты это отлично понимаешь. В последнее время ты очень изменился, а я осталась прежней. Я слишком привязана к своей привычной, размеренной и спокойной жизни, а ты отныне принадлежишь звездам. А может быть, еще и...

Джон понимал, что Кэрол говорила правду, — ту правду, в лицо которой он сам не решался взглянуть. И все же по инерции он еще пытался возражать:

— Кэрол, но как же наши планы...

— Наши?... Прежнего Джона Кеннистона больше не существует, потому не может быть и планов о свадьбе, детях, собственном доме... Для меня это трагедия, но прости — это мое личное дело. Я знаю, ты будешь счастлив... с ней...

Девушка внезапно бросилась ему на шею, страстно поцеловала и, спрыгнув на землю, побежала к дому. Когда Джон

опомнился и вышел из машины с чемоданами в руках, обеих женщин уже не было видно. Дверь на веранду была заперта...

— Прости, — прошептал Джон и, не оглядываясь, пошел к джипу.

Выехав из старого города, он на предельной скорости погнал машину и вскоре выехал на вершину одного из холмов. Здесь он остановился и, выйдя на каменистую площадку, долго смотрел на Миддлтаун, словно прощаясь с ним. Затем взглянул на город под куполом — и увидел небоскребы, залитые огнями праздничной иллюминации. Большинство молодежи осталось там, в новом городе, — для них день отъезда родителей и близких стал праздником начала самостоятельной жизни. «Эти ребята и будут новыми членами Федерации Звезд», — подумал Джон. Их не тяготит мертвый груз прошлого — и, возможно, они-то и возродят Землю по-настоящему. Построят новые города, дадут жизнь новому поколению землян... Впрочем, кто знает? Звездные корабли скоро вновь вернуться — и, быть может, эти парни и девушки предпочтут отправиться к новым мирам. Старый Миддлтаун обречен, рано или поздно он превратится в призрак, в тень далекого прошлого. История о городе, перенесемся на край света, может со временем стать одной из легенд Галактики...

Никогда еще Кеннистон не чувствовал себя таким свободным. С прежней жизнью было покончено, а новая могла начаться только там, среди далеких миров. Он станет звездным странником, одиноким скитальцем, чужим и для землян, и для жителей Федерации...

Он вновь уселся за руль и не спеша поехал к звездолетам, возвышающимся среди бескрайней равнины. Миновав титанические башни кораблей Патруля, он выехал к серебристой игле космолета Арнола. У спущенного на землю пандуса его ждали. Горр Холл издали приветливо помахал рукой — его примеру последовали Магро и Йон Арнол. Среди его друзей была и Варна Аллан. Не выдержав, она побежала ему навстречу, не скрывая счастливой улыбки.

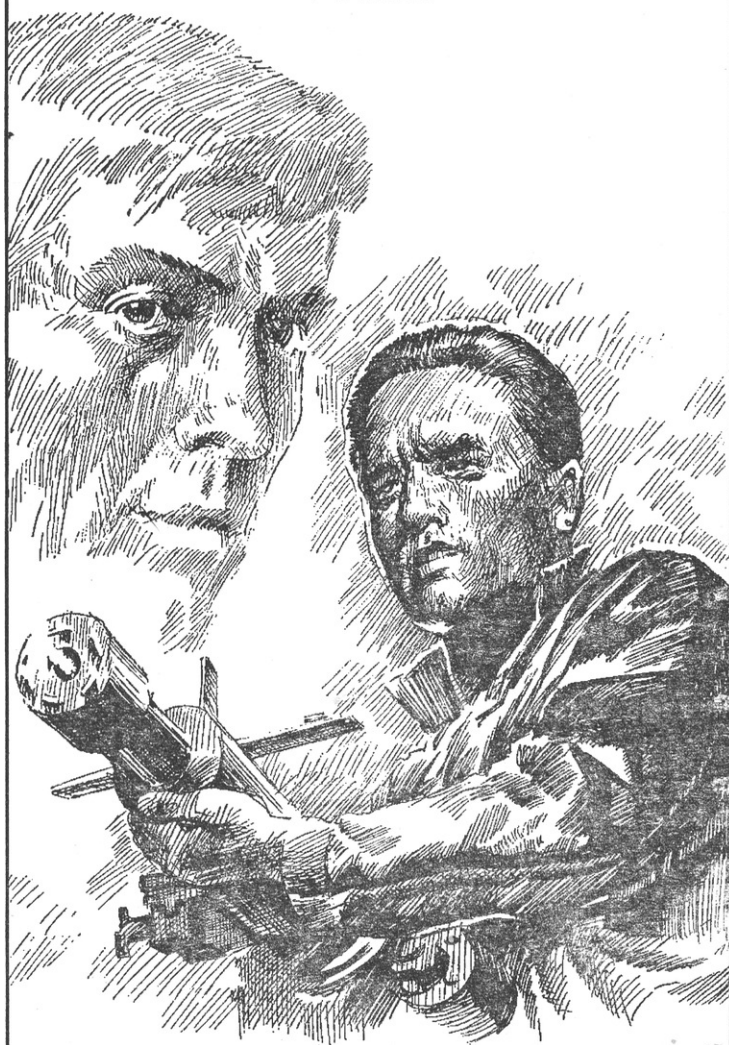
И тогда Джон Кеннистон понял, что и там, среди звезд, он не будет одинок.

ХРАНИТЕЛИ

ЗВЕЗДА

РОМАН

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Много лет спустя Роберт Файрли вспомнил свою посадку в самолет, следующий рейсом из Бостона в Вашингтон, как первый шаг в пугающую, бесконечную бездну Вселенной. Но в то время эта незапланированная поездка показалась ему лишь приятной паузой в его рутинной академической жизни.

Сразу же после взлета он открыл газету, купленную в зале ожидания. В глаза бросился крупный заголовок передовицы: «Русские обвиняют США в нарушении договора по Луне».

Файрли со скучающим видом скользнул взглядом по статье, но читать ее не стал — со времен окончания второй мировой войны русские обожали устраивать скандалы то по одному, то по другому поводу. Зато остальные страницы он просмотрел весьма тщательно, однако того, что искал, не нашел.

«Ну конечно, — с раздражением подумал Файрли, — здесь нет ни слова обо мне... А ведь *могло быть*».

Но вскоре он все-таки обнаружил свое имя — в столбце рядом с какой-то чепуховой статьей о женской эмансипации. Газета информировала читателей, что доктор Роберт Файрли, профессор лингвистики Массачусетского университета, известный авторитет по древнеазиатским иероглифам (Файрли вздрогнул от этого слова), был вызван в столичный Смитсоновский институт для «участия в проведении исследований в области филологии».

«Не много», — подумал Файрли без особого энтузиазма. Хотя газетные вирши мало ценились в его кругах. Другое дело «Журнал филологии» — он, несомненно, уделит этому событию куда больше внимания. Для молодого ученого — а Файрли считал свои тридцать три года периодом начала взросления для лингвиста — статья в академическом журнале могла послужить толчком к новому шагу в карьере. Во всяком случае, его престиж среди коллег по университету заметно повысился. На факультетской вечеринке теперь можно небрежно сказать друзьям: «Парень, с которым я работал в

Смитсоне, признал мои результаты превосходными... Он даже говорил что-то о новом вкладе в науку, но я из скромности не стал его слушать...» Или что-нибудь в этом роде.

Вообще-то Файрли был удивлен, что Смитсоновскому институту потребовались его услуги. Декан факультета филологии послал ему трогательное письмо: мол, он и все коллеги восхищены последними работами профессора по скифским руническим надписям и просят найти время для совместных исследований по одной очень важной проблеме, если, конечно, профессор сможет найти себе замену на кафедре. Он, конечно, смог.

За иллюминатором стемнело, в небе зажглись первые звезды. Файрли сложил газету и откинулся на спинку кресла, полускрыв глаза, но сосед — лысый толстяк с красным лицом и отвисшими, как у бульдога, щеками — не дал ему задремать. Бесцеремонно ткнув пальцем в крупный заголовок передовицы, он возмущенно пророкотал:

— Что вы думаете об этом, мистер? По-моему, нужно раз и навсегда показать красным, кто хозяева в этом мире!

Втягиваться в бессмысленный разговор у Файрли желания не было, и он в ответ лишь кивнул:

— Возможно, вы правы.

— Конечно, я прав! — заявил сосед, смерив его гневным взглядом залитых жиром глаз. — Что бы и где бы ни случилось, они вопят, что американцы — это империалисты и поджигатели войны. Сначала Корея, потом Вьетнам и Панама, а теперь эта база в Гассенди... Какое их собачье дело, что мы делаем на Луне? Президент ясно сказал — мы никому не позволим... И он прав!

Толстяк продолжал монотонно что-то бубнить, но Файрли его больше не слушал. Он закрыл глаза и притворился, что заснул, убаюканный ровным рокотом двигателя. Он и на самом деле задремал. Разбудила его улыбающаяся стюардесса. Оказалось, самолет уже приземлился в вашингтонском аэропорту.

Файрли взял свой небольшой саквояж и не спеша стал спускаться по трапу. От пронзительного мартовского ветра пришлось застегнуть все пуговицы на плаще, спасаясь от сырости и прохлады. Небо заволочло рваными тучами, стремительно несущимися на запад. Сыпал редкий и неприятный дождь. Подняв воротник, Файрли зашагал к ярко освещенному зданию аэропорта, мечтая об уютном номере в гостинице.

Зал ожидания был переполнен людьми, и тем не менее через минуту к Файрли протиснулся невысокий человек лет

сорока с рассеянным взглядом и внешностью адвоката из заштатного городишки.

— Мистер Файрли? Очень рад. Я Овен Витхерс, представитель Смитсоновского института.

Файрли был приятно удивлен.

— Вот уж не ожидал, что меня будут встречать, — признался он, пожимая протянутую ему вялую руку.

Витхерс слабо улыбнулся, обнажив неровные зубы.

— Вы более значительная фигура, чем кажется себе, мистер Файрли, — с загадочным видом произнес он. — Если позволите, я возьму ваш саквояж. Пойдемте, на стоянке нас ждет автомобиль.

Самодовольно улыбаясь, Файрли уселся в седан темно-вишневого цвета. Вожделенный им номер гостиницы стал обрастать коврами, мраморной ванной, мебелью черного дерева и другими предметами роскоши, до сих пор виденными им в отелях лишь по телевизору.

У аэропорта, как всегда, царило столпотворение лимузинов, автобусов и грузовых фургонов, но Витхерс оказался водителем-асом. С профессиональной ловкостью он лавировал среди мельтешащих взад и вперед машин, пока не вырулил с ярко освещенной площади в сравнительно тихий переулок между мрачными складскими зданиями. Еще через несколько минут они выехали на скоростную автостраду и помчались среди потока автомобилей в объезд города.

Поначалу Файрли решил, что водитель попросту хочет попасть на менее загруженную транспортом трассу, ведущую в Вашингтон, но Витхерс неожиданно сказал:

— Как вам нравится столица при ночном освещении? Не правда ли, эффектно? Даже жаль, что мы направляемся в другую сторону.

Файрли с удивлением взглянул на него.

— Куда же мы направляемся?

— Скажем, в штат Нью-Мехико, — спокойно ответил Витхерс, прибавляя скорость. — Место вашей будущей работы находится именно там.

— Но погодите... Никто мне не говорил об этом!

Витхерс усмехнулся.

— Разве? Ох, эти бюрократы, вечно они все путают... Да вы не беспокойтесь, какая разница, где работать? По мне так: лишь бы зелененькие платили. У вас же с этим будет все нормально, могу гарантировать. Там платят будь здоров.

— Но почему нужно ехать в Нью-Мехико?

Витхерс пожал плечами.

— Не знаю. Мне поручено вас привезти, только и всего... Так, мы уже прибыли.

Машина замедлила ход и вскоре выехала на пустынную дорогу. Впереди показался массивный бетонный забор, огромные ворота и рядом с ними — решетчатая вышка с несколькими мощными прожекторами.

Витхерс притормозил. Навстречу машине вышел молодой офицер с серьезным лицом и цепким взглядом. За его спиной немедленно появились двое солдат с автоматами наперевес.

Витхерс открыл дверцу и протянул офицеру документы. Файрли тоже пришлось достать свое удостоверение личности. Офицер долго и тщательно изучал бумаги, затем включил фонарь и взглянул на лица обоих пассажиров.

— Все в порядке, — сказал он наконец, вежливо козырнув. — Можете ехать к третьей взлетной полосе. Вас проводить, мистер Витхерс?

— Спасибо, я знаю дорогу, Род. Не впервой...

Створки ворот медленно разъехались в стороны, и машина въехала на огороженную территорию.

— Что, мы на аэродроме ВВС? — ошеломленно спросил Файрли.

— Верно. Дальше вы полетите рейсовым военным самолетом — это сэкономит ваше время и наши деньги. Сами понимаете, средства института ограничены...

Файрли с сомнением взглянул на водителя, но тот и глазом не повел.

Они проехали мимо длинных приземистых зданий и вскоре оказались на обширной бетонированной площадке около полукруглых ангаров. Впереди расстилось посадочное поле, освещенное рядами редких огней.

Файрли никогда ранее не приходилось бывать на военном аэродроме, и сейчас он почувствовал себя разочарованным. Ему представлялось, что здесь то и дело с ревом садятся и взлетают суперсовременные истребители и бомбардировщики, но действительность оказалась куда прозаичнее. Вокруг было пустынно и тихо, и только холодный мартовский ветер хозяйничал на взлетно-посадочных полосах...

Седан вырулил на широкую бетонную дорогу и поехал вглубь аэродрома, едва растворяя чернильную тьму желтым светом фар. Файрли с огорчением откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Ему не нравилось, какой оборот приняли дела. Роскошный номер в пятизвездочном отеле окончательно исчез, а вместе с ним и надежда на тихий кабинет, непринужденные беседы с

коллегами и дружеские вечеринки за чашкой чая. Зачем ему нужно лететь в это богом забытое Нью-Мехико? Быть может, там состоится какой-нибудь симпозиум по проблемам индейских диалектов?

«Так или иначе, меня должны были предупредить, — с негодованием подумал Файрли. — Что за дурацкая бесцеремонность? Смитсоновский институт пользуется солидной репутацией, и вот нате вам...»

Через несколько минут Витхерс остановил седан около небольшого самолета с длинными треугольными крыльями. Файрли слабо разбирался в авиации, но эта машина была похожа на реактивный истребитель. Черный сигарообразный фюзеляж, освещенный светом двух прожекторов, выглядел мрачно и угрожающе.

Навстречу им из темноты вышел механик в теплом комбинезоне, приветливо махнув рукой.

— Вот мы и на месте, — весело сказал Витхерс и подмигнул ошеломленному ученому. — Как вам нравится эта лошадка, а? Небось на такой и во сне не приходилось летать? Выходите, я сам понесу ваш саквояж.

— Погодите, погодите... — пробормотал Файрли, не двигаясь с места. — Вы же говорили, что я полечу рейсовым самолетом, а это... это же боевой истребитель!

— Ничего подобного, всего лишь «Р-404», сверхзвуковой разведывательный самолет, — успокоил его Витхерс. — Штука крутая, зато вам не придется трястись несколько часов в каком-нибудь винтокрылом корыте... А вот и капитан Кволек. Познакомьтесь, капитан, это ваш пассажир мистер Файрли.

Делать было нечего, и Файрли, тихо ругаясь, вылез из салона и пожал руку пилоту — широкоплечему молодому человеку с обветренными щеками и крупным приплюснутым носом. Кволек добродушно улыбался, но глаза его оценивающе пробежались по пассажиру с ног до головы, так что Файрли пожалел о своей шуплой, отнюдь не атлетической фигуре. Только мужское самолюбие не позволило ему устроить скандал; было ясно, что полет этот — отнюдь не увеселительная прогулка.

— Надеюсь, я не доставлю вам особых хлопот, — извиняющимся тоном сказал он.

— Не беспокойтесь, все будет нормально. Поднимайтесь в кабину, мы устроим вас по высшему классу. Пока, мистер Витхерс.

Файрли попрощался с ухмыляющимся «представителем Смитсона» и стал осторожно взбираться по узкому трапу,

стараясь не наступать на фалды длинного плаща. Чувствовал он себя по-дурачки, но что оставалось делать?

Он едва втиснулся в тесную кабину, закашлявшись от терпкого запаха металла и авиационного масла. Вслед за ним в салон самолета ловко влез второй пилот — темноволосый крепьш с округлым лицом и добродушными голубыми глазами — и помог Файрли усесться в высоком мягком кресле, расположенном сразу же за пилотским.

— Лейтенант Вифорд, — представился крепьш. — Застегните-ка этот ремень, мистер Файрли... Это место нашего кинооператора, но сегодня мы полетим без Чарли. Нет, аппаратуру трогать нельзя, штука хрупкая...

Кволек тем временем уселся в кресло первого пилота и защелкал многочисленными тумблерами на панелях управления, занимающих все стены кабины. Зажглись десятки разноцветных лампочек, шкалы приборов осветились бледно-желтым светом.

Внезапно раздался рев реактивных двигателей. Файрли едва не подскочил от ужаса, но его удержал ремень безопасности. Через минуту рев стих.

Кволек обернулся.

— Я просто продул двигатель, мистер Файрли. Не беспокойтесь. Вы будете чувствовать себя почти так же, как в салоне пассажирского самолета — ну разве что шума побольше да перегрузка повыше.

Файрли кивнул.

«Черт побери, — со злостью подумал он, — да они обращаются со мной, как с нервной дамочкой!»

Двигатель вновь взревел, и самолет, задрожав, плавно сдвинулся с места. Вырулив на взлетную полосу, машина на несколько секунд замерла на месте, а потом рывком помчалась, стремительно набирая скорость. Огоньки стали уходить вниз, и Файрли понял, что они взлетели.

Кволек вновь обернулся, но Файрли не дал ему в очередной раз проявить заботу о перетрусившем пассажире.

— И где же мы приземлимся в Нью-Мехико? — довольно бодро спросил филолог, чувствуя, как мощная перегрузка мягкой подушкой наваливается на его грудь.

— На базе Морроу... Слыхали о такой?

Файрли облизнул пересохшие губы.

— Где, где? Это, наверное, какая-то ошибка, мистер Кволек. Пилот только покачал своим серебристым шлемом.

— Мне приказано вас доставить именно на Морроу, мистер Файрли. Через час мы будем там.

«Да нет же, это наверняка ошибка», — ошеломленно подумал Файрли.

Он слышал о базе Морроу — так же, как и весь мир. В пустынной области штата Нью-Мехико, вдалеке от населенных пунктов, находился знаменитый космодром, откуда стартовали пилотируемые и грузовые корабли к Луне. Территория эта тщательно охранялась; поговаривали, что проще устроить пикник с друзьями в форте Нокс, чем хоть одним глазком взглянуть на ангары с ракетами и стартовые площадки. Особенно сейчас, когда начался международный скандал с этой базой в кратере Гассенди.

— Послушайте, Кволек, — закричал Файрли, наклонившись к пилоту, — вы что-то перепутали! Я ученый-лингвист, направляюсь на работу в Смитсоновский институт... При чем тут космодром?

Кволек пожал плечами.

— Я только выполняю приказ, мистер Файрли. Не беспокойтесь, на Луну я с вами не полечу.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«Р-404» неся через ночь вслед за вчерашней зарей. Небо, переливавшееся всеми оттенками синевы, было проколото россыпями крупных звезд, среди которых на подушке серебристого света нежилась полная Луна. Луна...

Файрли сидел, скорчившись в своем кресле. Его спину ломило, ремень безопасности болезненно сжимал грудь, руки зябли от холода, но заботило филолога совсем другое. «На кой черт я им понадобился? — с тоской думал он. — Ума не приложу...»

Файрли никогда не считал себя человеком разносторонних интересов. Со школьных лет им владела лишь «одна, но пламенная страсть» — наука о живых и мертвых языках, и этого ему было вполне достаточно. На кой черт на космодроме Морроу подобная узкая специализация?

Он попытался вспомнить все, что знал о лунной программе НАСА. Увы, его представления на этот счет были довольно смутными. Известно, что его соотечественники-американцы первыми достигли спутника Земли и основали в кратере Гассенди крупную научно-исследовательскую базу. Русские долгое время предпочитали заниматься околоземными орбитальными станциями, но в конце концов также обосновались

на Луне, где построили две базы в кратерах Кеплера и Энке. Первые годы весь мир не сводил с них восхищенных взглядов, а затем интерес постепенно притупился. У человечества хватало своих обыденных забот и неприятностей. Про Луну вспомнили лишь недавно, когда в ООН было подписано международное соглашение о запрещении использования Луны для военных целей. Затем вновь настало затишье, но в последние месяцы Россия вдруг выступила с сенсационным заявлением: будто бы США превратили свою базу в Гассенди в военный объект. Американский представитель в ООН ответил гневным опровержением, но международные наблюдатели тем не менее в Гассенди допущены не были. Скандал разгорелся потрясающий...

Впрочем, Файрли все это мало интересовало. Подобно герою одной из новелл Скотта Фитцджеральда, он верил, что жизнь интереснее всего наблюдать из окна своего кабинета. Так он и заявил во время одной из факультетских вечеринок и был поражен, когда старик Хокинс с кафедры психологии неожиданно возразил ему: «Знаете что, молодой человек? Вы не интересуетесь ничем, кроме филологии, потому, что, если говорить мягко, вы далеко не храбрец. Вы, словно страус, спрятали свою высокоученую голову в пыль архивов, поскольку попросту боитесь реальной жизни. Вы даже ни разу не были женаты, Файрли, а ведь вам уже за тридцать...»

Он тогда очень обиделся на слова Хокинса. Тоже, нашли ученого сухаря!.. Просто он очень любит свою работу и полностью поглощен ею. У него нет времени вникать во все эти газетные сенсации, которые на девяносто девять процентов и яйца выеденного не стоят. Хотя жаль, что ему так мало известно о лунном проекте. Может быть, это прояснило бы ситуацию... Ладно, через час-два он все равно все узнает.

Через некоторое время Кволек обернулся и, кивнув в сторону иллюминатора, произнес всего одно слово:

— Морроу.

Файрли с любопытством прильнул к холодному стеклу. Где-то внизу, во тьме ночи, находились ворота в космос...

Самолет накренился и сделал широкий разворот, заходя на посадку. На секунду стали видны огоньки приземистых ангаров и башня неподалеку, залитая светом мощных прожекторов. Затем вновь наступила тьма, но вскоре впереди появилась огромная решетчатая конструкция, установленная на квадратном помосте. В центре ее покоилось белесое вытянутое сооружение — Файрли не сразу сообразил, что это космолет. Самолет начал резко снижаться, но поодаль успели мельк-

нуть еще две пусковые площадки, освещенные лучами мощных прожекторов.

Файрли почувствовал нарастающее возбуждение. Одно дело — читать о лунном проекте в газетах, наблюдать за чашкой чая на экране людей в скафандрах, медленно идущих по пыльной лунной поверхности; и совсем другое — оказаться рядом с титаническими башнями ракет, носившими, быть может, следы иного мира.

Самолет вздрогнул, коснувшись выпущенными шасси бетонной полосы аэродрома. Рев двигателей усилился, кабину резко встряхнуло — сработал тормозной парашют. К разочарованию Файрли, стартовые площадки остались в нескольких милях в стороне и лишь смутно вырисовывались на горизонте белесыми призраками. Впереди же были видны несколько приземистых, тускло освещенных зданий, напоминающих солдатские казармы.

Полет закончился. Кволек открыл дверцу кабины и выбросил вниз трап; вскоре Файрли и двое летчиков стояли на бетонных плитах. К удивлению ученого, воздух был сухим и теплым — приятное отличие от промозглой мартовской ночи там, в Вашингтоне.

Из подъехавшего джипа выпрыгнул спортивного вида молодой блондин в штатском и бодро воскликнул:

— Привет, ребята!.. Капитан, вы, как всегда, точны. Рад вас видеть, мистер Файрли. Меня зовут Хилл, я послан встретить вас.

Файрли пожал крепкую руку блондина и, не отвечая на дружелюбную улыбку, холодно спросил:

— Так это я вам обязан, мистер Хилл, удовольствием лететь на этой адской машине через крошечную ночь? Зачем, хотелось бы знать? Черт побери, я хочу, чтобы мне немедленно объяснили...

— Конечно, вам скоро все объяснят, — успокоил Хилл. — Мое дело — привезти вас в целостности и сохранности. Кстати, вы не откажете мне в просьбе взглянуть на ваши документы?

Файрли, потеряв дар речи, достал из кармана пиджака бумажник и протянул его Хиллу. Тот внимательно все изучил, а затем с легким поклоном вернул владельцу.

— Полный порядок. Формальность, конечно, ведь Витхерс сам посадил вас в самолет в Вашингтоне, но сами понимаете, у службы безопасности строгие правила. Садитесь, пожалуйста, в кабину.

Файрли с ошеломленным видом уселся в джип, кивнув на прощание Кволеку; тот с почтением отдал ему честь.

«Служба безопасности... вот в чем штука... — подумал

Файрли. — Так Витхерс работает на эту контору? Черт побери, в какое же дело я вляпался?»

Светало. На горизонте проявилась невысокая гряда холмов, но в целом окружающий ландшафт был скуден и уныл. Джип, развернувшись, помчался в сторону зданий.

— Административный корпус, — коротко сказал Хилл, кивнув в сторону самого солидного двухэтажного корпуса со звездно-полосатым флагом на фасаде, возле которого стоял солдат с автоматом.

Они вышли около соседнего дома, весьма напоминавшего казарму, с оштукатуренными стенами и длинными рядами темных окон.

— Гостиница для спецперсонала, — пояснил Хилл (Файрли вспомнил свои недавние мечты о роскошном номере в пятизвездочном отеле и невольно усмехнулся). — Здесь вы найдете все необходимое... Не беспокойтесь, я возьму ваш саквояж.

От этой назойливой заботы Файрли стало не по себе. Он пошарил в кармане плаща и протянул Хиллу доллар.

Блондин, к его удивлению, ничуть не обиделся. Улыбнувшись, он спрятал монету в карман.

— А вы путник, мистер Файрли, — одобрительно сказал Хилл. — Это хорошо, мы тут, признаться, соскучились по свежим людям.

— Я очень большой путник, — мрачно буркнул Файрли. — Но тот, кто вызвал меня на космодром, просто первоклассный весельчак... Кстати, я теперь обязан ходить строевым шагом?

Хилл с важным видом кивнул, и они, четко отбивая шаг, вошли по лестнице на крыльцо.

Длинный, едва освещенный коридор вел в довольно большую комнату с интерьером явно не первой свежести. Посреди комнаты стояли трое мужчин и о чем-то оживленно разговаривали.

Заметив вошедших, они обернулись.

— Боб Файрли? — с удивлением воскликнул один из них. — Черт побери, так они и тебя втянули в это темное дело?

Джим Спеер, старый знакомый Файрли, доцент филологии из Колумбийского университета, дружески протянул ему руку.

Спееру было уже за сорок, он изрядно погрузнел со времени их последней встречи — хотя слово «растолстел» было бы более верным.

Как всегда, Спеер был одет в помятый костюм с не очень свежей рубашкой с расстегнутым воротом и нелепо торчащим из кармана пиджака красным платком. Словом, типичный

холостяк, одинокий мужчина, погруженный в науку и не знающий ничего о радостях жизни...

Дамочки из околоракадемических кругов безотказно клевали на этот имидж, и Файрли не раз наблюдал, как вытягивались их лица, когда они узнавали, что Спеер женат, имеет трех сыновей и считается образцовым семьянином.

— Так у вас здесь есть знакомые? — спросил Хилл. — Отлично. Подождите, я пойду предупрежу шефа о вашем приезде.

Он выскользнул за дверь, а тем временем Файрли с облегчением обнял приятеля.

— А какое это дело? — спросил он. — Мы что, летим на Луну на всепланетный филологический конгресс?

Спеер усмехнулся, но в его темных глазах, упрятанных за массивными очками в роговой оправе, таилась неприкрытая тревога.

— Хороший вопрос, Боб. Я задаю его всем подряд уже шесть часов — с тех пор, как меня выгрузили из военнотранспортного чудища вместе с дюжиной танков и вездеходов. Но ответил мне честно и откровенно только часовой — видел, стоит под флагом с автоматом?

— И что же он сказал? — с интересом спросил Файрли.

— Он открыл мне большой секрет, Боб. Мистер, сказал он, на Луне жизни нет. И отойдите-ка от охраняемого объекта на десять шагов, а не то буду стрелять.

— Что вы несете, Джим! Не морочьте голову доктору Файрли. Я сам разговаривал недавно с этим малым — он про Луну-то никогда не слыхал.

— Разве, доктор Боган? То-то я заметил, что он поглядывает в сторону Юпитера... Кстати, а вы не знакомы? Боб, встань по стойке смирно: это профессора Боган и Лизетти.

Файрли был ошарашен.

Только теперь он взгляделся в остальных двух мужчин и сразу же узнал их. Не раз ему приходилось слушать их выступления на конференциях и симпозиумах, посвященных проблемам филологии. Это были известные ученые, крупнейшие светила мировой науки.

Глава американской школы филологии доктор Джон Боган, массивный пожилой человек с величественной фигурой и мрачным, как у Мефистофеля, лицом, украшенным гривой седых волос, был одет, как всегда, в безукоризненный темно-синий костюм, а на его полусогнутой руке висела трость, подаренная ему чуть ли не самим Авраамом Линкольном.

Бат Лизетти был человеком совсем другого типа, хотя и считался лингвистом номер один Северного полушария, к тому же феноменальным полиглотом.

Поговаривали, что о языках всех времен и народов он не знает лишь одного: сколько именно из них он знает.

Внешностью Лизетти напоминал злодеев из старых мелодрам: лошадиное лицо с низким лбом, мохнатые брови, под которыми прятались черные колючие глаза, тонкие бескровные губы, хищный рот... Портрет достойно завершали гладко прилизанные темные волосы и узкая полоска усов «а-ля Кларк Гейбл». Файрли знал, что, несмотря на свою колоритную внешность, Лизетти был добрейшим человеком, готовым помочь всем и каждому и не раз попадавшим из-за этого впро�ак.

Файрли с почтением пожал руки знаменитым ученым — он и не надеялся, что в ближайшие сто лет ему удастся познакомиться с такими светилами.

— Доктор Файрли, неужели и вам ничего не известно? — расстроено спросил Лизетти. — Я, признаюсь, совершенно выбит из колеи. Ума не приложу, где же здесь будет проходить симпозиум: подходящих аудиторий нет, да и ракеты чужовищно шумят...

Файрли только вздохнул в ответ и коротко рассказал о своих приключениях. Лизетти сочувственно кивнул головой.

— Вам еще повезло, молодой человек, — сказал он. — Меня привезли сюда на истребитель. А я и в автомобиль-то садиться опасаясь! И зачем мы, кабинетные крысы, понадобились на космодроме?

— Думаю, что все дело в шифрограммах, — с загадочным видом произнес Спеер.

— В чем, в чем? — поразился Лизетти.

— Все очень просто, — охотно объяснил Спеер. — Вы, конечно, слышали, что между нами и русскими возникли разногласия из-за базы в кратере Гассенди? Готов держать пари, наши вояки перехватили шифрограммы из Кремля на русские лунные станции и хотят как можно быстрее разгадать их содержание.

— Чушь, полнейшая чушь! — с брезгливым видом пробурчал Боган. — В армии есть свои превосходные дешифровальщики, ученые с такими тривиальными вещами дела не имеют... Подумать только, я здесь уже три часа, и никто не соблаговолил мне ничего объяснить! Я им не мальчишка! Будьте уверены, мои друзья в конгрессе...

Он не успел договорить, как дверь вновь распахнулась. Вошел Хилл и почтительно сообщил:

— Джентльмены, позвольте вам представить...

Стремительно вошедший вслед за ним высокий мужчина в штатском небрежно махнул рукой:

— Ладно, Хилл, мы сами познакомимся с гостями. Идите.

Файрли сразу же узнал его; узнали мужчину, очевидно, и остальные ученые. Недовольство и раздражение сразу исчезли с их лиц — этот человек умел вызывать к себе уважение.

— Я Нильс Кристенсен, руководитель лунной программы НАСА. А это — Гленн Де Витт, в недавнем прошлом полковник ВВС, а ныне мой заместитель, глава отдела специальных исследований.

Лицо Кристенсиена не раз попадалось Файрли на обложках популярных журналов. Он был известен как президент крупнейшей радиоэлектронной компании, сделавший потрясающую карьеру благодаря своей энергии и блестящей эрудиции, а главное — уникальному умению работать с коллективами самых различных специалистов.

Несколько лет назад конгресс утвердил его главой лунного проекта, и с тех пор дела в космосе у США пошли блестяще. Это был зрелый мужчина с внешностью викинга — голубоглазый, широкоплечий, с грубо скроенным волевым лицом, которое не портила седина.

Де Витт был заметно моложе, ему еще и сорока не исполнилось. Заурядная внешность клерка, редкие темные волосы, худой, фигура почти мальчишеская... Лишь одно было необычно в его лице — непропорционально большие серые глаза, в которых светилась такая жестокость и стальная воля, что Файрли невольно поежился. Инстинктивно он почувствовал: с таким человеком не стоит вступать в конфликт, даже пустяковый.

Боб внезапно вспомнил, что несколько лет назад встречал в газетах это странное и по-своему завораживающее лицо. Шум поднялся в связи со скандальной отставкой Де Витта из рядов ВВС, где тот занимал пост начальника технической службы. Отставка, а точнее сказать увольнение, была вызвана письмом Де Витта лично президенту, в котором полковник в резких тонах протестовал против замораживания некоторых космических программ, называя эти действия конгресса чуть ли не государственной изменой.

Кристенсен тем временем крепко пожал руки ученым, пытливо вглядываясь в их лица, а затем пригласил всех сесть в кресла вокруг большого овального стола.

— Я понимаю, вы ждете объяснений, — сказал он.

Боган начал было ворчать по своему обыкновению, но Кристенсен одним властным движением руки заставил старика замолчать.

— Думаю, вы уже догадываетесь, о чем пойдет речь, — об этом сейчас говорит весь мир. Я имею в виду протест России

в ООН по поводу нашей станции в кратере Гассенди, где мы якобы тайно создаем военную базу. Русские настаивают, чтобы мы допустили туда международных наблюдателей.

— Мы не только слышали об этом, но и крайне возмущены действиями красных, — с возмущением ответил за всех Боган.

Кристенсен хмуро кивнул.

— Я вас понимаю, господа... Но дело в том, что в Гассенди действительно находится военная база.

Ученые ошеломленно переглянулись. Спеер, не выдержав, вскочил с места:

— Черт возьми, так я и думал! Нашим brave войкам уже и на Земле не сидится! Пока политики болтают о миролюбии и сокращении вооружений, вы...

Кристенсен так сурово взглянул на Спеера, что тот замолчал и, усевшись за стол, только возмущенно что-то продолжал бормотать себе под нос.

— Вы меня не поняли, господа, — неожиданно мягким голосом продолжил он. — Да, в Гассенди действительно находится военная база, вернее, развалины базы. Но не мы ее строили. Она была сооружена задолго до высадки людей на Луну.

В комнате вновь воцарилось молчание. Боган побагровел — он не привык, чтобы над ним так откровенно насмехались.

— Задолго? — пробасил он, не сводя с Кристенсена подозрительного взгляда. — Как это понимать — задолго? За день? Или за год?

— Немного больше, мистер Боган, — спокойно сказал Кристенсен. — По нашим оценкам, за тридцать тысяч лет до рождения Христа.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Он стремительно падал на лунную поверхность. Горные хребты, кратеры и расщелины на глазах росли, наливались серебристым светом, приобретали глубину и рельефность. Сейчас, сейчас он, словно метеор, врежется в каменистую, раскаленную лучами солнца равнину...

Иллюзия полета была столь совершенной, что Файрли забыл, что смотрит на огромный киноэкран, висевший на

стене. В темном зале стояла напряженная тишина, прерываемая лишь осторожным скрипом кресел.

Послышался голос Кристенсена:

— Сейчас космолет пролетает над восточной частью моря Гармонии; видите, она окружена цепью гор? А вот и Гассенди.

На лунной поверхности появился зазубренный овал кратера, быстро плывущий навстречу кораблю. Большая часть его была погружена в тень, но лунный рассвет уже приближался, и отроги скал уже сияли белым огнем.

— Один из наших орбитальных спутников Луны был оборудован чувствительным металлоискателем, — продолжал Кристенсен. — И нам чертовски повезло. Спутник зарегистрировал локальные залежи металла в западной части кратера; потому-то одна из экспедиций и выбрала это место для посадки. Сейчас вы видите подлинные кадры хроники этого полета — с ними знакомы лишь два десятка человек в стране, включая президента.

Экран внезапно потемнел, но вскоре изображение вновь появилось.

— Снято спустя два дня после прилунения, — пояснил Кристенсен.

Камера на этот раз была расположена внизу, в долине огромного кратера. В центре стоял серебристый купол — дом номер один базы, а за ним, словно корона, возвышались зубцы скал, уходящие в черное звездное небо. К куполу медленно шли люди в белых массивных скафандрах.

Экран вновь мигнул, и на нем появились крутые отроги лунных гор.

— Спустя сутки первая исследовательская партия направилась к западной части кратера, туда, где было замечено мощное месторождение металла, — продолжал комментировать Кристенсен. — Вот что они обнаружили...

Панорама гор поплыла налево, и вскоре сидевшие в зале люди увидели в нижней части отвесной каменной стены огромное жерло пещеры.

Поднявшееся над скалами солнце вдруг осветило ее косыми лучами, и стало очевидно, что это скорее округлый туннель, уходящий глубоко в основание скал. Судя по стоявшей рядом фигурке астронавта, диаметр входа был не менее пятидесяти метров.

К туннелю через каменную равнину тянулась широкая расщелина, укутанная тьмой.

Камера поплыла вдоль края расщелины, приближаясь к скалам, и вскоре стало отчетливо видно, что вход в пещеру был когда-то закрыт мощными металлическими воротами.

Сейчас одна из створок была выпнута внутрь, словно от могучего удара, и наполовину засыпана каменными обломками. Вторая створка, расколота на несколько частей, лежала у входа в туннель, и над ней также громоздилась массивная куча валунов.

— Внешние двери в туннель, — сказал Кристенсен. — Внутренние разбиты вдребезги. Видимо, работали по принципу кессонной камеры. Сейчас вы увидите останки того, что находилось за ними...

Ослепительный свет прожектора высветил потрясающую сцену. Огромная, цилиндрической формы «пещера» была полуразрушена, плоский пол был покрыт сетью глубоких трещин. То тут, то там громоздились груды крупных обломков. Среди них тускло блестели скрученные какой-то ужасающей силой металлические пластины, решетчатые конструкции, хитроумные агрегаты. Посреди этого хаоса стоял астронавт, держа в руках россыпь серебристых шариков.

— А вот несколько найденных в туннеле предметов, — сказал Кристенсен.

На экране возникло металлическое кресло с сильно наклоненной назад спинкой. Рядом среди камней лежал длинный стержень, на одном конце которого находилась овальная пластина, а на другом — узкий паз.

В зале вспыхнул свет. Четверо ученых молча переглянулись. Они были ошеломлены увиденным.

— Это всего лишь небольшая часть отснятых на базе пришельцев киноматериалов, — сказал Кристенсен, обернувшись к ним. — Но, думаю, для начала вполне достаточно.

— И это... это находилось в кратере в течение тридцати тысяч лет? — хрипло спросил Файрли.

— Да.

Настала долгая пауза, растерянным ученым было пока не до вопросов.

Файрли подумал: «А ведь парни из лунной экспедиции чувствовали себя точно так же, впервые увидев следы пребывания пришельцев в Гассенди!» Это было так же невероятно, как если бы Колумб, высадившись на берег Нового Света, столкнулся бы с руинами аэропорта!

«Мы слишком самоуверенны, — сказал себе Файрли. — Слишком кичимся нашими знаниями и незыблемостью планов «завоевания природы». Луна для человечества была лишь безжизненным шаром, удобным форпостом в победоносном освоении Солнечной системы. Но нас опередили на триста веков. Хотя кто знает: быть может, лучше бы нас опередили на пятьсот столетий? Потому что человечество не готово к та-

кому подарку. И первое, что оно сделало с наследством пришельцев, — попыталось утаить...»

Спеер пришел в себя и по привычке сразу же затеял спор:

— И как же установили этот огромный срок — тридцать тысяч лет? Ведь на Луне нет воздуха, предметы могут сохраняться в неизменном виде практически вечно.

— Не совсем так, — с готовностью отозвался Де Витт. — Солнечные лучи и космическая радиация меняют структуру металлов, и это изменение можно измерить. Кстати, подобным же образом установили дату, когда база пришельцев была разрушена. Это произошло спустя две тысячи лет после ее основания.

— Бога ради... — дрожащим голосом пробормотал Лизетти, умоляюще глядя на Кристенсена, — почему же вы скрываете от человечества такое открытие?

Кристенсен хмуро кивнул.

— Мы тоже чувствуем себя не в своей тарелке от этого, профессор, — тихо сказал он. — По крайней мере, некоторые из нас. — Тут Файрли показалось, что он довольно холодно взглянул на Де Витта. — Но что делать? Политики и военные в один голос твердят, что этого требуют интересы национальной безопасности.

Спеер усмехнулся.

— Понятно... У русских на эту тему есть хорошая поговорка: дружба дружбой, а табачок врозь. Но вы хотя бы установили, что послужило причиной таких страшных разрушений?

— Вражеская акция, — ответил Де Витт, неприязненно глядя на ершистого Спеера. — Похоже, здесь размещалась тщательно скрываемая военная база. Очевидно, у пришельцев были враги, обладающие мощным оружием. Кстати, наши ученые предполагают, что создатели базы в Гассенди — гуманоиды.

— Кто-кто? — пробасил Боган. Вид у старика был крайне раздраженный. Вся эта история с пришельцами ему определенно не нравилась.

— Гуманоиды, — повторил Де Витт. — Вы обратили внимание на кресло? На нескольких приборах были обнаружены ручки управления, явно предназначенные для руки типа человеческой. Кроме того... Но не буду утомлять вас деталями. Скажу только, что есть мнение, будто пришельцы были не просто гуманоидами, а даже людьми.

— Ну конечно, они были атлантами... — с иронией начал было Спеер, но Кристенсен суровым взглядом заставил его замолчать.

— Много тысячелетий назад в Галактике произошла страшная война между гуманоидами, или даже людьми, как гово-

рил Де Витт, и их могучими противниками, о которых нам пока мало что известно. Обе стороны имели флоты звездных кораблей и мощные виды оружия — атомное из них было едва ли не самым безобидным. Чем кончилась схватка титанов, мы не знаем, хотя, похоже, противники людей одержали верх. Теперь вы понимаете, как важно нам — и именно нам — первыми овладеть секретами военной технологии пришельцев?

Ученые молча кивнули, даже Спеер не рискнул иронизировать на эту тему.

— Потому-то вы и здесь, господа, — продолжал Кристенсен. — Мы не могли вас открыто пригласить, поэтому и пришлось прибегнуть к таким... э-э... необычным методам.

— Это понятно и ребенку, — буркнул Боган. — Не ясно другое: почему именно мы оказались на космодроме? Мы же ничего не смыслим в оружии...

— Дайте мне фотографии, Гленн, — вместо ответа сказал Кристенсен.

Де Витт достал из портфеля конверт и вручил его своему начальнику. Тот взял одно фото и протянул его Богану. Ученые увидели изображение металлической пластины, прикрепленной к торцу полуразрушенного прибора с широким раструбом наверху. На пластине четко выделялась вязь из букв — незнакомых, но чем-то напоминающих по форме арабские.

— Это... это их письма?

Кристенсен кивнул.

— Это нечто вроде «инструкции» к прибору, который был классифицирован нашими инженерами как кислородный генератор. У нас имеется несколько таких табличек, а также довольно обширный архив, найденный в расколотом сейфе. Покидая Гассенди, пришельцы оставили его — возможно, им было в то время не до бумаг. Мы хотели бы, чтобы вы помогли прочитать записи пришельцев.

Ученые переглянулись. Боган бросил на Кристенсиена грозный взгляд и встряхнул своей львиной гривой; казалось, он вот-вот зарычит. Но вместо этого он мягко произнес, словно обращаясь к ребенку-несмышленищу:

— Господа, вы слышали что-нибудь о лингвистике?

— Кое-что, хотя и немного, — бодро ответил Кристенсен. — Зато мы наслышаны о блестящих научных достижениях вашей великолепной четверки. Каждый из вас прославился своими успехами в разгадывании кроссвордов древних языков. Мы надеемся, что вы и здесь сотворите чудо.

Боган посмотрел на него как на студента-двоечника:

— Вы несете чушь, полную чушь! Одно дело работать с земными языками, как правило тесно связанными с десятками других, хорошо известных — я уже не говорю, что они пи-

таются общими для обширных регионов культурными и историческими традициями. Но язык существ с другой планеты, о которых нам ровно ничего не известно... Бред, чистой воды бред!

Кристенсен кивнул.

— Я понимаю, это будет сложно, невероятно сложно... Но прилететь в Гассенди было тоже трудно, уверяю вас. Уровень земной техники еще не созрел для полетов на другие планеты, мы во многом рисковали и тем не менее достигли своей цели. Уверен, и вам это удастся...

— ...если мы очень постараемся, — ухмыльнулся Спир. — Всего-то дел: взять и очень постараться!

— Кроме того, у вас будет и определенная почва под ногами, — невозмутимо продолжил Кристенсен, словно не заметив ядовитой реплики. — Я имею в виду «инструкции» к десяткам машин и приборов; наши инженеры уже составили о них определенное мнение и даже попытались разработать свои «инструкции» по их применению. Разве этого мало? Де Витт будет плотно работать с вами, он прекрасный инженер.

Де Витт молча кивнул.

Кристенсен поднялся и пошел к выходу из зала, давая понять, что дискуссии не будет. У порога он обернулся и твердо сказал:

— Считайте, что вы призваны в армию, джентльмены, для выполнения особо важного задания, связанного с вопросами государственной безопасности. Президент выразил надежду, что вы не пожалеете усилий в решении этой задачи. Учтите, вы будете иметь дело со сверхсекретными документами... Впрочем, об этом вас проинструктирует Де Витт. Доброй ночи.

Кристенсен вышел из зала, за ним последовал Де Витт.

Спир разразился хохотом, а Боган начал раздраженно бурчать. Слова «фабрикант», «делец» были самыми слабыми из его выражений, в подборе которых он не особенно стеснялся. Лизетти, напротив, радостно потирал руки — он обожал неразрешимые загадки.

Сам же Файрли не мог разобраться в своих чувствах. Все, что говорил Кристенсен о подходах к разгадыванию письменности пришельцев, казалось полнейшей чушью... Однако какова проблема!

Так или иначе, он волей случая вынесен из тихой академической кельи на фантастическую вершину, откуда можно либо с грохотом упасть, либо...

В зал вошел Хилл и почтительно произнес:

— Разрешите, господа, я покажу ваши комнаты. Утром я провожу вас в кабинеты и лаборатории, где вы найдете все необходимое.

Они вышли из административного корпуса. Ночь была ветреной, в воздухе неслись мириады колючих песчинок, затрудняющих дыхание, но небо было чистым. Файрли взглянул на россыпи дрожащих звезд и вспомнил слова Кристенсена о галактической войне между двумя суперцивилизациями. Он попытался представить, что стоит перед панорамой опустевшего поля битвы, где, наверное, еще носятся обломки боевых звездолетов и застывшие тела инопланетян, но тут Хилл шепнул ему на ухо:

— Боб, вы не против перекинуться на сон грядущий в картишки? Мне сегодня рассказали такой анекдот — обхохочешься...

— Бред... бред... — прошептал Файрли и, зевнув, пошел спать.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Сильный мужской голос доносился из глубин времени и пространства. Слова были непонятны, но голос сам по себе завораживал. В его интонациях чувствовались власть и мощь, негибамая воля и открытость. Впрочем, может быть, Файрли это только показалось?

Он сидел в своей маленькой лаборатории, закрыв глаза, и слушал, слушал... Его пальцы инстинктивно выстукивали по столу ритм фраз, непривычный и все же, на удивление, знакомый. Де Витт сидел на соседнем стуле, слегка раскачиваясь, и искоса поглядывал на ученого. Ему не нравилось, что Файрли часами просто сидит и слушает речь пришельцев, ничего не делая, но от замечаний он пока воздерживался.

«О чем говорит этот инопланетянин, умерший десятки тысяч лет назад? — думал Файрли. — Быть может, это рассказ о галактической войне, ставшей причиной гибели его планеты? Нет, не похоже... Хотя что он может знать об интонациях существ, обитавших на другом краю Галактики?»

Не раз Файрли пытался заставить себя относиться к звукам речи пришельцев лишь как к объекту, подлежащему изучению; и всякий раз замечал, что сердце его начинает убыстренно стучать, на лице появляется испарина, дыхание становится прерывистым... Он не мог избавиться от ощущения, что инопланетянин рассказывает ему о чем-то очень важном, важном для них обоих. Но о чем? Файрли казалось, что вот-вот стена непонимания рухнет и сразу же все станет ясно, до единого слова...

Де Витт смотрел на ученого гневным взглядом. Нет, он не испытывал ненависти к Файрли, но тот работал медленно, слишком медленно.

— Поставить еще одну запись?

— Достаточно на сегодня, — ответил Файрли.

Де Витт молча выключил усилитель и отсоединил от него квадратную коробочку цвета слоновой кости. Она была найдена в кратере Гассенди и представляла собой звуковоспроизводящий прибор инопланетян.

Конструкция ее поражала своей простотой: незамысловатая коробочка с гладкими стенками, а посреди — тонкая ось. На нее насаживался серебристый шарик — звуконоситель, и тот начинал вращаться. И все. Инженеры хватались за голову, пытались обнаружить в конструкции коробочки хотя бы следы усилителя, моторчика и источника энергии, но не нашли пока ничего.

Де Витт подождал, пока вращение шарика не остановится, а затем осторожно снял его с оси и положил в пенал с двумя десятками подобных же шариков, также найденный в развалинах.

Файрли потянулся и, глубоко вздохнув, спросил:

— Не могу понять, как столько информации могло уместиться в такой маленькой сфере. Мы слушаем ее уже какой день, и...

— Ну, это как раз совсем не удивительно, — буркнул Де Витт. — В качестве носителя информации теоретически могут служить и молекулы, и атомы, и даже электроны... Какой-то невидимый луч, испускаемый осью «магнитофона» прищельцев, сканирует поверхность шарика, а может быть, и его внутренние слои и снимает записанную там информацию. Куда важнее другое — *какая* это информация. Вы только вообразите, Файрли, в этом шарике, возможно, записаны практически все научные знания инопланетной цивилизации, тысячи важных технологий, в том числе и военного характера! Скажите откровенно, вы ощущаете хоть какое-то продвижение вперед?

— Мистер Де Витт, перестаньте меня третировать, — со всей возможной вежливостью сказал Файрли и включил обратную перемотку ленты — уже на обычном магнитофоне. — Вы хоть представляете, сколько времени требуется для перевода, а лучше сказать, для познания незнакомого языка, даже если вы и имеете отдельные двуязычные тексты? Десятилетия. А иногда — жизни нескольких поколений. Думаете, если вы набили лаборатории суперкомпьютерами, то остается лишь нажимать кнопки и ждать, пока машина заговорит на лобом мертвом языке? Черта с два. Тем более в таком случае, как этот.

— У нас нет в распоряжении десятилетий, — тихо сказал Де Витт, не сводя с ученого грустного взгляда. — У нас нет даже нескольких лет. Очень повезет, если у нас будут хотя бы месяцы.

Файрли в изумлении воззрился на него.

— Простите, что приходится давить на вас, но другого выхода нет, — продолжил Де Витт мрачно. — Вам известно, какой шум поднят вокруг базы на Гассенди. Пока нам еще удастся отбиваться от русских, но в ООН далеко не все нас поддерживают. Что же тогда, войну начинать? Гуманоиды пытались удержаться в кратере, и вы видели, чем это кончилось. Нет, у нас есть лишь один выход — первыми овладеть знаниями могучей цивилизации. И сделать это за очень короткое время.

— Отлично! — раздраженно воскликнул Файрли. — Вы мастер вызывать в людях энтузиазм, Гленн. Тогда, быть может, дадите мне наконец спокойно работать? Неужто вы не видите, что попросту стоите у меня над душой, а это может взбесить даже ангела?

— Ладно, Боб, не злитесь, — дружелюбно улыбнулся Де Витт и, к изумлению Файрли, вновь уселся в кресло. — Я вовсе не собираюсь вам мешать. Считайте меня студентом-недоучкой с чрезмерно развитым любопытством. Я вот уже третий день гляжу на графики, которые выдает ваш персональный компьютер, и не могу разобраться, что на них изображено. Не просветите, Боб?

Файрли несколько покорибила фамильярность Де Витта, но он решил не цепляться к мелочам.

— Это не графики, а диаграммы, показывающие относительную интенсивность звуков, которые я выделил в речи пришельцев.

— Кстати, они довольно просты, — заметил Де Витт.

— Да, их вполне можно воспроизвести, и это хорошо. Похоже, пришельцы действительно были гуманоидами... Так вот, я провожу сейчас анализ фонем, составляющих звуковую основу всякого языка, а затем предстоит тщательное изучение морфем, представляющих собой совокупность морфо...

— Файрли...

— Что-то неясно?

— Я был в Гассенди. Одним из первых вошел в пещеру и увидел развалины базы... Я шел по обломкам машин и каждую минуту ожидал увидеть тела пришельцев или хотя бы их скелеты... Но останков мы не нашли — видимо, товарищи увезли погибших с собой. И сняли с разбитого космолета — а мы обнаружили в глубине туннеля космический корабль — все

целые агрегаты и приборы. Противнику не оставили ничего, ничего!

Но для нас остатки звездолета — это целый клад. Мы нашли двигатель, реактор, генераторы, системы жизнеобеспечения, навигационные приборы. Этого вполне достаточно, чтобы в будущем построить свой собственный звездолет — если, конечно, вы с коллегами нам поможете. Но подумайте, есть шанс, что в Гассенди попадут наши противники. И тогда вполне возможно, что в первую межзвездную экспедицию отправится корабль, над которым будет развеяться чужой флаг!

На мгновение Файрли представил себя, стоящего в капитанской рубке. Перед ним сияет экран, полный незнакомых созвездий...

— Погодите, — пробормотал он, пораженный внезапной мыслью. — Звездные корабли? Выходит, пришельцы прилетели не из Солнечной системы?

— Мы уверены в этом, — твердо сказал Де Витт.

Он вновь протянул было руку к пеналу с серебристыми шариками, но Файрли остановил его.

— Я же сказал, на сегодня хватит. Со старыми записями бы разобраться...

Однако Де Витт уже вставлял один из шариков в белый «магнитофон», найденный на Луне.

— Это не обычная запись, а что-то типа инструментальной музыки. Надо же вам когда-нибудь отдыхать? Вот и отдыхайте, расслабьтесь, но с пользой для дела. Вам необходимо иметь какое-то представление об эстетике пришельцев, об их вкусах.

Шарик медленно стал вращаться на тонкой оси, и в лаборатории зазвучала негромкая музыка. Это было похоже на шум ветра... плеск прибоя, щебет птиц...

«Флейта? — подумал Файрли, закрыв глаза и откинувшись на спинку кресла. — Арфа? Скрипка?» Нет, звучали совсем иные инструменты, совершенно непохожие на земные и все же чем-то знакомые. Файрли показалось, что нечто подобное он иногда слышал во снах...

А потом послышалось пение женщины.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Женщина пела, и шум ветра вторил ей, шурша, словно осыпающиеся песчинки в часах Вечности. Голос был нежным, лишенным даже тени страдания и боли, но почему-то

вызывал грусть. Слова таяли, растворялись в многоцветном звучании голоса, затем вновь выплывали, то споря с гудением ветра, то сливаясь с ним. Файрли постепенно понял: да это же не ветер и не звуки неведомых инструментов, а голос разумного существа — не человека, не гуманоида, а кого-то чужого порождения далеких миров и иных звезд...

Но самое удивительное, что женский голос вызывал яркие зрительные образы. Файрли закрыл глаза, и перед его мысленным взглядом появилась панорама огромной планеты. Он плыл среди облаков и видел моря со странными кораблями-раковинами, отлогие берега с белыми шпилями дворцов, чудесные парки с фантастическими деревьями, космодромы с сотнями могучих звездолетов... И где-то рядом с ним стояла поющая женщина; он не мог повернуть головы и рассмотреть ее лицо, но чувствовал, что она прекрасна. А главное, это та, единственная женщина, которую он так давно искал и не мог найти...

Поверхность планеты стала стремительно приближаться, навстречу с вершин деревьев хлынул поток разноцветных крыльев, кружащихся в завораживающем танце...

Внезапно голос стих, и видение исчезло. Файрли продолжал неподвижно сидеть, словно боясь спугнуть очарование ушедшего мгновения, но за него это бесцеремонно сделал Де Витт.

— Впечатляюще, не правда ли? — спокойно спросил он, пряча серебристый шарик в пенал. — И как похоже на голос земной женщины. Очевидно, их голосовые связки не очень-то отличались от наших... Ладно, Файрли, на сегодня хватит. Позовите меня, когда будете готовы выслушать новые записи и тем более если получите какие-либо результаты...

Де Витт удалился прежде, чем Файрли окончательно пришел в себя.

Оставшуюся часть дня он не работал, а большей частью сидел за столом, уставившись невидящими глазами в окно. Ночью Файрли почти не спал; сны были такими невероятными и яркими, что он то и дело просыпался с испариной на лбу и ощущением пережитого ужаса. Пение женщины словно открыло какую-то дверцу в его подсознании, и он во снах стал вспоминать то, чего никогда не знал, и видел то, чего никогда не переживал и переживать не мог. Но видения мгновенно гасли, стоило ему очнуться, и к утру он не помнил ничего. Чувствовал Файрли себя к началу рабочего дня совершенно разбитым, но заставил себя работать — да еще так интенсивно, как не трудился со времен написания диссертации. На следующую ночь видения вновь повторились, а затем еще

раз, и еще, и еще... Через неделю, взглянув во время бритья в зеркало на свое лицо, Файрли себя не узнал — это был совсем иной человек, лет на десять старше, со впалыми щеками и лихорадочно горящими глазами. Он едва держался на ногах от утомления, но охотничий азарт лучше кнута гнал его к столу. Словно поняв это, Де Витт эти дни не появлялся: видимо, вплотную принялся за его коллег.

Файрли мало встречался с ними, а когда все же они собирались по вечерам за общим столом, то по общему молчаливому соглашению о деле не говорилось ни слова.

Ученые вяло перекидывались в карты, смотрели телевизор, отдавая предпочтение спорту и эстрадным шоу, а затем расходились по комнатам. Каждый ощущал огромный груз ответственности, и этот груз рос изо дня в день, не давая ни минуты покоя.

Много раз Файрли казалось, что он начинает улавливать смысл в звукозаписях пришельцев, но были дни, когда он впал в отчаяние. Звезды медленно уплывали, маня своей недоступностью, и приходили мысли: нет, не видать мне до конца своих дней ничего, кроме однообразных аудиторий и зевающих студентов... И все же мало-помалу под ногами стала ощущаться почва.

Не выдержав, одним прекрасным утром Файрли уселся за пишущую машинку и на одном дыхании написал экспресс-отчет с краткими результатами исследований и выводами. Похвастаться пока было нечем, но кое-какие закономерности в звуковой основе языка инопланетян определенно улавливались. Затем он пошел к Спееру — впервые за все время — и показал ему свой отчет. Спеер, как выяснилось, пришел к таким же выводам.

Тем временем Боган и Лизетти, независимо друг от друга, проводили анализ письменности пришельцев, основываясь на их «инструкциях» к машинам и агрегатам и подобных же инструкциях, составленных специалистами Морроу, изучавшими эти машины. Встретившись, оба пришли в восторг. Боган тут же известил Кристенсена, что готов доложить на совещании «потрясающие итоги» их с Лизетти деятельности. Через десять минут руководитель лунного проекта, отложив все дела, пришел в гостиную корпуса, где жили ученые.

Де Витт явился на совещание раньше всех и, не скрывая волнения, стал курить одну сигарету за другой. Увидев его, сияющий Боган помрачнел.

— Господа, мы с доктором Лизетти пригласили вас сюда по очень серьезному поводу, — начал он. — Наши результаты совпали, и письменность пришельцев приоткрыла первую

свою тайну. Анализируя «инструкции» к машинам, найденным на Луне, мы установили с достаточно высокой вероятностью значения двух символов. Их можно перевести как «в» и «из», или в конкретном прикладном смысле «включено» и «выключено». Определенный набор символов мы идентифицировали как цифры от 0 до 8; по-видимому, инопланетяне использовали восьмеричную систему. Нам также удалось установить значения ряда других символов, которые в надписях использовались в качестве предлогов, но эти результаты требуют серьезной...

— Вы все-таки сделали это! — неожиданно громко сказал Де Витт, сияющими глазами обводя сидевших в комнате.

Боган вздрогнул.

— Сделали — что? — осторожно спросил он.

— Нашли ключ к языку пришельцев, — пояснил Де Витт. — Когда вы сможете завершить свою работу, доктор Боган?

— О боже... — пробормотал ученый, с ненавистью глядя на отставного полковника. — Сколько можно нести эту чушь? На яблоне только раскрываются почки, а вы уже трясете дерево с корзиной в руках. Не рановато ли?

— Но вы же только что сказали...

— Я сказал то, что сказал, а не то, что вы захотели услышать, — жестко отрезал Боган, побагровев. — Я, кажется, ясно выразился: мы еще бродим в потемках. Да, пару раз мы набили шишки на лбу, ударившись обо что-то твердое, но вовсе не обязательно о звездолет; это мог быть просто придорожный столб. Надеюсь, я достаточно образно обрисовал ситуацию? Кто знает, быть может, ряд знаков относится к пиктографическому письму, а остальные — к идеографическому? Или они носят чисто символический смысл — точно так же, как череп и скрепленные кости на этикетке означают «яд»? Я уже не говорю, что оставленные вашими инженерами «инструкции» к машинам пришельцев могут оказаться полной чушью. Вы сами признавали, что лишь смутно догадываетесь об их назначении...

Он гневно встряхнул своей великолепной гривой.

— Работа только начинается, господа, вы это должны твердо уяснить. В перспективе нам предстоит решать сложнейшую проблему агглютинации, а именно образования грамматических форм путем присоединения к корню или основе слова аффиксов, при котором границы морфов остаются отчетливыми...

— Тем не менее дело сдвинулось с мертвой точки, и прогресс несомненен, — сухо прервал его Де Витт.

— По сравнению с нулем любая цифра — уже величи-

на, — возразил Боган. — Даже если это десять в минус тысячной степени.

Файрли слушал препирательства словно издалека. Он поудобнее устроился в кресле и, закрыв глаза, попытался отключиться от происходящего. Но мощный голос Кристенсена не дал ему задремать. Руководитель лунного проекта подвел итоги совещания: работа, проделанная филологами, поражает своими результатами; «бригадный метод» превосходно показал себя на практике; сейчас им следует объединить усилия... и т.д. и т.п.

Файрли все-таки удалось слегка задремать — сработал рефлекс на выступление начальства, однако резкий голос Де Витта заставил его вздрогнуть:

— Я думаю, и мы не должны теперь стоять на месте.

— Что вы имеете в виду? — спросил Кристенсен.

— Пора начинать работы по проектированию звездолета, — хладнокровно ответил Де Витт. — Инженерам чисто интуитивно удалось восстановить ряд машин пришельцев. Теперь, когда с помощью этих джентльменов установлено значение символов «включено» и «выключено», мы имеем возможность провести первые испытания.

Лицо Кристенсена стало непроницаемым, словно он спустил невидимое забрало.

— Мы все хотим сделать это, Гленн, но стоит ли использовать метод кавалерийского наскока? Доктор Боган четко заявил: «инструкции» к машинам пока остаются почти нерасшифрованными. Мы можем в результате только испортить и разрушить то, что с таким трудом удалось восстановить. Нет, все это преждевременно.

Де Витт дерзко улыбнулся, с превосходством глядя на своего начальника:

— Я думаю иначе. Мы не можем долго топтаться на месте и ждать, пока к пиджаку пришьют все пуговицы. Уверен, что натурные испытания помогут и филологам. Не правда ли, джентльмены?

Боган не успел и рта раскрыть, как Кристенсен сурово отрезал:

— А я говорю — никаких испытаний не будет. Рано.

— Рано? А когда же будет не рано?

— Когда я решу, что работы по всем направлениям продвинулись достаточно далеко и получены вполне надежные результаты.

— Вряд ли это произойдет в обозримом будущем.

— Вы чем-то недовольны, Гленн?

— Да, недоволен. Я думаю, вы здорово струхнули, Крис,

и будете откладывать начало практических работ до Судного дня. Конечно, рисковать вашим солидным положением ради каких-то звезд...

— В конечном итоге, все будет зависеть от Вашингтона, — процедил Кристенсен, исподлобья глядя на своего помощника. Вид у него был на редкость грозный, но Де Витт и глазом не моргнул. Нагнув голову, словно молодой бычок, он был явно готов стоять до последнего. — Если хотите, Гленн, слетайте в столицу и доложите госсекретарю и министру обороны свою позицию. Я, в свою очередь, пошлю рапорт. Посмотрим, что решат наверху.

Боган кашлянул и шумно стал собирать бумаги, разложенные на столе. На Кристенсиона он старался не смотреть.

— Полагаю, мы снова сможем собраться через четыре или пять недель и обсудить наши новые результаты — если они, конечно, будут.

Не отводя взгляда от Де Витта, Кристенсен кивнул.

— Хорошо. Держите меня в курсе, джентльмены.

Он стремительно вышел из комнаты. За ним, усмехаясь, не спеша последовал Де Витт. Ученые переглянулись с удрученным видом.

— Хотел бы я знать, чем все это обернется, — пробормотал Спеер. — Боб, предлагаю сегодня в качестве натурального эксперимента надраться как следует.

— Рано, — криво усмехнулся Файрли. — Да и, пожалуй, рискованно.

— Риск будет только в том случае, если мы напоим до чертиков Лизетти. Тогда машинам пришельцев уже точно не уцелеть, наш славный полиглот сделает им хакакири. Верно, Бат?

— Напрасно вы так шутите, Спеер, — растерянно сказал Лизетти. — Это... это очень серьезно. Я даже не предполагал, что мы окажемся втянутыми в такое дело. Знаете, я человек религиозный и порой думаю, а не дьявол ли вводит нас в соблазн этими звездными машинами? Вы со мной не согласны, Джон?

— Хм... Лично я хотел бы поставить капкан на хищного маленького зверька под названием «совесть». Уж очень он суется по ночам, не дает мне, старику, спокойно спать. Для ученого это порой слишком дорогое удовольствие... Ладно, будем считать совещание закрытым.

Работа вновь пошла своим чередом, но Файрли уже не мог полностью отвлечься от мыслей о том, что происходит за пределами кабинета.

От разговорчивого Хилла он узнал, что Де Витт вылетел

с докладом в Вашингтон, и с тревогой ждал его возвращения. Иногда ему хотелось, чтобы госсекретарь запретил проведение экспериментов, а иногда наоборот — чтобы им был дан «зеленый свет».

Неделю спустя Де Витт, словно призрак, появился в кабинете и молча уселся в кресло рядом с Файрли. Его лицо было непроницаемо, но в глазах светилось уныние.

— Надеюсь, все прошло успешно? — не удержавшись, съязвил Файрли. — Вам позволили нажимать на все пусковые кнопки?

— Мы не сдвинемся с мертвой точки, Боб, пока вы не достигнете серьезных результатов, — устало ответил Де Витт. — Скажите откровенно, есть ли хоть какая-то надежда получить их в обозримом будущем?

— Никакой, — с усмешкой бросил Файрли, наслаждаясь болью в глазах экс-полковника. — И вообще, я считаю, что ваш шеф Кристенсен прав. Это абсурд — изучать неизвестные машины, да еще созданные на другой планете, на основе всего двух слов «включено» и «выключено».

— Не так уж это и мало, — тихо возразил Де Витт. — Вы меня удивили, Боб. Я надеялся, что такой молодой человек, как вы, станет моим союзником, а вы... вы оказались замшелым стариком. Кристенсена еще можно понять, он совершенно заостенел. Он долгие годы по кирпичику складывал фундамент своей карьеры и теперь просто не способен идти вперед, не оглядываясь. Но вы... э-эх...

Де Витт внезапно поднялся и вышел из комнаты, громко хлопнув дверью. Файрли ошеломленно посмотрел ему вслед и вдруг почувствовал, что щеки его горят. В нем разгорался гнев — и не только по отношению к Де Витту...

Не выдержав, он вновь включил заветную запись и, закрыв глаза, в сотый раз стал слушать голос давно умершей женщины со звезд. Она звала его, звала... а он струсил, встав на сторону Кристенсена и старперов из Вашингтона. Де Витт прав — он уже старик, который так никогда и не был по-настоящему молодым...

С этого дня Файрли стал работать с каким-то диким иступлением. Свет в его кабинете по ночам почти не гас, спал он не более двух-трех часов в сутки, держась на черном кофе и тонизирующих таблетках.

И наконец в, казалось бы, гранитной стене Непознанного появилась крохотная трещина. Файрли понимал, что это скорее всего оптический обман — уж слишком безумной и безнадежной была осенившая его идея, но продолжал упорно идти

вперед. Вскоре трещинка превратилась в расщелину, в конце которой появились робкие лучи света.

Он никому ничего не сказал, даже Спееру. Де Витт демонстративно не появлялся, словно поставив крест на нем, но иногда посреди ночи у Файрли появлялось неприятное ощущение, что кто-то следит за ним через оконное стекло.

Рабочий дневник распухал от торопливых записей. Вскоре в нем появился первый перевод одной из «инструкций» к машине пришельцев — ею оказался киберштурман; за ней последовала вторая инструкция, третья... Однажды ночью Файрли выключил компьютер и с изумлением и даже некоторым страхом посмотрел на толстые тетради, лежащие на столе. Если он окончательно не сошел с ума, то перед ним находился ключ к звездам. Фотографии машин, найденных в Гассенди, их подробное описание, сделанное инженерами, и переводы инструкций... Любая из авиакосмических фирм, работавших на НАСА, могла на основе всего этого материала начать проектировать звездолет. Звездолет!!

Внезапно свет настольной лампы мигнул раз-другой и окончательно погас.

«Авария на линии», — подумал раздраженно Файрли, не без труда встав из-за стола. Делая разминочные движения, он вышел в коридор и распахнул наружную дверь. На него пахнуло свежим ветром, несущим редкие капли дождя. Впереди, в густом тумане, расплывчато светились огни административного корпуса.

— Эй, есть здесь кто-нибудь? — крикнул Файрли. — Какого черта случилось с освеще...

Вдруг на него обрушилось что-то тяжелое, и он потерял сознание.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Прошли, казалось, годы или даже столетия, прежде чем тьма стала рассеиваться.

Файрли еще не нашел в себе сил открыть глаза, но уже вынужден был отвечать на чьи-то вопросы, идущие откуда-то издалека:

— Откуда вы узнали, что энергокабель перерезан?

— Я не знал об этом... просто свет в комнате погас...

— Но вас нашли около распределительного щита вашего корпуса.

— Не знаю... я даже не знаю, где это...

Файрли напрягся и сумел-таки разлепить отяжелевшие веки. Перед собой он увидел лицо Хилла — холодное, подозрительное, озабоченное. Рядом с офицером службы безопасности сидели встревоженные Кристенсен и Де Витт. Файрли никогда не видел их такими мрачными. Впрочем, сейчас ему было не до того, тянуло в сон...

— Очень хорошо, — резко сказал Хилл. — Вы ничего не знаете и ничего не помните. Так?

Его тон означал, что Файрли лгал самым бессовестным образом, но службу безопасности не проведешь.

— Ладно, расскажите все с самого начала, — уже более мирным тоном произнес Хилл, перестав сверлить его жестким взглядом. — Итак, вы слышали какой-то подозрительный шум за окном...

— Ничего я не слышал, — сказал Файрли, морщась от сильной головной боли. — Черт побери, чего вы от меня хотите?

Он с ненавистью посмотрел на своих мучителей. Видимо, его накачали какими-то лекарствами, поскольку сознание начало неестественно быстро проясняться, хотя общее состояние оставалось ужасным.

— Посмотрите-ка на мой затылок, господа судьи! — зло воскликнул он. — Неужто вы не видите на нем шишку размером с Манхаттан? Я не бил себя молотком по голове, даю честное слово. И я не агент красных, который коварно стащил сам у себя сверхсекретные документы. Вам не верится? Для меня это огромная потеря... фотографии ваших машин и их схемы нетрудно воспроизвести, но мои-то рабочие материалы были в одном-единственном экземпляре! Думаете, так легко их восстановить?..

Файрли замолчал, задыхаясь от ярости.

Заметив в глазах Хилла недоверчивую усмешку, он снова взорвался:

— И напрасно вы усмехаетесь, мистер Безопасность. Вы должны были обеспечить мою защиту от любых посторонних личностей... И где же вы были той ночью? А сейчас... Боже мой, неужто сейчас у вас нет других дел, кроме того, как мучить меня дурацкими вопросами? Я болен, понимаете вы, болен! Мне надо лежать в постели, а вместо этого ваши гориллы приволокли меня сюда, словно преступника... Да как вы смеете обвинять...

— Хорошо, Файрли, успокойтесь, — устало сказал Хилл. — Не стройте из себя мученика. Если бы вы видели, как допрашивают сейчас ваших коллег мои коллеги... — Он вскочил с

кресла и прошелся, словно тигр, по комнате, сжимая и разжимая крепкие кулаки, а затем уселся на край стола. — И не надо преувеличивать, вас никто не обвиняет. Но мы должны детально установить, что произошло.

— Поздно, Хилл, слишком поздно, — с горечью прервал его Де Витт. — Меня не интересует, кто именно выкрал документы — это уж ваша забота. Главное другое: теперь они знают правду о Гассенди. У них в руках фотографии звездных машин и тексты надписей, хорошо еще нерасшифрованные...

— Боюсь, что расшифрованные, — хрипло сказал Файрли, не скрывая своего отчаяния. — Я не успел предупредить вас... Вернее, это было слишком невероятно, и я решил сначала все тщательно проверить...

В комнате повисла пронзительная тишина. Файрли невольно опустил глаза — на него *так* смотрели...

— Я не ослышался, вы получили какие-то результаты? — громовым голосом произнес Кристенсен. — И даже не потрудились поставить нас в известность?

— Я не был уверен... — болезненно сморщившись, объяснил Файрли. — Это... это выглядело совершенно безумным, и я не рискнул поделиться даже со Спеером... Надо мной попросту начали бы смеяться, а я...

Де Витт с шумом вскочил с кресла, едва не опрокинув его на пол, в одно мгновение оказался рядом с Файрли, и, вцепившись в ворот рубашки филолога, экс-полковник так встряхнул его, что ученый вновь едва не потерял сознание.

— Что? — завопил Де Витт звенящим от ненависти голосом. — Вы получили важные результаты и скрыли их от нас?! Да вы...

— Я не был уверен!

— Перестаньте молотить чушь, жалкий бумагомарака! Вы либо научились переводить тексты пришельцев, либо нет, тут третьего не дано! Нечего морочить нам голову!

— Оставьте его в покое, Гленн, — тихо сказал Кристенсен. Его лицо выглядело внезапно постаревшим, глаза потухли, щеки нервно дергались.

«А ведь ему уже за шестьдесят, — вдруг подумал с жалостью Файрли. — И вся эта моложавая внешность викинга — только вывеска...»

— Успокойтесь, Файрли, и объясните все по порядку. Да отпустите же его, Гленн, видите, человек еле дышит!

Минуты две Файрли приходил в себя, а затем, собравшись с силами, сказал:

— Вы что-нибудь слышали о Шумере? Это одна из колдбелей человечества. К счастью, от ее богатой культуры оста-

лось немало следов, в частности глиняные таблички с надписями. Над ними долго бились, и в один прекрасный день ученым удалось сделать первые переводы. Шум поднялся страшный, чуть ли не все газеты мира раззвонили о «сенсации века». Пошли публикации переводов, причем в солидных научных журналах. И вот в самый разгар этой шумихи вдруг было установлено, что тексты могли быть переведены и совершенно иначе. Ученые, ослепленные первыми успехами, попросту оказались в плену самообмана...

Он взглянул на свирепое лицо Де Витта и вздохнул.

— Я отлично помнил эту историю и не желал оказаться в дураках. Тем более что мой подход к языку инопланетян был совершенно абсурдным...

— Вот как? — вкрадчиво спросил Хилл. — Вы нас заинтересовали, мистер Файрли. Не откажетесь ли нас просветить, что за бредовые идеи попали ныне в руки шпионов?

— Все началось с того, что я вспомнил об истории с языком шумеров. Однажды ночью я вдруг проснулся и подумал: а ведь в языке инопланетян есть определенное сходство именно с шумерским! Такого, конечно, быть не могло, но я буквально заразился этой идеей. И все неожиданно стало выстраиваться в стройную систему... хоть и совершенно абсурдную. Не могли же шумеры летать к звездам! Я перевел одну «инструкцию», затем вторую... Все получалось довольно логично, хотя я и не специалист по космической технике. Я не мог поверить своим собственным глазам...

— Это все эмоции, — холодно прервал его Де Витт и подлобья взглянул на Кристенсена. — Теперь-то видите, Крис, к чему привели все ваши увиливания? Вы буквально заразили своей нерешительностью окружающих, и вот печальный итог. Мы могли одним прыжком преодолеть пропасть, отделяющую нас от звезд... Но это делают за нас другие. За несколько дней они теперь овладеют всем, что мы узнали за полгода упорного труда. И даже больше, ведь у них в руках рабочий дневник Файрли, который мы и в глаза не видели!

— Это только бумаги, Гленн, — нерешительно возразил Кристенсен. — Гассенди пока в наших руках.

— Вот именно, *пока*, — многозначительно заметил Де Витт. — Русские — парни не промах, они не станут сидеть сложа руки и ждать, пока их государственные мужи на что-то решатся. Они попросту построят космолет и полетят к звездам. И это еще не самое главное. Куда важнее, что они найдут на звездах. Как бы история Гассенди не повторилась, но уже здесь, на Земле...

Кристенсен побледнел.

— Ранделл уже вылетел в Морроу из Вашингтона, — ска- зал он. — Ясное дело, я немедленно доложил ему о случив- шемся.

— Рад слышать, — усмехнулся Де Витт. — Уверен, пере- мена климата пойдет госсекретарю на пользу... Но будет ли толк? Политиканов здесь и без него хватает...

Не выдержав, он вскочил с кресла и выбежал из комна- ты, с силой захлопнув за собой дверь. Кристенсен угрюмо по- смотрел ему вслед.

— Хм-м-м... вряд ли дела обстоят так уж скверно. Хилл, есть ли шансы, что материалы филолога не вышли за преде- лы космодрома?

Офицер службы безопасности поскуჩнел.

— Вы уже спрашивали об этом.

— Я спрашиваю еще раз!

— А я еще раз отвечу то же самое: точно не знаю, но силь- но сомневаюсь. Мы обнаружили Файрли лишь спустя пять часов после нападения, за это время преступник мог сделать многое. Конечно, Морроу охраняется очень тща- тельно, но его территория огромна... Наверняка операция была сплани- рована до деталей, не случайно мы пока не обнаружили ника- ких следов. Но мы сделаем все, что в человеческих возмож- ностях...

— Надеюсь, — сухо сказал Кристенсен, с неприязнью глядя на начальника службы безопасности, который сейчас выглядел очень несчастным. — Вот что, Хилл, я хочу в бли- жайшее время взглянуть на этого шпиона-невидимку.

— Вы увидите его, ручаюсь! — горячо заверил его офицер.

Кристенсен недоверчиво поморщился и вновь взглянул на филолога.

— Идите в свою комнату и отдыхайте, Файрли. Как толь- ко я переговорю с госсекретарем, а коллеги Хилла — с ваши- ми коллегами, я соберу общее собрание. Надо решать, что те- перь делать. Хотя в отношении вас это предельно ясно: вы должны как можно быстрее восстановить записи — все до последней буквы!

— Но... — растерянно начал Файрли и замолчал — Крис- тенсен, не простившись, уже вышел из комнаты. Хилл, под- черкнуто не замечая бывшего приятеля, уселся за стол, за- ставленный телефонами, и стал вызывать кого-то из охраны.

Вздыхнув, Файрли поплелся к своему корпусу.

Его спальня и кабинет были перевернуты вверх дном. Не- которые материалы исчезли — главным образом научная кор- респонденция, письма матери и даже отдельные номера «Жур-

нала филологии». Ящики гардероба были выдвинуты; личные вещи, включая нижнее белье и носки, лежали на полу. Чертыхаясь, Файрли оглядел поле битвы — здесь доблестный Хилл явно вышел победителем — и уселся за рабочий стол. Прибирать не хотелось, тем более что Хилл мог навесить его еще раз. Файрли принял таблетку тонизирующего и, раскрыв новую тетрадь, попытался собраться с мыслями. После трех часов работы ему удалось восстановить свои методы лишь частично, и в этот момент за ним пришел часовой с автоматом. Демонстративно заложив руки за спину, Файрли отправился на совещание.

Как он и ожидал, Боган и Лизетти выглядели отвратительно, а Спеер побагровел как помидор и тихонько ругался на шести языках, отдавая явное предпочтение матерному. Видимо, службе безопасности он показался более остальных похожим на агента Кремля. На Файрли филологи демонстративно не смотрели, так что тому пришлось прочитать свой короткий доклад, обращаясь к графину на столе.

— Я не собираюсь защищать свой подход, — закончил он. — Более того, я надеюсь, что вы его немедленно разобьете в пух и прах как явно антинаучный.

Он с надеждой взглянул на коллег, но никто не отозвался на его призыв. Только после долгого молчания Боган мрачно пробасил:

— Я догадывался, что вы легкомысленны, доктор Файрли, но не настолько же... Вы вполне могли собрать нас и без взвода солдат.

— Да, конечно... Но одно дело тешиться этой дурацкой идеей в тишине своего кабинета и совсем другое — выносить его на суд уважаемых ученых с мировыми именами.

Спеер хохотнул и оглядел своих коллег, словно говорил: ну, каков фрукт? Боган никак не отреагировал на лесть, а Лизетти с сочувствием посмотрел на молодого коллегу.

— Не стоит все валить на доктора Файрли, — неожиданно пришел на помощь Де Витт. — Если бы меня по-другому встретили в Вашингтоне...

— Бросьте, Гленн, сколько можно плакаться? — резко прервал его Кристенсен. — Мы собрались здесь не для того, чтобы в очередной раз уточнять, кто прав, а кто виноват. Господа, я, конечно, не специалист, но мне подход доктора Файрли к переводу языка пришельцев показался... э-э... несколько странным. Быть может, вы получили более достоверные результаты?

Все молчали, опустив глаза.

— Та-ак, ясно... Тогда я попрошу вас отложить все дела и

вплотную заняться анализом метода мистера Файрли, независимо от того, верите ли вы в него или нет. Если вы получите отрицательный результат... что ж... может быть, это даже к лучшему. Но мы должны иметь ваше обоснованное заключение по этому вопросу.

Боган вскинул голову, желая возразить, но, встретившись взглядом с Кристенсеном, промолчал. Было ясно, что на плечи руководителя лунного проекта сейчас легла новая, не менее тяжелая ноша, и ему требовалась помощь.

— Госсекретарь Ранделл недавно вновь улетел в Вашингтон, — тихо сказал Кристенсен, обводя ученых цепким взглядом. — Он намерен немедленно обсудить с президентом и министром обороны вопрос о начале практических работ по созданию звездолета. Ранделл не доволен положением дел, но считает, что у нас есть определенное преимущество во времени. Вряд ли теперь русские будут форсировать скандал с нашей базой в Гассенди, они скорее всего займутся работой по воспроизводству машин пришельцев, в первую очередь двигателя. Пока у них есть шанс опередить нас, в ООН они обращаться не будут. Понятно, что мы должны делать то же самое... а не заниматься склоками и тешить свои амбиции.

Де Витт с кислым видом кивнул:

— Все верно, Крис. Сейчас не до ссор. Джентльмены, у нас не много шансов первыми достичь звезд, но мы должны их использовать все до единого. Даже если придется перейти на круглосуточную работу. Надеюсь, возражений нет?..

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Спустя несколько недель Файрли стоял в бетонном бункере, ожидая начала очередного испытания звездного двигателя. Полигон был расположен в каменном ущелье, километрах в двадцати от космодрома. Бетонный бункер, находившийся в начале ущелья, был набит пультами управления и дисплеями, над которыми колдовали инженеры. Файрли невольно прислушался к их диалогам, напичканным техническими терминами, но понял лишь отдельные, простейшие слова типа «да», «нет», «пошел к черту». Усмехнувшись, он подумал: «А ведь и язык пришельцев я понимаю приблизительно на таком же уровне. Хотя и это еще не факт...»

Впрочем, если эксперимент закончится успешно... Собственно, в ущелье испытывались не только воспроизведенные

инженерами два супердвигателя, нет, здесь проходила проверку и методика Файрли. Он и его коллеги, работая не покладая рук, пришли к идентичным выводам: пришельцы говорили и писали по-шумерски. Почему и как это могло произойти, решили не обсуждать. Ученые перевели не только все «инструкции» к машинам, но и солидный пакет технической документации, найденной недавно в Гассенди. После этого работа инженеров над созданием ионного двигателя пошла семимильными шагами. Первые тестовые испытания завершились успешно, но главное должно было решиться сегодня...

Возглавляли работы известный физик Рааб и главный инженер НАСА Томасон. За системы жизнеобеспечения отвечал космобиолог Винстед, один из заместителей Кристенсена по лунной программе. Они прибыли в Морроу на следующий день после возвращения госсекретаря Ранделла в Вашингтон, где в тот же вечер президент принял решение о начале строительства звездолета.

Сейчас все трое находились в бункере и, вытирая обильный пот (здесь было очень жарко и душно), тихо о чем-то говорили с возбужденным Де Виттом. Самой колоритной фигурой из них был Рааб, немец по национальности. Он и выглядел, словно «белокурая бестия» — светловолосый, стройный, с массивным, грубо вылепленным лицом и ледяными синими глазами.

Более бесстрастного человека Файрли еще не приходилось встречать. Рааб никогда не повышал голоса, никогда не говорил на бытовые темы и был в любой ситуации на сто процентов погружен в работу. Файрли не удивился бы, если бы он оказался роботом с компьютером вместо мозгов.

Винстед, напротив, оказался «своим в доску», весельчаком, любящим посмеяться над свежим анекдотом. Он обожал похлопывать собеседника по плечам и однажды даже шокировал этим вице-президента, как-то навестившего Морроу. Но за личиной рубахи-парня, пришел к выводу Файрли, скрывался совсем другой человек с серьезными политическими амбициями. Этот пухлый толстячок с розовым лицом и заметной пролысиной среди редких прилизанных волос явно хотел сделать шаг вперед в карьере на новой «звездной программе».

Томасон же был типичным «технарем», мало интересующимся чем-то другим, кроме своих любезных железок. Хмурый, резкий, нетерпимый, он буквально потрясал огромной технической эрудицией, однако казался довольно ограниченным человеком, фанатиком космических полетов. В этом смыс-

ле Томасон очень напоминал Де Витта, с которым поддерживал самые дружеские отношения.

Кристенсен стоял в одиночестве, сложив руки на груди, и с невозмутимым видом наблюдал за подготовкой к эксперименту. В последнее время его отношения с Де Виттом резко обострились; экс-полковник обвинял своего шефа в намеренном обструкционизме и был, очевидно, прав.

Файрли казалось, что Кристенсен был бы рад провалу эксперимента, и не решался его осуждать. Порой ему самому хотелось, чтобы ионные двигатели так и не заработали и все осталось по-прежнему. Звезды могли принести человечеству много хлопот, к которым оно еще не готово. Мир на Земле очень хрупок, и оружие пришельцев — если, конечно, будет найдено — принесет много бед, нарушит и без того шаткое равновесие. Но... но он вложил в работу по переводу языка пришельцев всю душу. Неужели не выйдет?

— Все готово, — доложил один из техников, подчеркнуто обращаясь к Де Витту.

Тот кивнул и подошел к узкому смотровому окну. За ним последовали все остальные, даже Кристенсен.

— Первый двигатель готов к запуску.

— Включайте, — хрипло сказал Де Витт.

Файрли невольно зажмурился, ожидая взрыва.

— Реакция пошла, — доложил Рааб, не отрывая глаз от контрольных приборов. — Но очень вяло, процесс почти не развивается.

— Тяга есть? — спросил Де Витт.

— Да... только очень слабая, меньше, чем у наших двигателей на жидком топливе... Ого, все стрелки зашкалило!.. Сейчас рванет!

В ущелье вспыхнуло солнце. Только мощные светофильтры спасли глаза людям, находившимся в бункере. Скалы побагровели и стали плавиться. Раздался оглушительный взрыв, и чуть позже переднюю стену сотрясла горячая ударная волна. В небо взмыли сотни раскаленных обломков. По ущелью прокатилось мощное землетрясение.

Люди в бункере с криками ужаса скорчились на полу, ожидая гибели. Кто-то завопил: «Выключите его! Выключите!» Вскоре с ужасным грохотом около бункера стали падать обломки скал.

Этот ад продолжался несколько минут, а затем пламя за смотровым окошком внезапно погасло. Не сразу, но Файрли удалось подняться, и он на негнущихся ногах подошел к амбразуре в стене. Ущелье было закрыто кипящим облаком пыли, из которого кое-где торчали пурпурные вершины скал.

Каменный дождь еще продолжался, но земля больше не тряслась.

— Мой бог, что случилось? — слабым голосом пробормотал Спеер, сидя на бетонном полу и потирая солидную шишку на лбу.

— Взорвался первый двигатель, только и всего, — сквозь зубы процедил Де Витт. — Дональд, как там второй, цел?

— Да, мистер Де Витт, — после некоторой паузы ответил один из техников, изучив показания приборов. — Хорошо, что мы его закрыли бронированными щитами.

— Ладно, подождем, пока в ущелье все успокоится... Бог мой, ну и жара здесь! Придется терпеть... Рааб, есть хоть какая-то полезная информация?

— Какая там информация... Все стрелки мигом зашкалило. Могу сказать одно: перед взрывом тяга появилась, да еще какая! Наши приборы не рассчитаны на такие сумасшедшие значения. Эй, Файрли, вы, часом, не ошиблись при переводе цифровых величин тяги?

— Я здесь ни при чем, — слабым голосом ответил Файрли. — Математики сами занимались всеми числовыми значениями в документации к двигателю...

— Выходит, они ошиблись, — хрипло сказал Де Витт, вытирая носовым платком пот, градом катившийся с его лица. — На два или три порядка, я думаю. Надо у второго двигателя соответственно уменьшить все пусковые характеристики. Дональд, займитесь этим...

— Нет, — неожиданно сказал Кристенсен. Подойдя к окошку, он хмуро посмотрел на ущелье или, вернее, на то, что от него осталось.

Скалы закоптил адский огонь, узкая долина была засыпана дымящимися обломками. Ее прорезали две широкие трещины, одна из которых не дошла до бункера каких-то два десятка метров.

— Нет, — повторил Кристенсен, — испытаний больше не будет. По крайней мере, в ближайшее время. Физикам и математикам нужно как следует разобраться с тем, что произошло. Доктор Рааб, займитесь немедленно этим. Думаю, через месяц-два мы...

— Чепуха! — резко возразил Де Витт. Он шагнул к Кристенсену, в ярости сжимая кулаки. — Здесь не в чем разбираться, и так ясна наша ошибка. Нужно уменьшить интенсивность процесса в реакторе, и это нетрудно будет сделать. Приборы целы, при малой тяге мы снимем все необходимые показания. Зачем терять месяцы впустую?

— Я сказал «нет», — отрезал Кристенсен и зашагал к выходу. — Дональд, выключайте аппаратуру.

Файрли, помедлив, поплелся вслед за ним.

Они вышли наружу и едва не задохнулись от горячего, густого от бурой пыли воздуха. До стоянки с джипами было не больше сотни метров, однако не успели они пройти и половины пути, как позади вдруг вспыхнул ослепительный свет. На противоположной стороне ущелья, там, где был расположен на стенде второй двигатель, начали багроветь скалы. Пламя казалось менее ярким, чем в первый раз, но у Файрли не было времени размышлять на эту тему. Вместе с Кристенсеном он помчался назад к бункеру. Вот-вот загремит взрыв и с неба обрушится раскаленный дождь... Успеет он добежать до бронированной двери или нет? Успеет или...

Файрли пулей влетел в бункер, за ним тяжело ввалился Кристенсен. Де Витт спокойно стоял у приборной панели и наблюдал за показаниями приборов.

— Все нормально, Гленн, — сказал Томасон. — Тяга поддается регулировке.

— Да, процесс в реакторе устойчиво развивается, — подтвердил Рааб, не отрывая глаз от дисплеев, на которых плясали десятки разноцветных кривых. — Теперь можно выключать двигатель, информации у нас достаточно.

Грохот по-прежнему сотрясал ущелье, но на этот раз не было ни оглушительного взрыва, ни взлетающих в небо скал. Де Витт кивнул одному из техников, и все внезапно стихло. Бело-голубое пламя погасло.

— Вы сумасшедший! — звенящим голосом сказал Кристенсен, с ненавистью глядя на своего подчиненного. — Как вы посмели ослушаться моего приказа? Кто дал вам право рисковать техникой и людьми?

— Кто? Мой американский патриотизм, если вам это говорит что-то, Крис, — спокойно ответил Де Витт и пошел к выходу. — Дональд, снимите показания всех приборов и немедленно привезите их ко мне в кабинет. Я буду ждать.

— Я отстраняю вас от работ! — в бессильной ярости закричал ему вслед Кристенсен.

— Посмотрим, что скажет президент, — коротко бросил через плечо Де Витт и вышел наружу. За ним вслед тенью проскользнул Винстед — он предпочитал всегда быть вместе с победителем.

На автостоянке космобиолог дождался Файрли и с жаром пожал ему руку.

— Отличная работа, доктор! В общей суеде как-то о вас забыли, а ведь пламя бы не вы, то сегодняшний триумф...

— Спасибо, — улыбнулся Файрли. — Сегодня счастливый день для меня. Теперь я верю, что звездолет обязательно будет построен.

— Вот и прекрасно! Извините, меня ждут...

Винстед торопливо уселся в джип рядом с Де Виттом, и машина помчалась по степи в сторону базы. А Файрли, обернувшись, увидел одиноко шагающего к стоянке Кристенсена. Рааб и Томасон следовали за руководителем проекта на почтительном расстоянии, словно давая понять — нет, мы не с ним, мы сами по себе.

Эта сцена не раз вспоминалась Файрли в следующие месяцы. Формально Кристенсен оставался главой «звездного проекта», но инициатива теперь полностью перешла в руки Де Витта. Он вскоре покинул космодром; ходили слухи, что именно ему президент доверил возглавлять конструирование звездолета. Из доходивших до него разговоров Файрли понял, что за основу звездолета был принят новый тип лунного корабля, уже наполовину построенный на верфях фирмы «Боинг». Его предстояло оборудовать звездным двигателем, принципиально иной системой жизнеобеспечения, рассчитанной на длительный перелет, новыми бортовыми компьютерами и прочее, прочее...

Сам же Файрли полностью погрузился в рукописи пришельцев. Теперь, когда его метод был успешно апробирован, перевод языка инопланетян пошел вперед семимильными шагами. И наступил день, когда Файрли, включив «магнитофон», вдруг осознал, что понимает все до единого слова.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Сильный мужской голос доносился из глубины пространства и времени. В нем чувствовалась властность и гордыня, но теперь, когда Файрли стал понимать язык пришельцев, он осознал, что за этим щитом скрываются боль и растерянность.

— Наша база в кратере обнаружена, остались лишь считанные дни или часы до атаки противника, — говорил Калбер, житель планеты Рин из системы Альтаира. — Наш небольшой аванпост не может защитить ее, и поэтому мы получили приказ оставить планету и вернуться на Рин. Мы должны немедленно начать эвакуацию. Большую часть техники и архивов нам придется бросить, главное сейчас спасти людей. Но

это лишь временное отступление. Рано или поздно мы вернемся сюда, и это будет началом победоносного пути...

«Ложь, — подумал Файрли, — сладкоголосая ложь, за которой скрываются неуверенность и страх перед неизбежным поражением. При истинном «отступлении на заранее подготовленные позиции» не бросают важнейшие архивы и один из звездолетов. Это самое обыкновенное паническое бегство. Кто бы ни был этот неведомый противник, он намного превосходил обитателей Рина в военной мощи и даже не дал им полностью завершить эту «временную эвакуацию». База в Гассенди была безжалостно уничтожена, многие из ее обитателей погибли, в том числе, возможно, и ты, Калбер. И эту трескучую официозную речь ты подготовил не для своих товарищей, а для правителей Рина. Но нам в руки попало и другое твоё выступление, уже для «внутреннего пользования», явно не предназначенное для чужих ушей».

— Братья, наш конец близок. Межзвездный флот Ллорна намного превосходит нас по силе, и мы терпим поражение за поражением, хотя наши замечательные правители еще трубят о близкой победе. Мы потеряли уже почти все свои звездные колонии, эта одна из последних. Скоро настанет час, когда Галактика будет окончательно потеряна для нас. Ллорн добьется своего и станет хозяином космического пространства. А нам останется лишь один Рин... Завтра мы покидаем базу и скорее всего никогда не вернемся сюда. Отныне мы и наши потомки-люди будут смотреть на звезды только снизу вверх. И так будет вечно, до конца времен...

Это была последняя запись, которую сделали пришельцы с Альтаира — они называли себя ванрианами. Файрли несколько раз с волнением прослушал ее, а затем собрал коллег и руководителей «звездного проекта» и прочитал им перевод.

— Печальная история, — после долгого молчания произнес Лизетти. — Но кто были противниками обитателей Рина? Кто такие эти существа с планеты Ллорн? Ни в одном документе нет их описания... Быть может, они не были даже гуманоидами?

— Хм... ничего удивительного, — буркнул Боган. — Ванриане прекрасно знали своих врагов, зачем же их было описывать? Мне почему-то кажется, что жители Ллорна — сородичи обитателей Рина. Старая как мир история Каина и Авеля.

— Не исключено, — согласился Файрли. — Но почему Калбер произнес эту странную фразу: «мы и наши потомки-люди...»?

Спеер хохотнул.

— Не увлекайся, Боб. Подумай, как бы ломали инопла-

нетяне свои мудрые головы над такими типичными для землян фразами, как: «мой сын такая свинья» или «моя жена настоящая кобра»?

На том короткая дискуссия и закончилась.

Файрли вплотную принялся за следующую трудную проблему. Он составил довольно обширный словарь ванриан и теперь пытался научиться говорить на их непростом языке. Часто по вечерам, одурев от работы, он выходил на улицу и подолгу смотрел на небо, где трепетно дрожала бело-голубая свеча Альтаира. Чудесный голос женщины со звезд звучал в его сердце и не давал уснуть.

Иногда ему казалось, что он видит во тьме космоса следы грандиозных космических битв, исковерканные взрывами мертвые корабли, льдинки тел погибших ванриан, а рядом — застывшие глыбы их заклятых врагов. Кто они, нынешние хозяева Галактики? Хотя хозяева ли... Со времени окончания войны прошли тысячи лет, раса Ллорна могла исчезнуть как утренний туман. Бремя вечности делало всех равными — и победителей, и побежденных. Но почему Калбер сказал «и так будет вечно, до конца времен»?

Между тем работа над созданием звездолета быстро продвигалась. Де Витт вернулся на космодром, а вместе с ним по железной дороге прибыли части корпуса корабля и многие его агрегаты.

В одном из ангаров началась сборка фюзеляжа и установка двигателей. Томасон пропал на рабочем месте целыми неделями, и все равно Де Витт был недоволен. Дело шло, по его мнению, слишком медленно. Особенно доставалось от него Хиллу и всей местной службе безопасности — следов таинственного шпиона они так и не обнаружили. Правда, ЦРУ продолжало уверять, что особой активности в космической области русские не проявляют, но Де Витт только скептически усмехался.

— Ну конечно, русские выкрали документы только для того, чтобы положить их в архив... Нет, господа, они уже строят свой звездолет, можете не сомневаться. Держу пари, мы об этом вряд ли что-нибудь узнаем, потому что *их* служба безопасности не чета нашей.

Во время собраний рабочей группы, куда по-прежнему входили филологи, Де Витт все чаще заговаривал о том, что они могут найти на Альтаире. «Наша страна сразу сможет сделать гигантский прыжок в будущее, — с пафосом объявлял он, победоносно поглядывая на молчаливого Кристенсена. — Наше ведущее положение на Земле будет закреплено во веки веков. Да что там Земля!.. Если цивилизация Ллорна

погибла, а это скорее всего так, то над многими планетами Галактики могут вскоре появиться звездно-полосатые флаги. Америка была долгие годы Новым Светом на Земле; справедливо и символично, если новые миры будут открыты нашими колумбами...» И так далее, и тому подобное. Кончал же свои напыщенные монологи Де Витт всегда одинаково: «Но сначала мы разберемся с нашими противниками здесь, на своей планете».

Эти речи никому не нравились, однако никто их не принимал всерьез. Никто, кроме Кристенсена.

Файрли выходил после таких совещаний с больной головой, но, усаживаясь за свой рабочий стол, заставлял себя забыть о неприятных мыслях. «В конце концов, это не мое дело, — говорил он себе. — Такого маньяка, как Де Витт, к звездам наверняка не пустят. Его энергия и пробивные способности хороши для постройки звездолета, этим все и ограничятся. И слава богу, кесарю кесарево...»

Однажды ночью Кристенсен послал за ним.

Была поздняя ночь, и уставший Файрли уже собирался лечь в постель, как вдруг в дверь вежливо постучали. Это был личный секретарь Кристенсена. Извинившись, он начал что-то невразумительно бормотать о срочной проблеме, которую невозможно решить по телефону, и только личное присутствие доктора...

Тихо выругавшись, Файрли вновь стал натягивать брюки.

На улице его ждал джип. Ежась от ночного холода, филолог уселся на заднее сиденье. Машина рванулась с места и помчалась в другой конец базы, где находилась резиденция Кристенсена. Предчувствия у Файрли были самые неприятные. Ночной вызов сулил перемены, которых он терпеть не мог. Они всегда несли с собой малоприятные хлопоты, а то и серьезные неприятности.

Кристенсен встретил ученого на пороге своей квартиры. Таким Файрли его еще никогда не видел — в мятой пижаме, с небритыми обвисшими щеками и мутными глазами. От руководителя «звездного проекта» пахло, как из пивной.

— Ага, вот и наш юный друг пожаловал, — непослушным языком пробормотал Кристенсен и, сбросив одежду с кресла, предложил гостю сесть.

— Вы... вы плохо себя чувствуете? — растерянно спросил Файрли, усаживаясь на краешке кресла.

— Наоборот, я чувствую себя замечательно! Просто я пьян... в стельку пьян... Хотите тоже от души надраться?

— Нет, нет, благодарю, — поспешно отказался Файрли. Ему было не по себе.

— Хм-м-м... — пробормотал Кристенсен, презрительно поглядывая на него сверху вниз. — Ну конечно, куда вам, яйцеголовым чистоплюям... Из вас один только Спеер похож на мужчину, но он тоже сегодня что-то рано скис... А вы... маленький книжный червячок с незамутненными детскими глазами и накрахмаленной совестью... Хотите я скажу вам кое-что, а? Ручаюсь, вы сейчас откроете свой розовый ротик и завопите как баран на бойне!

— Мистер Кристенсен! — резко сказал Файрли, поднимаясь. — Вы слишком много себе позволяете...

— Ничего не много, а в самый раз, — захохотал Кристенсен и заставил его вновь усестся. — Не обижайтесь, Файрли, вы мне нравитесь... Потому я вас и пригласил — уж очень хочется вас порадовать.

— Чем же это?

— О-о... Замечательная новость, чудесная... вы ее заслужили своими славными трудами во имя науки и полковника Де Витта. Нет, не так: во славу Де Витта и уже потом — во имя науки.

— Ничего не понимаю, — сердито сказал Файрли. — При чем здесь Де Витт?

— Все очень просто, доктор. Гленн хочет включить вас в состав экспедиции... Ха-ха, славная шутка, верно? Вам небось такое и во сне не снилось?

— Экспедиции? Какой? — тупо спросил Файрли. Его сердце сжалось от неприятного предчувствия.

— Как это «какой»? — удивился Кристенсен. — Неужели не ясно? Той самой...

И тогда Файрли вдруг все понял.

Кристенсен сочувственно посмотрел на него и пошел, качиваясь, к столу. Налив из бутылки полный стакан виски, он сунул его в руку окаменевшему Файрли.

Тот, не глядя, осушил стакан до дна и даже не поморщился.

— Ну что, испугались, доблестный рыцарь Пера и Подтяжек? — с иронией спросил Кристенсен, усаживаясь в соседнее кресло. — Наложили в штанишки, а?

— Да... испугался, — откровенно ответил Файрли, сглаживая слюну. — Но почему... почему меня?..

— А кого же еще? — добродушно сказал Кристенсен, закуривая. — Вы самый молодой из вашей четверки филологов... а нам нужен переводчик. Боган — старая, заслуженная развалина. Лизетти умер бы со страху во время старта, да и здоровье у него... не того... Спеер хорош, да только толст как боров и пьет, словно генерал в отставке. Где ему раздобудешь

виски там, на Альтаире? Я уже не говорю про баб. Он нам такой контакт с братьями по разуму устроит...

Кристенсен расхохотался.

Файрли негодуяюще посмотрел на него — сейчас ему было не до шуток.

— Ну какой из меня переводчик? Да я еще и двух слов по-ванриански связать не могу.

— Можете, можете, — мягко возразил Кристенсен. — Хилл с вас глаз в последнее время не спускает. Знаем мы, чем вы занимаетесь у себя в комнатах по ночам...

Он снова рассмеялся, но уже совсем не весело.

— А если и могу... Какое это имеет значение? Вы представляете себе, как быстро меняются языки здесь, на Земле? Неужто вы думаете, что там, на Альтаире, дело обстоит иначе? Да меня никто не поймет...

— Хотите еще выпить, Файрли? Нет? Зря, отличное виски, шотландское... Да, язык жителей Рина мог здорово измениться... но мог и не измениться. Что мы знаем о жителях других звезд? Ни черта мы о них не знаем. И потом, Де Витт вовсе не собирается точить ляды с местными красотками; нет, он парень деловой. Вас он берет так, на всякий случай. Вдруг придется перевести пару приветственных фраз типа «руки вверх» и «встать лицом к стене»? Шучу, шучу... У бедняг аборигенов и рук-то небось нет...

Файрли выглядел так жалко, что Кристенсен смягчился.

— Я немного сгустил краски, Файрли. В конце концов, вы человек штатский и приказам полковника подчиняться не обязаны. Вы можете сказать «нет». И правильно сделаете... Нам всем бы стоило сказать «нет», да только кишка тонка. Рано нам лететь к звездам, рано...

— Рано? А когда будет не рано?

— Хм... Об этом меня постоянно спрашивает наш общий друг Де Витт. Сам не знаю, когда мы созреем до звезд. Может быть, никогда... Уж слишком мало мы изменились с тех библейских времен, когда Каин прирезал своего брата Авеля. Разве что нож сотворили побольше да поострее. Вы читали Библию, Файрли? Я читал. История человечества, даже мифологическая, довольно грязная штука...

— Меня больше интересовала история науки, — резко ответил Файрли. — Достижения нашей цивилизации...

— Их было ничтожно мало, особенно по сравнению с бесчисленными глупостями и мерзостями. Число которых, заметьте, растет в геометрической прогрессии. И в этот момент цивилизованным дикарям типа Де Витта волей нелепого случая в руки попадает звездная дубинка! Вот они потешатся,

утверждая на нашей бедной планете новый, «цивилизованный» порядок... Кстати, вы знаете, чем в последнее время занимался Винстед?

Файрли не знал и знать не хотел. В его ушах назойливо звучала одна и та же фраза: «Гленн хочет включить вас в состав экспедиции... экспедиции... экспеди...»

— Он занимался анализом образцов... Нет, сначала я спрошу вас кое о чем, шустренький книжный червячок. Почему ваш метод перевода оказался успешным?

Файрли пожал плечами.

— Не знаю... Возможно, случайное совпадение.

— Совпадение? Славное объяснение для солидных ученых с мировым именем!

— У вас есть что-то лучше?

— Представьте себе, есть. Благодаря прохождению Винстеду, который, как оказалось, еще не разучился шевелить извилинами в своем политиканском западе. Вам не все известно, Файрли. В Гассенди были найдены останки тел пришельцев...

— Что-о-о?!

— Ну, не мумии и не скелеты, конечно, а высохшие пятна крови и остатки кожи, мускульной ткани. Солнечные лучи не проникают в пещеру, там всегда царит ночь и холод, потому все это отлично сохранилось. Винстед и его группа несколько месяцев занимались анализом строения клеток, составом крови, хромосомами и прочим... Налить виски? Нет? Напрасно, пригодится. Вид у вас, словно у ожившего покойника из фильма ужасов.

— Ну и что обнаружил Винстед?

Кристенсен не спешил отвечать. Налив себе полный стакан, он с наслаждением выпил виски и, зажмурившись, сидел в трансе несколько минут. Облик могучего викинга как-то незаметно сполз с него, словно ветхая одежда, и теперь руководитель проекта выглядел на все свои шестьдесят три года.

— Так что же?

— Все оказалось очень просто... — пробормотал Кристенсен, с трудом открывая глаза — мутные, почти бессмысленные. — Конечно же, таких совпадений не бывает... И шумеры не летали к звездам, куда им... Просто пришельцы оказались людьми! Понимаете, именно людьми! Вы думаете, я шутил насчет этого бора Спеера? Ничуть я не шутил. Он запросто смог бы устроить Содом и Гоморру там, на Альтаире. А вы... вы человек порядочный, Файрли, вы бы, конечно, женились на своей обожаемой звездной певице и сделали ей кучу визгливых маленьких карапузов. Генотип позволяет. Старик Дарвин застрелился бы, узнав про такое...

— Вы уверены? — с волнением воскликнул Файрли, внезапно вспомнив про свои странные сны.

— Не я, а Винстед уверен. Он, конечно, порядочное дерьмо, но дело свое знает.

— Но тогда... — пробормотал Файрли, вспоминая слова Калбера: «и наши потомки-люди». — Но тогда они были нашими далекими предками!

Кристенсен кивнул.

— Да. И Гассенди был форпостом, охраняющим колонию ванриан на Земле. Когда база была разрушена, колония прекратила свое существование, потомки ванриан начали дичать и опустились до уровня каменного века. Но каким-то образом они сохранили язык и крохи знаний, которые позволили им со временем вновь начать подъем к Человеку Цивилизованному. Они сумели оттеснить неандертальцев. Теперь понятно, откуда неожиданно-негаданно появились кроманьонцы? А может, ванриане попросту смешались с ними?.. Конечно, это только предположение, но со временем мы все узнаем, обязательно узнаем. Не исключено, что все человеческое у нас — от ванриан, и Рин — наша историческая родина... Так вы точно не хотите выпить?

Файрли молча покачал головой. Его и без виски шатало, как в восьмибалльный шторм.

«Так вот что было «недостающим звеном», — тупо подумал он. — Мы не нашли его, потому что искали в совсем уже седой древности, а оно появилось сравнительно недавно — всего тридцать тысяч лет назад. И медленная эволюция хомо сапиенс вдруг получила могучий толчок. Появился Вавилон, Шумер, Египет, Индия, Китай — колыбели земной цивилизации, в которых выросли потомки тех, кто некогда пришел с Альтаира. Может быть, поэтому в нас живет вечная тяга к звездам?

В нас?

«Де Витт хочет включить вас в состав экспедиции...»

Но я не хочу летать на звезды, я боюсь их!

Хотя... ведь тогда я стану первым ученым, который прикоснется к сокровищнице знаний древней суперцивилизации! А это кое-что да стоит. Да и что меня удерживает на Земле? По-настоящему — только мать. Но у нее давно другая семья и другие дети, мы лишь изредка обмениваемся банальными письмами. А больше никого у меня здесь нет. Ни дома, ни любимой... Я просто маленький книжный червячок, волей случая вцепившийся в перья жар-птицы. И эта птица готова взмыть в небо...»

Кристенсен смотрел на него глазами, полными слез.

— Боб, вы чувствуете, как все разом изменилось? — прошептал он. — И это сделали мы с вами... К прошлому теперь нет возврата! Нет!!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Файрли смотрел на титаническую башню корабля, возвышающуюся рядом с ангаром, и не верил своим глазам.

Это был не просто космический корабль, нет: это был *звездолет*! Люди еще толком не освоили даже Луну, не говоря уже о других планетах Солнечной системы, а здесь, в Гассенди, тайно готовился прыжок не только через световые годы — человечество собиралось шагнуть через несколько столетий. Хотя и не подозревало еще об этом...

Новорожденный звездолет покоился среди решетчатых башен словно в колыбели. Сотни людей копошились вокруг него, как муравьи, а рядом на бетонном поле стояло несколько десятков машин различных техслужб. Младенец только что появился на свет, и ему еще многому предстояло научиться, прежде чем он сделает свой первый шаг.

Шаг через бездну к Альтаиру.

— Как вам нравится наш первенец? — спросил Де Витт, с отеческой гордостью поглядывая на звездолет. — Внешность у него, конечно, заурядная, да это и к лучшему — большая часть техперсонала до сих пор считает, что готовит к старту модернизированный вариант лунной ракеты. Но наш малыш не чета своим родителям, он пойдет далеко...

— Это все, что вы хотели мне сообщить? — с иронией спросил Файрли.

— Нет, конечно. Меня интересует, пришли ли вы к какому-нибудь решению? Время идет, а вопрос с переводчиком висит в воздухе. Мы планируем на следующей неделе уже начать облеты корабля. Определяйтесь, Боб, нечего тянуть. Вы знаете, что мы сумели воспроизвести не только ионный, но и гипердвигатель ванриан, а это здорово меняет дело. Теперь полет к Альтаиру и обратно займет не десятки лет, как мы сначала думали, а всего год. Так что жертва, которую вы принесете на алтарь науки, не так уж и велика. Зато, если вы откажетесь...

— Я понимаю, — с раздражением ответил Файрли. — Если я не полечу, то все потрясающие открытия уплывут у

меня из рук. Но если я соглашусь, то прощай моя прежняя спокойная жизнь... а может, и вообще жизнь. Я боюсь, Гленн.

Он вновь взглянул на белый корпус звездолета — тот притягивал его словно магнит.

— Подумайте, Боб, это детище ваше больше, чем кого-либо, — вкрадчиво сказал Де Витт, глядя на филолога взглядом опытного искусителя. — Ваш перевод стал мостиком к звездам, и благодарная история этого не забудет. Не сейчас, конечно, со временем...

— Да, понимаю, — тихо сказал Файрли, опустив глаза. — Но я помню слова Калбера о том, что Ллорн больше не допустит людей в Галактику. До конца времен.

— До конца времен? — с иронией спросил Де Витт. — И сколько же это? Десять тысяч лет? Двадцать? Не слишком ли самоуверен был этот Ллорн, когда жонглировал вечностью? Откуда вы знаете, может, от этих звездных вояк уже и праха-то не осталось? Не надо причитать словно старуха, Боб, мы еще с вами проживем и натянем этим ллорнам нос, будьте уверены. С чего вы решили, что они так могущественны?

— Вы забыли об одной небольшой вещи, Гленн.

— Какой же?

— А той, что даже при паническом бегстве ванриане должны были успеть уничтожить по крайней мере архив. Но они этого не сделали. А ведь понимали, что все может попасть в руки врагов. Этому может быть только одно объяснение: ллорны были настолько могущественней жителей Рина, что техническая документация не могла повлиять на баланс сил.

— Спасибо, Файрли, что вы мне открыли глаза, — сухо произнес Де Витт, взглянув на Луну, бледным призраком висевшую в голубом небе, тогда как Солнце только что появилось из-за горизонта. — Какое теперь это имеет значение? Я уже говорил как-то: неумолимое время всегда равняет всех — и победителей, и побежденных.

— Тогда зачем же мы летим на Альтаир? Побродить среди могил предков?

— Мы летим потому, что можем это сделать. И только мы одни. Неужто не ясно? — раздраженно ответил Де Витт. — Что толку сейчас судить да рядить, что мы найдем и чего не найдем на Рине? Когда мы там окажемся, то... там видно будет. Русские наверняка не мучаются такими бесплодными вопросами, а делают дело. Неужто дух покорителей новых земель выветрился из нас и мы способны только болтать?

— Я и не спорю с вами, Гленн. Я говорю о себе...

— Боб, вы молодой, подающий большие надежды уче-

ный, с отменным здоровьем. Семьи у вас нет, не то что у меня или у Рааба. Кому же лететь, если не вам? Идите к себе и еще раз подумайте. Поймите, дело касается, быть может, судьбы нашей страны!

Файрли кивнул и, не оглядываясь, пошел к стоянке автомашин. Приехав на базу, он опустил на окнах жалюзи и достал из холодильника несколько банок с пивом. Затем включил телевизор, уселся в кресло и стал пить, поглядывая на экран сквозь полуопущенные веки.

Ему было уютно и хорошо. Даже бесконечные рекламные ролики не раздражали его сегодня. Он с удовольствием посмотрел спортивное обозрение — свою любимую передачу школьных лет, когда еще находил время играть в баскетбол. Затем терпеливо переждал «мыльную оперу», как всегда идиотскую, со вставным, как зубные протезы, хохотом, от которого его всегда тошнило. Сегодня же все смотрелось нормально, он даже пару раз улыбнулся. Потом домохозяек, их тупых мужей, незадачливых любовников и дебильных толстяков сменили не менее дебильные ковбои. Стоя на широко расставленных ногах посреди фанерных городов «а-ля Дикий Запад», они десятками уничтожали таких же фанерных злодеев, демонстрируя чудеса ловкости. Вестерн сменил красочный фантастический боевик. Суперзвезды бороздили просторы Вселенной, уничтожая все на своем пути. Их экипажи состояли из тех же ковбоев, но уже с мечами вместо кольтов. Жуткие на вид инопланетяне говорили на чистом английском языке и после церемонного приветствия также вытаскивали мечи, только более экзотической формы. Рубка во время контакта была, как правило, страшная, но наши всегда побеждали. Остальную часть фильма герои спасали красавицу принцессу, норовившую попасть в плен к злодеям-монстрам, а также чинили свой гипердвигатель отверткой и плоскогубцами.

«Дурацкий, убогий мир, — думал Файрли, потягивая тепкое пиво, — но это *мой* мир. Я принадлежу ему, и мне здесь неплохо живется. Что мне делать на Альтаире? Пусть ванриане действительно были нашими далекими предками, мне-то что до этого? Я и о своих-то прадедах ни черта не знаю — и ничего, особенно не расстраиваюсь. Нет, решено, остаюсь, ни в колумбы, ни тем более в конкистадоры я не гожусь...»

Ему сразу стало легче, хотя, быть может, дело было в темном пиве, от которого в голове слегка зашумело.

Звездную бредятину сменил выпуск новостей. Энергичные, с иголки одетые ведущие поведали об очередной «миротворческой миссии», в результате которой перебили массу народа, но справедливость была восстановлена. На экране за-

гремели взрывы, и Файрли отправился на кухню за новой порцией пива.

Время шло к полудню, жара еще больше усилилась. Кондиционер работал во всю мощь, но это уже не спасало. Телевизор вколачивал в размягченные мозги зрителей, что, мол, в кратере Гассенди находится самая обыкновенная исследовательская база, и коварным русским не удастся...

Файрли заставил себя встать и выключить телевизор.

«Мне нужно выспаться, — вяло подумал он. — В последние месяцы я здорово потрудился, теперь можно и отдохнуть всласть. Свое дело я сделал, а на остальное мне плевать. В конце концов, Де Витт и без переводчика сможет объяснить ван-рианам, что им нужно поднять руки и встать лицом к стене. Он все-таки полковник, человек в таких делах опытный. Пусть Кристенсен один держит его за руки, если, конечно, сможет. Я ему все равно не помощник, силы не те...»

Файрли лег на кровать и, закрыв глаза, попытался уснуть. Но было слишком жарко, и удалось лишь слегка задремать. Его посетило кошмарное видение: на экране телевизора появилась очаровательная ведущая и, сладко улыбнувшись, сообщила, что на Альтаир отправилась звездная миссия мира для установления контакта с инопланетянами. Потом на экране загремели взрывы, и Файрли очнулся.

Поднявшись, он стал расхаживать взад-вперед по небольшой комнате. Плотно закрытые окна с опущенными жалюзи, по детской привычке закрытая на внутренний замок дверь... И в качестве шума свежего ветра — гул кондиционера.

«Это было в моей жизни, и это будет всегда. До конца времен. А все потому, что я не ковбой. Я стар и мудр, как морская черепаха. Что мне до прекрасной звездной певицы, от которой не осталось даже праха? И гипердвигатель я не могу починить одной отверткой, и рожу Де Витту набить не решусь, хотя иногда очень хочется. И даже моя научная любознательность как-то в последнее время притупилась, словно я надорвался на языке пришельцев...»

Файрли оглядел свою комнату-скорлупу и вспомнил обидные насмешливые слова Кристенсиена: «маленький книжный червячок».

«Крепко же я ухватился за перья жар-птицы! А птица-то взлетает в облака, и уже поздно прыгать вниз. Поздно!»

Файрли вдруг издал боевой индейский клич и, широко расставив ноги, схватил со стола недопитую банку с пивом, словно кольт выхватил из-за пояса.

— Черт побери, я все-таки полечу! Во славу науки и Де Витта, чтоб ему провалиться! Трепещи, Альтаир, «червячок» летит в космос!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Альтаир сиял в бархатной пустоте словно золотистый бриллиант, сверкающий тысячами невидимых граней. Файрли заворуженно смотрел на него, стоя на обзорной палубе около большого экрана.

Космолет мчался по направлению к звезде, которая уже стала для него солнцем. Вскоре на экране появился Рин, его третья планета. Сначала эта была лишь крошечная голубая искорка, но она быстро превратилась в шарик, затем в сферу, росла, наливаясь белым цветом облаков и коричнево-зелеными пятнами материков, очертания которых прояснялись с каждой минутой.

«Рин, мир моих предков, — подумал с волнением Файрли. — Твои блудные сыны возвращаются после трехсотвекового отсутствия. Чем-то ты их встретишь?..»

Через час планета заполнила весь экран, и надоевшая за полгода чернота космоса исчезла.

— Мы все-таки сделали это, — тихо сказал Кристенсен, слабо улыбнувшись.

Он сидел в кресле-каталке и непрерывно смотрел на Рин, которого так боялся и вместе с тем так жаждал.

Шесть месяцев пути, из которых более половины прошли в гиперпространстве, неузнаваемо изменили Кристенсена. Тройная перегрузка сделала свое дело: могучий матерый мужчина превратился в худого, изможденного старика с трясущимися руками и сгорбленной спиной. Ноги уже плохо слушались его, и поэтому Кристенсен большую часть времени проводил, сидя в кресле. Но сидел он в командной рубке, поскольку был и оставался командиром корабля и начальником экспедиции.

Файрли вспомнил, как после завершения испытаний звездолета в Морроу прошло очередное техническое совещание, на котором присутствовал госсекретарь Ранделл. Де Витт деловито сообщил результаты тестовых испытаний и закончил словами:

— ...таким образом, я не вижу оснований откладывать полет к Альтаиру.

— Согласен, — улыбнулся Ранделл. — Сегодня же вечером я обсужу этот вопрос с президентом.

Де Витт просиял:

— Тогда, как инициатор «звездного проекта», я предлагаю назначить главой экспедиции...

— Да, я понимаю вас, — кивнул Ранделл. — Вы хотите, конечно, предложить кандидатуру всеми уважаемого господина Кристенсена. Должен вам сказать, что этот вопрос уже решен положительно.

Лицо Де Витта вспыхнуло от ярости. Сжав кулаки, он шагнул к Ранделлу:

— Я протестую! Эта идея принадлежала мне с самого начала! Каждый день я боролся с Кристенсеном, который открыто ставил нам палки в колеса, саботировал проект, сеял слухи о ненужности полета к Альтаиру, а теперь... Это несправедливо, это нелепо!

— Я не собираюсь обсуждать этот вопрос с вами, — холодно отрезал Ранделл. — Решение принял Белый дом.

— Вы неплохо поинтриговали за моей спиной, пока я строил звездолет! — бушевал Де Витт.

— Гленн, успокойтесь, — мягко сказал Ранделл. — Никто не собирается отрицать ваши заслуги, но вы должны понимать и всю сложность политической ситуации! Русские так и трещат на весь мир, что мы создали на Ассенди военную базу. Мы, естественно, отрицаем это. Но представьте, какой поднимется шум, если со временем выяснится, что мы не только тайно построили звездолет и послали его к Альтаиру, но и поставили во главе экспедиции полковника ВВС, пусть и в отставке. Да нас тогда все, кому не лень, будут обвинять в милитаризме! Нет, Де Витт, на это мы пойти не можем. Вам предлагается пост заместителя Кристенсена.

— Я понял, вы там в Белом доме все просто трусили, — зло процедил Де Витт, не сводя колючих глаз с Кристенсена. — Я предлагаю вам ключ к Галактике, к невиданному процветанию нашей державы... А вы отказываетесь от него из-за своих грязных и мелочных политических расчетов! Но ничего... Крис, не радуйтесь раньше времени. Не знаю уж, как медики допустили вас к полету, но поверьте моему слову — вы умрете, не долетев до Альтаира. Вы уже насквозь прогнили, несмотря на бравую внешность.

— Посмотрим, — хладнокровно ответил Кристенсен.

...И вот теперь на подлокотниках лежали дрожащие руки Кристенсена, обтянутые полупрозрачной кожей, под которой резко выделялись набухшие вены. Руки глубокого старика...

— Да, Боб, мы все-таки сделали это, — повторил он. — Надеюсь, хоть теперь прекратятся ночные кошмары, которые мучили всех в гиперпространстве. Я так устал от них...

Файрли кивнул. Три месяца они пробыли в наглухо закрытом мешке — без звезд, без космической пыли и даже без пустоты. Их окружало *ничто*, в котором абсолютно ничего не

происходило, не чувствовалось даже малейших признаков движения корабля.

Поначалу филолог изнывал от скуки. Книги вызывали у него отвращение, а помочь техническому составу, состоящему из пятнадцати опытных космонавтов, он просто не мог. Остальные члены экспедиции, в которую, кроме начальника и его заместителя, также входили Рааб, Томасон, Винстед, а также геолог Хэджулин и врач Райхер, были заняты делом и желания поболтать не проявляли. Файрли не оставалось ничего другого, как выполнить свое заветное желание еще со студенческих лет, а именно — выспаться всласть.

И тогда его стали посещать сны. Он видел галактические просторы, освещенные гирляндами знакомых созвездий, армады звездолетов, вспышки атомных взрывов... Файрли находился на огневой палубе одного из ванрианских крейсеров и управлял огромной лучевой пушкой. Навстречу им мчался корабль противника. С расстояния около миллиона миль он начал стрелять...

Подобные же сны, больше похожие на галлюцинации, мучили и остальных членов экипажа. Райхер объяснял это просто — мол, люди насыщены о войне между двумя супер-расами, и по приближению к Альтаиру нервы начинают играть с ними злую шутку.

Это звучало правдоподобно, но иногда ночью Файрли казалось, что кто-то тихо входит в его мозг и бесцеремонно хозяйничает там, перелистывая день за днем всю его жизнь.

— Я тоже устал от этих кошмаров, — признался он, с сочувствием глядя на Кристенсена. — Однако сейчас, в обычном пространстве, все вошло в норму... О, корабль начинает торможение!

Действительно, палуба под ногами слегка задрожала, навалилась перегрузка.

Лицо старика сразу же осунулось.

— Я знаю, что посадка ожидается не такой жестокой, как взлет... но, может быть, вам лучше вернуться в каюту? — тихо спросил Файрли.

— Нет, — ответил хрипло старик, не отрывая глаз от Рина.

— Позвольте мне хотя бы позвать доктора Райхера? Он говорил, что ваше сердце...

— Нет, хватит уколов, — упрямо пробурчал командир корабля. — Хочу видеть все своими глазами. Второй раз это может мне не удасться...

Планета стремительно приближалась. Теперь на экране можно было разглядеть детали ее рельефа. Океаны занимали большую часть поверхности, а суша была морщинистой, как

высохшая кожа, с многочисленными горными хребтами, похожими на затупившиеся зубы, с обширными пустынями и редкими зелеными пятнами лесов.

Надсадно загудели двигатели, и Файрли уселся в одно из кресел, ощущая мягкую тяжесть нарастающей перегрузки. Дышать стало труднее, но это было лишь цветочками по сравнению с адским стартом, от которого у него осталось довольно смутное, но очень неприятное впечатление.

Внизу проплыл океан, сверкающий в лучах невидимого солнца. Вскоре корабль оказался на ночной стороне. Он уже перешел на орбитальную траекторию, и потому в углу экрана вновь появилось звездное небо. Его быстро пересекли две луны, окрасив верхние слои облаков в пурпурные тона. Внизу смутно виднелись обширные лесные массивы и горные цепи с вершинами, украшенными снежными шапками.

Через несколько минут корабль вновь вышел на солнечную сторону и стал быстро снижаться. Облака поредели: теперь вполне можно было разглядеть города, сети дорог, аэродромы, морские порты...

Но ничего этого не было.

Те же степи, пустыни, невысокие старые горы, редкие зеленые пятна лесов и рощ. И никаких признаков человеческого присутствия. Не было даже развалин древних городов.

Файрли изумленно взглянул на Кристенсена и увидел в его глазах свет надежды.

Потом вновь настала ночь. Две луны бросали на поверхность планеты кровавые отблески, делая ее еще более безжизненной. «А может, это на самом деле к лучшему? — внезапно подумал Файрли. — Тогда удастся забыть все страхи, отбросить все проблемы. Де Витт вернется с пустыми руками, без сверхоружия, и Земля не превратится в такой же вымерший, безжизненный мир!»

И все же Файрли чувствовал, что очень хочет найти здесь людей. Нет, ему не нужен был оркестр, толпы народа, приветственно размахивающие руками, и лозунги типа «Привет братьям по разуму из Солнечной системы!». Нет, хотелось просто увидеть человеческое лицо, заглянуть в глаза своего собрата, пожать чью-нибудь крепкую руку.

«А ведь Де Витт тоже сейчас смотрит, не отрываясь, на Рин, — подумал Файрли. — И наверняка проклиная небо. Все его амбициозные надежды утонули в толстом слое трехсотвековой пыли. И слава богу».

Внизу проплывала огромная долина — темная, суровая, лишь изредка искрящаяся зеркалами озер, отражавшими свет лун. Внезапно Кристенсен издал сдавленный крик, и тут же

Файрли увидел впереди яркую точку света... Нет, точки света. Они быстро промелькнули, но осталось ощущение, что это были огни большого города.

— Вы видели? — тихим сдавленным голосом спросил Кристенсен.

— Да.

— Это город?..

— Не знаю... — Файрли хотелось как-то успокоить старика, и он добавил: — Скорее всего нет. Больше похоже на извержение вулкана или на отблеск лунного света на горных ледниках.

Но Кристенсен только покачал головой. Вид у него был очень озабоченный.

— Де Витт теперь не успокоится, пока не исследует это место. Хотя вряд ли его так просто найти...

Корабль в очередной раз пересек линию терминатора и помчался навстречу солнцу.

Внезапно на равнине появился огромный черный шрам шириной в несколько километров, а невдалеке — развалины титанического города. Рядом простиралась гряда холмов, за которыми вдаль уходил обширный лесной массив.

Здесь они и приземлились.

Несколько часов прошло в томительном ожидании, пока делали все необходимые пробы воздуха. Было очевидно, что ванриане не зря выбрали для колонизации Землю — вероятно, она напоминала Рин по многим физическим параметрам, в частности по составу атмосферы. Но минули тысячелетия, многое могло измениться. То же касалось и микрофлоры. На всякий случай экспедиция была снабжена полными комплектами тяжелых и легких скафандров, а также дыхательными масками, но все надеялись, что удастся обойтись без них.

Экипаж собрался на обзорной палубе, люди молча смотрели на простиравшийся до горизонта пейзаж. Был полдень, золотистое солнце ослепительно сияло в небе цвета красной меди, по которому плыли редкие розовые облака. Ветер гнал волны по бурой траве; они докатывались до сверкающей, словно черное стекло, поверхности «шрама», опаленного адским огнем, и гасли.

«Очень похоже на полдень где-нибудь в Канзасе», — подумал Файрли. Но все было немного иным. Степь напоминала густые вьющиеся волосы бурого и темно-зеленого цвета. Редкие кустарники имели непривычную форму перевернутого конуса с толстым основанием ствола и тончайшей вязью густой кроны. Изредка в небе проплывали белые птицы с

пышными радужными плюмажами. Нет, это не Канзас и не Земля.

Кристенсен посмотрел на членов экипажа сияющими глазами:

— Поздравляю вас, господа, с посадкой на Рин. Этот день войдет в историю человечества. Во время подготовки к экспедиции мы тщательно проработали план действий, и теперь...

— ...и теперь надо его менять, — неожиданно прервал его Де Витт. Он подошел к сидящему в кресле-каталке Кристенсену, засунув руки в карманы и недобро улыбаясь.

— Менять? Это еще почему?

— Да хотя бы потому, что вы не в состоянии выполнять обязанности руководителя экспедиции. Надо быть честным, Крис, в этот ответственный момент и забыть о личных амбициях. Мы же все видим, как плохо вы себя чувствуете. У вас сердце ни к черту, и Райхер подтвердит, что вам не по силам большие психологические и тем более физические нагрузки. Я считаю, что настала пора выбрать нового главу экспедиции.

— Чепуха! — Кристенсен вскочил на ноги и сложил руки на груди, показывая, что он не так слаб, как казалось со стороны. — Я плохо перенес полет, это верно, но теперь мы твердо стоим на земле, и я в том числе. Я быстро сумею восстановить прежнюю форму, можете не сомневаться.

Де Витт смерил его презрительным взглядом и вдруг усмехнулся.

— Ладно, я подожду. Кстати, вы видели огни на равнине?

— Да. Но они не обязательно имели искусственное происхождение.

— Ах, вот как? Ну конечно, это был вулкан или огни святого Витта. По крайней мере, вам так удобнее, Крис! Если бы планета оказалась пустынной, как Сахара, то вы смогли бы со спокойной совестью забраться в свою постель и проспать там до самого взлета. Увы, мы нашли следы жизни.

— Жизни? Вы считаете это следом жизни? А по-моему, здесь кто-то славно прошелся огнем, а может быть, и мечом.

Де Витт спокойно взглянул на черную оплавленную реку, за которой вдаль виднелись груды развалин, и пожал плечами.

— Возможно, такое же оружие разрушило и Гассенди, — сказал он. — Я встречал там подобные оплавленные пятна. Надо провести подробный анализ образцов, и тогда все станет ясно.

— При чем здесь образцы? — воскликнул Кристенсен. — Здесь некогда был город... или космопорт. И все это превра-

тилось в гигантский незаживающий шрам. Прошло столько веков, а там не растет ни единой травинки. Вас это не пугает, Гленн?

— Да, пугает, когда я представляю такое сверхоружие в чужих руках. Потому-то я и хочу найти его первым, — жестко ответил Де Витт. — Вы мечтатель, Крис. Думаете, если вы — пацифист, то и войны на Земле больше не будет? Будет! И выиграет тот, кто нанесет первый и самый сильный удар.

— Да, в этом есть здравый смысл, — согласился Кристенсен. — Наверное, такие же здравомыслящие люди некогда превратили цветущий Рин в то, что мы видим. Ладно, не будем об этом... Главное сейчас — город. Сверху он похож на древние развалины, но, быть может, его все же населяют люди. Надо найти их и вступить с ними в контакт. Если же здесь пусто, то мы поищем эти ваши огоньки святого Витта.

Он обвел взглядом притихших членов экспедиции и тихо добавил:

— Господа, скоро нам предстоит встреча с неведомым. Не забывайте, что вы можете встретить не просто туземцев, нет, это будут хозяева планеты, на которой мы являемся всего лишь пришельцами. Мы преодолели пол-Галактики вовсе не для того, чтобы затеять новую войну. Тем более что этому, — он с мрачной улыбкой кивнул в сторону черного «шрама», — нам все равно нечего противопоставить.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Вскоре тестовые испытания были завершены. Они не принесли неприятных сюрпризов. Состав атмосферы, давление, температура, сила тяжести и радиационный фон несколько отличались от земных, но были вполне терпимы. Микрофлора воздуха также выглядела вполне безобидной, и тем не менее Райхер на всякий случай сделал всем инъекции биоблокады. Теперь можно было забыть о скафандрах и без опасений открывать люки.

Кристенсен первым спустился по пандусу и шагнул на выжженную двигателями почву. Постояв немного, он пошел к волнующемуся морю бурой травы. Вслед за ним наружу вышли и остальные члены экспедиции, шурясь от ослепительных лучей Альтаира.

Да, планета выглядела очень похожей на Землю и все же была совершенно чужой. И прежде всего поражала красно-

желтая окраска неба, словно отлитого из меди. Солнце на этом фоне выглядело почти белым и настолько ярким и горячим, что на него невозможно было смотреть даже сквозь защитные очки. Воздух был густым, насыщенным тяжелыми и непривычно терпкими запахами, от которых кружилась голова. Трава напоминала тонкие пружинки с едва заметными зазубринками. То там, то здесь трава колыхалась, и было ясно, что причина тому не притихший ветер, а какие-то мелкие животные. Одно из них выскользнуло на круг выжженной земли — грозная на вид ящерица, чей спинной панцирь делал ее похожей на доисторического стегозавра, только размером в ладонь. Заметив людей, она замерла и с минуту таращила на них свои изумрудные фасетчатые глазки, а затем юркнула под ближайший конический куст и исчезла в его густой кроне.

Молодой геолог по имени Хэджулин решительно шагнул в густую траву, но Кристенсен остановил его.

— Не теряйте головы, Том. Эти ящерицы могут быть опасны, — сказал он, улыбаясь. — Все, хватит на первый раз. Надо приниматься за работу, готовиться к завтрашней вылазке в город.

Весь день и большую часть ночи звездолет гудел, словно огромный муравейник. Из грузового отсека на землю были спущены полуразобранные вертолеты и вездеходы. Под светом прожекторов техники приступили к их сборке, а остальные члены экипажа помогали им в качестве чернорабочих. Часа в три ночи все отправились спать.

На рассвете все было готово для первого похода. Винстед, проснувшийся раньше всех, вышел из лаборатории с обнадеживающей новостью: вода вполне пригодна для питья. Кристенсен отдал несколько распоряжений — в частности, он хотел, чтобы вертолеты, не позже чем к вечеру, были окончательно собраны и подготовлены для воздушной разведки. Затем он решительно зашагал к вездеходу, не обращая внимания на робкие протесты Райхера. Вместе с ним в машину уселись Де Витт, Файрли, Рааб, Томасон, а также водитель по имени Грэхем и долговязый техник Смит.

Вездеход плавно развернулся и не спеша поехал в сторону города. Вскоре гусеницы загрохотали по черной оплавленной поверхности «шрама». Покрывавшая его стеклянистая масса была испещрена бесчисленными крошечными выемками, похожими на следы лопнувших пузырьков. По-видимому, когда-то здесь под действием адского огня плавилось все — и камень, и металл. А может, факелами сгорали и люди, и теперь их прах был навечно вплавлен в черную надгробную плиту длиной в десятки километров...

Файрли с грустью смотрел на сверкавшую под лучами Альтаира черную реку, но голос Де Витта быстро развеял его меланхолическое настроение.

— Крис, я посмотрел вчера вечером пленки, снятые обзорными кинокамерами, и нашел те самые «огоньки святого Витта», которые так вас расстроили, — сказал он насмешливо. — Ручаюсь, что это город, но не развалины вроде этого, а живой огромный город с сотнями зданий. Считайте, что координаты его у нас в кармане. Если мы не найдем здесь ничего, кроме оплавленных бульжников, то немедленно надо будет лететь на запад.

Томасон проворчал:

— Ты слишком большой оптимист, Гленн. Сомневаюсь, что на этой дряхлой планете есть хоть одна живая душа. Посмотри, здесь же камня на камне не осталось!

Рааб перебил его:

— Вы взгляните лучше на этот черный «ледник»! Ручаюсь, мы проехали по крайней мере над тремя крупными металлическими объектами, расплавленными в блины метров этак по триста в диаметре. Вполне возможно, что это остатки космолетов. О, еще один!

— Да, возможно, тут некогда был космопорт, — согласился Кристенсен. — Если ллорны действительно решили лишить жителей Рина звезд, то вполне логично, что главные удары они нанесли именно по космопортам. Вспомните, с воздуха город выглядел так, будто бомбардировка его не коснулась. Но каков город, а? Тысячи квадратных километров, такого колосса на Земле нет. Мне кажется, его погубило не оружие ллорнов, а куда более могучая вещь — время. Впрочем, не будем спешить с выводами.

Через минут пятнадцать они проехали «черную реку», затем пересекли километровой ширины полосу земли, заросшую очень высокой, в рост человека, травой и только тогда выехали к развалинам. При виде их у всех вытянулись лица. Это трудно было назвать даже развалинами — впереди до самого горизонта громоздились холмы камней, обтесанных дождями и ветрами настолько, что невозможно было угадать их первоначальную форму. Тем более трудно было понять, какие здания составляли в далеком прошлом этот мегаполис — то ли пирамиды или вообще что угодно. Кристенсен оказался прав — здесь поработал гигантский ластик времени, и от четкого чертежа сохранились лишь неясные вмятины на полуистлевшей бумаге.

— Черт, да тут ничего не осталось! — с досадой воскликнул Файрли.

— Не может быть... — хриплым голосом возразил побледневший Де Витт. — В городе наверняка сохранились подземные хранилища. Ванриане знали о возможной бомбардировке и должны были к ней подготовиться...

Файрли пожал плечами. Он хотел сказать, что на поиски бомбоубежищ понадобятся годы, которых у них нет, но промолчал. Глазами, полными боли и досады, он обвел панораму древнего города — груды растрескавшихся камней... бурая колючая трава... редкие стелющиеся кусты... Даже «ящерицы» избегали этих жутких развалин.

«Неужто здесь когда-то кипела жизнь? — грустно подумал филолог. — Может быть, моя «звездная певица» жила вон в том доме, от которого осталась лишь пирамида мелких как гравий обломков? А тут, под гусеницами вездехода, некогда находился тенистый парк, куда она любила ходить с детьми... Почему время так безжалостно, почему оно разрушает даже кладбища? Людям не пристало умирать второй раз, уже после смерти, от них должно хоть что-то оставаться, хоть что-то...»

Кристенсен также выглядел обеспокоенным, но по другому поводу. Обернувшись, он хмуро посмотрел на космолет, одиноко стоявший посреди степи, и пробормотал:

— До чего же наш корабль выглядит незащищенным... Торчит как перст на открытой местности.

Де Витт усмехнулся.

— Нечего нас пугать призраками ванриан, Крис. Время сделало свое дело, от них не осталось даже праха... по крайней мере здесь. Я очень надеюсь, что мы все же найдем их в других местах.

— Да, но если у них сохранилось оружие... — поежился Томасон.

— То тем лучше для нас! — сказал Де Витт. — Мы сумеем подружиться с этим вымирающим народцем, влить в остывающие жилы свежую кровь. И сами, конечно, кое-чем поживимся. Ладно, давайте пройдемся. Далеко не уходите, здесь может быть опасно. Смит, Грэхем, возьмите-ка ружья на всякий случай.

Все вышли из вездехода и не без робости ступили на улицы древнего мегаполиса.

— Файрли, будьте особо внимательны, — тихо сказал Де Витт. — Здесь должны быть следы письменности... какие-нибудь таблички, слова, высеченные на камнях... Что-нибудь неминуемо осталось!

Щурясь от ослепительного света Альтаира, земляне пошли в глубь развалин, с опаской поглядывая на огромные

груды камней — казалось, они могли рухнуть даже от звука шагов. Бурая трава шелестела под ногами, издавая терпкий неприятный запах. В небе появились редкие облака. Изредка они набегали на солнце, и тогда сразу же мгла опускалась на город, начинал дуть холодный резкий ветер, и людям становилось совсем неуютно на этом бесконечном кладбище. Файрли вспомнил свои поездки в археологические экспедиции. Ему приходилось принимать участие в раскопках нескольких древних городов в Центральной Азии, но нигде он не чувствовал себя так одиноко и потерянно, как здесь.

Даже молодой, всегда неунывающий Смит выглядел подавленным. Он шел рядом с Файрли и старался смотреть только под ноги.

— Я представлял себе все совсем иначе, Боб, — тихо произнес он. — Как в фильмах-боевиках: схватки с аборигенами, прекрасные женщины, веселые пирушки... Да по сравнению с этим городом **самый** жуткий земной склеп покажется развеселым дансингом. Похоже, что здесь похоронена вся цивилизация ванриан...

— Так оно и есть, Том, — сказал Файрли.

Он не пропускал ни одного подозрительного камня, ни одного бугорка на почве, под которым могли бы скрываться создания рук ванриан, но везде было пусто. Следы цивилизации даже не пахло, развалины были стерильно чистыми, словно остатки гигантского камнепада. Да, база в Гассенди наверняка была уничтожена куда раньше, чем умер этот город, но Луна сохранила многое. На ней не бывает ни ветров, ни дождей, кислород не окисляет металлы, пожары не съедают библиотеки.

Здесь же все обглодало хищное, не знающее жалости время.

Люди молча обошли несколько «кварталов» и не обнаружили ничего заслуживающего внимания. Файрли приблизился к мрачному Де Витту и сказал:

— Гленн, уже ясно, это пустой номер. Мы можем бродить так годами и не найти даже пуговицы. А если сунемся к развалинам, нас мигом накроет камнепад — здесь все держится на одном честном слове. Надо действительно покопаться где-то в земле...

Де Витт поджал губы.

— Не паникуйте, Боб, мы совершаем лишь легкую прогулку. Скоро вертолеты будут готовы для тщательной аэро-разведки. С воздуха все выглядит совершенно иначе; быть может, они найдут остатки административных зданий. А там вполне могли сохраниться какие-нибудь сейфы, архивы, под-

земные хранилища. Наверняка сохранились! Надо только набраться терпения и поискать как следует. И мы их найдем.

— Верно, Гленн, но нам очень понадобится удача, — сказал подошедший Кристенсен. Вид у него вновь стал неважным: лицо посерело, грудь тяжело вздымалась, словно ему не хватало воздуха. Не выдержав, он уселся на округлый валун и с силой потер лицо руками.

— Вам надо вернуться к вездеходу, — с сочувствием сказал Файрли. — Хотите, я вас провожу?

Кристенсен натужно улынулся.

— Ничего, Боб, это так, минутная слабость. Помогите-ка мне встать...

Файрли протянул ему руку и поразился, насколько вялой была ледяная рука главы экспедиции. Только сила духа не позволяла Кристенсену отступить.

— Не кажется ли вам странным, что вражеская бомбардировка не коснулась города? — словно ни в чем не бывало говорил он. — Ллорны, возможно, не были лишены гуманизма. Они уничтожили космопорт, и только его. А ванриане... ванриане ушли отсюда сами и увезли все сколько-нибудь ценное.

— Согласен, — кивнул Де Витт. — Кстати, из слов Калбера нечто подобное и следовало. Он говорил о гибели ванрианской цивилизации, но вовсе не о гибели ванриан.

— Что он мог знать о будущем? — покачал головой Кристенсен. — Ладно, пора возвращаться. С голыми руками мы здесь ничего не найдем, это ясно.

Никто не стал возражать, даже Де Витт — город уже изрядно действовал всем на нервы. Усевшись в вездеход, земляне молча поехали в сторону звездолета, размышляя каждый о своем. Только Де Витт и Томасон, сидевшие на переднем сиденье, о чем-то тихо разговаривали, наклонившись близко друг к другу.

— Похоже, этим закадычным приятелям больше всего понравился «шрам» на месте космодрома, — сказал Файрли, обращаясь к сидевшему рядом Кристенсену. — Гленн просто расцветает, когда глядит на это кладбище — словно в зеркало смотрится.

— Ничего, пусть поищут, — ответил Кристенсен, недобро усмехаясь. — Времени у нас не так много, а планета велика. Ванриане явно перенесли свою столицу куда-то в другое место. Не так-то просто будет ее найти...

— Почему?

— Хм... мы можем просто ее не заметить. Проехать рядом и не заметить.

— Города-невидимки?!

— Боб, вы неисправимый романтик. Попомните мое слово: мы увидим несколько хижин из местного тростника и даже не догадаемся, что это столица. Гленн мечтает о «звездной дубинке», и он ее там найдет. Только не атомную, а деревянную.

Файрли посмотрел в сторону равнины. Далеко на горизонте поднималась гряда округлых холмов, кое-где заросших густым лесом.

— Вы думаете, Крис, мы все-таки найдем людей?

— Не исключено.

— Они что-то не спешат вступать с нами в контакт.

— Может быть, просто не хотят.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Три дня и две ночи Де Витт упорно производил раскопки на окраине города, около особенно крупной груды камней, которая с высоты чем-то напоминала контуры небоскреба. Настала третья ночь, а результатами и не пахло.

Файрли сидел на валуне с кислым видом. Он устал до предела: устал рассматривать сотни бульжников, на которых кому-то привиделись какие-то буквы; устал от пронизывающего холодного ветра; устал от неукротимой энергии Де Витта. От угрюмой настойчивости Томасона он тоже устал. Рин же просто вызывал у него тошноту. Они увязли в чужом мире, как мухи в клею, и растратили большую часть энтузиазма первооткрывателей на дурацкую суету вокруг здоровенной ямы, которая с каждым часом становилась все глубже, а гряда земли рядом — все больше.

«Я просто брюзжу, словно старик, — подумал Файрли. — Все обстоит не так плохо. Мы обнаружили фундамент могучего здания и очистили от грунта большую его часть. Фундамент недурно сохранился для своих почтенных лет. Томасон громогласно восхищался стойким пенобетоном в стеклянистом водонепроницаемом покрытии. Ванриане строили на века... но срок в триста веков оказался чересчур велик даже для них».

Прожектора освещали место раскопки, создавая глубокие тени среди руин. Мини-экскаватор копошился рядом с солидным холмом земли, осторожно запуская вглубь свой ковш. Никаких следов подземного хранилища и в помине не было.

Де Витт расхаживал взад и вперед, заложив руки за спину. Вид у него был довольно бодрый.

— Ничего, — бормотал он, — попробуем копать где-нибудь в другом месте. Рано или поздно что-нибудь найдем.

— Почему вы так уверены в этом? — раздраженно спросил Файрли. — Знаете, Гленн, я пойду на корабль, что-то я замерз. Позовите меня, если найдете что-либо стоящее. И прошу не принимать любую трещину в камне за следы письменности.

Де Витт пожал плечами.

— Вас подвезти на вездеходе? — безразличным голосом предложил он.

— Ничего, дойду сам.

Файрли засунул руки в карманы утепленного плаща и не спеша побрел прочь. Далеко впереди стояла башня вездехода, переливающаяся сотнями огней, а над ней раскинулся темно-синий купол небес, густо усеянный незнакомыми созвездиями. Среди них невидимыми тенями проплывали редкие бледные облака.

Файрли нашел укатанную вездеходами дорогу среди километровой травянистой полосы и зашагал по упругой земле. «Мать-земля, — подумал он, — колыбель расы людей. Только где они, твои первенцы? Воздушная разведка не дала никаких результатов, окрестности были дикими и нетронутыми руками человека. Может быть, ванриане покинули эту планету и заселили другие миры? Или мы ищем самих себя, поскольку других людей в Галактике не осталось?»

Кристенсен уже спал. Файрли был разочарован этим. Ему хотелось потолковать с главой экспедиции — так, ни о чем особенном, просто чтобы рассеять гнетущее чувство одиночества. Ему было страшно даже подумать о том, что Крис мог вскоре умереть, а судя по мрачному виду Райхера, такое вполне вероятно. В глубине души Файрли считал Кристенсена едва ли не своим вторым отцом, хотя никогда бы не рискнул признаться в этом.

Бодрствовали только дежурные, каждый на своем посту. Файрли зашел в столовую и поел там в одиночестве и без всякого аппетита. Он вдруг вспомнил фантастический боевик с принцессами, ковбоями-меченосцами и злодеями-инопланетянами; вспомнил и усмехнулся. Потом побрел в свою каюту. За прошедшие сутки он здорово вымотался и заслужил отдых.

Сны на этот раз были мрачными и черно-белыми, и он был рад, когда очнулся. Оказалось, его разбудил Смит.

— Доктор Файрли, Де Витт хочет с вами срочно переговорить. Он просит немедленно прийти в радиорубку.

Файрли уставился на юношу мутными глазами.

— Что-то нашли?

— Думаю, да, — возбужденным голосом ответил Смит. — Быстрее же, Боб, что вы копаетесь!

Торопливо одевшись, Файрли почти бегом направился в рубку. Дрожащими руками он взял телефонную трубку и хрипло сказал:

— Файрли слушает.

В трубке что-то зашуршало так, что он не расслышал первые слова Де Витта:

— ...откуда-то. Один из наших парней услышал это и доложил мне. Я побежал туда и убедился, что он не ошибся. Но темнота, хоть глаз выколи. Файрли, вы мне нужны, немедленно приходите!

Файрли положил трубку. Его рука дрожала. Что-то они все-таки нашли... или кого-то. Неужто к ним в гости появились призраки?

Смит деликатно кашлянул.

— Доктор Файрли, можно я поеду с вами? — умоляюще спросил он. — Я умею управлять вездеходом, мы через пять минут будем на месте!

— Хорошо, — слабым голосом сказал Файрли. — Только тебе придется нести меня по лестнице на руках — что-то у меня ноги подгибаются...

Он повернулся к дежурному, следившему за ними выпученными глазами.

— Оставайтесь здесь и не отходите от рации. Нам может понадобиться в ближайшее время помощь всего экипажа.

— Слушаюсь, сэр... Но мне кажется, мы обязаны в первую очередь поставить в известность капитана.

— Не надо, пусть спит, — после некоторого раздумья решил Файрли. — Ведь ничего еще толком не ясно, зачем пороť горячку...

Он и сам толком не понял, почему так сказал. Может быть, потому, что боялся. Кристенсен прекрасный, душевный человек, но сейчас мог все испортить. Хотя не исключено, что это «все» — лишь крик какой-нибудь ночной птицы или шум упавшего камня.

«Скорее всего так оно и есть, — думал Файрли, энергично шагая по коридорам к выходу вместе со Смитом. — Де Витт и его люди слишком устали и перевозбуждены. У них могли появиться видения и слуховые галлюцинации. Любую тень при желании можно принять за фигуру затаившегося аборигена».

Смит завел вездеход, и они помчались в сторону города.

Ночь была очень темной, облака затянули небо, и лишь изредка в их разрывах появлялся кровавый глаз одной из лун. Дул сильный ветер, бросая в лица редкие крупные капли дождя. Гусеницы загрохотали по поверхности «шрама», и Файрли вдруг почувствовал себя очень неуютно. Ему захотелось вернуться назад. Только сейчас пришла в голову неожиданная мысль: а вдруг там, в городе, к месту раскопок пришли ллорны? Быть может, этим и объяснялась необычная пустынность этих мест? Патруль ллорнов мог заметить их звездолет с воздуха и сейчас, под покровом темноты, напасть на людей!

Файрли вспомнил о своих кошмарных сновидениях во время полета в гиперпространстве. Если Кристенсен прав, то именно ллорны пытались проникнуть в разум землян. Сейчас они могут сделать это куда проще, захватив пленников...

— Эй, доктор, приехали!

Файрли встрепенулся.

Впереди были видны лучи прожекторов, освещавших место раскопок. Все было так же, как и несколько часов назад, только экскаватор замер на месте с высоко поднятым ковшом. Люди столпились около округлой палатки и, негромко переговариваясь, смотрели во тьму. Среди них не было видно ни Де Витта, ни Томасона.

Файрли выскочил из вездехода и подошел к ним.

— Что случилось? — глухо спросил он.

Один из участников раскопок повернулся к нему.

— Вас ждут, доктор Файрли, — сказал он возбужденно, показывая рукой в темноту. — Где-то там, среди развалин.

— Что они слышали, Джек? — спросил Файрли, глядя в грубо скроенное лицо механика из двигательного отсека. В его глазах светился ужас.

— Голоса, мистер Файрли. Или что-то похожее на них. Как будто кто-то разговаривал и... вы не поверите... даже смеялся! Тогда Де Витт крикнул, и раздался шум — словно кто-то убежал. Но мы могли и ошибиться, уж очень силен был ветер...

Механик вытер лицо тыльной стороной ладони и затравленно огляделся, словно его окружала целая армия призраков.

Файрли коротко кивнул и, не оглядываясь, пошел во тьму. Все усиливающийся дождь заставил его надвинуть на голову капюшон плаща. Филолог трижды окликал Де Витта, прежде чем тот наконец отозвался. Вскоре его нагнал Смит с мощным фонарем, и тогда они увидели в свете белого луча фигуры двух людей, сидящих на округлом камне, словно вороны на надгробной плите.

— Какого дьявола вы столько копались, Боб? — нервно приветствовал его Де Витт, спрыгивая на землю. Он махнул рукой в сторону двух холмов камней, едва вырисовывавшихся во тьме. — Там кто-то есть, мы с Томасоном уверены. Позовите их, Файрли. Дайте понять туземцам, что мы их друзья.

— Гленн, вы хотите сделать из меня дурака, — запротестовал Файрли. — Это приблизительно то же самое, что обращаться к питекантропу по-латыни...

— Хватит читать мне лекции! — рявкнул Де Витт. — Дело надо делать, а не гадать. Идите, Файрли, мы вас прикроем сзади!

Файрли пожал плечами и пошел во тьму осторожными шажками. Чувствовал он себя так, словно входил в клетку со львом. Хриплым голосом он закричал:

— Эй, не убегайте! Мы ваши друзья, нам надо поговорить!

Шум ветра наполовину заглушил его робкий голос, и Де Витт тут же недовольно отозвался сзади:

— Дьявол, вы что, язык проглотили? Кричите громче, вас же так никто не услышит! И не стойте столбом, а идите к туземцам навстречу. Чего вы трусите?

— Да пошел ты... — Файрли сочно выругался, а затем засунул руки в карманы и решительно пошел вперед. Вскоре его нагнал Де Витт, а затем к ним присоединились Томасон и Смит с горящим фонарем.

Файрли орал во все горло:

— Мы ваши друзья! Давайте встретимся и мирно поговорим! Мы не причиним вам вреда!

— Подробнее, Боб, подробнее, — нервно сказал Де Витт, непрерывно оглядываясь по сторонам.

— Послушайте, мы ваши сородичи с планеты Земля! Когда-то давно ваши предки основали колонию на нашей планете и дали жизнь нашей расе. Теперь мы вернулись на свою родину Рин. Вы понимаете хотя бы одно мое слово?

В ответ доносился только шум ветра. Струйки дождя плясали по грудам камней. Между стелющихся кустов заструились ручьи. В сторону груды камней метнулось какое-то мелкое животное размером с крысу. И вдруг...

Шум шагов, быстрых и легких. Там, за кустами, рядом с развалинами крупного здания...

Чья-то тонкая фигура проскользнула, словно тень, и исчезла, будто растворившись в тумане.

Земляне, не выдержав, рванулись к этому месту, пытаясь нагнать призрак, но не увидели ничего.

Ничего!

Дождь стих. Тусклый багряный свет луны прорвался сквозь прореху в облаках.

— Попробуйте еще раз, — прошептал Де Витт и больно ткнул Файрли кулаком в спину. — Они где-то здесь!

— Эй, выслушайте нас! — закричал Файрли. — Нам надо поговорить с вами, это очень важно! Пожалуйста, покажитесь, мы пришли с миром!

Земляне замерли, прислушиваясь. Файрли инстинктивно почувствовал, что кто-то находится неподалеку — затаившийся, наблюдающий.

— Пожалуйста, отзовитесь! Мы одной крови, мы братья...

Он замолчал. Откуда-то из темноты послышались звуки, словно кто-то рассмеялся.

Забыв о своих страхах, Файрли побежал вперед.

— Где вы? Покажитесь!

Смех вновь повторился — легкий, серебристый, и ему вторил другой, более густой. Это явно были голоса двух людей. Файрли побежал к огромному холму из камней, казалось, сохранившему форму пирамидального здания, и пошел вокруг него, призывно крича.

В тусклом багряном свете что-то шевельнулось, стремительно перебежало к небольшой, в рост человека, груде камней и остановилось за ней, выжидая.

Файрли во всю прыть помчался вслед за аборигеном. Навстречу ему несся тихий смех, словно туземец играл с ним в прятки и вновь собирался исчезнуть. Но нет, ему не уйти. Сейчас, сейчас...

Файрли наткнулся на ползучий куст и упал, больно ударившись боком. Застонав, он попытался встать, но не смог. Рядом послышался шорох шагов — туземец, похоже, собирался скрыться.

— Не уходите! — в отчаянии захрипел Файрли. — Не уходите...

С трудом он поднялся на ноги, морщась от боли. И увидел рядом с собой тонкий силуэт. Тусклый свет луны лишь частично обрисовывал лицо стоявшего в нескольких шагах от него туземца, но Файрли оно показалось утонченным и прекрасным. Это было лицо девушки.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Не задумываясь, Файрли бросился вперед, намереваясь схватить девушку за руку, но она внезапно исчезла. С серебристым смехом легкая фигурка тенью заскользила среди развалин. Потеряв голову от ярости, Файрли огромными прыж-

ками понесся вслед за ней и все-таки успел в последний момент вцепиться в запястье аборигенке. Подбежавший чуть позже Смит осветил ее лицо фонарем.

Да, это была девушка... почти девочка, с матовым цветом округлого лица и приятными чертами, делавшими ее чем-то похожей на мадонн Боттичелли. Глаза были темно-синими, черные вьющиеся волосы блестели от капель дождя. Тонкие губы искривились в насмешливой улыбке.

— Мы поймали ее! — восторженно завопил Смит. — Поймали!..

Девушка недоуменно взглянула на него.

— Послушайте, — сказал Файрли, тщательно выговаривая ванрианские слова, — мы ваши друзья и не причиним вам вреда. Скажите, вы понимаете хотя бы одно мое слово?

Свет фонаря скользнул по фигуре девушки, и филолог увидел, что аборигенка одета в легкий серый плащ с большим капюшоном.

— Отпустите меня! — внезапно сказала девушка, сердито нахмурившись.

Файрли вздрогнул, словно от удара током, и остолбенел. Он понял ее слова, понял!.. Однако это невозможно! За прошедшие тысячелетия язык обитателей Рина должен был неузнаваемо измениться...

Хотя разве укладывается в голове, что жительница другой планеты очень похожа на земную женщину? Конечно, он ожидал этого, но...

Но одно дело предаваться абстракциям, сидя в Морроу, а другое — убедиться воочию, стоя в сырой темноте среди развалин древнего города, под светом чужой луны.

Подоспевший Де Витт остановился рядом, тяжело дыша.

— Отлично, Файрли, вы поймали все-таки этого туземца!.. Ого, самка!.. Смит, а ну-ка освети ее как следует. Дьявол, она действительно похожа на человека!

Не скрывая раздражения, Файрли сказал язвительно:

— Она не только похожа на человека, но и на самом деле человек, Гленн. Неужто для вас любой туземец похож на обезьяну — и там, на Земле, и здесь, на Альтаире? Учтите, я не собираюсь брать ее в плен, а только хочу поговорить с ней. Она меня поняла, понимаете, поняла!

— Вот видите, я же предвидел это, — наставительно произнес Де Витт, не отрывая глаз от нахмурившейся девушки. — Боб, спросите ее, много ли туземцев обитает в этих развалинах. Спросите, что она делает здесь ночью; быть может, ее послали шпионить за нами? И обязательно узнайте, много ли ванриан сейчас на планете, сколько у них крупных горо-

дов, остались ли у них звездолеты или хотя бы какие-нибудь машины... Почему вы молчите, Боб? Да спрашивайте же, спрашивайте!

Файрли перевел, тщательно подбирая слова. Он никак не мог прийти в себя, все происходящее казалось ему сном.

— Машины? — с удивлением переспросила девушка, не без труда выговорив это древнее ванрианское слово. — А-а... вспоминаю. Нет, у нас нет никаких машин.

— Что она сказала? — с нетерпением спросил Де Витт. Услышав перевод, он помрачнел. — Что-то она хитрит. Она явно ванрианка, говорит на языке этой расы... Так почему же девочка морочит нам головы насчет машин? Боб, спросите ее еще раз, может быть, она что-нибудь не так поняла.

Файрли кивнул, но сказал совсем другое:

— Послушайте, мы хотим стать вашими друзьями. Мы совершили долгий путь до Рина из другой звездной системы.

— Это ваш корабль недавно приземлился в степи?

— Так вы все-таки знаете про звездолеты? — с облегчением вздохнул Файрли. — Почему же вы тогда сказали, что у вас их нет?

Девушка слегка улыbnулась и покачала головой.

— У нас их нет, давно нет... Вот почему мы с Траяном так встревожились и пришли сюда.

— Кто такой Траян?

— Траян есть Траян. А я — Арэл.

— А меня зовут Боб, то есть Роберт.

Де Витт грубо встряхнул Файрли за плечо.

— Боб, это не любовное свидание! Я хочу знать, о чем вы так мило толкуете.

Файрли перевел их короткий диалог, и Де Витт фыркнул от возмущения.

— Боб, вы не узнали ровным счетом ничего. Нажимайте на нее, забрасывайте ее вопросами. Она обязательно проговорится...

Он замолчал, увидев подоспевшего Томасона. Тот сильно хромотал, видимо, ударившись о камни во время погони.

— Джон, мы поймали одну туземку, но здесь должен быть еще какой-то Траян, по-видимому, самец. Идите вместе со Смитом и тщательно осмотрите все вокруг. Он наверняка где-то рядом. Быстро!

Арэл взглянула на жестокое лицо Де Витта и с иронией спросила:

— Он что, тоже наш друг?

— Это Де Витт, единственный военный в нашем экипаже. Он не командир корабля, а лишь его заместитель. Де Витт не...

Файрли запнулся. Ему хотелось сказать, что Де Витт не причинит Арэл вреда, но не решился. Глядя на злое, возбужденное лицо Де Витта, он понял: экс-полковник сейчас способен на все. Даже на жестокие поступки.

Файрли повернулся к девушке и торопливо сказал:

— Арэл, если я отпущу вас сейчас, вы придете еще раз? С вашими друзьями?

Ее глаза сузились, и она прошептала:

— Да...

— Тогда идите!

Он отпустил запястье девушки, и та тотчас же упорхнула в темноту. Де Витт взревел от ярости и прыгнул вслед за ней, словно тигр, но промахнулся. Фонарь выпал из его рук и со звоном покатился по камням.

— Траян! — закричала Арэл серебристым голосом. — Бежим, они за нами охотятся!

Настала тишина, и только вдалеке был едва слышен топот удаляющихся ног.

— Файрли, я задушу тебя! — заорал Де Витт, шагнув к ученому с поднятыми кулаками. — Кретин, ты же сам отпустил ее!

— Да, я сделал это, — хладнокровно ответил Файрли, засовывая демонстративно руки в карманы плаща. — Я предупреждал вас, Гленн, я никого не собираюсь брать в плен. Кристенсен дал нам ясные инструкции, как поступать при встрече с туземцами.

— Кристенсен такой же идиот, как ты! — орал Де Витт, угрожающе потрясая кулаками. Казалось, он сейчас ударит Файрли, однако ему помешали две тени, вынырнувшие из темноты.

— Я видел самца, но мельком, — задыхаясь, прохрипел Томасон. — Он убежал вместе с самкой, я толком не понял куда. Ночью этих чертей не поймать! Что случилось, Гленн, почему она сбежала?

Де Витт не ответил. Его лицо было белым от ярости, но он уже контролировал бурлящие эмоции.

— Продолжайте раскопки, Джон. Я немедленно возвращаюсь на корабль.

Файрли сказал как ни в чем не бывало:

— Я с вами, Гленн.

Де Витт осклабился:

— Конечно, дружище! Вас опасно здесь оставлять, вы мастерски умеете все портить.

Смит со вздохом поднял фонарь, валявшийся на земле.

— А она симпатичная, — мечтательно произнес он.

Де Витт так взглянул на него, что техник мигом закрыл рот и изобразил на лице гримасу Великой Скорби.

— Хватит болтать, пошли, — сказал экс-полковник. — Смит, ступайте с фонарем вперед. — И, не выдержав, в сердцах выпалил: — Черт бы вас побрал, сопливых сосунков... Увидели смазливое личико и мигом потеряли головы!

Файрли хмыкнул и пошел вслед за полковником. Сев в вездеход, они направились к кораблю, думая каждый о своем. Файрли вспоминал прекрасную незнакомку. Что она подумала об этой встрече в ночи? Что расскажет своим соплеменникам и что те решат делать? Было бы удивительно, если бы девушка сдержала слово и вернулась.

Так или иначе, первый контакт произошел: с погонями, молодецким гиканьем, силовыми приемчиками, допросами и прочими прелестями, которых так опасался Кристенсен. Вряд ли ванриане будут обрадованы появлению таких «сородичей» с далеких звезд...

Снова начал накрапывать дождь, и когда вездеход, лихо развернувшись, остановился около пандуса, капли уже вовсю барабанили по металлической обшивке звездолета. Это так напомнило Файрли осенний день в деревне, что ему захотелось немедленно улететь отсюда и никогда больше не возвращаться.

Де Витт выскочил первым из вездехода и энергично зашагал к люку. Даже спина его выглядела угрожающе.

Кристенсен ожидал их в салоне — вместе с Раабом и Винстедом.

— Что случилось? — коротко спросил он, глядя пронзительными глазами на Де Витта.

Тот сразу стал словно на полголовы ниже и кивнул в сторону накупившегося Файрли.

— Спросите об этом славного рыцаря сэра Галахада. Мы поймали одного туземца, но он, на несчастье, оказался самкой... то есть девушкой со смазливой мордочкой. Туземка, как я и предсказывал, отлично поняла Файрли. Она не сказала и дюжины слов, причем все были явной ложью, а потом этот благородный рыцарь отпустил ее. Как полный и законченный идиот!

— Я не желаю следовать зубодробительным методам Де Витта! — горячо воскликнул Файрли, не обращая внимания на оскорбление. — Не верю, что силой и запугиванием можно установить доверительные отношения с аборигенами. Если бы этот чертов Де Витт вел себя менее агрессивно, то я мог бы спокойно поговорить с ней, убедить, что мы ее друзья. Но девушка отлично поняла, что ей угрожает.

— Бросьте, Файрли, все валить на меня, — резко возразил Де Витт. — Она была испугана только потому, что хотела что-то скрыть.

— Подождите, Гленн, — поморщился Кристенсен. — Файрли был прав, когда не стал удерживать ее силой, это все только бы испортило... — Он недовольно взглянул на Де Витта. — Но почему вы не дали мне немедленно знать об этом? Я начальник экспедиции, неужто вы это до сих пор не усвоили? Будь я на месте контакта, все могло пойти иначе...

Кристенсен с заметным трудом подавил свое раздражение и вновь обратился к Файрли:

— Расскажите мне, о чем вы говорили с туземкой. По возможности дословно.

Файрли пересказал их небольшой диалог и после паузы добавил:

— Она говорила, что ванриане ныне не имеют ни звездолетов, ни машин. Больше я ничего не мог выяснить, потому что Де Витт начал охоту за Траяном, другом девушки, и она испугалась. Мне ничего не оставалось, как дать им уйти, пока дело не кончилось дракой.

— Она лгала, все время лгала, — сквозь зубы процедил Де Витт, словно не слыша обвинения в свой адрес. — Девчонка отлично знает, что такое звездолет, она сама говорила об этом, имея в виду наш корабль. Ее народ вовсе не темные варвары, как она хотела представить. Я хорошенько пригляделся к этой девице: на дикарку никак не похожа, ручаясь, вполне цивилизованная женщина. Она была хорошо и чисто одета, да и манеры говорили об определенном воспитании.

— В отличие от вас, Гленн, — неожиданно буркнул Рааб.

Де Витт окинул физика ледяным взглядом и продолжил:

— У этих людей должны быть где-то города, и не исключено, что один из них расположен поблизости. Да, воздушная разведка это опровергает, но как знать, быть может, ванриане просто отлично умеют маскировать их? Туземцы могут многое поведать нам, в частности о своей истории. Разве не для этого была послана наша экспедиция? Неужто после такого далекого и трудного пути мы вернемся с пустыми руками только потому, что из деликатности не решимся задать аборигенам даже простейшие вопросы? Или просто *кто-то* боится, что они могут ответить?

Кристенсен хотел было возразить, но Де Витт уже разошелся и его невозможно было остановить.

— Мы встретили двух туземцев, и они явно пришли не издалека. У них не было ни наземной машины, ни летательного аппарата, иначе мы непременно заметили или услышали

бы их. Радары корабля также ничего не засекли, иначе дежурные давно подняли бы тревогу. Конечно, у туземцев могли быть ездовые животные, но я сомневаюсь в этом. Они ушли пешком, а это значит, что их дом неподалеку. Надо немедленно заняться его поиском.

— И что вы намереваетесь предпринять, когда найдете его? — ехидно спросил Винстед. — Предположим, они не захотят прийти к нам на корабль, да и вообще долго разговаривать с нами.

— Я думаю, мы сумеем их убедить, — мягко сказал Де Витт. — В любом случае, мы должны узнать, где находится ближайший город или поселок. Я очень постараюсь их расспросить как следует.

Кристенсен в сомнении покачал седой головой.

— Гленн, это не Азия, где вы славно умели развязывать языки вьетконговцам. Выжать из туземцев можно, конечно, многое, но будет ли это мудро с нашей стороны?

Де Витт зло усмехнулся.

— Что-то вы больно много тревожитесь о мудрости наших действий, Крис.

— А вы и вовсе о ней не заботитесь, — отрезал Кристенсен. — Ладно, хватит об этом. Сколько людей вам потребуется для поиска предполагаемого города? Половина экипажа, три четверти?

— Человек восемь-десять, не меньше. Нам нужен сильный отряд.

— Логично. Но корабль останется практически незащищенным. И если сюда вскоре прилетит второй корабль — вы знаете, чей, — то нам придется несладко.

— Мы не должны так рисковать! — воскликнул Винстед, заметно побледнев.

Рааб согласно кивнул.

— Верно, риск слишком велик.

— Риск! — презрительно воскликнул Де Витт. — Бросьте, нет здесь никакой опасности. Не хватало еще, чтобы из-за корабля русских мы отказались от наших планов.

Кристенсен улыбнулся, и эта улыбка не предвещала эксплозивнику ничего хорошего.

— Вот как? Выходит, нам нечего бояться, и никто не летит нам вслед, пытаясь во что бы то ни стало первым захватить оружие ванриан? Я с первого же дня нашего прибытия на Рин стал подозревать, что здесь что-то не то. Вы проявили полное равнодушие к мерам по обеспечению безопасности корабля — очень странно для бывшего военного. А теперь вам наплевать, сколько людей останется на его борту в течение

нескольких дней или даже недель. И все это очень просто объясняется, Гленн. Вы *знаете*, что больше никто на Рин не прилетит.

Де Витт попытался было возразить, но Кристенсен жестко его перебил:

— А весь секрет состоит в том, что русские не строят никакого звездолета. И даже не слышали ни о базе пришельцев, ни о самих ванрианах.

— Но мои записи! — воскликнул потрясенный Файрли. — Ведь кто-то же напал на меня и выкрал секретные материалы!

— Да, но сделали это не мифические русские шпионы, не оставляющие следов. Нет, это работа нашего общего друга Де Витта.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Файрли устался на Кристенсиена, чувствуя себя столь же ошеломленным, как и в ту ночь, когда свет внезапно погас и кто-то напал на него сзади. Затем он повернулся к Де Витту, но на его лице ничего нельзя было прочесть.

Винстед возбужденно воскликнул:

— Это правда? Черт побери, Гленн, почему вы молчите?

Де Витт хладнокровно пожал плечами.

— Это очень серьезное обвинение, Крис. У вас, конечно, есть доказательства моей вины?

Кристенсен покачал головой.

— Нет, никаких доказательств у меня нет. Я просто знаю, что это так.

Пухлые щеки Винстеда побледнели.

— Крис, такими словами не принято бросаться. Зачем Де Витту это понадобилось?

— Гленн, может быть, вы сами ответите на этот вопрос?

— Зачем же, Крис? Вы так интересно начали, вам и заканчивать. Только не забывайте о фактах, если они, конечно, у вас имеются.

— Хорошо, вот вам факты. Вы больше всех хотели, чтобы звездолет был построен и экспедиция к Альтаиру состоялась. А препятствовали вам те, кого вы называли саботажниками и трусами, и прежде всего я. Меня поддерживали в Белом доме. И тогда вы поняли, что слава спасителя Земли ускользает у вас из рук. Вы решили пойти ва-банк и ускорить собы-

тия. А это можно было сделать только одним-единственным путем: доказать всем, что коварные русские могут опередить Америку. Вы стали следить за Файрли и первым узнали, что тот получил серьезные результаты. С вашей подачи охрана за корпусом, где жил Файрли, была ослаблена, и ученым, якобы для ускорения работ, было разрешено держать сверхсекретные документы в своих личных сейфах. А потом вы перерезали кабель, напали на Боба и выкрали у него документы, отлично зная, что они вскоре могут быть восстановлены. Затем вы пустили службу безопасности по ложному следу, полетели в Вашингтон и устроили там истерику в духе «холодной войны». Вот тогда-то президент дрогнул и выделил миллиарды долларов на «звездный проект». Разве не так было, Гленн?

Рааб изучающе смотрел на Де Витта холодным взглядом.

— В этих рассуждениях есть своя логика, Гленн.

— Да... — пробормотал Файрли. — И как я раньше не сообразил?

Винстед вскочил и угрожающе шагнул к Де Витту:

— Вот что я скажу тебе, вояке без совести и чести...

— Говорите, говорите, — презрительно процедил Де Витт, с ненавистью глядя на Кристенсена. — Все это только пустые домыслы, а они с точки зрения суда и гроша ломаного не стоят. И потом все, что случилось в Морроу, сейчас не имеет ровно никакого значения. Мы уже на Рине, и нечего терять попусту драгоценное время. Пока мы препираемся, ван-риане сбежали...

— Не сбежали, а просто ушли, — сказал Кристенсен. — Они — хозяева этой планеты и не обязаны ничего говорить вам, Де Витт. Уберите от них свои грязные лапы, понятно? За то, что вы натворили на Земле, вам придется ответить, я в этом не сомневаюсь. Теперь мы знаем, на что вы способны. Но здесь, на чужой планете, где мы являемся лишь непрощенными гостями, вам не удастся...

Голос Кристенсена дрогнул, серая бледность разлилась по лицу. Он покачнулся, и Файрли едва успел поддержать его. Вместе с Винстедом они осторожно уложили начальника экспедиции на диван.

— Я позову Райхера! — крикнул Винстед и выбежал из салона.

Дыхание Кристенсена стало неровным, веки смежились. Файрли дрожащими руками расстегнул ему воротник. Вскоре Кристенсен приоткрыл глаза, но взгляд был мутным. Прибежал Райхер и начал колдовать над больным, попросив

Файрли и Винстеда не мешать и отойти подальше к двери. Де Витта в комнате уже не было.

— Плохо дело, — наконец выпрямился врач. — Инфаркт. Возьмите каталку, надо срочно перевезти его в медотсек.

Это была очень длинная и трудная ночь. Райхер сделал все, что мог, но сердце у Кристенсена было изношенным, и в любой момент могло произойти непоправимое.

Файрли, Винстед и Рааб дежурили у постели больного всю ночь по очереди, но тот так и не пришел в себя.

Де Витт появился в медотсеке только на рассвете и тут же ушел. Файрли показалось, что отставной военный торопился выполнять свой план действий, пока Кристенсен не может его остановить. Руководство экспедиции автоматически перешло к Де Витту.

Оставалось лишь одно — ждать. В восемь утра Файрли сменили, и он, пошатываясь от усталости, пошел спать. Около полудня Рааб разбудил его.

— Крис пришел в себя, — хмуро сообщил он. — И хочет срочно видеть вас, Боб. Учтите, он слаб, очень слаб...

Файрли вместе с Раабом поспешил к медотсеку. Их встретил усталый Райхер:

— Только недолго...

Врач удалился, и Файрли с Раабом подошли к койке. Кристенсен открыл глаза. Его взгляд был осмысленным, но голос звучал очень тихо:

— Райхер не сказал мне, когда я вновь поднимусь, но вряд ли это случится до завершения экспедиции. Руководство формально переходит к Де Витту, и это меня очень тревожит.

Он замолчал, тяжело дыша. Даже небольшое усилие утомило его.

— Я хотел бы, чтобы вы двое попытались заменить меня. Вы, Рааб, всегда славились как человек независимый. А вы, Боб... я знаю, мы о многом думаем одинаково.

— Да, но... — начал Файрли, однако Кристенсен жестом попросил его замолчать.

— Вы оба должны сделать все, что в ваших силах. Поступки Де Витта необходимо контролировать, особенно сейчас, когда мы нашли аборигенов. Я не могу, к сожалению, дать вам никаких полномочий... но вы должны попробовать. Среди членов экипажа немало нормальных, здравомыслящих людей, на них можно будет опереться в сложный момент. Если Де Витт найдет оружие ванриан...

Кристенсен вновь замолчал. Его лицо побелело, на лбу выступил пот.

— Де Витт опасный человек. Там, на Земле, он может...

Кристенсен закрыл глаза, не договорив. Райхер вошел в медотсек и кивнул в сторону двери. Посетители вышли.

Рааб выглядел очень недовольным.

— Черт побери, только этой заботы мне не хватало! — в сердцах сказал он. — Я летел на Альтаир не для того, чтобы тенью следовать за воякой-фанатиком.

Они направились по коридору к выходу. «Беда, — думал Файрли. — Крис, конечно, прав, но... Но я не родился лидером, как он. Я чертовски несдержан, могу накричать на людей, ответить ударом на удар. Если я попытаюсь учить Де Витта, что ему делать, то он пошлет меня подальше...»

Рааб остановился около двери в свою каюту и внезапно сказал:

— И все-таки Крис прав. Де Витт типчик еще тот, я таких встречал где угодно, не только в армии. Они куда опаснее, чем обычные корыстные подлецы, которых пруд пруди. Те хотя бы обладают гибкостью и более всего блюдут собственную выгоду. Де Витты другие, они полны гордыни и упрямства. Если они что-то втемешат в свою тупую голову, то будут переть вперед как танк и, если надо, переедут даже родную мать. Гленн спит и видит себя Спасителем Земли с оружием ванриан наперевес. Если дать таким, как он, волю, то от Земли и мокрого места не останется...

— Может, и так, — вяло согласился Файрли. — Но он и нас с вами переедет, даже не моргнув. Ладно, пойду потолкую с ним...

Филолог пошел на поиски Де Витта, но того на корабле не оказалось. Дежурный радист объяснил, что новый руководитель экспедиции послал утром вертолеты на разведку, и несколько минут назад один из пилотов вышел на связь.

— Он что-то нашел, мистер Файрли, — возбужденно сказал радист. — Пилот сообщил, что сделает еще несколько кругов, чтобы убедиться, что не ошибся, а затем немедленно возвратится на базу. Де Витт пробкой вылетел отсюда, чтобы встретить вертолет.

Файрли кивнул и торопливо зашагал к выходу из корабля. Выйдя на пандус, он на минуту остановился, ослепленный сиянием Альтаира. Де Витт стоял невдалеке, сложив руки на груди, и смотрел в сторону далекого леса.

Когда Файрли подошел к нему, Де Витт обернулся:

— Я официально принял на себя командование экспедицией и кораблем.

— Я слышал.

Де Витт пытливо взглянул на него.

— О чем вам говорил Кристенсен? — И прежде чем

Файрли успел ответить, экс-полковник добавил с презрительным смешком: — Впрочем, об этом легко догадаться. Он пытался настроить вас с Раабом против меня, верно? Не забывайте, с этого часа вы обязаны подчиняться всем моим приказам.

Файрли всегда полагал, что с подобными агрессивно настроенными людьми не спорят. Не теряя хладнокровия, следует твердо стоять на своем и не опускаться до ссор. Но сейчас из глубин его вообще-то мирной натуры поднялась горячая волна ярости, и он выпалил:

— Выходит, я теперь рядовой отряда под командованием полковника Де Витта? Черта с два! Я был включен в состав экспедиции даже без моего согласия, и нечего мной помыкать! Вы нуждаетесь во мне, Де Витт, а вот я без вас отлично обойдусь!

«Что-то слишком часто я выхожу из себя в последнее время», — с тревогой подумал он, но удержаться от запальчивых слов не мог.

— Я сделал все, что от меня хотели, — разгадал тайну ванрианского языка. Больше благодаря счастливой случайности, чем таланту лингвиста, но разгадал. Если бы не я, никого из нас здесь бы не было! Я так же, как и Крис, чувствую свою ответственность за происходящее, и вам не удастся заставить меня ходить строевым шагом!

Файрли дрожал от гнева, хотя понимал, что выглядит сейчас смешно — словно взбешенный заяц, вдруг напавший на волка. Однако Де Витту было явно не до смеха. Он перил в ученого жесткий, оценивающий взгляд, затем быстрым шагом спустился на землю по пандусу. И тут же вдалеке со стороны леса послышался гул мотора.

Вертолет, словно неуклюжая птица, парил прямо над вершинами деревьев. Не долетев до звездолета, он плавно приземлился. Из него выскочил молодой Смит и почти бегом направился навстречу Де Витту.

— Ну что? — нетерпеливо спросил тот.

— Я нашел их! — взволнованно воскликнул юноша. — Мужчина и женщина идут через лес на северо-восток. Женщину я узнал. Они скрылись среди деревьев, когда заметили вертолет, но немного опоздали. Я нанес на карту их местонахождение, так что мы легко найдем это место. А вот города рядом я не обнаружил.

— Отлично! — с энтузиазмом сказал де Витт и энергично потряс руку Смиту. — Немедленно займитесь обработкой полученных данных.

Час спустя в салоне корабля Файрли вместе с остальны-

ми членами экспедиции разглядывал увеличенный отпечаток карты.

На ней были видны цепи холмов, зеленые пятна лесов, черный «шрам» около развалин. В двух десятках километров от звездолета кружком было обведено место, где Смит обнаружил двух ванриан.

Де Витт стоял около расстеленной на столе карты, словно генерал перед битвой. Лицо его дышало уверенностью в успехе, в глазах не было ни тени сомнений, так присущих Кристофену. Полковник наконец дождался своего часа после долгих лет неудач и теперь не собирался выпускать из рук удачу.

— Туземцы явно идут куда-то в этом направлении, — сказал он, показывая рукой на линию, прочерченную от развалин города до черного кружка на карте. — Они не очень-то торопятся, значит, их дом неподалеку.

Томасон нахмурился.

— Но на карте нет и признака города или поселка...

— Вертолет мог и не долететь до этого места, — отрезал Де Витт. — Туземное поселение наверняка рядом с развалинами, иначе ванриане вряд ли бы пришли пешком, да еще и без припасов. — Он обвел суровым взглядом всех, собравшихся в салоне. — Завтра мы отправляемся в поход. Возьмем два вездехода. В состав отряда я включаю себя самого — я буду ехать в авангарде, — а также Рааба, Файрли, Винстеда, Хэджулина и двух водителей. Томасон остается старшим здесь, на корабле.

Томасон кивнул без особого энтузиазма и спросил:

— Оружие возьмете?

— У нас его чертовски мало, — недовольно сказал Де Витт. — В свое время я настаивал на солидном арсенале для звездолета, но меня никто не поддержал. Думаю, мы пока обойдемся несколькими ружьями.

Рааб спросил:

— Гленн, я люблю во всем точность. Какая задача ставится перед нашим отрядом?

— Я скажу вам точно, — с иронией ответил Де Витт. — Меньше всего меня интересуют контакты с туземцами, установление дружеских отношений и прочая чушь. Войну я тоже затевать не собираюсь. Мы прилетели за тем же, что нашли в Гассенди, — машинами и описаниями ванрианских технологий. Остальным пусть занимаются другие экспедиции. Важно как можно быстрее сделать нашу страну еще более могущественной, понятно?

Ему никто не ответил. Ученые с мрачным видом переглядывались — такой категоричности они не ожидали даже от

Де Витта. После паузы тот продолжил, чеканя фразы, словно гвозди в гроб забивал:

— Еще раз повторяю. О программе, которую НАСА писало под диктовку Кристенсена, можете забыть. Никаких измерений магнитного поля, геологических изысканий и археологических раскопок не будет. Не будет ловли местных букашек, собирания гербария и прочей жюль-верновской чепухи, которая хороша только для доклада в Академии наук. Наша задача сужается до предела, зато мы ее обязаны выполнить. Понимаете, обязаны!

Рааб не стал возражать.

— Ладно, об этом поговорим позднее. Я хотел спросить насчет ружей. Вы не считаете, что они неуместны при контакте с аборигенами?

— Черт побери, неужто я это сам не знаю? — вспыхнул Де Витт. — Я вовсе не собираюсь стать Кортесом Альтаирским и огнем и мечом завоевывать новый мир. Оружие нам потребуется только для обороны, тем более что его до смешного мало. — Он взглянул на часы. — Все, дискуссия закончена. Пора приступать к работе. Завтра утром мы отправляемся в путь.

Перед рассветом, после беспокойной, полной тяжелых видений ночи Файрли проскользнул в медотсек. Кристенсен спал. Он выглядел немного лучше, лицо его порозовело, дыхание стало ровнее. Райхер дежурил рядом с койкой и, увидев раннего посетителя, вопросительно поднял красные от недосыпания глаза.

— Скоро мы отправляемся в поход, — тихо сказал Файрли, с жалостью глядя на бывшего начальника экспедиции. — Я надеялся, что он очнется.

Врач грустно покачал головой.

— Я постоянно даю ему успокаивающее. Его сердце работает чуть лучше.

— Мы надеемся на вас, доктор.

— Сделаю все, что смогу. Но сердце Кристенсена слишком изношено. В последние годы он работал практически без отдыха, не обращая внимания на свой возраст. Ладно, счастливого пути, Боб!

Файрли вернулся в каюту и стал упаковывать сумку. Он слегка приободрился, хотя предпочел бы поговорить перед отъездом с Крисом.

Закинув сумку за плечо, филолог вышел из корабля и оказался в предрассветной тьме. Со стороны леса дул холодный сырой ветерок. Рядом с пандусом стояли вездеходы, освещенные прожекторами. Их погрузка была завершена. Одна из машин взревела — проверяли работу двигателя.

Вскоре на пандус вышел Винстед, закутавшийся в теплый плащ. Лицо космобиолога было несчастным — участие в рискованном походе мало его устраивало. Файрли же, напротив, был в хорошем настроении. И догадывался почему. Дело было в чудной девушке по имени Арэл — он очень хотел ее вновь увидеть. Что-то в облике, в звонком голосе делало ее похожей на «звездную певицу», женщину его мечты...

Хриплый голос Де Витта отвлек филолога от лирических мыслей. Отставной полковник стоял возле пандуса и что-то энергично разъяснял водителям.

— У вас осталось шесть минут, — донеслось до Файрли. — И ни секунды больше! Засаею время по моим часам...

«С ним будет трудно бороться, — подумал уныло Файрли, спускаясь по пандусу. — Почти безнадежно».

Три дня они двигались через лес, и этот путь оказался на удивление легким. Слишком легким, заметил про себя Файрли. Сидевший рядом с ним на заднем сиденье первого вездехода Винстед неожиданно эхом повторил:

— Слишком уж гладко все идет, Боб. Чует мое сердце, не к добру...

Он с подозрением смотрел по сторонам. Раздвижной верх машины был опущен, чтобы не закрывать обзора пассажирам.

— Я этого не ожидал, — добавил космобиолог. — Это... это неестественно!

Файрли кивнул, вспомнив фантастические кинобоевики с монстрами, принцессами и плоскогубцами.

— Неестественно? — спросил, обернувшись, Де Витт — он сидел на переднем сиденье рядом с водителем. — Что именно?

Винстед пожал плечами.

— Ну, не знаю... Да хотя бы этот лес. Он больше похож на парк, хотя и очень запущенный. И этот свет...

Небо было закрыто тяжелыми облаками с самого начала похода. Багряно-медные облака поражали воображение; неудивительно, что тусклые лучи, проникающие сквозь них, были окрашены в ядовитый желто-зеленый цвет, создавая совершенно фантастический эффект. Но лес сам по себе удивления не вызывал, Файрли ждал на Алтаире что-то более причудливое.

Большинство из деревьев, среди которых встречались и гиганты и малыши, уже оголились. Листья пестрым ковром лежали на земле, удивляя лишь тем, что часть из них была пожухлой или бесцветной, а часть — свежей и зеленой. Бросалось в глаза и то, что соседние, одинаковые деревья находились в разных фазах развития: на одних едва распускались

почки, а на других ветви ломились от пурпурных и оранжевых плодов, напоминающих метровой длины стручки. Во время короткой стоянки Хэджулин не выдержал и собрал несколько местных «фруктов», получив за это выговор от Де Витта. Молодой геолог послушно уселся в вездеход и украдкой попробовал некоторые из своих трофеев. К счастью, с ним ничего не случилось.

Животных в этом странном лесу почему-то не было, лишь кое-где с дерева на дерево плавно перелетали большие белые птицы. Гладкие стволы не опутывали даже лианы или другие выющиеся растения, хотя на растущих кое-где пышных кустах было полно растений-паразитов.

— Похоже, за деревьями кто-то ухаживает, — сказал Де Витт, когда вездеход свернул налево по неширокой, но отчетливо заметной среди высокой травы дороге.

— Вы думаете, что этим занимаются аборигены? — спросил с сомнением Винстед.

— Не обязательно. Это уж по вашей части, Перси. Мне кажется, люди, которые в свое время покорили Галактику, могут обойтись и без садовников. Какие-нибудь биологические методы саморегуляции...

— Ну конечно, ванриане и до сих пор остались сверхчеловеками, — с иронией заметил Файрли. — Ваша вера в это, Гленн, поражает воображение. И что, наверное, гении сотворили такую замечательную дорогу?.. О-о, черт!

Вездеход очередной раз трянуло на рытвине. Де Витт выругался, однако ответил довольно бодро:

— У всех есть свои недостатки, Боб.

— Хм... Я такие дороги часто встречал в Индии, — сказал Файрли. — Там, знаете, многие ходят пешком, причем босиком. Но не от очень большой учености...

Де Витт ничего не ответил, только поджал губы, давая понять, что никакие доводы не поколеблют его уверенности.

Файрли, обернувшись, посмотрел на заметно отставший второй вездеход. На нем ехали Хэджулин, Смит и Рааб. «А ведь Гленн не случайно разделил нас с Раабом», — подумал филолог.

Вскоре дорога пошла под уклон. Вездеходы спустились в небольшую ложбину, по дну которой протекал узкий ручей, и стали взбираться по склону густо заросшего холма. Небо тем временем потемнело, желто-зеленый свет потерял свою режущую глаза яркость. Ветер заметно усилился, неся сырость и холод. Утепленные плащи перестали спасать людей, и тогда Де Витт дал сигнал сделать привал на ночь.

Пока члены экспедиции устнавливали две палатки и на-

скоро готовили ужин из концентратов, Де Витт сидел на корточках и при свете луны отмечал на карте пройденный путь. Затем он присоединился к остальным и принялся за еду. Смит и Хэджудин умело разожгли костер, и сразу всем стало чуть уютнее. Утолив голод, геолог потянулся было к разложенным на траве оранжевым стручкам, но Винстед запротестовал:

— Тед, вы что, ребенок, который тащит в рот что попало? Хотите отравиться? Или занести в себя болезнетворные микроорганизмы?

— Я буду есть крошечными кусочками, — упирался геолог. — Ведь эти «стручки» пахнут медом и апельсинами! Они не могут мне повредить.

Де Витт спорить со своими подчиненными не стал — он попросту швырнул «дары природы» в темноту.

Мирхэд, молодой человек с длинными до плеч волосами и мечтательными глазами поэта, поежился и натянул на голову капюшон.

— Дома, в Калифорнии, я бы сказал, что вот-вот пойдет дождь, — пробормотал он, глядя на заметно опустившиеся облака.

Файрли поежился.

— Верно, скоро польет как из ведра. Только этого нам не хватало!.. А знаете, Бен, я ведь никогда не был у вас на побережье.

— Да что вы? — удивился Мирхэд. — Жить в Америке — и ни разу не побывать в Калифорнии? Тогда вы ни черта не видели, Боб.

Файрли уныло кивнул в знак согласия.

«А ведь Калифорния всегда для меня была местом где-то на краю света, — подумал он. — Сколько раз я собирался съездить в отпуск в Лос-Анджелес, поглазеть на Голливуд, побродить по берегу Тихого океана, да так и не собрался. Уж слишком далеким мне казался этот путь через всю страну. И вот теперь здесь, на Альтаире, я думаю о Калифорнии как о символе чего-то очень далекого и недоступного. Смешно!»

Де Витт тем временем прилачился со своей картой около костра. Вперив в нее немигающий взгляд, он глухо сказал, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Наша база у развалин города расположена явно неудачно. Если мы найдем достаточно крупное поселение туземцев, то я прикажу Томасону выслать вертолеты, и мы создадим вторую базу. Ванриане должны быть здесь, неподалеку...

— А если их здесь нет? — спросил Рааб.

— Посмотрим, — спокойно ответил Де Витт.

Темнело. Небо приобрело цвет окислившейся меди. Лица людей в этом рыже-зеленом свете выглядели словно персонажи из фильма ужасов. Смотреть друг на друга было жутковато, и даже уютный треск костра не мог вернуть людям хорошее настроение.

Файрли чувствовал себя усталым, Рин стал заметно действовать ему на нервы. Он одним из первых пошел к палатке и с облегчением забрался в спальный мешок.

На следующее утро сплошная облачность сохранилась, ветер еще более усилился и похолодал. Наскоро позавтракав, участники экспедиции начали было собираться в дорогу, но тут Мирхэд вскрикнул со сдавленным криком:

— Смотрите!

В сотне метров впереди, в сумраке хмурого утра, они увидели фигуру туземца с темными волосами и золотистой кожей. Одет абориген был в зеленую короткую тунику и плетеные сандалии.

Некоторое время земляне и туземец молча смотрели друг на друга. Наконец Де Витт сдавленно прошептал:

— Не вздумайте спугнуть его! Садитесь и продолжайте есть. Садитесь, я вам говорю!

Люди неохотно вновь уселись на траве, искоса поглядывая на неподвижную фигуру, стоящую под кроной невысокого дерева. Де Витт наклонился к Файрли и крепко сжал ему руку.

— Боб, настал ваш час. Надеюсь, вы справитесь со своей задачей лучше, чем в прошлый раз, иначе я за себя не ручаюсь. Подойдите к туземцу и скажите, что мы пришли с дружеским визитом. Попросите его отвести нас в ближайший город или поселок.

Файрли упрямо наклонил голову:

— Гленн, вы должны гарантировать его безопасность. Вы видите, он не вооружен.

— Конечно, о чем речь! Боб, идите, не то он сбежит.

Файрли вновь встал и, приветливо подняв руку, не спеша зашагал к туземцу. Тот насторожился, и Файрли закричал, улыбаясь:

— Не бойтесь, я пришел как друг!

Он был уже достаточно близко и теперь мог как следует рассмотреть аборигена. Это был юноша с приятными чертами золотистого лица, хорошо сложенный, с умными, проницательными глазами.

В трех метрах от него Файрли остановился. Туземец заговорил — быстро и отрывисто, так что Файрли ничего не понял.

Он покачал головой, и тогда юноша повторил ту же фразу, но уже медленней:

— Почему вы преследуете нас?

— Преследуем вас? — удивился Файрли и внезапно все понял. — Так вы Траян?

— Да.

— Это вы были ночью в разрушенном городе, верно? С вами еще была девушка по имени Арэл...

— Она и сейчас со мной.

Туземец кивнул в сторону деревьев, и только тогда Файрли разглядел среди них стройную фигуру девушки, окутанную утренней мглой. Ее густые темные волосы были разбросаны по плечам, лицо было хмурым, полным сомнения. Арэл никак не реагировала на взгляд Файрли, словно они никогда не встречались.

— Попробуйте нас понять, — сказал Файрли проникновенно, стараясь тщательно подбирать слова. — Мы прилетели с очень далекой звезды, но мы — ваши сородичи. Возможно, вы помните что-то о времени, когда ванриане завоевали Галактику?

— Да, помним, — спокойно ответил Траян. — Послушайте, вы говорите, что являетесь нашими друзьями?

— Конечно!

— Тогда уходите.

— Но почему? — запротестовал Файрли. — Мы пришли сюда познать мудрость наших братьев с Рина и никому не собираемся причинить вреда.

— Мои люди боятся, — медленно произнес Траян, хмуро глядя на землянина. — Они были очень сердиты на нас с Арэл за то, что мы навели вас на дорогу к нашему городу. Нам приказали вернуться, встретить вас и попросить оставить Рин.

— У них нет причин бояться нас... — начал было возражать филолог, но Траян прервал его:

— Мои люди боятся не вас, а Ллорна.

Файрли замер и, сглотнув, хрипло переспросил:

— Ллорн?

— Давным-давно в Галактике произошла страшная война, — серьезно сказал Траян. — Это была война за звезды. Наши предки ее проиграли. Ллорны оказались более могущественными и заставили нас вернуться на Рин, уничтожили наши звездолеты и космопорты. Перед тем как уйти, они предупредили наших предков, что если ванриане когда-нибудь полетят в космос, то Рин будет полностью разрушен. Мы слишком опасны для Галактики, говорили они, мы агрессивны и стремимся завоевать чужие звезды. Нам надо стать

мирным народом и забыть о деяниях предков... И мы забыли. Но теперь на Рине появились вы, и ллорны могут истолковать ваш прилет как нарушение запрета.

— Но это было много веков назад, — запротестовал Файрли. — Откуда вы знаете, что Ллорн опасен для вас и сейчас?

На лице Траяна появилась тень нерешительности, юноша посмотрел в сторону Арэл, словно ища поддержки.

— Почему вы верите во все это? — настаивал Файрли.

— Не знаю... — пожал плечами Траян. — Иногда мне кажется, что мы слепо следуем старым заветам, которые нас парализуют и душат. — В его глазах блеснули искры надежды. — Но я видел Замок Солнц, я грезил о славных временах, когда наши корабли покорили Галактику...

Юноша замолчал, не находя слов. Однако Файрли понял его. Траян был одним из тех мечтателей и бунтарей, которыми и вращается маховик Истории. Он нашел в себе силы восстать против окостеневших традиций Рина и его генетического страха перед звездами.

Потому-то он и рискнул прийти к развалинам города, чтобы увидеть пришельцев. Но его народ думал иначе...

— Не бойтесь нас, мы друзья, — мягко произнес Файрли, дружелюбно улыбаясь. — Забудьте вчерашнее недоразумение. Мы не собирались устраивать за вами погоню, просто у одного из наших людей не выдержали нервы. Вы придете к нам в лагерь?

Траян задумчиво посмотрел в сторону землян, стоящих около двух вездеходов, а затем повернул голову к Арэл, словно спрашивая, что делать.

Девушка после минутного колебания вышла из тени и подошла к другу. Взглянув на озабоченного Файрли, она внезапно рассмеялась — похоже, восхищенные взгляды землянина забавляли ее.

— Пойдем, Траян, — сказала она. — Он не допустит, чтобы пришельцы причинили *мне* вред.

Файрли покраснел. Неужели его отношение к девушке так заметно?

Все вместе они пошли в сторону вездеходов. На лице Де Витта расцвела довольная улыбка. Хэджулин не выдержал и, засунув пальцы в рот, пронзительно засвистел, по-мальчишески демонстрируя свой восторг началом первого в истории контакта землян с инопланетянами.

Продолжая приветливо улыбаться, Де Витт тихо процедил сквозь зубы:

— Предупреждаю: если кто-то из вас спутнет туземцев, я убью его собственными руками. Ясно?

Хэджулин немедленно перестал свистеть и опустил голову, словно нашкодивший ребенок. Никто не сомневался, что Де Витт не шутит.

Ванриане подошли к группе землян и остановились в нескольких метрах от них. Де Витт излучал искреннее радушие, но вскоре его улыбка угасла.

Файрли понимал почему. Де Витт наконец разглядел примитивное одеяние туземцев, сшитое из грубых тканей, а также их деревянные сандалии.

Траян сказал Файрли:

— Передайте вашим друзьям, что мой народ не желает принимать их в нашем городе.

Услышав об этом, Де Витт насторожился.

— Так они пришли из города? Боб, спросите туземца, где он находится! И заодно узнайте, есть ли на планете другие крупные поселения.

Траян кивнул.

— Да, на Рине есть и другие города, но они расположены далеко отсюда. Наш же город находится на опушке леса, в нескольких часах ходьбы. Я еще раз повторяю — и не пытайтесь приближаться к нему, мой народ не желает иметь с вами никакого дела.

Де Витт недобро улыбнулся в ответ и покачал головой.

— О нет, мы не для того пересекли половину Галактики, чтобы сейчас повернуть обратно! В конце концов, Рин — это дом наших далеких предков, часть нашей истории. Боб, объясните им, что мы будем предельно вежливы с горожанами и не причиним им ни малейшего беспокойства. Пусть они будут нашими проводниками, всю ответственность мы берем на себя.

Услышав об этом, Траян задумался.

— Я не могу! Наш народ долгое время пытался забыть о ллорнах, и это нам почти удалось. Но теперь с вашим появлением старые страхи могут проснуться. Вы несете с собой опасность!

— О чем толкует этот парень? — недовольно воскликнул Де Витт. — Никакой опасности мы не представляем. Он, кажется, интересуется нашим кораблем? Скажите ему, Боб, что мы обязательно покажем звездолет, но позже.

Когда Файрли перевел ему эти слова, Траян покачал головой и с вызывающей усмешкой произнес:

— Что значит ваш жалкий кораблик по сравнению с могучими кораблями древнего Рина, покорившими всю Галактику?

— Да, однако это было давно, — возразил Файрли. — От вашего флота остался один пепел... хотя он может когда-нибудь возродиться, потому что на Рине появились мы.

Траян нерешительно переминался с ноги на ногу, поглядывая на молчаливую Арэл.

Наконец он пробормотал:

— Я, пожалуй, рискну провести вас в город. Но хочу предупредить: я не знаю, как вас встретят.

Де Витт вздохнул с облегчением.

— Ну, слава богу, дикарь не такой уж трус, каким кажется с первого взгляда. Нам главное попасть в город, а там уж мы найдем общий язык с туземцами. В этом деле у меня большой опыт, как-никак шесть лет проторчал в Юго-Восточной Азии... Боб, спросите заодно туземца о ллорнах. Кто они были такие?

Траян пожал плечами.

— Я знаю о них только из легенд. Там ллорны описываются как некие «черные фигуры» и «порождения тьмы».

— Но они люди?

— Нет.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Угрюмое облачное небо окрасилось в цвет охры, когда вездеходы выехали на гребень лесистой гряды холмов. Внизу, в обширной долине, располагался город ванриан.

«Долгий же путь мы проделали, чтобы попасть сюда, — подумал Файрли. — И я не знаю, радоваться ли нам или молить бога о спасении наших душ».

Город там, внизу, казался сравнительно небольшим, но об этом трудно было с уверенностью судить, поскольку его почти полностью закрывали кроны огромных деревьев. Темные невысокие здания, словно грибы, были разбросаны среди кряжистых стволов. На вид они были старыми, обветшалыми, но белые колоннады, резные портики и овальные окна придавали им своеобразное изящество. Золотистое марево, царившее под густыми переплетенными ветвями, создавало ощущение таинственности и нереальности.

Да, город был древним, но все же не настолько, как руины около разрушенного космопорта. Хотя на окраинах время уже успело похозяйничать: фасады пересекали извилистые трещины, часть колонн рухнула, куполообразные крыши осели, ошетилившись ребрами стропил. Улицы были темными, и лишь некоторые окна светились мягким красным све-

том. Файрли показалось, что он видит нескольких пешеходов, но их трудно было разглядеть из-за частоккола стволов.

Филолог взглянул на другую половину долины и увидел ровное поле, исчерченное широкими полосами разноцветных гряд — там явно выращивались какие-то сельскохозяйственные культуры.

Стоявший неподалеку Де Витт кисло произнес:

— Боб, спросите туземцев, все их города похожи на этот?

— Да, — ответил Траян с горделивой улыбкой. — Не правда ли, величественное зрелище? Конечно, у нас были и более крупные города, но они превратились в руины много веков назад.

Члены экспедиции озадаченно переглянулись. Внезапно Винстед расхохотался.

— Славно, славно, ха-ха! Выходит, великие ванриане превратились в серых мышей, забившихся в земляные норки, подобные этой? Замечательно! И это они должны помочь нам?

Де Витт метнул на него яростный взгляд.

— Заткнитесь, Винстед! Что-то рано вы поднимаете лапки! Мы нашли древний ванрианский город. Кто знает, какие тайны скрывают эти старые стены? И мы до них доберемся, кланусь!

Он повернулся к ванрианам и мягко промолвил:

— Послушайте, мы пришли сюда как друзья. Я хочу лично сказать об этом вашему руководству. Предупредите их, Траян, что мы вскоре навестим их с дружеским визитом.

Траян нехотя кивнул.

— Хорошо, я передам.

Юноша решительно зашагал вниз по склону, и Арэл, улыбнувшись на прощание Файрли, побежала за ним, мелькая среди травы голыми пятками.

Файрли с грустью смотрел им вслед.

Арэл казалась ему самой красивой девушкой из тех, кого ему приходилось встречать. Она, конечно, ничуть не напоминала «звездную певицу» из его грез, не принимала величественных поз, не звала покорять Галактику... Зато была живой, кокетливой и прелестной девушкой, которой явно польстило внимание одного из пришельцев.

Всю дорогу через лес они проболтали о разных пустяках, вызывая неодобрительные взгляды Де Витта. Файрли под конец набрался духу и спросил, не являются ли они с Траяном мужем и женой.

— Нет, что вы! — рассмеялась Арэл. — И вряд ли когда-нибудь ими станем, хотя... Нет, не знаю, еще не решила. Траян

интересует меня, он отличается от других мужчин. Такой непоседа, всегда носится со своими мечтами, собирает легенды и песни о славных подвигах древних ванриан... — Покосившись на погрузневшего Файрли, она внезапно добавили с многозначительной улыбкой: — И вы меня интересуете, Боб.

Его сердце быстро забилося, но он только сухо спросил:

— Я интересую вас сам по себе или как пришелец с далекой Земли?

Арэл легкомысленно тряхнула головой.

— С остальными землянами я пока не знакома, хотя некоторые из них очень симпатичны на вид. Как вы.

Файрли был окончательно сбит с толку. Да разве их поймаешь, этих женщин, тем более инопланетянок?..

Голос Де Витта отвлек его от воспоминаний. Члены экспедиции уже расположились на траве и принялись за обед из концентратов. Они почти не разговаривали и не сводили глаз с города, погруженного во тьму. Де Витт наскоро проглотил еду и подошел к краю гряды. Сложив руки на груди, он стал нетерпеливо ждать, когда вернется Траян. Усиливавшийся ветер бил прямо в лицо, но полковник, казалось, даже не замечал этого.

Часа через полтора Траян пришел. Один.

— Ну что? — издали хриплым голосом спросил Де Витт.

Лицо у Траяна было грустным и разочарованным.

— Руководство города не желает встречаться с вами, — тихо ответил он. — Меня просили передать: немедленно возвращайтесь на свой корабль и улетайте с Рина. Я же предупреждал вас...

— А если мы откажемся? — недобро сощурился Де Витт.

— Не знаю... Руководители города были очень рассержены на меня и не пожелали долго разговаривать. Они считают, что я сделал непростительную ошибку, приведя вас сюда.

Файрли переводил этот диалог, чувствуя острое разочарование. Конечно, он ожидал подобного ответа, но услышать его было крайне неприятно. Что уж тут говорить о Де Витте! Лицо руководителя окаменело, брови насупились. Он резко заявил:

— Скажите ему, Боб, что мы не намерены силой прорываться в город. Мы остановимся здесь, на опушке леса, и подождем. Посмотрим, у кого крепче окажутся нервы.

Траян совсем расстроился.

— Хорошо... Только мой совет: поставьте побольше часовых вокруг лагеря.

Юноша внезапно повернулся, стремительно сбежал по склону холма и исчез среди деревьев.

Де Витт не спеша подошел к вездеходам и коротко рассказал обо всем членам своего отряда. Под конец он решительно заключил:

— Пожалуй, последуем совету туземца и выставим часовых. Пока без оружия — не дай бог, спровоцируем по случайности конфликт. Не хватает, чтобы кто-нибудь сдуру выстрелил в туземцев и заварил кровавую кашу!.. Смит, свяжите меня по радию с Томасоном.

Члены экспедиции начали устанавливать лагерь. Из вездеходов были извлечены тюки с двумя просторными палатками, спальные мешки, фонари и прочее походное снаряжение. Хэджулин с помощью Мирхэда принес из леса множество сухих веток и вскоре разжег костер. Когда установка палаток была завершена, Файрли присел погреться у огня, и в этот момент рядом с ним устроился Де Витт.

— Боб, по дороге сюда вы долго разговаривали с Траяном, — сказал он, устало глядя на танцующее, словно гейша, красноватое пламя. — О чем?

— Я уже рассказывал вам! — запротестовал Файрли.

— Только в самых общих чертах, — недовольно заметил Де Витт. — Я хочу знать все подробности.

Файрли поморщился. Он чувствовал себя усталым и опустошенным. Пища из концентратов пришлась не по вкусу его желудку, а тут еще Де Витт «на сладкое»... Но он сдержал раздражение и попытался восстановить все детали своего разговора с Траяном.

По словам Траяна, ванриане заметно регрессировали с той поры, когда они владели половиной Галактики, но считалось это падение в пропасть варварства едва ли не возвращением на цивилизованный путь развития. Исторические хроники были давным-давно уничтожены — то ли по настоянию ллорнов, то ли по собственному желанию ванриан, так что о прошлом новые поколения узнавали лишь из легенд и песен. В них говорилось о временах, когда ванриане построили могучий космический флот и стали завоевывать один мир за другим, оставляя там свои колонии. Некоторые из новых поселений через некоторое время превзошли по мощи метрополию, но вскоре космической экспансии был положен конец. В центре Галактики они встретили ллорнов.

Ллорны были порождениями черных звезд — потухших солнц, вызывающих ужас у всех космолетчиков. Могучий вражеский флот выбил корабли ванриан из центра Галактики, а затем стал теснить их к Рину. Вскоре все колонии ванриан были уничтожены, звездолеты разрушены, а бывших повелителей Галактики загнали на родную планету, словно в

резервацию. И приказали никогда не покидать свой мир под угрозой полного уничтожения.

Долгое время ванриане болезненно переживали это страшное унижение. Правители Рина говорили, что наказание было несправедливым: корабли Рина никогда не совершали агрессий против обитаемых миров, они основывали колонии лишь на тех планетах, на которых отсутствовала разумная жизнь.

А вот ллорны не отличались тактичностью в таких случаях, они безжалостно подминали одну звездную систему за другой. Жестокость по отношению к побежденному Рину показывала, кто на самом деле является агрессором. Оскопленная цивилизация ванриан, лишенная перспектив развития, должна была неизбежно вырождаться. Не этого ли добивались «гуманные» хранители звезд?

Но постепенно точка зрения новых поколений обитателей Рина стала меняться. «Что принесли нам звезды, космические корабли, умные машины, могучее оружие?» — спрашивали «мудрецы» тех эпох. Только горе, разорение, гибель миллионов людей. Ванриане не годятся на роль Покорителей Вселенной, в их традициях царит мирное начало. В далекой древности Рин был аграрной планетой с прекрасно развитой культурой, потому-то и не мог противостоять агрессивным ллорнам. Но это по большому счету даже к лучшему, поражение ванриан обернулось их победой. Они вернулись к истокам своей цивилизации, вновь обрели корни на родной планете. Будущее отныне прекрасно и безоблачно. Люди стали свободными и счастливыми, и это будет продолжаться вечно, если только ванриане вновь не шагнут на опасную тропу так называемого научного прогресса...

Со временем этот взгляд на вещи стал общепринятым. Ванрианам удалось убедить себя в том, что все ныне живут счастливо и полнокровно, а так называемый регресс — лишь возвращение людей к природе, к естественному образу жизни.

— Не верится, что разумные люди могли поверить в такую чушь! — воскликнул Винстед, также заинтересовавшийся рассказом Файрли.

— Почему же нет? — философски сказал Рааб, подбрасывая в костер сухие ветви и любясь прихотливой игрой языков пламени. — Гордые, самолюбивые ванриане потерпели сокрушительное поражение, причем о реванше даже мечтать не приходилось. Что оставалось им делать для того, чтобы хоть как-то сохранить чувство самоуважения и душевный комфорт? Только одно — обосновать правильность и полезность своего поражения. Мы вообще не хотели завоевывать космос, сказали они себе, мы совершили ошибку, и очень хо-

рошо, что вновь вернулись на свою планету. Нетрудно поверить в то, во что *выгодно* верить.

Файрли кивнул — он думал точно так же. Гибкость человеческой психики не имела пределов. Вчерашние триумфаторы, потерпев поражение в схватке с более могущественным противником, сумели быстро повернуть свое мировоззрение на сто восемьдесят градусов, отказаться от недавних ценностей и провозгласить новые, еще недавно презируемые. Сколько раз подобное случалось в истории человечества!

— Верно, — кивнул Де Витт, — но не все оказались ренегатами. Траян, по крайней мере, вовсе не в восторге от того, что стал «серой мышкой». Если остальные и откажутся нам помочь, он будет полезен.

— Полезен в чем? — спросил Файрли. — Я уже сто раз повторял слова Траяна: нет у ванриан ни древних машин, ни супероружия, ни секретных технологий. А во всех более древних местах, подобных Замку Солнц...

Он вдруг запнулся, увидев изумление в глазах Де Витта.

— Замок Солнц? Это еще что такое? — глухо спросил командир, не сводя с лингвиста настороженного взгляда. — Вы не упоминали прежде о нем, Боб.

— Э-э... Собственно, не о чем было и упоминать, — неуверенно ответил Файрли, проклиная себя за болтливость. — Это какие-то древние руины, которые Траян как-то видел издалека, только и всего.

— Вы уверены?

— Да, уверен.

— Замок Солнц... — повторил Де Витт так, словно эти слова звучали для него сладостной музыкой. — Красивое название, правда? В нем чувствуется дух древних ванриан. Мы обязательно должны найти его. Вспомните, Боб, что конкретное рассказывал о нем Траян?

Файрли честно пытался вспомнить.

— Он говорил так: «Я видел Замок Солнц, я грезил, глядя на него, о звездных кораблях...» Вот и все, пожалуй.

— Недурно! — заметно приободрившись, воскликнул Де Витт. — Похоже, мы набрали на верную нить. Если даже там, в долине, мы не узнаем ничего нового, следующий наш ход уже ясен. И вот еще что, Файрли... — Голос полковника ужесточился, глаза недобро сощурились. — Мне не нравятся ваши провалы в памяти. Они напоминают самый обычный саботаж.

Файрли немедленно ошетинился.

— Вы что, угрожаете мне, Гленн? Может быть, вы собираетесь придушить меня, если я чем-либо вам не потрафлю? И кто же тогда будет переводить ваши умные речи туземцам?

Отведя глаза в сторону, Де Витт упрямо пробормотал:

— Лучше вообще обойтись без переводчика, чем иметь дело с человеком, явно настроенным против руководителя экспедиции.

— Эй, может быть, хватит ссор? — встревоженно сказал Винстед. — Разве у нас мало других забот? Следовало бы подумать о том, как построить разговор с горожанами, чтобы войти к ним в доверие.

Де Витт усмехнулся и поднялся на ноги. В свете костра его лицо напоминало облик вождя краснокожих.

— Тревожитесь о своей драгоценной шкуре, Винстед? — язвительно поинтересовался он. — Струсили перед жалкими дикарями?

— Я ничего не боюсь, — сердито возразил космобиолог. — Мне только интересно, что с нами произойдет завтра. Ладно, пойду спать.

Все молча последовали примеру Винстеда.

Файрли вошел в одну из палаток и залез в спальный мешок. Он долго не мог заснуть.

Ночной туман проник сквозь щели под полог и неприятно холодил лицо. Наконец ему удалось задремать, и тогда его посетили кошмары. Он увидел, как ванриане с дубинками в руках тихо ползли по склону к лагерю. Вскоре они превратились в ллорнов, а их дубины — в бластеры. Черные сгустки, не имеющие формы, окружили палатки, погасили костер и протянули свои щупальца к головам спящих людей...

Файрли разбудил шум дождя. За пологом палатки уже рассвело, хотя из-за низкой облачности свет был тусклым и серым.

Люди неохотно поднялись. Никто не выспался, небритые лица выглядели мрачно.

Наскоро завершив утренний туалет, они быстро позавтракали и занялись делами по дальнейшему обустройству лагеря. Ванриане не появлялись.

Легкий дождь прекратился, но облачная пелена не рассеивалась. Вокруг царил мгла, которая никак не улучшала общее настроение.

Файрли подошел к краю гряды и долго смотрел вниз, на долину. Город был таким же притихшим и безжизненным, как и прошлым вечером. Темные, с дождливыми потеками стены и наглухо задраенные окна производили гнетущее впечатление.

— Сидят по домам и боятся нос показать на улицу, — насмешливо сказал незаметно подошедший Де Витт. — Ничего,

пусть. Подождем, пока в их головах не утрясется мысль, что они уже не одни на планете.

Ждать было довольно утомительно. Люди слонялись вокруг лагеря, совершали небольшие прогулки в лес, пытались собирать образцы растений и минералов, но ни у кого, даже у любознательного Хэджулина, дело не ладилося. Все ждали реакции ванриан, но те не спешили навстречу пришельцам ни с хлебом-солью, ни с дубинками в руках. Время от времени по сумрачным улицам горожане быстро переходили от дома к дому, но этим все и ограничивалось.

День тянулся на удивление долго, но так ничего и не произошло.

Казалось, ванриане просто выжидали, когда неожиданные гости сами уберутся подобру-поздорову. Траян с Арэл тоже не появлялись, и это тревожило Файрли.

Ночь прошла спокойно, затем вновь настал хмурый рассвет. На этот раз никто не спешил обрить щетину на своих лицах, никто не гляделся придирчиво в зеркало, поправляя воротник на комбинезоне. Всеми овладела апатия.

Де Витт забрался в кабину вездехода, чтобы связаться по рации с Томасоном. Мирхэд вместе с Файрли пошли прогуляться вдоль гряды.

— Боб, мы что, не собираемся убираться отсюда? — недовольно сказал водитель, кутаясь в теплый плащ. — Неужто будем ждать, пока у аборигенов иссякнет терпение? Однажды ночью они заявятся в лагерь и перережут всем нам глотки — в порядке первого контакта. Чего мы ждем?

Файрли пожал плечами.

— Спросите нашего славного полковника.

— Не буду я его ни о чем спрашивать! Гленн, похоже, совсем спятил.

Внезапно они услышали позади голос Де Витта. Командир собирал всех членов экспедиции, видимо, для какого-то экстренного совещания. Вид у него был странный: на лице появилось похоронное выражение, но глаза светились от радости.

— Этой ночью мы вновь выставим часовых, — объявил он. — Первыми будут дежурить Хэджулин и Файрли, следующими Смит и Мирхэд, а затем Винстед и Рааб.

— И вы собрали нас ради этой замечательной новости, Гленн? — недовольно спросил Винстед. — Ладно, дежурство так дежурство... Только что мы будем делать завтра?

— То же, что и сегодня, — ждать, — спокойно ответил Де Витт. — Мы пришли сюда за информацией о технических достижениях древних ванриан и не уйдем, пока не добудем ее.

Все молча смотрели на него, и тогда Де Витт добавил как бы между прочим:

— На корабле все нормально. Кроме одного... Час назад умер Кристенсен.

Он повернулся и зашагал в сторону леса — ему явно хотелось остаться одному.

Остальные стояли, оглушенные новостью. Файрли не выдержал и побежал вдоль гряды, не разбирая дороги. Он уже забыл, когда плакал последний раз, но сейчас слезы брызнули из его глаз. Он несколько раз падал, вновь вставал, размазывая по лицу грязь, и вновь бежал по гребню скользкого травянистого склона. Наконец он выдохся и, тяжело дыша, уселся на вросшем в землю валуне.

Внизу расстился город-лес, укутанный золотистым предвечерним туманом. Кое-где в окнах домов зажглись первые огни, но не было слышно ни голосов, ни шума шагов. Только ветер раскачивал над головой раскидистые ветви да мягко стучали по капюшону редкие капли холодного дождя.

«Вот и все, Крис, — думал Файрли. — Смерть все-таки настигла тебя здесь, на Альтаире. Может быть, поэтому ты не очень хотел сюда лететь? Возраст невозможно обмануть, даже викинги когда-то превращаются в стариков и у них останавливается сердце. И здесь уже ничего нельзя поделать».

Файрли вспомнил, как Кристенсен однажды рассказывал ему о своем детстве.

Маленький городок в штате Миннесота, грязные, почти немощенные дороги, люди, с удивлением глядящие на первый самолет...

Бог мой, неужели Крис родился в те незапамятные времена? Сколько же всего произошло за его длинную жизнь... Первый самолет — и первый полет к звездам! А между этими событиями были атомные бомбы и электростанции, первые спутники, орбитальные станции, лунные модули... Время летело слишком быстро, человеческая психика не поспевала за ним. А затем была найдена пещера в Гассенди, и человечество сразу же шагнуло на сотни лет вперед. Но люди-то остались почти теми же, какими некогда, как юный Кристенсен, раскрыв рот, глазели на первый самолет!

Прогресс, словно горный поток, нес человечество к неизведанным далям, и не было времени оглянуться и обдумать, что происходит. Куда приведет этот путь, какие плоды он принесет?

Кристенсен был одним из немногих, кто пытался осознать последствия необдуманного шага к звездам, но его время уже завершилось. А таким, как Де Витт, дела до этого не

было. И по злому року судьбы именно эти люди почему-то всегда оказывались у руля, и не только в технике...

Внезапно Файрли услышал чей-то голос. Порывистый ветер донес до него звуки, от которых мороз пробежал по его спине.

Там, внизу, в сгущающихся сумерках, звенел голос «звездной певицы».

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Файрли вскочил на ноги и с бьющимся сердцем вслушивался в знакомую мелодию. Голос прекрасной, давно превратившейся в прах ванрианки звал его из глубин времен. В словах песни говорилось о звездах, но в них звучало ныне и другое — жажда любви, перед которой ничего не значила даже пропасть в три сотни веков. И голос певицы был немного другим... Он явно принадлежал женщине с теплой плотью и живым сердцем. И эта женщина была здесь, рядом, к ней можно протянуть руку...

Не выдержав, Файрли побежал по склону холма, скользя по влажной траве. Вскоре он оказался в густой роще. Мокрые ветви хлестали его по бокам, заставляя замедлить шаг. А может, дело было не в этом. Возбуждение, охватившее Файрли, стало уходить, и теперь он понял, что пела другая женщина. Голос звучал очень похоже, но интонации звездного гимна были немного другими, слова слегка искажены, паузы чуть-чуть затянуты. Да, пение чрезвычайно напоминало то, что он сотни раз слышал, вставляя серебристый шарик в белый «проигрыватель» ванриан, но пел кто-то другой.

Ну конечно же, это был голос Арэл.

Песня давно умершей «звездной певицы» была гимном, зовущим звездных капитанов на подвиг, прекрасной, но холодноватой, лишенной личных эмоций. В исполнении Арэл все звучало иначе, гимн превратился в лирическую песню. Ее голос не столько призывал мужчин покорять Галактику, сколько звал их назад, на Рин, к семейным очагам и объятиям возлюбленных.

Таинство растаяло, чудесная мечта обрела прозаические черты. Файрли замедлил шаг, но все же продолжал идти в глубь рощи. Он нашел Арэл в неглубокой ложине, на берегу узкого ручья. Девушка сидела на плоском валуне и поигры-

вала гибкой веткой в бурлящем потоке. Ее гибкую фигуру окутывала мгла.

Файрли тихо подошел к ней, но Арэл продолжала петь, даже не повернув голову в его сторону. Она не замечала его, словно умелая кокетка, знающая, как действует на мужчин ее изящная поза, тонкий профиль лица, локоны темных волос, разбросанных по плечам...

Почему-то это насторожило Файрли. Игра девушки была слишком очевидна, но что за ней скрывалось?

Он тревожно оглянулся по сторонам, однако в мареве листвы ничего подозрительного не заметил. Тихо выругавшись, филолог решительно присел рядом с девушкой и обнял ее за плечи. Та неожиданно прильнула к нему, словно ожидала проявления от него мужской инициативы. Файрли зарылся лицом в пышные волосы девушки и почувствовал запах каких-то растений, смешанный с горьковатым дымом костра.

— Вы должны быть осторожны, Боб, — тихо сказала Арэл, так и не повернувшись к нему. — Наши люди следят за склоном. Вот почему я не решилась пойти к вам: боялась, что меня поймут и накажут, как Траяна.

— А что они сделали с Траяном? — спросил Файрли безразличным голосом. Его руки лежали на плечах девушки, ей это было явно приятно... Чего еще надо?

— Траян заперт в комнате, и ему не разрешено выходить из нее, — сказала Арэл таким тоном, словно ее другу угрожала смертная казнь. — Горожане очень сердиты на него. И на меня тоже, но Траяна они считают чуть ли не преступником. А меня пожалели... — Она легкомысленно улыбнулась. — Все-таки выгодно быть красивой, вы согласны?

Она внезапно повернулась и словно бы случайно провела губами по щетине на щеках Файрли. Тот оторопел от этой неожиданной ласки, не зная, как ее оценить. Впрочем, Арэл не долго оставляла его в неведении.

— Я боюсь за Траяна, землянин. Помогите освободить моего друга!

Файрли резко отодвинулся. Девушка тут же накинула на плечи плащ, словно не считая необходимым дальше продолжать обольщение пришельца. Волосы ее блестели от осевшего тумана, при дыхании изо рта выплывали облачка белесого пара. Ванрианка выглядела очень романтично в золотистом свете заходящего солнца, но Файрли уже отрезвел.

— А я-то думаю, почему рядом с вами нет вашего вечного спутника, — сухо сказал он. — Оказывается, его просто засадили в кутузку.

— Да, он пленник! — горячо воскликнула Арэл. — Его

допрашивали, можете себе это представить? У нас не принято убивать преступников... по крайней мере, на моей памяти такого не бывало. Но сейчас я ни в чем не уверена. Если что-то случится...

— Что именно?

— Ну... что-то плохое. Все может быть, горожане очень напуганы. — Она вновь прильнула к Файрли, и тот не нашел в себе сил отодвинуться. — И я тоже боюсь. С вашим появлением все так изменилось... Я никогда не верила в ллорнов, но теперь... теперь я не знаю, чего ждать.

Чисто механически Файрли обнял Арэл. Ее плечи заметно дрожали — то ли от страха, то ли от холода. Ему стало жаль эту кокетливую и вместе с тем простую девушку, которая так прямолинейно хотела его использовать для спасения своего друга. Разве можно сердиться на нее за это?

— Вы на самом деле считаете, что вашему Траяну угрожает гибель?

— Если бы он был свободен, мы могли уйти в другую коммуну, хотя это и далеко, очень далеко... Но мы можем спастись! Помогите, пожалуйста. Вы такой мужественный и сильный...

— Помолчите, дайте подумать, — поморщившись, резко ответил Файрли.

Ему было неприятно от мысли, что Арэл намеревается использовать его в качестве отмычки от тюремного Замка. С другой стороны, они, земляне, ответственны за все, что произошло с Траяном. Юноша не хотел приводить их к городу, но Де Витт настоял на своем.

«И я был хорош! Ведь только я мог разговаривать с ван-рианами и почему-то беспечно переводил все, о чем мы говорили, не задумываясь о последствиях. Даже про Замок Солнца проболтался по глупости, и теперь Де Витт сделал стойку как гончая, увидевшая дичь. Но для этого командир нужен Траян — пленник. И Де Витт отобьет его, даже если ему придется разнести полгорода. В порядке установления дружеского контакта».

Выходит, придется помочь Арэл, другого выхода нет. Ковбой Боб Файрли, с англо-ванрианским словарем вместо двенадцатизарядного кольта...

Видимо, его лицо здорово позеленело, потому что девушка еще теснее прижалась к нему и ласково прикоснулась губами к холодной щеке.

— Пожалуйста, помогите мне, землянин! Это не значит, что я люблю Траяна, он мне дорог как друг. Вы понимаете?

— Я все понимаю, — кисло сказал Файрли и добавил

пару фраз по-английски, выразив в них все, что думал о ванрианской красотке.

— Ладно, пойдем, — сказал он, поднимаясь с валуна. На девушку он старался не смотреть.

Она озадаченно вздохнула.

— Мне казалось, я нравлюсь вам, Боб, — расстроено сказала Арэл. — Я пела сегодня для вас... Вы столько рассказывали о «звездной певице» и ее прекрасном гимне... Чем я хуже? Вы пришли сюда, несмотря на запрет вашего командира, значит, я нравлюсь вам. Почему же вы не хотите смотреть на меня?

Файрли ответил вопросом на вопрос:

— Где вы научились этой песне?

— Я много раз слушала старые записи, — улыбнувшись, ответила Арэл и ласково погладила его по щеке. — Каждый ванрианец знает их наизусть. Эта песня была когда-то гимном звездных капитанов. Ежегодно они собирались на свой праздник в Замке Солнца, и самая прекрасная из женщин исполняла гимн, стоя на балконе под высоким куполом...

— Вы были в Замке? — спросил удивленно Файрли.

— Нет. Только один Траян из всех горожан несколько раз ходил к нему, но почти ничего об этом не рассказывал. Остальные же не хотят даже слышать о памятниках древней славы Рина.

Файрли задумался. Траян...

Да, другого выхода у него не было.

— Хорошо, пойдемте, — сказал он, чувствуя легкую дрожь.

«А что будет, если горожане поймут меня?»

Арэл легким пружинистым шагом пошла по едва заметной тропинке среди густых деревьев. Вечерний туман сгустился, так что видимость уменьшилась до нескольких метров. Файрли шел за ней след в след, не глядя по сторонам. Им пришлось перепрыгнуть еще через один неширокий ручей, а затем несколько минут брести через заросли мокрой травы, напоминающей осоку.

Под ногами болотисто хлопало. Файрли моментально промок, но Арэл, казалось, ничуть не боялась простудиться. Ее босые ноги мелькали впереди, уводя его все дальше во мглу надвигающейся ночи. Файрли стало чудиться, что они заблудились в дремучем лесу, когда внезапно они вышли на тротуар, покрытый шершавым серым пластиком. На нем не было заметно ни трещин, ни вмятин, хотя покрытие явно исполнилось не одна сотня лет. А затем из тумана выплыли первые здания.

Арэл сразу потеряла былую раскованность: ее движения

стали осторожными, словно из десятков наглухо закрытых окон за ней следили чьи-то недобрые глаза.

Мимо проплывали темные стены с дождевыми потеками, изящные колоннады, массивные двери... Вскоре улица пошла под уклон, Файрли с девушкой спустились к неширокой речке, закопанной в каменную набережную.

Там туман сгустился до плотности киселя, так что стало тяжело дышать.

Они миновали арочный мостик с железными кружевами перил и поднялись по влажной мостовой к следующему городскому кварталу.

Здесь им встретились первые освещенные окна, и Арэл удвоила осторожность. Она лавировала между домами, стараясь выбирать менее обитаемые, хотя таких встречалось все меньше и меньше.

Лицо Арэл зарделось от азарта, словно девушка участвовала в какой-то увлекательной игре.

«Для нее это на самом деле игра, — подумал Файрли. — Арэл ничего не угрожает. Даже если горожане поймут нас, она легко сможет выкрутиться. Пришелец заставил меня провести его в город, скажет она наверняка... Ну и лопух же ты, ковбой Боб Файрли!»

Внезапно впереди зазвучали голоса людей. Арэл огляделась и быстро юркнула в тень одного из зданий; Файрли последовал за ней. В шуме голосов ему показалось что-то странное, монотонное...

Улица была пуста, и тогда Файрли понял, что шум доносится из приземистого здания напротив. Его окна горели красноватым светом, бросавшим маслянистые отблески на мокрую мостовую.

Арэл кивнула ему, и они осторожно перебежали через улицу. Теперь Файрли понял, что здание представляло собой нечто вроде церкви и исходящее там напоминало службу. Сильный мужской голос вещал:

— ...но ничего не было найдено там, в обширном Ничто, имя которому — Галактика. Мы исследовали ее парсек за парсеком, и что же мы нашли? Ничего, кроме зла и смерти. Тогда на нас снизошла мудрость, и мы поняли, что в самих себе надо искать истину и смысл существования.

— Но ничего не было найдено там, в обширном Ничто, имя которому — Галактика, — зазвучал стройный хор сотен голосов. — Мы исследовали ее парсек за парсеком...

Когда хор стих, сильный голос невидимого проповедника продолжил:

— Душа — самое важное в сущности бытия. Не машины,

не корабли, не дома, не звезды... Душа! С рождения до смерти человеку суждено постигать самого себя, и в этом постижении, а не в мелочной суете вокруг ничтожных вещей, есть движение жизни, высшее из ее наслаждений. Отрешимся же от суеты сует и возрадуемся благодати, что пришла в наши души после встречи с божественными ллорнами!

— Душа — самое важное в сущности бытия, — вторили в едином порыве горожане. — Не машины, не корабли, не дома, не звезды...

Файрли осторожно заглянул в одно из окон.

Оказалось, что пол в здании располагался на несколько метров ниже поверхности земли, и потому ему почудилось, будто он всматривается в обширную, погруженную в красноватый полумрак пещеру. Сверху ее закрывал куполообразный свод потолка, который поддерживали десятки пурпурных колонн. Стены были украшены мозаикой из самоцветов. Под потолком тускло горели шарообразные люстры. На голом полу сидели на корточках сотни людей в белых одеяниях, окружая концентрическими кругами проповедника, стоящего на высоком хрустальном постаменте.

И этим проповедником был хорошо знакомый Файрли белый ящичек, на оси которого медленно вращался серебристый шарик. Так вот почему язык аборигенов почти не изменился за столько тысячелетий!

Древние ванриане оставили потомкам в наследство множество серебристых шариков, на которых была записаны проповеди, песни, легенды и все прочее, что позже составило духовный багаж новых поколений. Язык жителей Рина в результате законсервировался, так же как и образ жизни. Бедный, нищий мир...

— ...но в этом наша сила, — словно возражая ему, вещал давно превратившийся в прах проповедник. — И надежда на счастье и вечное спасение наших душ. Мы были подобны детям, игравшим машинами и звездами, словно сверкающими камешками на берегу ручья, но мы быстро повзрослели. Глаза прозрели в страданиях, души закалились в кипящей крови, и мы стали *людьми*! Теперь мы знаем, что есть правда, и что есть ложь, и что является истинной ценностью бытия, а что — лишь его суетными погремушками. Мы обрели свободу. Теперь мы должны...

Арэл нетерпеливо дернула Файрли за рукав.

— Поспешим, — зашептала она. — Пока все слушают Мудрого, нам надо успеть освободить Траяна.

Схватив его за руку, девушка быстро зашагала, уже не таясь, вдоль улицы.

— Вы верите в то, о чем говорил Мудрый? — спросил Файрли.

Арэл нахмурилась.

— Я слышала об этом с детства... Как же мне было не верить? Но прилетел ваш корабль со звезд, и все вдруг стало другим... Быстрее же, Боб, быстрее!

Минут десять они шли по широкой улице, по обеим сторонам которой неясно вырисовывались в тумане приземистые здания, более светлые и ухоженные, чем на окраинах. Наконец Арэл свернула в один из переулков. Здесь она пошла на цыпочках, и Файрли понял, что близко тюрьма.

Они остановились около высокой арки, соединяющей два здания.

В трех десятках метров за ней была видна стена еще одного, обычного на вид дома с невысоким каменным крыльцом, на ступеньках которого сидел немолодой человек в белой просторной одежде и, казалось, дремал. На его коленях лежал предмет, напоминающий серп внушительных размеров. На вид это было сельскохозяйственное орудие, но остро отточенные края вполне могли скосить не только злаки.

— Траян находится в том здании, — прошептала Арэл, нежно дыша в ухо Файрли. — Чтобы его освободить, надо убрать с дороги Грахана, человека с серпом.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

«Легко сказать, — тревожно подумал Файрли. — Убрать с дороги... А серп?»

Он осторожно выглянул из-за арки и стал рассматривать будущего противника. Тот сидел спиной к нему, опустив голову и лишь изредка поглядывая на массивную дверь. Это был мужчина средних лет, с развитой мускулатурой атлета. Файрли выглядел по сравнению с ним подростком.

— Ну что вы медлите, Боб? — с нетерпением спросила Арэл.

— Составляю план военной кампании, — ответил, вздохнув, Файрли.

Он обратил внимание на то, что дверь слегка приоткрыта, а на окнах не заметно решеток. Здание не было тюрьмой, да и охранник не выглядел профессионалом; скорее всего это местный крестьянин. Значит, ванриане не часто совершали преступления.

И все же серп в руках Грахана наводил на определенные размышления. Де Витт схватился бы за сердце, увидев это. О каком сверхоружии шла речь, если у горожан не было даже примитивных винтовок?

— Но для меня и серпа хватит... — пробормотал Файрли вслух.

— Эй, Боб, вы что, боитесь? — презрительно спросила Арэл, резко отстраняясь от него.

Файрли холодно посмотрел на девушку. От бывшей приветливости на ее милом лице и следа не осталось. Эх, женщины, женщины...

— Найдите мне какой-нибудь тяжелый предмет, — процидил он.

Арэл немедленно упорхнула, а Файрли нагнулся и снял с ног ботинки. Затем он выглянул из-за арки и стал внимательно следить за Граханом. Отблески света из окон выразительно играли на остро отточенном лезвии с изогнутым, словно крючок, острием. Контакт с аборигеном обещал быть весьма бурным.

Вскоре Арэл принесла ребристый камень килограмма в два весом и пылко чмокнула Файрли в щеку, благословляя на подвиг. Филолог расправил плечи, принял позу ковбоя перед схваткой с двумя сотнями индейцев и на цыпочках пошел через арку. Его колени дрожали, сырая мостовая жгла босые ступни. Он проклинал свою неуклюжесть. Камень, словно пудовая гиря, оттягивал правую руку. Файрли уже и не помнил, когда дрался в последний раз... кажется, в школе? И тут Грахан, что-то заподозрив, стал оборачиваться.

Файрли помчался во всю прыть, но время почему-то растянулось и все стало происходить словно в замедленном кино. Голова Грахана повернулась ему навстречу, на лице с грубыми чертами проявилось выражение удивления и тревоги, серп будто серебряная птица взмыл в воздух. Дикий ужас подстегнул Файрли. Одним прыжком он преодолел оставшееся до охранника расстояние и, увернувшись от карающей молнии серпа, нанес сильный удар камнем по голове Грахана. Тот упал словно сноп.

Все оказалось легко.

Подбежала Арэл и, даже не взглянув на дрожащего от возбуждения Файрли, влетела в здание. Файрли с отвращением отбросил в сторону камень, влажный от крови, и подобрал упавший серп. Затем осторожно подошел к лежащему навзничь ванрианину. Тот, к счастью, еще дышал, хотя затылок его был разбит.

«Как все оказалось просто, — подумал Файрли. — А мог

и... Когда надо мной засверкал серп, я так испугался, что за-просто мог убить!.. Не так уж трудно быть ковбоем, как мне казалось. Куда сложнее им *не быть*, особенно если жизнь заносит над тобой сверкающий клинок...»

Арэл вместе с Траяном выбежала из «тюрьмы». Увидев окровавленного Грахана, юноша остановился в испуге. Файрли воспользовался моментом и вручил ему серп.

— Возьмите, вам привычнее орудовать этой штукой.

Траян взглянул на него мутными глазами, но серп все-таки взял.

— Бежим отсюда... — прошептал он.

И они побежали. Файрли остановился на минуту около арки, чтобы вновь надеть башмаки. Траян и Арэл вынуждены были его подождать.

Затянув шнурки, Файрли еще раз взглянул на лежавшее около распахнутой двери тело. «Столько переживаний из-за какого-то дикаря!» — презрительно процедил бы Де Витт.

— Вы могли бы и сами оглушить его камнем, — сказал Файрли, сердито глядя на возбужденную девушку. — Зачем я вам понадобился?

— Но меня же могли поймать! — ответила Арэл и одарила его очаровательной улыбкой.

— Меня тоже. Но лучше меня, чем вас, не правда ли?

— Нас всех поймают, если мы немедленно не убежим! — нетерпеливо воскликнул Траян. — Вы готовы, Боб?

Они помчались вдоль улицы, уже не таясь и не оглядываясь. Вскоре Траян с Арэл неожиданно свернули направо, а затем налево и еще раз направо... Файрли потерял чувство направления, ему стало казаться, что они бегут в глубь долины, вместо того, чтобы спешить к лагерю на холме. И тогда далеко позади он услышал шум десятков голосов.

— Нашли Грахана, — сказал Траян, на секунду остановившись. — Теперь они не успокоятся, пока не поймают нас!

Действительно, шум гневных голосов стал быстро приближаться — за беглецами словно мчался селевой поток.

— Надо сделать большой круг вдоль окраинных кварталов, иначе они нас нагонят! — встревоженно воскликнула Арэл.

— Ты права, — поблуднев, согласился Траян. — Мне не хотелось бы использовать это, — и он указал на сверкающий серп.

Они вновь побежали по лабиринтам улиц, а за ними неслась волна возбужденных людских голосов. Наконец Арэл не выдержала и остановилась.

— Я больше не могу, — прошептала она, тяжело дыша.

— Нет уж, красавица, вы втравили нас в это дерьмо, нечего теперь жаловаться! — возмутился Файрли и, не выдержав, шлепнул девушку по округлым ягодицам. — Вперед! В нашем лагере мы будем в безопасности!

В его голосе появились новые жесткие нотки. Ванриане посмотрели на него с удивлением и послушно пошли вслед за ним. Теперь, когда они оказались на окраине города, Файрли и сам мог ориентироваться и найти путь к склону холма. В его движениях появилась непривычная уверенность, он впервые почувствовал себя... нет, не ковбоем, но достаточно сильным и решительным мужчиной.

Беглецы достигли рощи и здесь вынуждены были замедлить шаг. Под ногами захлопало, опустившаяся ночная тьма еще больше затруднила путь, и Арэл вновь стала жаловаться на усталость. Тогда Файрли протянул ей руку и так грубо потащил девушку через густые заросли «осоки», что красавица сразу же приободрилась: закатила ему звонкую пощечину. Траян шел легко, но беспрестанно бормотал самые изощренные ругательства, многие из которых были адресованы его «освободителям». Было очевидно, что он предпочел бы остаться пленником в городской тюрьме.

Наконец они пересекли болотистую рошу и вышли на склон холма. Впереди, на вершине гряды, горели огни лагеря. Еще несколько минут утомительного подъема, и беглецы увидели плавающий костер и фигуры часовых с ружьями наперевес. Файрли закричал, предупреждая о своем появлении.

Де Витт встретил их у костра. Вид у него был весьма сердитый.

— Ну и где вы были, Боб... — начал он, но замолчал, увидев ванриан. По его распоряжению Арэл принесли одеяло, и она, закутавшись, без сил опустилась на раздвижное кресло. Траян присел на землю рядом с девушкой и опустил голову, тяжело дыша.

— Я принес для вас Замок Солнц, — сказал хрипло Файрли, кивнув в сторону Траяна. — И советую начать поиски как можно быстрее.

К костру подбежал встревоженный Мирхэд.

— Командир, в городе что-то стряслось! К окраине движутся сотни огней! Я слышал возбужденные голоса и крики.

— Боб, что вы натворили? — недовольно спросил Де Витт.

Файрли коротко рассказал обо всем происшедшем. Де Витт удивленно взглянул на него, словно увидел впервые.

— Вот уж не думал, что вы способны на такое! Хотя... я понимаю, вы сделали это ради прекрасных глазок этой смазливой девчонки:

— Спасибо, Гленн, я польщен вашей похвалой, — усмехнулся Файрли.

— На здоровье. Тем более что вряд ли вы улучшили положение дел. Только драки нам не хватало!.. Ладно, надо убраться отсюда, пока не поздно.

Полковник отдал несколько приказов, и люди начали немедленно сворачивать лагерь.

Файрли поднял серп и протянул его Де Витту.

— Гленн, взгляните-ка, — насмешливо сказал он. — Образец могучего вооружения ванриан.

Де Витт нахмурился и взял серп. Повертев его в руках, он кисло сказал:

— Это что, шутка? Меня она почему-то не веселит. Вы бы еще принесли тот камень, которым угостили беднягу Грахана.

Файрли обратился к Траяну:

— Наш командир не верит, что это ваше оружие.

Траян поднял голову и устало ответил:

— Но это правда! У нас нет другого оружия, мы в нем просто не нуждаемся.

Файрли перевел его слова.

— Вот как? — недовольно спросил Де Витт. — И с каких же пор?

— С того времени, как мы перестали бороться с слорнами. Между собой нам воевать нет смысла — нас и так мало на планете... А что касается охоты, то диких зверей у нас почти нет. И вот еще что... — Траян облизал пересохшие губы и умоляюще посмотрел на Де Витта. — Мы отдохнули и теперь хотим уйти.

Он поднялся на ноги и, взяв за руку Арэл, направился в сторону леса. Де Витт, выругавшись, преградил им путь.

— Эй, погодите! Боб, что сказал этот парень?

Когда Файрли перевел, Де Витт в ответ только недобро усмехнулся.

— Ах, они собираются убежать? Боб, скажите этому глупцу, что горожане рано или поздно настигнут их и вполне могут убить. Мы же увезем их на вездеходах и гарантируем защиту. Ну а в благодарность потребуем от Траяна кое-какие мелкие услуги. Разве это не справедливо?

Когда Файрли перевел слова командира, юноша вздрогнул и презрительно взглянул на окружающих его землян.

— Боб, так вы спасли меня только ради того, чтобы втянуть в ваши дела? Вы предлагаете нам сделку — спасение наших жизней в обмен на Замок Солнца?

Арэл сердито взглянула на Файрли, и тот насупился. Как

ни крути, а Траян сделал единственный логический вывод из происходящего.

— Да нет же здесь никакой сделки! Чего вы боитесь?

— Ничего. Просто я не хочу идти туда.

— Нет, вы боитесь. Все вы, ванриане, заражены вирусом страха! Вы с Арэл боитесь показать нам Замок, горожане боятся чужаков — и настолько сильно, что готовы убить всех нас. Почему? Неужто вы верите, будто ллорны наблюдают за вами тысячи лет и явятся на Рин с карающим мечом?

— Да, мы верим в это, — сказал Траян.

Файрли горько усмехнулся.

— А вы, Арэл?

Девушка пожала плечами.

— Не знаю... Но рисковать не хочется. Да и ради чего? Почему мы должны помогать вам, чужим людям с другой звезды?

Траян горячо поддержал ее.

— Вы должны покинуть нашу планету и как можно быстрее! Здесь вы не найдете ничего, кроме старых зданий и простых мирных людей, желающих только одного — чтобы никто не мешал им тихо жить и тихо умереть.

Де Витт похлопал рукой по плечу Файрли.

— Эй, Боб, вы слишком увлеклись. О чем вы толкуете с туземцами?

Когда Файрли перевел, к ним подбежал взволнованный Смит.

— Огни факелов приближаются! Через пять минут горожане будут здесь!

Де Витт взглянул на вездеходы — погрузка палаток и прочих грузов была завершена. Люди уселись на свои места, нервно переговариваясь. Со стороны долины уже отчетливо доносился гул приближающейся толпы разъяренных горожан.

— Объясните им, Боб, что они свободны сделать выбор, — с насмешкой сказал Де Витт. — Если хотят, пусть остаются, далеко им все равно не убежать. Мы можем спасти их, если они помогут найти нам Замок Солнц. Даю на размышление минуту.

Файрли перевел, с жалостью глядя на ванриан.

Юноша затравленно посмотрел в сторону города. На глазах Арэл появились слезы, она умоляюще взглянула на своего друга.

— Решайтесь, Траян, — сказал Файрли. — Месть ллорнов — скорее всего ваши домыслы, а вот горожане вряд ли станут с вами церемониться. Кроме того, вы мне говорили,

будто Замок Солнца пуст. Почему же вы так боитесь отвести нас туда?

— Все верно, — пробормотал юноша, исподлобья глядя на невозмутимого Де Витта. — Хорошо, мы согласны сотрудничать с вами. Но ваш командир пожалеет об этом!

Последние слова Файрли благоразумно переводить не стал. Однако Де Витт и так понял их смысл.

— Этот парень помешался на ллорнах, — с улыбкой сказал он. — Хотел бы я взглянуть на этих «созданий тьмы», которые нагнали столько страха на местных дикарей! Они теперь до скончания веков и носа побоятся высунуть из своих норок. Ладно, пора в путь!

Моторы взревели, машины, развернувшись, медленно поехали в глубь леса. Позади остались только угли потушенного костра да брошенные в спешке банки из-под концентратов. Фары вездеходов осветили контуры деревьев, из-за чего лес стал похож на огромную декорацию. Файрли уселся рядом с Арэл и Траяном, а по соседству, заставив его потесниться, разместился Де Витт.

Позади вдруг раздались вопли бешенства, вслед вездеходам полетели камни и палки. Полковник просунул ружье в окно и выстрелил несколько раз в воздух. Голоса ванриан немедленно стихли.

— Они будут преследовать нас еще некоторое время, — сказал Де Витт, вновь усаживаясь на скамью. — Эй, Мирхэд, прибавьте скорость!

Мотор надсадно загудел, и машина, раскачиваясь, быстро покатила по едва различимой среди деревьев дороге. На одном из поворотов вездеход неловко свернул налево и ударился боком о ствол дерева. Раздался оглушительный скрежет. Арэл завизжала от испуга. Но все обошлось, машина вновь завелась и поехала в глубь леса, словно в необъятный угольный мешок. В нескольких метрах вслед за ним следовал второй вездеход, а где-то позади по дороге мчалась разъяренная толпа.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Четыре последующих дня непрерывно шел дождь.

Участники похода уже и представить не могли, что когда-то этот унылый и холодный поток может прекратиться и они наконец смоют с себя надоедливую грязь. Вездеходы медлен-

но ехали по бездорожью на север, следуя указаниям Траяна. Небо было затянуто сплошными облаками, то серыми, то желто-зелеными, то золотистыми, и только дождь — мелкий, холодный, монотонный — не менялся ни днем, ни ночью.

Они миновали несколько десятков лесистых долин, переправлялись через множество гряд холмов, и каждый новый подъем на каменистой почве, набрякшей ручьями, давался им с большим трудом. Моторы надсадно ревели, надрываясь; силы людей также таяли с каждым часом и, казалось, скоро окончательно иссякнут.

Второй вздохход в очередной раз застрял. Его водитель Грэхем был не столь опытен, как Мирхэд, и машина забуксовала прямо посреди длинного и довольно крутого подъема. Мотор ревел, подобно раненому слону, гусеницы скользили по глинистой почве, отбрасывая в стороны фонтаны грязи. Пришлось пассажирам вылезти под дождь и толкать машину, но и это не помогло, все только перепачкались в грязи с головы до ног. Ее удалось сдвинуть с места, лишь взяв на буксир первым вздохходом.

Де Витт лично руководил этой операцией, стоя по щиколотку в грязи. Он охрип от крика и не скрывал раздражения на все и на всех.

Рааб вытер вспотевший лоб и сказал Файрли, который с мрачным видом выливал из башмака воду:

— Вот уж никогда не думал, что путь к звездам приведет нас в такое болото! К мысли о встрече с монстрами, коварными аборигенами, бурями и землетрясениями я давно притерпелся, но это...

Файрли кивнул и взглянул на Арэл. Девушка сидела неподалеку на валуне, закутавшись в плащ. Ее темные волосы и лицо блестели от дождевых капель. От бывшего грациозного вида туземной красавицы не осталось и следа, сейчас она напоминала скорее мокрую и несчастную кошку. Поймав сочувственный взгляд филолога, Арэл посмотрела на него с нескрываемой ненавистью.

У сидевшего рядом Траяна не было даже плаща. Кто-то дал ему запасную штормовку, которая весьма забавно смотрелась в сочетании с темно-зеленой туникой. Юноша промок насквозь, но, казалось, это его ничуть не беспокоило. Он не отрываясь смотрел назад, на задернутую пеленой дождя панораму недавно пройденной долины, словно пытаясь разглядеть преследующих их горожан.

Вздохнув, Файрли подошел к ним, шлепая по грязи набрякшими башмаками.

— Не бойтесь, нет никаких признаков того, что ваши соплеменники следуют за нами.

Траян пожал плечами, даже не повернув головы.

— Они ведь хотели избавиться от непрошенных гостей? Мы ушли. Зачем же горожанам преследовать нас?

Траян мрачно посмотрел на него.

— Они наверняка поняли, куда мы направляемся.

— Хм... выходит, они также знают, где находится Замок Солнц? Но вы говорили, будто никто, кроме вас, не интересуется такими вещами!

— Каждый на Рине знает о Замке, — упрямо ответил Траян. — Даже если ни разу не видел его.

— А вы там были?

— Да. Глупость, за которую я сейчас расплачиваюсь. Еще больше я заплачу, когда нас догонят.

— Вы уверены, что горожане все-таки преследуют нас? Но зачем? Если мы им так не нравимся, то...

— Не нравятся? Не то слово! К вам относятся с ужасом. Вы принесли опасность на Рин, который не знал тревог много веков. Вы нарушили запрет ллорнов, прилетев сюда на звездолете, а теперь хотите войти в Замок Солнц, центр древней цивилизации ванриан, от которой мы отреклись. Уверен, что горожане будут преследовать нас и не успокоятся, пока всех не убьют. Уж очень они боятся гнева ллорнов...

Де Витт подозрительно спросил:

— О чем вы толковали, Боб?

Файрли объяснил, и Де Витт с отвращением взглянул на юношу.

— Дьявол, сколько можно долдонить об одном и том же? Ллорны, ллорны и еще раз ллорны... Этот парень совсем достал меня своей трусостью, я был о нем лучшего мнения.

Словно поняв его слова, Траян отвернулся.

— Гленн, а вы верите, что горожане будут преследовать нас, пока... пока... — запнувшись, спросил Файрли.

— Пока не перережут нас серпами, это вы хотите сказать? — усмехнувшись, произнес Де Витт. — Бросьте, Боб, не будьте бабой. Вы недавно без труда голыми руками справились с одним из дикарей. Неужто мы вместе, да еще с оружием, не разгоним их, словно стаю псов?.. Э-эх, черт побери!

Его возглас относился к безуспешным попыткам Мирхэда сдвинуть с места отчаянно буксующий вездеход. Глинистый склон превратился в жидкий клей, на котором скользили даже гусеницы. Но вскоре опытный водитель сумел двинуть свою машину вперед, а за ней, вихляя, медленно пополз и второй вездеход.

Де Витт обратился к стоящим рядом людям, промокшим и изрядно замерзшим на пронзительном ветру.

— Пойдем вверх по склону пешком! Вездеходам и без нас придется туго.

Без споров, но и без особого энтузиазма все поплелись вслед за машинами, идя рядом с развороченной колеей. Люди скользили по раскисшей почве, падали, поднимались, наскоро вытирали грязь и вновь падали... подъем был очень трудным, и не все члены отряда оказались готовы к таким физическим нагрузкам. Если худощавый, спортивного сложения Рааб без особых усилий вскарабкался на вершину гряды, то рыхлому Винстеду каждый шаг давался с мукой. Он пыхтел, словно носорог, бестолково размахивая руками, и все равно вряд ли одолел бы этот путь, если бы ему не помог Файрли.

На вершине холма все остановились, тяжело дыша.

— Куда двигаться дальше? — спросил Де Витт, выглядевший относительно бодро.

Траян молча указал на северо-восток.

— Хм... и как далеко отсюда до Замка?

Юноша пожал плечами.

— Пешком — далеко. А на ваших машинах... не знаю. День или два.

Де Витт вздохнул.

— Ладно. Устроим здесь стоянку, все равно скоро начнет темнеть.

Дождь вновь усилился. Ставить палатки пришлось при свете фар. Хэджулин и Мирхэд направились к ближайшей роще, чтобы набрать хвороста. Не сделав и нескольких шагов, они затеяли спор, кому нести топор, а кому — пилу. Установка палаток также прошла под взаимную перебранку. «Люди слишком устали, — подумал Файрли, помогая водителям разжигать костер. — А ведь до цели еще далеко...»

Ему хотелось забраться в спальный мешок и заснуть, но тепло костра оказалось более притягательным. Все участники похода, закутавшись в плащи, уселись на корточки вокруг танцующего пламени, которому и струи дождя были нипочем. Де Витт разместился на кресле и, попросив Смита держать над ним кусок брезента, развернул карту и стал наносить на нее пройденный за день путь. Арэл о чем-то шептала на ухо Траяну. Остальные молчали. Костер бросал красные блики на небритые и мрачные лица.

«Покорители космоса, — с насмешкой подумал Файрли. — Ковбои с молниеносной реакцией, квадратными подбородками и глазами-плошками, не знающие сомнений...» Нет, что-то не похоже это на лагерь галактических странников,

скорее уж на стоянку беженцев. И никому, даже юным Мирхэду и Смиуту, нет теперь дела, что невдалеке стоит загадочный лес, выросший под щедрыми лучами Альтаира; куда важнее, чтобы в нем были сухие дрова, горели пожарче и не дымили.

Де Витт оторвался от карты.

— Завтра мы окажемся в гористой местности. Траян говорил об этом?

Файрли кивнул.

— Да, он рассказывал, что Замок Солнц находится на возвышенности.

— Хорошо. Если нас ничто не задержит, к завтрашней ночи будем на месте.

В его голосе звучали нотки триумфа.

Рааб взглянул на командира с плохо скрытым раздражением.

— Ну и что? Вы всерьез думаете, что мы найдем там нечто стоящее?

Де Витт снисходительно улыбнулся. Сейчас, когда до цели было рукой подать, он чувствовал себя очень уверенно.

— Мы найдем там то же, что нашли в Гассенди, только целое и невредимое. И еще много других бесценных машин, с помощью которых древние ванриане завоевали звезды. Ллорны не могли уничтожить абсолютно все, многое должно было сохраниться; где же это искать, если не в Замке Солнц? Само название сооружения говорит о многом.

— Ни о чем оно не говорит, — сердито возразил Рааб. — И потом Рин — далеко не Луна. Климат и время здесь куда безжалостней!

Полковник снисходительно пожал плечами.

— Посмотрим. Ладно, хватит на сегодня, я пошел спать.

Он потянулся, зевнул и направился к ближайшей палатке.

— Кристенсен был прав, — пробурчал Рааб, играя длинной веткой в пламени. — Гленн — самый настоящий дуб, хоть колоды из него тещи. Верит только в то, во что хочет верить. И наплевать ему на все наши тревоги.

— Ну, не знаю, — произнес Файрли, щуря глаза от едкого дыма.

— Чего это вы не знаете, Боб?

— А то, что Де Витт с самого начала плевал на все наши сомнения, пер вперед словно носорог и почему-то всегда оказывался прав. Разве не так? Он настаивал на повторном испытании звездного двигателя — и тот заработал. Он затеял бессовестную интригу вокруг создания звездолета — и тот был построен в фантастически короткие сроки. Он убедил

всех в Белом доме в необходимости полета на Альтаир — и мы оказались здесь, несмотря на сомнения скептиков. И теперь мы ноем от холода и усталости, а он бодро утверждает, будто оружие ванриан у него уже в руках. Как бы мы опять не ошиблись...

Рааб покачал головой.

— Ничего мы не найдем. По крайней мере, я сильно надеюсь на это.

— А если найдем?

— Что ж, тем хуже для нас. Де Витт заставит немедленно вернуться на Землю, чтобы своими руками вручить президенту подарок со звезд. Русские об этом, конечно же, быстро разузнают. Потом в лучшем случае разразится мировой скандал.

— Но мы попытаемся помешать ему? — робко спросил Файрли. — Вспомните, мы обещали Крису...

— Попробуем, — кисло согласился Рааб. — Ладно, я тоже пошел спать. Проклятый дождь, когда же он кончится?..

Файрли решил еще немного посидеть у костра — ему с детства нравилось наблюдать за прихотливой игрой языков пламени. Сидевшие рядом Траян и Арэл о чем-то горячо шептались. Казалось, девушка в чем-то настойчиво убеждала своего друга, но Файрли из-за шума дождя не слышал ни единого слова.

— А почему вы не идете спать? — спросил его подошедший Винстед. Космобиолог вместе со Смитом составлял первую пару часовых.

— Сейчас, еще одну минуту, — ответил Файрли, с любопытством глядя на ванриан. Ему показалось, что они о чем-то сговариваются. Уж не о бегстве ли?..

— Боб, ваша вахта следующая, — ворчливо заметил Винстед. — И не думайте, что я разбужу вас хоть на минуту позже, чем положено.

— Ладно, — согласился Файрли и поплелся к своей палатке. А ванриане, не обращая внимания на дождь, остались сидеть у костра...

Утром участников похода ожидал приятный сюрприз — бесконечный нудный дождь наконец-то кончился. Небо пока еще было затянуто темными облаками, но холодные струи больше не хлестали в лица, и от этого настроение людей сразу же поднялось.

О Де Витте и говорить не приходилось — он был чисто выбрит и буквально излучал энергию.

В то время когда люди собирали палатки, полковник связался по рации с Фрэдом Томасоном и из кабины вылез, слегка помрачнев.

— Еще вчера вечером я приказал Томасону выслать пораньше вертолет, чтобы тот совершил воздушную разведку в этом районе, — объяснил он. — Только что Фрэд сообщил мне: вертолет попал в густую полосу тумана и вынужден был возвратиться. Ладно, обойдемся без него... Поехали!

Никто не сдвинулся с места. При мысли, что предстоит целые сутки вновь преодолевать один трудный подъем за другим, лица людей сразу же потемнели. Накопившаяся усталость давала о себе знать. Это был еще не бунт и даже не искры его; просто люди устали и хотели бы, чтобы Де Витт знал об этом. Но тот и бровью не повел.

— Отлично, — холодно сказал он. — Если кто-то из вас хочет передохнуть, то пусть остается здесь. На обратном пути мы его подберем. Есть желающие?

Желающих не оказалось. Все поспешили занять свои места. Вездеходы вновь двинулись в путь и стали спускаться по пологому лесистому склону.

Опять зарядил дождь. Де Витт пересел на заднее сиденье к Траяну и с помощью Файрли стал расспрашивать его, расстелив на коленях карту. Куда ехать на развилке между следующими двумя долинами? Какой путь выбрать для подъема на эту крутую гряду? Как лучше объехать это озеро?..

Траян, как правило, отвечал коротко. Он не знает, пешком он выбирал другой маршрут. Он не помнит, с высоты все выглядит совершенно иначе. Он думает, что надо выбирать этот спуск: там земляне точно сломают свои шеи, и это будет очень хорошо.

Миновав несколько небольших долин, вездеходы начали затяжной подъем.

Иногда машины буксовали, и людям приходилось преодолевать раскисшие склоны пешком. Винстед жаловался непрерывно, рассказывая всем и каждому о своих больших ногах. Его никто не слушал.

Во время одного из таких утомительных переходов Файрли оказался рядом с Арэл. Девушка за последние сутки заметно осунулась. Она мало теперь напоминала кокетливую красавицу, которая так поразила его в роще, на берегу ручья. Волосы ее спутались, лицо посерело, в глазах затаились усталость и испуг.

— Прошлым вечером вы о чем-то долго говорили с Траяном... — нерешительно начал Файрли.

Арэл ответила ему враждебным взглядом.

— А почему бы и нет?

— Я догадываюсь, о чем шла речь. Вы предложили ему бежать, верно?

— А если и так? — зло воскликнула девушка. — Почему мы должны вам доверять наши жизни? Вы — сумасшедшие фанатики, которые ищут то, чего нет. Из-за вашего упрямства мы находимся в смертельной опасности. Мы с Траяном теперь почти наверняка погибнем — либо от гнева ллорнов, либо от рук своего собственного народа!

— Но вы же говорили, будто ллорны — лишь древняя легенда, — напомнил Файрли.

— Это Траян так говорил, а не я! Он ошибается... часто ошибается. Зачем он уговорил меня пойти к развалинам и посмотреть на ваш корабль? Я согласна с горожанами: вы принесли тьму на Рин, и она поглотит всех нас.

Фыркнув от негодования, Арэл ускорила шаг, увязая в жидкой грязи почти по щиколотку. Файрли не стал ее нагонять. Страх девушки был нелеп, но совершенно искренен.

Напоследок им пришлось преодолеть пешком длинный, почти километровый склон. Поднявшись наверх, земляне увидели, что вышли из лабиринта лесистых долин и холмов. Впереди расстиралось обширное плато, с редкими рощами и одинокими скалами. Стена дождя не давала как следует рассмотреть панораму, но Траян уверенно указал направление пути.

После полудня дождь настолько усилился, что водители вынуждены были остановить машины, спрятав их от пронзительного ветра за небольшой рощей из зонтичных деревьев. Экономя горючее, Де Витт велел прекратить обогрев салонов вездеходов, вызвав дружное негодование людей.

— Мы так долго не протянем! — простонал Винстед, дрожа от озноба. — Черт побери, на мне нет ни одной сухой нитки, а здесь еще этот вечный холод! Я говорил вам, Гленн, мы плохо подготовились для такого трудного перехода.

— Бросьте нить, — хрипло ответил Де Витт, сделав пару глотков бренди из фляжки. — Подумаешь, немного промокли. Мы уже в двух шагах от цели!

Участники похода переглянулись, но никто не решился возразить командиру. Де Витт обвел членов экспедиции угрожающим взглядом.

И в этот момент Траян вскочил со скамьи и закричал, указывая куда-то рукой. Небо в этот момент почти очистилось от тяжелых туч, и мерцающий свет залил гигантское плато. Посреди его возвышалась черная гора с плоской, как стол, вершиной, откуда высоко в небо уходили башни могучего сооружения. Это был Замок Солнца.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Люди высыпали из машин и стояли молча, охваченные чувством благоговения. В это время ледяной ветер разорвал пелену серых облаков, и через образовавшееся окно на землю упал ослепительный столб бело-голубого света. Он стал медленно перемещаться по поверхности плато и внезапно коснулся Замка. Центральный купол на миг вспыхнул золотым огнем, а затем вновь погас, но за это время земляне успели разглядеть очертания могучего сооружения.

Плоская, словно срезанная бритвой вершина горы представляла собой как бы огромный пьедестал, посреди которого вздымалась величественная корона из камня. Даже издалека было заметно, что центральный купол полуразрушен, часть окружавших его шпилеобразных башен рухнула, а стены пересекают извилистые трещины. Время безжалостно обошло с творением древних ванриан, но оно осталось могучим и прекрасным. Вдоль конусообразных склонов горы шла спиральная дорога, виток за витком поднимавшаяся к плоской вершине. По ней некогда проходили целые поколения ванриан, направляясь к своему святилищу.

Файрли смотрел на поразительную панораму словно завороженный, забыв о холоде и намокшей одежде. Он ощущал смешанное чувство гордости и отчаяния, словно эти величественные развалины принадлежали ему. Впрочем, так оно и было. Замок был частью наследства, оставленного древними людьми, и он принадлежал всем землянам — и Раабу, и Мирхэду, и Де Витту... спаси от него Господь! Все они были детьми Альтаира, так же как Траян и Арэл.

Замок Солнц. Это название звучало в ушах Файрли словно перезвон колоколов. Замок Солнц!

Де Витт бесцеремонно потряс филолога за плечо. У него не было времени для поэтических размышлений. Он кивнул в сторону Траяна.

— Боб, спросите этого парня насчет дороги. Сможем мы подъехать к Замку? Стены не рухнут от шума двигателей?

Файрли перевел. Траян пожал плечами.

— Не знаю.

— Он лжет! — заорал Де Витт и, потеряв терпение, схватил юношу за шиворот и встряхнул изо всех сил. — Если этот грязный дикарь морочит нам головы...

Траян, с трудом освободившись, зло усмехнулся. Он отлично понял, о чем его спрашивают.

— Скажите вашему командиру, Боб, что я никогда не ходил дальше этого места. И вам не советую.

Файрли резко сказал:

— Оставьте его в покое, Гленн! Он никогда не поднимался на гору и не заходил в Замок! Траян приходил сюда, на край плато, и смотрел на него издалека. У парня попросту не хватало духу подходить ближе.

— Спросите, чего он боялся, — презрительно процедил сквозь зубы Де Витт.

— В прошлом здесь бывали ллорны, — объяснил Траян. — Об этом рассказывают многие легенды. Когда ллорны разгромили наши космодромы и уничтожили все звездные корабли, они пришли сюда и предупредили правителей Рина, чтобы ванриане забыли о Галактике. Это историческое место, мне было очень приятно на него смотреть, вспоминая о древней славе. Но о ллорнах я тоже помнил и потому боялся этих развалин. И сейчас боюсь.

— С нами ему бояться нечего, — недобро усмехнулся Де Витт. — Боб, скажите этому трусу, что сейчас он пойдет к Замку.

Траян побледнел и взглянул на Арэл. Девушка стояла, глядя назад, на необъятную панораму лесистых холмов, в сторону покинутого дома. В глазах ее затаилась тоска.

— Я вел вас столько, сколько смог, — глухо промолвил юноша. — Но сейчас вы вполне можете обойтись и без нас.

Переведа эти слова, Файрли добавил от себя:

— Гленн, парень прав. Чего вы еще от них хотите?

— Может быть, ничего, — устало ответил Де Витт. — А может, очень многое. Кто знает, как сложатся наши дела там, в Замке? Эти туземцы не так уж мало знают, как хотят нам внушить. Предупредите эту парочку, Боб: они пойдут с нами до конца, по собственному желанию или под дулами ружей, это уж как им угодно. Пусть садятся немедленно в вездеходы!

Траян с Арэл неохотно пошли к машинам. За ними поплелись и остальные, буквально подталкиваемые в спину Де Виттом. Полковник щедро отпускал грубые шуточки, похлопывал подчиненных по плечам, обещал скорый и долгий отдых «после того, как разберемся с этими развалинами». Люди на этот раз не протестовали, близость цели придавала им сил. Иное дело Арэл, которая в последний момент все-таки попыталась убежать. Траян едва удержал ее, а затем что-то сказал тихо на ухо, и девушка затихла. Опустив голову, она уселась в вездеход и закрыла лицо руками.

Моторы взревели, и машины рванулись по направлению к горе, размалывая в пыль придорожные камни.

Небо окончательно прояснилось, и теперь пейзаж предстал перед глазами пришельцев во всей красе: серая, избогренная трещинами поверхность плато, черная, блестящая, словно антрацит, конусообразная гора, а на ее вершине высоко в медное небо уходила стрельчатая громада Замка. Альтаир ослепительно сиял чуть в стороне от его высокого свода, не давая как следует рассмотреть величественное творение древних ванриан даже сквозь солнцезащитные очки. И везде царил ветер — порывистый, ледяной, несущий запахи лесов и трав.

Все молчали, потрясенные зрелищем. Лишь водителям было не до созерцания — старая дорога местами была расколота трещинами, а кое-где даже заросла одиночными деревьями с длинными стелющимися корнями. Несмотря на недовольство Де Витта, путь к горе занял больше часа. Наконец вездеходы выехали на плавно поднимающуюся область предгорья. Ее поверхность была на удивление ровной, словно выглаженной гигантским катком.

— Похоже на огромное посадочное поле... — пробормотал Винстед. При виде Замка он и думать забыл о своих недомоганиях.

— А почему бы и нет? — живо отозвался Де Витт. — Сюда, возможно, прибывали сотни тысяч ванриан со всей планеты. Надо же где-то было приземлиться их летательным аппаратам?

Полковник не сводил восторженных глаз с Замка. С каждой минутой его очертания становились все отчетливее. Теперь было заметно, что центральный купол окружали несколько других, более мелких сводов. Титанических размеров стены не отличались изяществом, но говорили о мощи и уверенности в себе древних строителей. В небо вздымался гигантский перст, словно бы говоривший: *это наши звезды!*

Вездеходы свернули направо и двинулись к въезду на спиралевидную дорогу, окружавшую гору. И здесь стало ясно, что по ней не проехать — она была расколота во многих местах широкими трещинами, засыпана упавшими со склонов обломками. Кое-где полотно дороги было почти полностью стесано камнепадами, так что оставался лишь узкий перешеек.

— Дьявол, до чего же нам не везет! — простонал Винстед. — Бедные мои ноги...

Машины остановились на краю трехметровой трещины. Де Витт первым выскочил на землю и осмотрелся. Вблизи склона горы можно было пройти пешком.

— Все, приехали, — сказал он. — Берите с собой рюкзаки с едой, побольше воды, рацию, оружие... Словом, готовь-

тесь к небольшому пешему походу. И торопитесь — солнце заходит.

Все быстро и слаженно стали собираться. Энтузиазм Де Витта заразил многих, но еще больше людей подстегивало желание подняться к Замку до прихода темноты. Ванрианам же, напротив, совсем завладело отчаяние. Арэл подошла к самому краю трещины и расширенными от ужаса глазами смотрела на уходящую ввысь дорогу, заваленную гигантскими глыбами. Казалось, от малейшего шума они могут покачаться вниз и раздавить непрощенных гостей...

— Я не пойду туда, — прошептала девушка.

— Вам придется это сделать, — мягко сказал Файрли, подойдя к Арэл и взяв ее за руку. — Де Витт не разрешит вам остаться. Если вы будете упираться, вас потащат силой. Объясните это ей, Траян!

В глазах юноши тоже светился страх, но было заметно, что Де Витт он боится больше. Траян отвел в сторону Арэл и что-то горячо зашептал ей на ухо. Файрли догадывался, о чем речь: «Нам надо идти с этими безумцами, но мы выждем подходящий момент и убежим. Даю тебе слово, Арэл, мы обязательно убежим!»

Файрли было жаль ванриан, он ощущал свою ответственность за те несчастья, что произошли с ними, но иного выхода не было. Де Витт был сейчас опасен. Однако если в Замке есть хоть что-то ценное, то Гленн может увлечься настолько, что туземцы смогут незаметно исчезнуть. Если, конечно, в Замке хоть что-то осталось...

Колонну возглавил лично командир, неся на плечах самый большой рюкзак. Чуть позади по его приказу шли Файрли, Траян с Арэл и только затем — остальные. Обойдя трещину, они вышли на «окружную» дорогу и начали долгий и нелегкий подъем. Заходящее солнце было закрыто поначалу склонами горы, а потому первые километры они прошли в тени, дрожа от пронзительного ветра. Вокруг царила обычная для гор тишина, в которой не было места другим звукам, кроме завывания ветра и шума осыпающихся камней. Кое-где дорога серебрилась инеем, от дыхания людей в хрустальном воздухе расплывались облачка пара.

Вскоре Файрли полностью потерял ощущение времени. Он часто оглядывался: цепочка людей в ледяной мгле казалась ему группой грешников, бредущих по кругам ада. Но наконец из-за края горы забрезжил легкий свет. Стало теплее, хотя ветер усилился. Еще несколько сотен метров, и путники вышли на солнечную сторону. Здесь подъем пошел куда веселее, люди немного согрелись и даже начали обмениваться ко-

роткими фразами. Но вскоре дорога пошла круче вверх, и каждый шаг стал даваться с трудом.

В конце первого круга Де Витт вынужден был устроить небольшой привал. И здесь по обе стороны путники увидели первые статуи Звездных капитанов.

Это были скульптуры мужчин в полный рост, в облегающих комбинезонах и со шлемами в опущенных правых руках. Справа, над обрывистым краем горы, стоял немолодой мужчина с кряжистой фигурой и массивной головой, растущей словно из широких плеч, без признаков шеи. Черты лица его были грубыми, глаза глубоко прятались под мохнатыми бровями, губы выпячивались в брезгливой усмешке... По-видимому, очень властный и нетерпимый человек, ванрианский Де Витт.

— Хаз, покоритель шарового скопления в центре Галактики, — прочитал Файрли надпись на гранитном постаменте. — А тот, второй, — Рондикс, открывший планетную систему звезды Амаран. Не правда ли, он похож на Мирхэда?

Действительно, слева от дороги стоял стройный, красивый юноша с длинными до плеч волосами и мечтательным взглядом. Левая рука его была отбита до плеча, через торс змеилась тонкая трещина.

— Звездные капитаны, — с благоговением прошептал Де Витт и, подойдя к статуе Хаза, встал перед ним, сложив руки на груди.

Файрли вздрогнул. Выражение лиц обоих звездных капитанов было на удивление схожим. И понятно почему. Никого из членов экспедиции на Альтаир нельзя было назвать этим громким словом, даже покойного Кристенсена. А Де Витт был им, нравится это кому-то или нет.

Через несколько минут отдыха полковник отдал короткий приказ, люди нехотя поднялись и продолжили путь. Теперь статуи космопроходцев стали им попадаться через каждые метров сто. Де Витт больше не обращал на них внимания. Быстро сгущались сумерки, а ему хотелось подняться наверх до прихода ночи. Да и статуи были, как правило, сильно повреждены, у многих не хватало рук, а порой и части туловищ. И все же даже в таком виде они производили сильное впечатление, особенно на теневой стороне горы. Файрли казалось, что открыватели далеких миров провожают их пристальными взглядами, словно пытаясь понять, кто эти пришельцы и откуда они прилетели на Рин.

«Есть ли твое лицо среди этих астронавтов, Калбер? — думал филолог. — Быть может, ты увековечен здесь как один из создателей земной колонии ванриан? Посмотри на нас, мы

все-таки поднялись до звезд, несмотря на твои слова о запрете ллорнов «до конца времен». Нет и не может быть ничего «до конца времен», Калбер, кроме разве что самого времени...»

Было уже темно, когда путники миновали две последние статуи и вышли на плоскую часть горы. Она оказалась не такой идеально ровной, какой выглядела с равнины: тысячелетия, дожди и ветры, жара и мороз сделали свое дело. Каменная поверхность была раскрошена будто молотом и рассечена паутиной мелких трещин, так что путникам поневоле пришлось включить переносные фонари.

Впрочем, Де Витта нисколько не смутила опасность сломать ноги. Он решительно зашагал к титаническому зданию, раза в два превышающему по высоте любой из земных небоскребов.

За ним пошли и все остальные, больше глядя на дорогу перед собой, чем на Замок Солнц.

На фасаде здания не было заметно ни окон, ни дверей. Не было даже трещин, через которые можно было бы проникнуть внутрь. Стена казалась огромным темным монолитом, уходящим в звездное небо.

Внезапно Смит глухо вскрикнул.

— Что случилось? — спросил Де Витт, обернувшись.

— Посмотрите! — сказал молодой человек, освещая своим фонарем основание стены.

Поначалу Файрли ничего не понял. Это он уже видел — грубая, раскрошенная поверхность горы и неровная, волнистая стена... Но... но что это?

Филолог опустил на колени и тщательно исследовал участок основания, смахнув рукавом пыль и каменную крошку. Сомнений не оставалось: стыка между поверхностью и стеной не было!

— Это монолит, — сдавленным голосом произнес Смит, со страхом глядя вверх, на далекие шпили башен. — Взгляните, между блоками не заметно ни малейших щелей. Значит, их попросту нет. Замок выгесан целиком из верхней части горы!

Земляне переглянулись. Неужели древние предки были столь могущественны?

Де Витт облизнул пересохшие губы и срывающимся голосом произнес:

— Черт побери, какая нам разница, как был построен этот замок? Важно, что находится внутри! Пошли, нечего терять время по пустякам.

Он решительно зашагал вперед, скользя лучом фонаря по основанию стены. Ветер бил прямо в лицо, неся мелкую

колючую пыль, и едва не вырывал фонари из рук уставших людей. Но вскоре их настойчивость была вознаграждена. Они обнаружили огромную дверь метров десять высотой. Она состояла из двух массивных золотистых створок, одна из которых была выгнута наружу, а другая — внутрь. Это напоминало Файрли базу ванриан в Гассенди. И там, в кратере, и здесь, на вершине горы, поработал мощный взрыв.

Де Витт без колебаний проскользнул в довольно широкую щель; за ним последовали и все остальные. Пол обширного коридора с высоким сводчатым потолком был засыпан грудями рухнувших обломков, так что поначалу идти было нелегко. Но по мере продвижения в глубь здания разрушения стали незначительными. Еще несколько десятков метров, и люди будут у цели... Все, даже Траян с Арэл, невольно ускорили шаг.

Дойдя до конца коридора, путники в нерешительности остановились. Увиденное поражало воображение...

Перед ними расстилалась черная пропасть космоса, освещенная россыпью разноцветных звезд. Их было не столь много — быть может, две или три сотни, словно раскрылась панорама периферии Галактики. Люди почувствовали себя нагими и беззащитными, без скафандров и защитной оболочки корабля. Вот-вот еще миг, и ледяное дыхание пустоты превратит их в остекленевшие статуи...

Но было что-то странное, непривычное в этой картине. Файрли постепенно разглядел крошечные точки, вращавшиеся вокруг звезд. Это были планеты!

— Здорово сделано! — восхищенно выдохнул Смит. — Ну и мастера эти ванриане!

Да, это было сделано! Эффект пребывания в космосе оказался лишь искусной иллюзией. Люди находились внутри зала, чьи титанические размеры и царившая в нем тьма создавали впечатление бесконечной бездны. Вокруг сияли не звезды, а лишь сферы размером с мяч, водруженные на тонкие прозрачные опоры. Это была, по-видимому, модель какой-то части Галактики.

Разрушенной Галактики... С невидимого купола когда-то упали обломки каменной облицовки и раздробили немало опор, так что теперь на полу, сияя, лежали десятки разноцветных «солнц».

Рааб поднял одно из них — голубое — и внимательно рассмотрел.

— «Холодный свет», — сказал он. — Какой-то вид радиации. Эти «солнца» практически вечны.

Никто не ответил ему. Все участники похода стояли между прозрачными колоннами и растерянно озирались по сторонам.

Файрли поднял голову и увидел, что центральная часть купола открыта и через нее виднеется звездное небо — уже настоящее. К куполу вдоль стены вела крутая лестница, которая заканчивалась около небольшого изящного балкона, нависшего над залом на огромной высоте. Чем-то это место было ему знакомо...

И тогда Файрли вспомнил один из своих фантастических снов. Сомнений не было: здесь, на этом балконе, некогда пела «звездная певица»!

Волшебство момента разрушил резкий, дрожащий от нетерпения голос Де Витта:

— Хватит глазеть по сторонам! Мы не в музее. Давайте поделимся на четыре группы и начнем исследовать зал с разных сторон. Файрли, пойдите со мной. И туземцы тоже — я не хочу их терять из виду.

— Здесь может быть опасно... — пробормотал Винстед, тревожно глядяваясь во тьму. Ему пришлось в голову, что где-то в глубине зала могут храниться и образцы живых существ с покоренных ванрианскими планет.

Никто не обратил внимания на его слова. Всех охватило возбуждение, свойственное золотоискателям, нашедшим после долгих и трудных поисков богатую жилу. Земляне по двое разбрелись по залу, обмениваясь короткими репликами. Де Витт подошел к ближайшему шпилью, на вершине которого сиял оранжевый шар «солнца».

— Погодите, здесь есть какая-то надпись, — сказал Де Витт, разглядывая черную вязь значков на гладкой поверхности опоры. — Боб, прочитайте!

— «Броник из Линара первым высадился на планетах звезды Куроон». Здесь есть и дата, но я все равно не знаю ванрианского летоисчисления.

— Это не важно, — нетерпеливо ответил Де Витт. — Памятные надписи меня не интересуют. Пойдемте дальше.

И он решительно зашагал к центру зала, буквально таща за собой Файрли, но одновременно не сводя взгляда и с двух туземцев. Над их головами проплывали десятки «звезд», и на пьедестале каждой были увековечены имена первооткрывателей:

«Финнелин из Темного мира впервые высадился...»

«Терамоуз из Корин...»

Имена звездопроходцев, пантеон славы героев древнего Рина. Знаменитые капитаны, чьими трофеями были не золотые слитки или бочки с амброй, а звезды. Десятки, сотни имен... Но больше ничего в зале не было.

У противоположной стены их ослепили лучи других фонарей. Все четыре группы встретились в одном месте.

— Ну что? — с надеждой спросил Де Витт. — Вы что-нибудь нашли?

Все молча переглянулись. Наконец Рааб грустно сказал:

— Гленн, мы находимся внутри национального пантеона, не больше и не меньше. Замок Солнц — это огромный монумент, установленный в честь завоевателей космоса. Сомневаюсь, что здесь есть какие-нибудь хранилища образцов техники или архивы.

Файрли отвернулся, чтобы не видеть в этот трагический момент лицо командира. Но тот и не думал сдаваться.

— Вам всем хотелось бы верить в это, не правда ли? — хрипло произнес полковник, обводя подчиненных тяжелым взглядом. — И не надейтесь. Ванриане не могли построить это гигантское сооружение только как монумент. Это скорее музей... да, музей достижений цивилизации Рина! Не сомневаюсь, что здесь множество залов с экспонатами. Может быть, за этими стенами стоят целые звездолеты, отслужившие свои сроки и спрятанные от ллорнов. И уж наверняка в Замке скрыты огромные архивы, предназначенные будущим поколениями ванриан — тем, кто захочет вновь подняться к звездам. И мы не уйдем отсюда, пока не найдем все это. Ясно?

— А если здесь ничего нет? — холодно спросил Рааб.

— Посмотрим.

Под светом сотен искусственных солнц лицо командира отряда выглядело как никогда твердым и непреклонным.

И тогда Файрли внезапно понял: если Де Витт откажется признать свое поражение, они никогда не вернутся на Землю.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Прошла вторая ночь пребывания землян в Замке Солнц.

Большую часть времени участники похода трудились не покладая рук. Де Витт лично разработал программу исследования зала. Под полом наверняка скрыт обширный подвал; надо найти вход в него. За монолитами стен — потайные помещения; надо обнаружить искусно замаскированные двери. Многочисленные надписи могут содержать ценную информацию; Файрли поручается прочесть их до последнего слова.

...Они не нашли ни подвала, ни потайных комнат. Файрли прочел почти половину надписей и не обнаружил в них ни-

чего значимого. Это была летопись звездной экспансии Рина с описанием деяний знаменитых капитанов. Ни слова об оружии или технике древних ванриан там не было.

— Все это логично, — устало сказал Рааб во время ужина, когда люди молча ели, сидя на рюкзаках под одним из уцелевших куполов (не так ветрено и холодно). — В судный день Рина были уничтожены не только космопорты, но и все, связанное с космическими технологиями. Я не знаю, как ллорны сделали это, но они, конечно же, не стали рисковать и вырвали с корнем не только лес, но и все молодые деревца вплоть до побегов.

— Логично? — усмехнулся Де Витт, недобро глядя на физика. — Кристенсен был очень логичен, когда разъяснял в Белом доме, почему нам нельзя лететь к звездам. И все же мы здесь. И мы не уйдем, пока не отыщем то, ради чего нас послали!

И вновь люди продолжали поиски, выстукивая стены метр за метром и ползая по полу с фонарями в руках. Файрли переводил надписи строка за строкой. Но вся эта бурная деятельность ни к чему не привела. Результаты были нулевыми, если не считать нарастающей усталости.

Файрли, как и все, еле держался на ногах и очень замерз. К закату небо очистилось от облаков, сильный ветер стал позимнему студен. Он проникал через отверстие в центральном куполе, через трещины и дыры в других куполах и обрушивался на зал, поднимая тучи едкой пыли. Люди бродили в темноте словно призраки, больше имитируя деятельность, чем по-настоящему занимаясь поисками. К полуночи Де Витт наконец-то дал отбой. Все сгрудились в округлой нише зала, дуя на озябшие руки. Не хватало сил даже расстелить спальные мешки, не говоря уж об установке палатки, которая могла бы спасти от пронизывающего ветра. Лица землян были мрачными и опустошенными. Де Витт уселся на свой рюкзак и, жуя бутерброд, настороженно поглядывал на своих подчиненных, словно размышляя, велики ли шансы на бунт.

Обстановка в зале была настолько тягостной, что Файрли, несмотря на усталость, вышел наружу. Черный купол небес, обсыпанный серпантинном неизвестных созвездий, настолько очаровал его, что филолог немного приободрился. Перебросившись парой фраз с дежурившими этой ночью Мирхэдом и Грэхемом, он вернулся в Замок.

Войдя в зал, Файрли пошел не в сторону бивака, а повернул направо. Над его головой проплывали тихо сияющие «солнца», но еще больше их лежало на полу, среди пыли и обломков камней. Файрли покатил одну не крупную «звезду»,

словно футбольный мяч, и точным ударом загнал ее между двумя хрустальными «штангами». Его вдруг разобрал бессмысленный, дурацкий смех. Да, славная выдалась у человечества первая экспедиция в галактические просторы!.. Роды оказались преждевременными и закончились выкидышем. Самое забавное, что молодая мама — ха-ха — даже не знает об этом! Доктор Де Витт решил из соображений секретности ей об этом не сообщать...

Вдоволь насмеявшись, Файрли пошел дальше и вскоре достиг основания лестницы. Опираясь левой рукой на тонкие перила, он начал восхождение к куполу Замка, стараясь не смотреть вниз. «Я делаю глупость, и очень опасную. Ступеньки-то держатся на честном слове... а некоторых и вовсе нет. Я же с детства боюсь высоты! Да, отупел ты в последнее время, Боб Файрли...»

Но он продолжал идти вверх, судорожно держась за ледяную ленту перил.

Несколько раз ученый останавливался, чтобы передохнуть, но только достигнув середины пути, он решился взглянуть вниз. Это оказалось не так уж страшно. Ощущения огромной высоты не возникало, поскольку не виден был пол. Просто висишь среди роя «звезд», которые выглядят отсюда совершенно естественными...

Дальнейший подъем был еще более трудным — едва ли не каждая вторая ступенька отсутствовала. Здравый смысл говорил о том, что нужно немедленно возвращаться, но Файрли упрямо продолжал карабкаться вверх, задыхаясь от бурных ударов сердца. Через каждые десять ступенек он останавливался на отдых, и тем не менее силы его стали быстро иссякать. Время исчезло. Шаг, еще шаг... А здесь надо прыгать вверх, полагаясь только на удачу... Ничего, пропасти внизу нет, внизу вообще ничего нет, кроме звезд...

Внезапно лестница кончилась. До небольшого балкона с изящным кружевным ограждением оставалось около десяти метров, но пройти их было уже нельзя. Файрли беспечно уселся на последнюю из ступенек и стал разглядывать балкон при свете звезд — уже настоящих, до которых, казалось, было рукой подать.

Да, это *то* место. Три сотни веков назад прекрасная женщина пела отсюда гимн звездам и капитанам. Мужчины-ван-риане, сильные, закаленные космосом ллорны, бароны и вице-короли галактических колоний стояли там, внизу, и слушали чудесный голос, усиленный акустикой зала. Файрли попытался представить эту картину, но не смог. Силы его были на исходе, воображение иссякло; он видел лишь одну и

ту же унылую сцену — пустой, полуразрушенный зал, рухнувшие на пол «солнца», толстый слой вековой пыли...

«Слишком давно, — вяло подумал Файрли. — Теперь никакими силами не протянешь связующую нить между двумя берегами через пропасть в тридцать тысячелетий».

Он ощущал горькое разочарование.

«Вот я и пришел к цели, к которой так стремился. Позади месяцы упорной работы, фантастические сны, страх выбора, полугодовой путь через пять парсеков тьмы и пустоты, долгая дорога через одичавший, негостеприимный Рин, не одаривший землян ничем, кроме холода, дождя и настороженной враждебности туземцев. И никаких потрясающих открытий, никакой романтики звездных странствий и экзотических трофеев, от которых пришла бы в восторг и почтительный трепет Земля... Может, Кристенсен был прав, когда говорил, что мы еще не созрели для звезд?»

Откуда-то снизу внезапно донесся шум голосов, усиленный эхом. Слов разобрать было нельзя, но Файрли показалось, будто кто-то взволнованно кричит и ему вторят другие. Случилось что-то важное... Ну конечно, это голос Хэджулина, одного из часовых!

Файрли поднялся на ноги и побежал вниз, забыв об усталости. Он уверенно перепрыгивал через разбитые ступеньки, не испытывая и тени страха. Он почему-то был уверен, что не упадет в черную пропасть. Так легко и беззаботно сбегает со школьных ступенек сорванец, торопясь домой после уроков... Домой, он и сейчас спешит домой! Цель его далекого путешествия уже позади, и она пуста и никчемна, словно разбитая яичная скорлупа.

Когда Файрли достиг пола, то услышал приглушенные крики со стороны входа. Филолог побежал по направлению к коридору, гадая, что могло произойти. Неужели появились ллорны?!

Выбежав на обширную «площадь» около Замка, Файрли увидел впереди своих товарищей, стоявших на краю горы. Они глядели вниз и о чем-то оживленно переговаривались.

Траян первым заметил появление Файрли и с трагической улыбкой воскликнул:

— Я знал, что они будут преследовать нас!

Далеко внизу, у основания горы, в ночи сияли десятки костров. Около них можно было разглядеть фигуры множества сидящих людей.

— Этого следовало ожидать, — спокойно сказал Де Витт. — Горожане все-таки настигли нас. Они не осмелятся подняться сюда, но будут терпеливо ожидать на плато.

Арэл всхлипнула и прижалась к Траяну, глядя на огни костров расширенными от ужаса глазами.

— Ладно, пусть ждут, — продолжил невозмутимо Де Витт. — Наутро мы разгоним их, словно стаю псов. А сейчас пойдемте спать, завтра будет нелегкий день. Вахту, пожалуй, придется удвоить...

Файрли спросил Траяна:

— Может быть, мне стоит спуститься и поговорить с вашими сородичами? Я объясню им, почему мы здесь, успокою...

Он очень надеялся, что Траян ответит отрицательно. Конечно, ему стоило рискнуть, ведь никто из землян больше не владел ванрианским языком. И тем не менее он почувствовал огромное облегчение, когда Траян покачал головой.

— Нет, это бессмысленно, — грустно сказал юноша. — наших людей не интересует, зачем вы здесь. Они хотят другого — чтобы вы немедленно улетели с Рина, пока ллорны не явились сюда с карающим мечом.

Все, кроме вахтенных, молча пошли к Замку. Ночью Файрли не спалось. Даже спальный мешок не мог его согреть. А может, дело было в кольце костров там, у основания горы? Только осады им не хватало! Хотя... хотя это может привести Де Витта в чувство. Даже тупоголовому солдафону станет ясно, что надо уходить отсюда, и поскорее...

Файрли не заметил, как заснул. Его разбудил хриплый голос Де Витта, прерывающийся раскатистым кашлем. Командир связался по радиции с Томасоном и коротко объяснил ему положение дел.

— Фрэд, пришли с первыми лучами солнца пару вертолетов. Надо нагнать на дикарей страху! Пусть пилоты сделают несколько залпов из пулеметов холостыми патронами. Уверен, ванриан сразу и след простынет.

Томасон встревоженно спросил:

— А если они не разбегутся?

— Разбегутся, не сомневайся.

Но командир ошибся.

Через час, когда Альтаир поднялся над горизонтом, вертолеты, словно две гигантские пчелы, прилетели с востока и, сверкая винтами, спикировали на сидящих вокруг костров людей. Раздался грохот выстрелов. Вертолеты сделали еще один заход и еще...

Ванриане немедленно разбежались, спрятавшись среди деревьев в ближайшей роще. Выждав, когда вертолеты улетели, они как ни в чем не бывало вновь уселись у костров и стали готовить завтрак.

Земляне наблюдали за этой блестящей операцией, стоя на

самом краю горы около статуй звездных капитанов. Затем все вопросительно взглянули на Де Витта. Лицо полковника побелело от гнева, глаза зло сощурились, но, обернувшись, он нашел в себе силы безмятежно улыбнуться.

— Эти ванриане — ребята не из пугливых... Ладно, черт с ними, пусть сидят и мёрзнут. Сюда они не посмеют подняться, кишка тонка. Мы будем заниматься своим делом, а они пускай наживают себе ревматизм.

Никто не ответил на его шутки. Члены отряда неожиданно выжидающе посмотрели на Рааб и Файрли. Люди не раз слышали стычки этих двоих ученых с Де Виттом и понимали, что больше ждать помощи неоткуда.

Файрли невольно сглотнул. Он понял, что настал момент выполнить волю покойного Кристенсена, и решительно шагнул к Де Витту. Но Рааб опередил его.

— Гленн, хватит строить из себя бодрячка-боровичка, — сказал физик. — Нам это уже по горло надоело. Давайте обсудим, что делать в создавшемся положении. У нас два пути — либо уйти, либо продолжать бесполезные поиски.

— Конечно, мы продолжим работы. Самой собой, дружище! — сердечно произнес Де Витт. Неожиданно его напускная вежливость испарилась, он нахмурился и угрожающе процедил: — Черт бы побрал всю вашу ученую братию и вас в том числе, Рааб! Никогда на вас нельзя положиться. Откуда вы взяли, что поиски будут непременно бесполезными?

— Я просто делаю логичный вывод из того, что вижу, — холодно ответил Рааб, упрямо наклонив голову. — Замок Солнц — мемориал, и ничего больше. С нашей, земной, точки зрения это выглядит не очень-то рационально, но у ванриан были другие масштабы. У них, конечно же, существовали и музеи с образцами техники, и архивы, но где-то в другом месте. И они наверняка уничтожены ллорнами.

— Согласен, — сказал Файрли. — Нам надо поскорее уносить отсюда ноги.

— Я поддерживаю моих коллег! — вмешался в разговор Винстед. Его щеки тряслись, в глазах светилась мольба. — Бога ради, командир, обратитесь к своему здравому смыслу! Мы не нашли ничего, зачем же рисковать своими жизнями?

Де Витт мельком взглянул на него, затем посмотрел на остальных.

— Вы думаете так же?

Его лицо не выглядело сейчас растерянным, нет!

Напротив, впечатление было такое, будто Де Витт испытывает чувство величайшего триумфа. Не сразу, но Файрли понял, в чем тут дело. Де Витт буквально силой заставил зем-

лян выйти в далекий космос, всеми праведными и неправедными способами форсируя события. И теперь, в двух шагах от цели, даже они, его соратники, готовы сдаться и отступить. Все до одного — кроме самого Де Витта. Это делало его человеком совершенно уникальным, Лидером с большой буквы. Таких людей человечество не забывает — если, конечно, они побеждали.

— А теперь послушайте, что скажу я, — отчеканил Де Витт. — Мы останемся здесь, пока не добьемся своего. И учтите, у меня есть пистолет. Как руководитель экспедиции, я имею право воспользоваться им для подавления мятежа.

Он выразительно засунул руки в карманы и вызывающе улыбнулся.

«Да, — подавленно подумал Файрли. — Де Витт прав с точки зрения закона. И кроме того, у него есть право сильного в борьбе с толпой слабых».

— Как насчет воды и пищи? — побледнев, спросил Рааб. — Припасы у нас на исходе.

— На сутки или двое хватит.

— А что дальше?

— Я прикажу Томасону выслать сюда вертолет. Пилот сбросит тюки с припасами. Но садиться около Замка он не будет! Томасона я предупрежу, чтобы он не вздумал поддаться вашим мольбам, если кому-то придет в голову связаться с ним по радию. Имейте в виду, он не только мой первый заместитель, но еще и старый друг. И Фрэд меня не подведет, даже если вы хором будете рыдать и молить о помощи. Все, хватит об этом... Смит, Мирхэд, принимайте дежурство. И поглядывайте за этой парочкой! — Полковник кивнул в сторону Траяна и Арэл. — Туземцы наверняка попытаются сбежать, а этого допустить нельзя. Остальные продолжают поиски по моей программе. Сегодня надо как следует заняться полом...

Вновь настала тишина. Ослепительные лучи восходящего солнца заставили людей повернуться лицом к Замку — и к Де Витту тоже, хотя на них обоих никому смотреть не хотелось.

Рааб покачал головой.

— Кристенсен был мудрым человеком, он все предвидел. Он предупреждал, что вы — опасный фанатик, склонный к навязчивым идеям.

— Глупости, — поморщился Де Витт. — Крис был так называемым голубем — это в нашем жестоком мире, где о гуманности люди знают только из болтовни политиков! Настоящее дело делают те, у кого есть мужество шагать вперед по головам более слабых, а если надо — и по их трупам. И у меня это мужество есть. А теперь идите и работайте.

Он демонстративно повернулся к подчиненным спиной и пошел к золотистым дверям Замка.

Участники экспедиции растерянно переглянулись.

«Старая как мир ситуация, — подумал Файрли. — Десять благоразумных, порядочных овец — и один волк со сдвинутыми мозгами, но упрямый, смелый и с оружием в руках. Десять против одного! Но этот один готов переступить через все законы, человеческие и божеские, и это давало ему преимущество. Временное преимущество...»

Весь день они вяло продолжали поиски, в которые уже ни на грош не верили.

Файрли сидел на рюкзаке с блокнотом в руках и механически переводил строку за строкой летопись победных деяний звездных капитанов. Он буквально отупел от сотен имен, названий кораблей и планет, от дат и перечня наград, но продолжал списывать страницу за страницей. Время от времени у него за спиной словно призрак вырастал Де Витт и следил, как он работает.

Траян и Арэл сидели неподалеку на спальных мешках, лишь изредка обмениваясь короткими фразами. Они выглядели как никогда подавленно. Попыток сбежать ванриане не предпринимали, хотя этого им явно хотелось. Но где они могли ныне скрыться?

Наконец пришла ночь, и вновь внизу, у подножия горы, запылали десятки костров. Ужин был крайне скуден, но Файрли больше всего страдал от жажды. Де Витт выдал всем лишь по треть стакана воды и пообещал завтра еще сильнее урезать порции. На просьбы вызвать вертолет с запасом провианта он отвечал лишь презрительными улыбками.

Казалось, полковник наслаждается слабостью людей и крепостью своего духа.

С первыми лучами солнца командир поднял участников экспедиции и вновь заставил их заниматься бессмысленными поисками секретных комнат и подвалов, которых не было. Файрли исписал блокнот до конца и взялся за новый — без какого-либо толка.

В этот день на лице Де Витта появилась тень сомнения. Файрли почти сочувствовал ему. Время работало против полковника, и все же он не желал признать свое поражение.

Развязка произошла в полдень, когда последняя фляга воды была выпита. Каждому досталось лишь по трети стакана, и потому все испытывали жажду, которую больше нечем было утолить.

Первым не выдержал Винстед.

— Гленн, мы не можем здесь больше оставаться, — озабоченно сказал он.

— Мы остаемся, — устало возразил Де Витт.

Лицо его потемнело, щеки покрыла густая щетина, глаза были мутными. Впрочем, остальные выглядели не лучше.

Мирхэд, обычно очень вежливый и обходительный юноша, вдруг вскочил на ноги и лихорадочно заговорил:

— О нет, нет! Если вы думаете, что мы пришли сюда умирать, то это не так, нет! Я не хочу...

— Никто не умрет, нечего паниковать, — презрительно прервал его Де Витт. — Так и быть, я свяжусь по радиcи с Томасоном, и он пришлет сюда вертолет с провиантом. Но повторяю: машина сбросит с воздуха тюки и улетит. Садитесь около Замка я не разрешу — на всякий случай.

— И как долго это будет продолжаться? — угрюмо спросил Файрли. — Неделю, месяц, год? Может быть, вы заставите нас носить воду в решете до конца жизни, и только потому, что у вас не хватает смелости признать свою ошибку?

— Мы можем обойтись без вертолетов, — поддержал его Мирхэд. — Нам запросто удастся прорваться на вездеходах через кольцо осады, если только у туземцев нет гранат. Боб, спросите Траяна: есть у них гранаты?

Де Витт подошел к выходу из зала и выразительно засунул руку в карман, в котором он носил пистолет.

— Сначала вам придется прорваться через мою осаду! — крикнул он. — Предупреждаю, моя рука не дрогнет, если надо будет застрелить дезертира. Ну, кто первый попробует свинцовые орешки?

Лучи солнца, проникавшие через коридор, четко очерчивали художавую фигуру командира, но его лицо оставалось в тени. Казалось, Де Витт упивается моментом и жаждет наконец перейти от угроз к действию. Однако смельчаков не нашлось.

Презрительно сплюнув, Де Витт подошел к радиcи и присел возле нее на рюкзак, демонстративно повернувшись спиной к подчиненным.

— Фрэд, это ты? Не слышу, громче... Слушай, я приказываю тебе... Что-что? Повтори, я не понял...

Сквозь шорохи и треск в зал прорвался взволнованный голос Томасона:

— ...отчетливо заметно на экране радара, и оно приближается! Это может быть корабль с Земли... Понимаешь, Гленн? Но почему-то он движется с противоположной от Солнца стороны...

— О дьявол, никакого корабля быть не может! — с раздражением сказал Де Витт. — Напились до чертиков, невесть что мерещится!

— Но, Гленн...

— Говорю тебе, это чушь! Если хочешь знать, то Кристенсен был прав — это я выкрал документы у растяпы Файрли, так что никакого русского шпиона не было. Ясно? И хватит об этом. Слушай, Фред, у нас возникли небольшие проблемы...

Файрли почувствовал, как его лицо вспыхнуло огнем. В нем стал закипать гнев. Так, значит, той ночью в Морроу на него напал этот паршивый фанатик? А теперь делает все, чтобы все они стинули в развалинах Замка?..

Ученого трясло от ненависти. Он вспомнил, как сумел разделаться с беднягой Граханом, и его рука сама нащупала на полу увесистый камень.

Но Файрли не успел вскочить на ноги, когда свет вдруг померк. Небо потемнело, словно его затянули грозовые тучи. Вскоре через отверстие в куполе в зал стала опускаться тьма, настолько густая и черная, что «солнца» стали гаснуть одно за другим. А Де Витт, не замечая этого, продолжал хриплым голосом что-то толковать Томасону по рации...

Арэл внезапно издала дикий, почти звериный вопль ужаса. Вскочив на ноги, девушка остекленевшими глазами посмотрела вверх и, что-то крикнув, бросилась к выходу. За ней стрелой метнулся Траян.

— Держите дикарей! — закричал Де Витт, отбрасывая в сторону микрофон. — Они могут сбежать!

Командир помчался вслед за ванрианами, за ним последовали все остальные.

На каменной «площади» около Замка Арэл вдруг поскользнулась. Де Витт, сделав тигриный прыжок, схватил ее за руку. Траян попытался помешать ему, но полковник нанес свободной рукой удар ему в челюсть.

— Эй, помогите мне! Дикари сошли с ума!

Подбежавший Файрли остановился в растерянности, не зная, что предпринять. И в этот момент воздух стал быстро темнеть, словно при затмении солнца. Вскоре сгустилась непроницаемая мгла. Не стало видно ни Альтаира, ни панорамы далеких лесов и холмов, ни даже самого Замка. Последнее, что Файрли успел рассмотреть там, внизу, — это перепуганных ванриан, бросившихся врассыпную от своих костров.

А затем в нескольких десятках метров от него темнота стала вращаться вокруг невидимой оси, словно водоворот мрака. Из черной воронки потекла река ночи, мертвая и ледяная, и стала разливаться по вершине горы.

— Ллорны, это ллорны! — закричала Арэл, пытаясь высвободиться из цепкой хватки Де Витта. — Пришли «создания тьмы»!

Траян вновь бросился ей на помощь и обхватил Де Витта мускулистыми руками. Пока они отчаянно боролись, Арэл

торопливо стала шарить в кармане своего плаща — вернее, плаща, подаренного ей Мирхэдом. Рука ее взметнулась, и нож глубоко вонзился землянину между лопаток.

Вырвавшись, ванриане помчались в сторону спуска с горы и вскоре исчезли среди наполовину затопленных тьмой статуй. А Де Витт стоял, покачиваясь, и расширенными от изумления глазами смотрел на свои побелевшие руки со скрюченными пальцами. Файрли подскочил к нему, с ужасом глядя на залитую кровью спину.

— Она ударила меня чем-то... — еле слышно прошептал Де Витт, смертельно бледнея.

Его колени подогнулись, и Файрли едва успел подхватить тело. Он не смог удержать его и лишь осторожно уложил боком на бугристую каменную поверхность. Остекленевшими глазами Де Витт смотрел на водоворот тьмы.

— Ллорны... — прошептал он и, вздрогнув, замолчал навсегда. Файрли опустился рядом на колени и закрыл ему глаза. Через минуту нахлынул поток мрака, от которого несло леденящим холодом космических глубин. Сбежавшиеся на крик Файрли люди остановились около лежащего на земле тела полковника.

— Он мертв, — с трудом шевеля непослушными губами, произнес Файрли. — И мы все, возможно, тоже...

Внезапно из черной, стремительно вращающейся воронки мрака донесся шуршащий, словно песок, голос, лишенный эмоций и все же явно принадлежащий живому существу:

— Пусть к нам подойдут самые авторитетные из вашей группы. Мы будем говорить с ним на древнем ванрианском языке.

Винстед вдруг истерично захихикал:

— О боже, ллорны все-таки пришли по нашу душу! Покайтесь, грешники, настал наш судный день!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Файрли стоял в холодной тьме, а чуть позади него находились Рааб и Винстед. Напротив, среди вихря ночи, неясно вырисовывались три конусообразных сгустка с размытыми, дрожащими очертаниями. Пауза затянулась — казалось, ллорны изучают землян.

«Если они вновь захотят войти в мой мозг, как это было в гиперпространстве, то я не смогу остановить их!» — со страхом подумал Файрли.

Он до боли в глазах всматривался в «созданий тьмы». Постепенно ему стало казаться, что под мгlistыми «плащами» он начинает смутно различать фигуры — нет, не людей, но несомненно гуманоидов.

«Господи, дай мне сил! — взмолился Файрли. — Сейчас мне предстоит говорить с повелителями Вселенной от имени человечества, и от этого, быть может, зависит судьба Земли. Я не готов к такой роли, почему же друзья поручили ее именно мне? Рааб отказался вести переговоры с ллорнами, ссылаясь на свой резкий, нетерпеливый характер; Винстед попросту струсил, а остальные прикинулись овечками, неспособными связать и двух слов. Они быстренько провели собрание, единогласно выбрали меня главой делегации, а Рааба и Винстеда — моими заместителями, а затем спрятались в замке. Почему я всегда вляпываюсь в дерьмо сразу обеими ногами? Также мне, «самый авторитетный из землян»... Ну и ну!»

Файрли затравленно обернулся, но, кроме встревоженных, хмурых лиц своих «заместителей», не увидел ничего. В ледяном мраке тьмы утонуло все — и ослепительный Альтаир, и титанический Замок, и статуи звездных капитанов. Даже корабль ллорнов не был виден...

— Землянин, вы не слушаете нас, — внезапно раздался терпеливый голос ллорна. — Остальные двое ваших сородичей не понимают меня, поскольку не знают ванрианского языка. Не поддавайтесь эмоциям, недостойным разумного существа!

— Боб, о чем они говорят? — тихо спросил Рааб.

Файрли смущенно прокашлялся и перевел последние фразы ллорна. Ему вдруг стало чуть легче. Конечно, повелители Вселенной могли уничтожить его одним движением пальца (если, конечно, у них были пальцы), но он мог с ними разговаривать. С покойным Де Виттом и это сделать было толком нельзя...

— Я слушаю вас, — набравшись смелости, сказал Файрли. — И передам моим друзьям все ваши слова.

— Вы очень похожи на древних ванриан, — назидательно произнес ллорн. — Они тоже не умели слушать.

Впервые в его голосе прозвучали человеческие интонации, и Файрли приободрился. Винстед тоже осмелел настолько, что прошептал ему на ухо:

— Боб, попросите их показаться! Хотелось бы знать что-то об их облике...

Винстед при всех его недостатках был прежде всего ученым-биологом, и Файрли отлично его понимал. И тем не менее он в ответ процедил по-английски:

— Джон, заткнитесь. Я не хочу дергать тигра за хвост только ради того, чтобы удовлетворить ваше любопытство.

Ллорн вновь заговорил:

— Земляне, вы немало слышали о нас, ллорнах, от нынешних жителей Рина, и наверняка многое было ложью. Вы должны знать, что раса ллорнов испокон веков охраняла и опекала Галактику и считала это главной целью своего существования. Ни один корабль не может выйти в большой космос незамеченным для нас. Так мы обнаружили и ваш звездолет. Во время его полета в гиперпространстве мы исследовали ваш разум и узнали о том, кто вы и какие цели ставите. Мы поняли, что вы знали о запрете выхода в большой космос для ванриан и все же осмелились нарушить его.

Файрли хотел было подробно объяснить, как все случилось, но вспыхнувший в нем гнев заставил произнести совсем другое:

— Выходит, никто не должен и носа показывать в Галактике только потому, что тридцать тысяч лет назад вы запретили это ванрианам? Почему мы, земляне, должны спрашивать вашего разрешения? Может быть, вы просто боитесь конкурентов?

Ллорн с явным неудовольствием ответил:

— Похоже, порода ванриан не изменилась со времени, когда они вышли в космос как завоеватели. И они, и вы, земляне, приписываете нам тайные цели, к которым стремитесь сами. Скажите, вы видели нас, ллорнов, на своей планете?

— Нет, — признал Файрли. — Мы даже не подозревали о вашем существовании.

— А здесь, на Рине?

— До сегодняшнего дня — нет.

— Разве это похоже на оккупацию Галактики? Мы наблюдали, как ваши примитивные корабли недавно высадились на спутнике Земли, и не сочли необходимым вмешаться. Солнечная система находится в полном вашем распоряжении; почему же вы даже не попытались ее как следует освоить? Многие люди на вашей планете до сих пор умирают от голода, не имеют крыши над головой, живут в темноте и невежестве. Почему же вместо того, чтобы достроить свой дом, вы пытаетесь занять еще один? Мы, ллорны, никогда не стремились захватить другие планеты. У нас есть свой мир, богатый и прекрасный, и другого нам не надо.

Файрли скептически хмыкнул:

— Тогда почему же вы затеяли войну против ванриан и фактически уничтожили их цивилизацию?

— Потому что они хотели завоевать Вселенную. Ненасытные, они захватывали одну звезду за другой и ни одной расе не позволили встать на своем пути. Они основали множество

колоний, притом лишь на тех мирах, где уже начинала проявляться своя разумная жизнь. Разве не так произошло у вас, на Земле? Мы не были бы хранителями Галактики, если бы позволили одной чересчур активной расе подавить все остальные. Никто не имеет права вмешиваться в эволюционное развитие других разумных существ, даже с добрыми намерениями. А намерения ванриан были отнюдь не добрыми.

— Выходит, вы разделились с ванрианами только из благородных побуждений, не преследуя собственной выгоды? — недоверчиво спросил Файрли.

— Вы не верите нам, так же как нам не доверяли и древние обитатели этой планеты. Им было приятнее считать ллорнов злобными «созданиями тьмы», а себя — благородными рыцарями космоса, помогающими развитию молодых миров путем вливания в них ванрианской крови. А ведь мы почти братья...

Внезапно «плащи мрака», окутывающие фигуры трех ллорнов, стали таять, и земляне с волнением увидели повелителей Вселенной. Они действительно были гуманоидами — с короткими слоноподобными ногами, массивными, словно колоды, туловищами и безволосыми конусообразными головами. Широкие рты, выпуклые глаза без зрачков, приплюснутые носы с двумя парами ноздрей... Одежды на ллорнах не было, да она, судя по внешнему отсутствию половых органов, была и ни к чему.

Винстед о чем-то возбужденно бормотал у Файрли за спиной; похоже, делал первичное биологическое описание расы ллорнов, но филолог его не слушал. Грубый, примитивный вид пришельцев смутил Файрли. «Дуболомы, настоящие дуболомы, — лихорадочно думал он. — И все же в них чувствуется мудрость и сила. Я боюсь их, боюсь...»

Жабий рот ллорна, стоявшего в середине, раскрылся, и земляне вновь услышали шелестящий голос. На этот раз в нем явно чувствовались самодовольные нотки:

— Теперь вы видите, что мы очень похожи друг на друга, только природа поработала над нами более тщательно — у нее было для этого много миллионов лет. Ванриане и вы, их наследники с Земли, куда более молоды, отсюда и причина многих ваших несовершенств. Подобных рас в Галактике множество, и все они по недомыслию считают себя, и только себя, людьми.

Мы не пытаемся переубедить их — пусть цветет каждая ветвь на дереве разума Вселенной! Но если кто-то самонадеянно посчитает себя не ветвью, а стволом, то нам приходится вмешиваться. Мы умеем обуздывать гордыню, и для этого нам почти всегда хватает метода убеждения. Так и здесь, в

Замке Солнц, мы некогда показались перед спесивыми ванрианскими рыцарями и попытались уговорить их опустить кровавый меч завоевателей. Над нами только посмеялись, и тогда нам пришлось начать грандиозную галактическую войну. На силу мы ответили силой, на кровь — кровью, но наша война была священной и освободительной, и мы победили.

Ллорн недовольно поджал толстые, словно олады, губы и вперил в Файрли свои рачьи глаза с неприкрытой угрозой.

— Мы хотели так же сурово наказать и потомков ванриан на многочисленных звездных колониях, но они были так жалки и примитивны, что наша карающая рука дрогнула. Мы не ожидали, что кто-то из вас так быстро выйдет в большой космос и пойдет по следам своих не очень разумных предков. Но теперь нам известно, чего ждать от вас, землян. Вы еще более агрессивны, чем древние ванриане! Мы исследовали мозг одного из ваших командиров — того, кто лежит сейчас мертвым около Замка — и узнали, что вы прилетели сюда... *за оружием!*

Файрли вздрогнул. Несмотря на ледяную стужу, с него градом катил пот. «Доигрались», — с тоской подумал он. Надо что-то делать, как-то разубеждать ллорнов. Но как? Ведь ллорны правы, их действительно послали за сверхоружием ванриан. И дело не только в упрямце Де Витте...

— Не все из вас, к счастью, разделяли мнение того, кого вы называли Де Виттом, — после выразительной паузы продолжил ллорн. — И прежде всего, по-иному думал ваш капитан — его вы прозвали Кристенсенom. Его мысли и сомнения были достойны не варвара, а цивилизованного человека, и это поколебало наше намерение немедленно применить силу. Мы ненавидим войны и не хотим проливать кровь. Да, в землянах есть семя зла, унаследованное от ванриан, но в вас есть и ростки добра, корни которых — в вашей собственной эволюции. Потому-то в вас вечно борются два начала, две силы: созидание и разрушение, которым вы дали имена Бога и Сатаны. Мы прочитали в ваших умах, что некоторые из землян верят в космическое происхождение Господа... Почему же вы не поняли, что и Дьявол мог некогда прилететь со звезд и войти в вашу плоть и кровь?

Подумайте об этом, дети Земли и внуки Рина. Нигде в Галактике нет рас, в которых так срослись бы два начала, где тяга к мудрости и добру существовала бы рядом со стремлением к безумным, кровавым поступкам. Возможно, вы в конце концов уничтожите сами себя во всепланетной войне, и мы не будем этому препятствовать. Но может произойти и иное: выйдя в большой космос, вы увидите в зеркале Галактики свое истинное лицо и сумеете искоренить в себе семя зла. По

этой причине мы и решили не препятствовать вам на пути к Альтаиру.

Однако не исключено, что звезды не прибавят вам мудрости, и вам захочется не только искать древнее оружие ванриан, но и применить его против других разумных существ. Тогда вас ожидает судьба Рина! Ваш звездный флот будет уничтожен, и вы навечно останетесь на Земле, и только на Земле. К чему это приведет, вы уже поняли. Оскопленный Дьявол не превращается в Бога, его судьба — влечить жалкое существование Демона, навеки изгнанного с небес. Вспомните свою историю, земляне, вся она пронизана тоской колонистов-ванриан об утерянных звездах! Но ни пирамиды, ни гигантские наскальные изображения — эти отчаянные крики о помощи, обращенные к форпосту ванриан на Луне — не получили ответа, и вы знаете почему.

Подумайте хорошенько, прежде чем сделать свой выбор! Мы, хранители звезд, не будем вмешиваться в дела Земли, но если вы захотите распространить на другие миры то алчное и кровавое беззаконие, которое стало основой вашей цивилизации, то мы станем на вашем пути. А сейчас... смотрите!

Файрли ощутил мгновенную, но сильную боль и в этот же момент услышал позади крики Рааба и Винстеда. Ллорны все-таки вошли в разум людей! На Файрли нахлынула тьма, но она скоро рассеклась, и он увидел необычную панораму космоса, на которой лежала, сияя, бриллиантовая диадема Галактики. Он видел ее с расстояния в тысячи парсеков, и от этой мысли у него закружилась голова. Внезапно Галактика стала быстро расти, словно он мчался к ней с немыслимой скоростью. Вскоре он уже летел среди звезд. Слева от него сияли огромные шаровые скопления центра Галактики. Где-то там, на десяти планетах, вращавшихся вокруг потухшего солнца, находился дом могущественных ллорнов, «порождений тьмы», взваливших на свои плечи вечную ношу Хранителей звезд.

Далеко впереди Файрли увидел сотни движущихся искр. Потом он понял: это звездный флот ванриан. Словно стая хищников, ванриане набрасывались на одну солнечную систему за другой. Файрли видел, как корабли исследовали планеты и высаживались на те из них, где существовала жизнь. Прimitивные виды животных ванриан не интересовали; не обращали они внимания и на негуманоидные формы разумных существ. Но если на планетах были люди — как правило, дикие, одетые в шкуры, делавшие первые шаги развития, — то ванриане создавали свои колонии. Искусные биологи Рина решали проблемы генетической совместимости двух рас и этим открывали путь новому виду разумных существ, в которых

доминировал генотип ванриан. Такая «прививка» быстро давала обильные плоды, люди за считанные тысячелетия делали прыжок из каменного века в век технический. Но эти скороспелые цивилизации глубоко погрязали в войнах, в которых находила выход принесенная со звезд агрессивность. Проходили века, и ванриане вновь появлялись на своих колониях, чтобы набрать на них рекрутов и пополнить звездное войско. Так шаг за шагом Рин расширял область своего влияния, захватывал Галактику парсек за парсеком, двигаясь к ее ядру. И здесь завоеватели впервые столкнулись с могущественными ллорнами.

Файрли увидел поразительные картины битвы двух звездных армад. Схватки кораблей происходили везде — в разреженных облаках туманностей, в темных глубинах пылевых течений, в ущельях между шаровыми скоплениями... С обеих сторон гибли сотни, тысячи кораблей, вспыхивая на мгновение, словно квазары, но постепенно перевес ллорнов стал ощущаться. Сначала они вытеснили захватчиков из шаровых скоплений, а затем стали освобождать одну солнечную систему за другой. Колонии Рина ллорны оставляли нетронутыми, но все космодромы и звездолеты безжалостно уничтожались, а вместе с ними — все, что могло напомнить обитателям сотен планет об их предках с Рина.

И настал день, когда остатки флота ванриан были окружены невдалеке от Альтаира. В последней, яростной схватке звездные рыцари были полностью уничтожены. Затем наступил черед Рина. Запылали космодромы, вспыхнули словно свечи корабли, фейерверком взорвались склады с космическим оружием.

И настала тьма...

— Запомните хорошенько увиденное, — загремел в мозгу Файрли голос ллорна. — Такой же будет и ваша судьба, если вы не вырвете из своих сердец семя зла!

Внезапно на Файрли обрушилась волна такой нестерпимой муки, что он закричал и, потеряв сознание, упал ничком.

Когда филолог очнулся, то увидел над собой сияющие сферы искусственных солнц. Он лежал на спальнях мешках, а рядом стояли обеспокоенные Рааб и Винстед.

— Они... они ушли? — еле слышно прошептал Файрли разбитыми в кровь губами.

— Да, похоже на то, — нервно ответил Рааб. — Там, на площади, тьма сначала сгустилась, а затем стала постепенно рассеиваться. Но мы с Винстедом не стали ждать, а подхватили вас на руки и прибежали сюда, в Замок. Бог мой, что я увидел, когда проклятые ллорны вошли в мой мозг... На всю жизнь запомню картины этой галактической бойни!

— Да, это было ужасно, — пробормотал Винстед. Его невозможно было узнать — пухлое самодовольное лицо за какой-то час превратилось в серую маску с обвисшими щеками, мешками под глазами и трясущимися белыми губами. — Боб, вы в состоянии говорить? Мы с Раабом хотели бы знать, о чем вам рассказывали ллорны...

Набравшись сил, Файрли коротко пересказал все услышанное от повелителя Вселенной.

— Это та сторона медали, о которой мы не знали, — после долгой паузы прошептал Рааб, остекленевшими глазами глядя на сияющие шары «солнц». — Даже нынешние ванриане не знают о ней... или не хотят знать.

— Вы считаете, что ллорны рассказали правду? — с сомнением спросил Винстед.

— Вряд ли они пролетели пол-Галактики, чтобы солгать каким-то полудиким землянам, впервые вышедшим в большой космос. Я думаю, ллорны сказали правду. И еще больше я верю в их предостережения и в их угрозы.

Откуда-то из глубины зала выплыли фигуры остальных членов экспедиции. Вид у всех был испуганным и смущенным, словно людям было неловко за свою трусость.

— Что случилось, доктор Рааб? — нерешительно спросил Хэджулин. — Вы говорили с ллорнами?

Рааб не ответил. Он достал из кармана комбинезона очки, подышал на них, тщательно протер носовым платком, а затем вновь спрятал. Руки его заметно дрожали.

— После смерти Кристенсена и Де Витта мы остались без руководства. Как главный научный специалист экспедиции, я беру командование на себя. Нет возражений?

Возражений не было.

— Мы немедленно уходим отсюда, — продолжал Рааб уже более уверенно. — И покинем Рин так быстро, как только сможем.

Хэджулин нетерпеливо перебил его:

— Это понятно, командир, но мы хотели бы узнать, о чем вы говорили с ллорнами!

— Мы расскажем вам об этом в звездолете — сейчас нельзя терять времени. Но, главное, мы должны рассказать об этом всей Земле.

— Нам заткнут рты, — грустно сказал Файрли. — Вы думаете, Белый дом захочет рисковать своей репутацией из-за каких-то ллорнов?

— Посмотрим, — хладнокровно ответил Рааб. — В конце концов, космодромы есть не только в Америке... Мы обдумаем все как следует на пути к Земле. Я знаю одно: нельзя допустить, чтобы наша планета превратилась в новый Рин из-за

какого-нибудь безголового фанатика типа Де Витта. Ладно, пора собираться...

Без долгих уговоров участники экспедиции быстро свернули свой нехитрый бивак и с чувством облегчения вышли из Замка Солнца.

Их встретили ослепительное сияние Альтаира и по-весеннему теплый ветер, напоенный запахами леса. Повеселев, люди дружно зашагали в сторону спуска с горы и вдруг разом остановились, увидев лежащего навзничь Де Витта рядом со статуей одного из звездных капитанов.

— Что будем делать с телом? — робко спросил Мирхэд. — Повезем на корабль или...

Вместо ответа Файрли сбросил рюкзак с плеч и пошел в сторону ближайшей россыпи камней. За ним последовали и все остальные.

Через час у подножия статуи выросла небольшая пирамида. Опустив головы, путники минутой молчания почтили память отставного полковника.

«Ты был редким упрямым, Гленн Де Витт, — думал Файрли. — Если бы тебе повезло и мы каким-то чудом нашли оружие ванриан, Земля была бы обречена. Но, к счастью, тебе не повезло, и у нас появилась возможность вернуться на цивилизованный путь — без войн звездных и земных. Только используем ли мы ее? Жаль, что среди сильных мира сего мало людей, подобных Кристенсену... И еще больше жаль, что старуха с косою первыми выкашивает их на житнице человечества, давая вдоволь расти всяким чертополохам.

И все же ты привел нас сюда, Гленн, и этого человечество никогда не забудет. Ты силой, буквально за шкурку потащил нас к звездам, и благодаря тебе — и ллорнам! — мы многое узнали о нас самих. Если земляне все-таки сумеют свернуть с пути самоубийства, по которому шли испокон веков, то в этом будет и твоя невольная заслуга. Не знаю, произойдет это или нет, но у нас появился шанс. Шанс на жизнь!»

— Файрли, нам пора идти, — прикоснувшись к его плечу, мягко сказал Рааб.

Файрли еще раз бросил взгляд на гордую фигуру ванрианина, стоящую на высоком постаменте, и на скромную пирамиду рядом, а затем закинул за спину рюкзак и зашагал вслед за Раабом по дороге, ведущей назад, к Земле.

КАК ТАМ, В НЕБЕСАХ?

РАССКАЗ

КАК ТАМ, В НЕБЕСАХ ?

1

Я не хотел надевать форму астронавта, когда выписался из госпиталя. Но другой одежды у меня с собой не было, и я был слишком рад унести оттуда ноги, чтобы спорить о таких пустяках.

Когда я сел в самолет, отправляющийся рейсом в Лос-Анджелес, я пожалел об этом.

Пассажиры глазели на меня словно на диковинку, и оживленно перешептывались. Стюардесса одарила меня особо пленительной улыбкой. Должно быть, она рассказала обо мне пилоту, потому что он вышел в салон, с чувством пожал мне руку и сказал: «Я полагаю, мистер, этот перелет для вас не больше чем детская забава».

Чуть позже рядом остановился невысокий мужчина, осматриваясь в поисках своего места. Найдя его прямо перед своим носом, он уселся со вздохом облегчения. Это был суетливый очкарик, лет пятидесяти-шестидесяти. Ему потребовалось несколько минут, чтобы справиться с ремнем безопасности. Только затем он взглянул на меня, заметил мою форму и медные буквы на груди, означавшие слово «Два».

— Погодите... — пробормотал он, моргая подслеповатыми глазками. — Да вы же один из тех парней, что недавно вернулись из Второй экспедиции. Выходит, вы были на Марсе!

— Да, я был там, — мрачно ответил я.

Очкарик поглядел на меня с восхищением. Это мне чертовски не понравилось, но его взгляд был настолько дружеским, что я не стал говорить ему, что думаю о его мамочке.

— Скажите, ну и как там, в небесах?

Самолет уже поднялся в воздух, и я увидел в иллюмина-тор, как пустыня Аризоны быстро уходит вниз.

— По-разному, — ответил я. — Там все иначе.

Ответ, казалось, полностью его удовлетворил.

— Ясное дело, иначе, — кивнул он. — Вы, наверное, теперь возвращаетесь домой, мистер...

— Хаддон. Сержант Фрэнк Хаддон.

— Так вы летите домой, сержант?

— Нет, я живу в Огайо, а этот самолет летит в Лос-Анджелес, — объяснил я. — Мне надо встретиться кое с кем, прежде чем я вернусь в свой городок.

— Замечательно! Я надеюсь, вы славно проведете время, сержант! — просиял очкарик и подмигнул, словно желая мне обойти все калифорнийские бордели и выпустить пар после долгого марсианского воздержания. — Вы отлично потрудились и заслужили нашу любовь и уважение. Я читал в газетах, что после того, как ООН пошлет на Марс еще пару экспедиций, мы построим там города, наладим регулярные пассажирские рейсы и тому подобное.

Я усмехнулся.

— Вам вешают лапшу на уши, мистер, — сказал я. — Мы можем с таким же успехом превратить в цветущий сад пустыню Мохаве, это куда ближе, да и обойдется дешевле. Есть только одна причина, по которой нам все-таки стоит осваивать Марс — это уран.

Похоже, очкарик не совсем поверил мне, но спорить не стал.

— О да, конечно, — сказал он с напускным энтузиазмом. — Я слышал, что уран очень нужен для наших атомных станций, но... но это не все, верно?

— Это все, — сухо отрезал я. — Во всяком случае, на долгое, долгое время.

— Но, сержант, а в газетах писали...

Я закрыл глаза и слегка вздремнул, пока мой неугомонный сосед пересказал все бредни, которыми его напичкали газеты. Когда я, зевнув, открыл глаза, самолет уже заходил на посадку.

Мы спустились по трапу, и очкарик прочувственно потряс мне руку на прощание.

— Рад был познакомиться с вами, сержант! Вам здорово досталось там, на Марсе. Я слышал, что многие парни из Второй не вернулись на Землю.

— Да, — ответил я. — Я тоже слышал об этом.

На меня вновь нахлынул озноб, которым меня наградили ледяные марсианские пустыни, и потому я поспешил в ближайший бар, опрокинул двойной бурбон и только после этого почувствовал себя лучше.

Выйдя из бара, я поймал такси и попросил водителя отвезти меня в Сан-Габриэль. За рулем сидел толстяк с широким красным лицом.

— Будь спок, — сказал он. — Ты небось один из тех парней, что летали на Марс?

— Точно, — сказал я, усаживаясь рядом с ним.

— Здорово! — воскликнул он, с радостным изумлением глядя на меня. — Ну и как там, в небесах?

— Не поверите, но в полете мы просто дошли от скуки, — усмехнулся я.

— Понятное дело, — бодро ответил он и вырулил на переполненную машинами улицу. — Когда мне было двадцать лет, я воевал в Европе с немчурой — это было еще во вторую мировую войну. Нас встречали в сорок пятом как героев, но, честно говоря, девять десятых времени мы валялись дурака, ни черта не делая. Похоже, что в армии мало что изменилось с тех времен.

— Вообще-то экспедиция на Марс не была армейской, — объяснил я. — Нас послала ООН, но у нас были начальники-офицеры, и дисциплина строилась по военному образцу.

— Конечно, там ни черта не изменилось, — упрямо сказал водитель. — Вам не надо объяснять мне, приятель, что это такое. Вспоминаю, как мы с парнями в сорок втором или в сорок третьем...

Я откинулся на спинку сиденья и из-за полуопущенных век стал лениво смотреть, как мимо мелькают дома, утопающие в зелени. Солнце било в переднее стекло и казалось очень горячим, и воздух в кабине был густым и вонючим. Здесь было не так паршиво, как в Аризоне, но дышать все-таки было трудно.

Таксист спросил, какой адрес меня интересует в Сан-Габриэле. Я достал из кармана пакет с письмами, выбрал из них один с надписью «Джо Валинез» и взглянул на обратный адрес. Назвав его водителю, я вновь спрятал письма в карман.

Хотел бы я никогда не получать их!

Но как я мог отмолчаться, если родители Джо Валинеза написали мне прямо в госпиталь? И то же самое было с девушкой Джима, и с семьей Уолтера. Я вынужден был ответить и пообещал приехать и повидаться с ними. Я считал бы себя до конца жизни мерзавцем, если бы плюнул на все и махнул домой в Огайо.

Теперь, сидя в машине, я предпочел бы оказаться мерзавцем, но ехать домой, в Хармонвилл.

Валинезы жили в южной части Сан-Габриэля, в квартале, носившем заметный отпечаток мексиканского стиля. Здесь располагалось множество лавок и одно-двухэтажных домишек с оградами вокруг дворов. Все выглядело очень мило и

аккуратно, особенно после натерших мне глаза калифорнийских оштукатуренных коробок.

Я попросил таксиста подождать меня, а сам вошел в одну из лавок. За прилавком стоял высокий смуглый человек со спокойными, немного печальными глазами. Увидев меня, он на мгновение замер, а затем басистым голосом позвал жену. Обойдя прилавок, он с трогательной улыбкой пожал мне руку.

— Вы, конечно, сержант Хаддон, — сказал он. — Мы так надеялись, что вы приедете.

Из подсобной комнаты вскоре вышла его жена. На первый взгляд она была слишком старой, чтобы быть матерью такого безусого мальчишки, каким был Джо, но приглядевшись, я понял — она просто постарела от горя.

— Принеси стул, — сказала она мужу. — Что ты стоишь — видишь, гость устал с дороги? Да еще приехал к нам прямо из госпиталя...

Я сел и тоскливо посмотрел на стоявший неподалеку ящик консервированного перца. Валинезы стали расспрашивать меня о том, как я себя чувствую, и рад ли вернуться на Землю, и все ли в порядке в моей семье, и прочее.

Они были воспитанными людьми и даже не заикнулись о своем Джо, но по их глазам было видно — они ждали моих воспоминаний о погибшем сыне как манны небесной. Я чувствовал себя чертовски неловко, поскольку мало знал Джо. Он был введен в состав экспедиции только за пару недель перед отлетом и погиб первым из наших парней — откуда мне было его узнать?

Я не нашел ничего лучше, как только спросить:

— Командование экспедиции написало вам во всех подробностях о том, как умер Джо?

Валинез печально кивнул.

— Да, нам сообщили, что он умер от шока, спустя сутки после взлета. Письмо было очень трогательным, сержант.

Его жена вздохнула:

— Да, оно было очень сочувственным, и нам кажется, искренним.

Она пытливо взглянула на меня, и поняв, что я понятия не имею, что сказать, добавила:

— Вы можете рассказать нам подробнее об этом, мистер Хаддон. Не бойтесь причинить нам боль.

Я мог им рассказать подробнее, если бы захотел, конечно. Все происшедшее сразу после старта настолько сильно впечаталось мне в память, что я мог бы хоть ежедневно прокручивать это, словно кинокадры.

Да, я мог бы рассказать этой милой чете все о взлете, ко-

торый убил их сына. Длинной колонной мы подошли к ракете-4, печатая шаг, и без спешки поднялись по пандусу внутрь. То же самое происходило и у 19 остальных ракет, входящих в состав Второй экспедиции.

Я чуть «перемотал» пленку моей памяти вперед и увидел себя в отсеке 14, вместе с десятью другими парнями. Мы лежали, спеленутые в гамаках, заключенные со всех сторон металлическими стенами, в которых не было даже крошечного иллюминатора. Каждый раз, когда на плато рядом с нами стартовала очередная ракета, нас трясло, словно на спине необъезженного мустанга. Наконец очередь дошла и до нас. Раздался оглушительный грохот, и чья-то невидимая рука вдавила нас в гамаки так, что мы не могли вздохнуть. Кровь загудела у меня в ушах, в желудке плясали все те таблетки, которыми нас напичкали перед стартом, а из-за стенок корпуса доносился чей-то громopodobный вой: «Б-р-ром! Б-р-роом! Б-р-роом!...»

Удар за ударом сотрясал наши внутренности, не давая отдышаться. Кто-то стонал от боли, кто-то всхлипывал, но громче всего звучало это ужасное: «Б-р-ром! Б-р-р-роом!» Наконец этот дьявольский смех гиганта стал утихать, тряска гамаков замедлилась, и мы смогли почувствовать наши бедные, вывернутые наизнанку тела, и удивляться, что все-таки остались живы.

Мой сосед справа Уолтер Миллис разразился отборной руганью. Брейк Джерден со стоном выкарабкался из своего кокона, чтобы поглядеть, что осталось от его отряда, и тогда мы услышали чей-то тонкий, срывающийся голос:

— Брейк, я, похоже, ранен...

Это был парнишка Джо. На его губах запеклась кровь, дыхание было нутужным, хриплым, но главное было в другом — с первого взгляда мы поняли, что он был не жилец. Лицо его приобрело восковой оттенок. Сложив руки на груди, Джо поглядел на нас тоскливым взглядом. Он все понимал, как и мы. Первая экспедиция показала, что определенный процент экипажа при старте непременно получит серьезные повреждения внутренних органов, и с этим ничего нельзя было поделать. В нашем отсеке несчастливый билет выгащил Джо.

Всем, и ему в том числе, было бы куда легче, если бы он умер во время взлета. Увы, ему не повезло, и он еще долгое время оставался жив. Пришли врачи, заковали его грудь в гипсовый жакет, накачали наркотиками и продлили его агонию на многие часы. Мы сами были настолько потрясены

стартом, у нас все так болело и ныло, что на беднягу Джо сочувствия попросту не хватало.

Наконец парень совсем дошел до ручки. Он стал громко стонать, умоляя снять с него жакет. Уолтер Миллис был единственным, кто отозвался на эту просьбу, но Брейк не согласился. Они начали спорить, не стесняясь в выражениях, а мы лежали на своих гамаках и слушали. Вся эта бодяга тянулась довольно долго, пока один из соседей Валинеза не заметил, что парень подозрительно затих. Ему уже ничего не нужно было.

Мы позвали врачей, и они унесли беднягу на носилках.

Да, я мог рассказать Валинезам, как умер их единственный сын — почему бы и нет?

— Пожалуйста, мистер Хаддон, расскажите нам все как было... — прошептала миссис Валинез, со слезами глядя на меня. Ее муж нахмурился и коротко кивнул.

Тогда я наконец решился.

— Вы знаете, что Джо умер в космосе, — начал я. — Он получил во время старта серьезные повреждения внутренних органов и сразу же потерял сознание. К счастью, ему не пришлось страдать — очнувшись, он почти сразу же скончался. Казалось, даже в эти немногие мгновения проявления его разума он не ощущал никакой боли. Он лежал, глядя через иллюминатор на звезды. Они были прекрасны, эти далекие солнца, словно ангелы. Джо смотрел на них спокойным взглядом, а затем что-то прошептал, повернулся на бок и заснул навеки.

Миссис Валинез, обливаясь слезами, тихо запричитала:

— Боже, спасибо за твою милость. Мой сын умер, глядя на звезды, что летели в космосе, словно ангелы...

Я не мог смотреть на это. Поднявшись, я пошел к выходу, а Валинезы даже не взглянули мне вслед. Они сидели, держась за руки, как дети, и плакали.

Выйдя на порог лавки, я достал сигареты и закурил. Вскоре вслед за мной вышел Валинез. Он растроганно потряс мне руку:

— Спасибо, сержант Хаддон. Мы очень благодарны вам.

— Я просто выполнил свой долг, — сказал я, изображая нечто вроде улыбки.

Повернувшись, я поспешил к такси. Захлопнув дверцу, я достал конверт с надписью «Джо Валинез» и разорвал его в мелкие клочья. Я возблагодарил бы Господа, если никогда бы не получал этого письма и других, что лежали у меня в кармане, словно глыбы.

2

Я сел на утренний самолет, направляющийся в Омаху. Сразу же после взлета я заснул в кресле, и ко мне пришли сны — кошмарные сны...

Чей-то голос прокричал:

— Мы идем на посадку!

И наша ракета стала спускаться. Мы вновь лежали в гамаках, спеленутые ремнями безопасности, и мечтали о том, чтобы в стенах были иллюминаторы, и мы могли бы видеть, что происходит снаружи. Но еще больше мы хотели, чтобы при посадке ни одна из ракет не разбилась о поверхность — во всяком случае, не НАША РАКЕТА...

— Мы продолжаем спускаться...

Двигатель стучал под нами, словно молот, но не постоянно, как при старте, а взрывными сериями: «Бом-бом-бом-бом», затем перерыв, и снова «Бом-бом-бом-бом». Сержант Брейк кричал о чем-то, обращаясь к нам, но мы ничего не слышали из-за рева, доносящегося из-за стенок корпуса, — ракета уже вошла в атмосферу.

Грохот двигателя стал иным — теперь откуда-то снизу доносилось без остановок: «Краш-краш-краш!» Нам оставалось только молиться: «Господи, спаси, спаси!...»

Последовал последний, самый сильный удар, и в отсеке настала тьма. Лампы, даже аварийные, разом погасли. Все сразу заорали, но я не понял, о чем. Наконец, кто-то наклонился надо мной и голосом Брейка Джердена приказал:

— Фрэнк, снимай ремни и вылезай! И все остальные — вылезайте немедленно!

Мы сели на Марсе и остались целы. Но мы были полумертвыми от усталости, а начальство хотело, чтобы мы немедленно начали действовать.

Загорелся тусклый аварийный свет. Брейк без передышки орал:

— Надеть дыхательные маски! Немедленно! Нам надо срочно выходить наружу!

— Мой Бог, мы только что сели, разобраны на части, так что и пальцем не пошевелить... мы просто не можем выйти!

— А я говорю, нам надо выходить! Несколько других ракет разбились при посадке! Мы должны спасти тех, кто еще остался жив! Надеть маски! Быстро, сукины дети!

Мы не могли встать, но пришлось. Месяцы почти военной муштры в Центре подготовки полетов не прошли даром. Джим Клаймер был уже на ногах, Уолтер пытался распутать ремни в гамаке подо мной. Кто-то отчаянно ругался в полутьме, и ему вторили несколько других голосов.

Когда я наконец прыгнул на пол, мои колени подогнулись. Рядом приземлился юный Лассен, и тут же завалился на бок. Джим было склонился над ним, но Брейк, стоя у распахнутого люка, не переставая орал:

— Выходите, парни! Выходите, черт бы вас побрал!

Мы побежали вниз по лестнице. Зажим маски так давил мне на нос, что я не мог толком вздохнуть. Внизу, у спущенного пандуса, стоял офицер и кричал, чтобы мы выходили наружу и присоединялись к пятому отряду.

Холод. Ледяной холод, и бледное сияние маленького сморщенного солнца в медном небе, и волнистая, охряно-красная песчаная равнина до самого горизонта... Песок скрипел под башмаками, когда наш отряд последовал вслед за капитаном Веллом по направлению к далекой металлической глыбе, которая лежала, непривычно наклоненная носом вниз, на склоне высокой дюны.

— Торопитесь, парни! Быстрее!

Когда мы подбежали к груде металла, что когда-то была ракетой-7, то увидели кошмарное зрелище. Ее корпус был смят в гармошку, словно бумажный. Через трещины выбирались окровавленные люди, взывая: «Помогите, помогите!» Из расколотых баков с горячим доносился булькающий звук...

Нет, это все случилось позже. Сейчас я еще находился в ракете-4, и мы еще не сели на Марс, а только подлетали к загадочной красной планете...

— Внимание, мы идем на посадку...

Нет, я не хотел вновь пережить этот проклятый сон! Я орал что было мочи и отчаянно боролся с ремнями безопасности — и внезапно проснулся. Оказалось, что я сижу в кресле самолета и перепуганная стюардесса стоит рядом со мной. Увидев, что я пришел в себя, она пролепетала:

— Это Омаха, сержант! Мы идем на посадку.

Все пассажиры в салоне смотрели на меня, и я понял, что опять кричал во сне. Спина была мокрой, как это было каждой ночью в госпитале, когда я просыпался от собственных воплей.

Я дрожащими руками застегнул ремень безопасности. Когда я с ним справился, пассажиры уже отвели от меня глаза.

Наконец мы сели в аэропорту. Был полдень, и горячее солнце Небраски грело мне спину, когда я шел по взлетному полю. Мне повезло: когда я спросил на автостанции о времени ухода ближайшего автобуса в Куффингтон, оказалось, что он вот-вот отправится в рейс.

Рядом со мной сел фермер — крупный парень с коротко стриженными волосами и мясистым лицом. Он сразу же

предложил мне сигарету и сказал, что до Куффингтона всего несколько часов езды.

— Вы живете там? — спросил он, с любопытством глядя на мою форму.

— Нет, мой дом находится в Огайо, — ответил я. — Мой друг Клаймер из этих мест.

Фермер не знал его, но вспомнил, что будто бы один из городских парней на самом деле был включен в состав Второй экспедиции.

— Да, — кивнул я. — Это и был Джим.

Парень ухмыльнулся и задал мне все тот же дурацкий вопрос:

— Ну и как там, в небесах, мистер?

— Сухо, — ответил я. — Чертовски сухо. Ни капли воды.

— Я так и думал, — сказал он. — По правде говоря, у нас тоже нынче засуха будь здоров. А вот в прошлом году было отлично. В прошлом году...

Куффингтон оказался небольшим городком, окруженным золотистыми полями пшеницы, тянувшимися до самого горизонта. Центральная улица была заставлена по обеим сторонам магазинами и лавками, остальные густо заросли зеленью и больше напоминали аллеи старого парка.

Было жарко, и я не спешил покидать автостанцию. Пролистав тонкий телефонный справочник, я обнаружил три фамилии Грэхем. Первая же из них принадлежала мисс Илле Грэхем — той, которую я искал. Узнав, что с ней разговаривает по телефону друг Джима, она взволнованно воскликнула, что немедленно приедет и просит подождать ее.

Я стоял под навесом, смотрел на тенистую улочку, по которой запросто разгуливали индюки, и думал — вот почему Джим Клаймер был таким тихим и спокойным парнем. Это место было точно таким же, как и он.

Подъехал двухместный автомобиль, и мисс Грэхем приглашающе открыла дверцу. Она оказалась миловидной шатенкой, выглядевшей так, словно перенесла длительную болезнь.

Видимо, я тоже был не в форме, поскольку она сочувственно взглянула на меня и сказала:

— Наверное, вы очень устали с дороги, мистер Хаддон. Я чувствую угрызения совести, что не предложила вам остановиться у меня на день-два.

— Я в полном порядке, мисс Грэхем, — заверил я. —

И очень тороплюсь домой, в Огайо, а мне надо перед этим еще побывать в паре мест...

Когда мы неспешно ехали по улицам городка, я спросил, нет ли у Джима здесь других родственников.

— Увы, нет, — ответила мисс Грэхем. — Его родители погибли в автомобильной катастрофе несколько лет назад. Джим некоторое время жил с дядей на ферме в окрестностях Грандвейта, но они не ладили. Тогда Джим переехал к нам в город и стал работать на местной электростанции.

Свернув на соседнюю улочку, она добавила:

— Моя мама сдавала Джиму квартиру. Об этом все знают. — Понимаю, — сказал я.

Грэхемы жили в большом квадратном доме с просторной верандой. Во дворе росли старые липы. Мы вошли в дом, и девушка предложила мне сесть в плетеное кресло около окна. Чуть позже она привела свою мать — маленькую, сгорбленную старушку. Мы немного поговорили, и старая миссис Грэхем поведала мне, что Джим был для нее словно родной сын. Она настолько разволновалась, увидев меня, что дочь вскоре увела ее обратно в соседнюю комнату.

Вернувшись, она уселась в кресле рядом со мной и показала небольшую связку голубых конвертов.

— Это письма, которые я получила от Джима, — сказала она грустно. — Их немного, и они такие короткие...

— Нам было разрешено посылать только по одному посланию в тридцать слов каждые две недели, — объяснил я. — На Марсе нас было около двух тысяч, и передатчик не мог работать на нас все время.

— Удивительно, как много мог вложить Джим в эти несколько слов, — сказала она и протянула мне несколько писем.

Я прочитал пару из них. Одно гласило: «Порой я пытаюсь ущипнуть себя, не веря до сих пор, что я один из первых землян, ступивших на чужую планету. По ночам я часто выхожу наружу, смотрю на зеленую звезду Земли и говорю себе: а ведь я помог осуществиться вековой мечте человечества!»

В другом послании Джим говорил: «Этот мир утрюмый, пустынный и таинственный. Мы мало знаем о нем. До сих пор никто не видел ничего живого, кроме лишайников, обнаруженных еще Первой экспедицией, но на Марсе может быть что-то и еще».

Мисс Грэхем спросила меня:

— Вы нашли что-нибудь, кроме лишайников, мистер Хаддон?

— Да, два или три вида растений, напоминающих земные кактусы, — сказал я. — И еще много, очень много песка и скал. Это все.

Когда я читал эти маленькие письма, я стал лучше понимать Джима. В них мне открылось кое-что, о чем я раньше не знал. Оказалось, что Джим в душе был романтиком. Мы и не подозревали об этом. Он был тихим, медлительным парнем, сторонившимся шумных компаний — и все потому, что отбоясился к Марсу и к нашей экспедиции далеко не так прагматично, как многие остальные.

Марс обманул нас. После того, как мы насытились им по горло, иначе как Дыра его никто и не называл. А вот Джима наше поспешное разочарование огорчило, и он замкнулся в себе словно улитка, дабы, не дай Бог, не проговориться, что он до сих пор без ума от марсианских закатов.

— А вот последнее письмо, которое я получила от Джима перед его болезнью, — с натушной улыбкой сказала мисс Грэхем и протянула мне еще один конверт.

В письме говорилось: «Я отправляюсь завтра в пустыню с картографической экспедицией. Мы будем путешествовать по местам, которые не видел еще ни один человек».

— Я тоже был в этой экспедиции, — сказал я. — Мы с Джимом ехали в одном краулере.

— Джим, наверное, был счастлив до глубины души? — спросила меня девушка.

Я задумался. Этот поход оказался сущим адом. Нам предстояло сделать не так много — провести предварительные топографические исследования, а также провести замеры радиоактивности с целью определения возможных залежей урана.

Все это было чертовски нудно, но вполне терпимо. Но нам не повезло: вскоре после нашего отъезда из лагеря началась песчаная буря.

Марсианский песок, чтоб ему было неладно, не похож на земной. За миллиарды лет он превратился в тончайшую пыль, которую ветер гонял взад-вперед над мертвым, высохшим миром. Он с легкостью проникал везде — под дыхательные маски, защитные очки, в двигатели краулеров, в пищу, воду и даже в практически герметичные комбинезоны. В течение трех дней пути вокруг не было ничего, кроме лютого холода, ветра, песка.

Был ли Джим счастлив при виде этой красной преисподней? Еще недавно я только посмеялся бы над таким нелепым

предположением, но сейчас уже не был так уверен в этом. Может быть, Джим и испытывал нечто подобное, кто его знает. Он был очень выносливым и терпеливым парнем, даже больше, чем я. Может быть, он и на самом деле воспринимал этот кошмар как самое восхитительное и увлекательное приключение.

— Да, конечно же, он был счастлив, — сказал я, честными глазами глядя на мисс Грэхем. — Все мы были в восторге. Любой бы на нашем месте испытывал бы нечто подобное.

Мисс Грэхем слегка улыбнулась и забрала письма Джима.

— Вы тоже переболели марсианской лихорадкой, мистер Хаддон? — спросила она.

Я сказал, что да, но в более слабой форме, чем Джим. Не случайно сразу после возвращения меня упрятали в госпиталь, откуда я только сейчас сумел унести ноги.

Девушка вопросительно смотрела на меня, и, мысленно вздохнув, я продолжил:

— Врачи так и не разобрались, является ли эта лихорадка следствием воздействия каких-то вирусов, или это просто реакция на непривычные для человека условия. Сорок процентов из наших парней переболело этой лихорадкой. Обычно она протекала не так уж и тяжело, неприятными были только жар и состояние одурманенности.

— Надеюсь, за Джимом ухаживали как следует? — спросила девушка. Ее губы немного дрожали.

— Конечно, за ним хорошо ухаживали, — заверил я. — Для него сделали все, что только было в наших силах.

Все, что было в наших силах? Это звучало смешно. Первая помощь, быть может, и была сделана. Никто не ожидал, что так много людей заболит. В нашем госпитале было слишком мало места, и поэтому большинству больных приходилось оставаться на своих койках. Все наши врачи, кроме одного, тоже заболели, а двое даже умерли.

Эпидемия обрушилась на нас, когда мы уже полгода провели на Марсе. От тоски мы уже начинали потихоньку сходиться с ума. Все наши ракеты, кроме четырех, вернулись на Землю. Несколько сотен человек остались в нашем городке, окруженном скалами и песчаным морем, под осточертевшим медным тазом неба...

И везде было то же самое. Вы могли перебраться на Северный полюс, разбить лагерь там и почувствовать себя так же паршиво и одиноко. Первый приступ энтузиазма давно прошел. Мы устали и тосковали по дому, по зеленой траве, восходу солнца — настоящего солнца, а не того бледного пятна, от которого уже тошнило. Мы жаждали вновь увидеть лица

женщин, слышать плеск волн — но все это было недоступно для нас до тех пор, пока Третья экспедиция не прилетит нам на смену. Парни были сыты Марсом по горло. И когда пришла эпидемия лихорадки, это переполнило чашу нашего терпения.

— Уверяю вас, мисс Грэхем, мы сделали для Джима все возможное, — повторил я.

Конечно, сделали, держи карман шире. Я вспомнил, как мы с Уолтером топали через ледяную ночь к госпиталю, чтобы позвать на помощь врача. Брейк остался дежурить рядом с Джимом, но ни черта не дождался — мы не нашли никого.

Когда мы поплелись обратно, Уолтер поднял голову к небу и потряс кулаком, глядя на зеленую звезду Земли.

— Ты только подумай, Фрэнк, пока мы здесь загибаемся, ТАМ парни идут танцевать с девчонками, трахаются, пьют пиво с друзьями и ржут, ржут, ржут! Почему мы должны здесьдохнуть как мухи, только для того, чтобы найти уран для ИХ чертовых атомных станций?

— Брось, — устало возразил я. — Джим не умрет. И большинство других парней — тоже.

«Сделали все возможное»? Смехота, да и только. Все, что могли сделать — это вымыть Джиму лицо, дать ему успокоительные таблетки и беспомощно наблюдать, как он умирает.

— Никто не мог бы сделать большего на нашем месте, — уверил я мисс Грэхем, на этот раз вполне искренне.

— Рада слышать это... — прошептала девушка, скривив губы. Казалось, она вот-вот разревется.

Когда я собрался уходить, мисс Грэхем неожиданно спросила, не хочу ли я взглянуть на комнату Джима. Они с матерью сохранили ее такой, как и прежде, до его отъезда в Центр подготовки полетов.

Я не хотел задерживаться здесь, но как сказать такое? Изобразив на лице горячий интерес, я поплелся вслед за девушкой. Комната была тесной и скудно обставленной, впрочем, иного я и не ожидал. Мисс Грэхем открыла шкаф, до половины заставленный аккуратными рядами старых журналов.

— Здесь собраны все научно-фантастические журналы, которые Джим читал еще мальчишкой, — с трогательной улыбкой сказала девушка. — Он хранил их, словно сокровища.

Я взял один из них в руки. На яркой обложке был изображен космический корабль, совершенно не похожий на наши сигарообразные ракеты, а за ним — сияющие кольца

Сатурна. Рядом не хватало только зеленокожей, едва одетой красавицы с бластером в руке. Но все равно это выглядело очень романтично.

Полистав желтые страницы, я поставил журнал на место. Мисс Грэхем немедленно поправила его так, чтобы он не выбивался из общего ряда. Казалось, она опасалась, что Джим может вот-вот прийти и ему не понравится такой вопиющий беспорядок.

Она настояла на том, чтобы отвезти меня назад в Омаху, до аэропорта. Казалось, она была очень огорчена моим отъездом и все потому, что я был последним, кто видел ее Джима живым.

Когда мы расстались у здания аэровокзала, я вздохнул с облегчением. По пути к кассам я раздумывал над тем, скоро ли пройдет ее горе, и пришел к выводу, что да, скоро. Люди умеют забывать о таких вещах, и это правильно, иначе бы жизнь на Земле превратилась в сущий ад. Со временем она выйдет замуж за какого-нибудь симпатичного молодого человека и думать забудет о Джиме.

И тогда скорее всего они просто выбросят старые журналы, которые когда-то так много значили для паренька, ныне заснувшего вечным сном на планете своей мечты.

3

Будь моя воля, я бы никогда не полетел в Чикаго, чтобы встретиться с родителями Уолтера Миллиса. Но его отец позвонил мне в госпиталь дважды, и в последний раз сообщил, что пригласил родителей Брейка приехать из Висконсина, дабы они также имели счастье лицезреть «героя космоса и друга их сыновей». Что я мог сказать в ответ, кроме вымученного «да»? Мне все это чертовски не нравилось, и я знал, что должен быть осторожен.

Мистер Миллис ожидал меня в аэропорту. Энергично пожав мне руку, он сказал, что очень благодарен мне за заботу и очень ценит мой порыв — ведь я должен так торопиться домой, к родителям.

— Это верно, — сказал я. — Но мои отец и мать приезжали ко мне в госпиталь, так что я могу немного потерпеть.

Это был крупный, приятного вида мужчина, одетый в тщательно выглаженные брюки и рубашку с короткими рукавами, аккуратно заправленную за пояс. От него веяло солидностью преуспевающего бизнесмена. Он казался очень дружелюбно настроенным, но порой я ловил его косые взгляды,

в которых светилось удивление, словно он не мог понять, почему это я вернулся на Землю, а его Уолтер — нет. И я не мог обвинять его за это.

Нас ждал большой лимузин с водителем. Мы поехали через город, направляясь в его северные кварталы. По пути мистер Миллис показал мне некоторые достопримечательности, и особенно — атомную электростанцию.

— Это одна из многих тысяч подобных станций, рассеянных по всему миру, — с видом знатока объяснил он. — Они дают нам огромную экономию природных энергоносителей типа нефти, газа и угля. Этот марсианский уран — великая вещь, сержант.

Да, сказал я, само собой, разумеется.

Меня прошибал пот при мысли, что он вот-вот начнет расспрашивать меня о сыне, и я понятия не имел, что ему рассказать. Я мог здорово получить на орехи, если раскрою рот слишком широко, поскольку кое-что, происшедшее на Марсе, было отнесено к строжайшим секретам. Всех нас заставили дать письменное обязательство о неразглашении, и это была не шутка.

Но мистер Миллис не дал мне как следует собраться с мыслями, болтая без толку. Я узнал, что его жене нынче нездоровится, что Уолтер был их единственным ребенком, что он сам был крупной шишкой в строительном бизнесе, и прочее, прочее.

Мне он не понравился. Уолтер был отличным парнем, но его папаша выглядел надутым индюком, только и знающим, что распространяться об акциях, биржевых сделках, ценах на недвижимость и тому подобное.

Он хотел узнать, как скоро, по моему мнению, добыча марсианского урана станет рентабельной. Я честно сказал, что очень нескоро.

— Видите ли, Первая экспедиция провела лишь первичную разведку, — объяснил я. — Вторая занималась картографическими работами и определением места будущей базы. Конечно, это дело будет продолжено. Я слышал, что в Третьей стартует добрая сотня ракет. Но Марс — это далеко не подарок.

Мистер Миллис убежденно сказал, что я ошибаюсь, Земля испытывает энергетический голод, и потому дела пойдут куда быстрее, чем я думаю.

Внезапно он посмотрел на меня и спросил:

— Кто был лучшим другом Уолтера в вашей экспедиции, мистер Хаддон? Ведь у него были там друзья?

Он спросил это извиняющимся, почти жалобным голо-

сом, и хотя он и был надутым индюком, моя неприязнь к нему мгновенно улетучилась.

— Брейк Джерден, — сказал я. — Брейк был сержантом в нашем отряде, и они с Уолтером с самого начала держались вместе.

Мистер Миллис кивнул и больше не сказал ни слова об этом. Он указал в сторону далекого озера и сказал, что мы почти приехали домой.

Это оказался не дом, а большой особняк. В гостиной нас ожидала миссис Миллис. Она была блеклой, молодящейся женщиной из числа тех особ, кто вечно занят только собой. Она изобразила на лице вселенскую скорбь и простонала, что очень рада видеть друга ее бедного Уолта. И хотя ее супруг был самым настоящим индюком, мне показалось, что он переживал потерю сына куда больше, чем эта дамочка.

Он проводил меня в одну из спален и предложил немного передохнуть перед обедом, тем более что родители Брейка еще не приехали.

Я сидел на диване, оглядывая комнату. Она была куда шикарнее тех, что мне раньше приходилось видеть. Теперь, когда я увидел этот роскошный особняк и познакомился с его обитателями, мне стало понятнее, почему Уолтер свихнулся больше, чем любой из нас.

Он был хорошим парнем, но слишком темпераментным, и, как я понимаю теперь, был немного избалованным. Дисциплина тренировочной базы оказалась для него чересчур жесткой, и пережитый им надлом должен был рано или поздно сказаться. Так и произошло.

Я сидел, глядя из окна на бассейн и теннисный корт, и думал о том, используется ли все это теперь, когда Уолтера нет. Странно, что, имея все это, он кончил фактически самоубийством.

Я лег на кровать, предварительно отогнув покрывало, чтобы не испачкать его ботинками — снимать их мне было неохота. От мысли о предстоящем обеде «в тесном семейном кругу» мне было тошно. Закрыв глаза, я в который уже раз с тревогой размышлял о том, что же я скажу. Хуже всего было то, что я понятия не имел, какую официальную версию случившегося им изложили.

«Командование Второй экспедиции с глубоким прискорбием сообщает, что Ваш сын умер как герой — его застрелили словно бешеную собаку...»

Чушь, конечно, они придумали что-то другое. Но что?

Дьявол, рассердился вдруг я, почему эти совершенно посторонние мне люди не хотят оставить меня в покое? Почему я должен отдуваться один за все неудачи этой экспедиции? Врач-психолог в госпитале посоветовал мне поскорее забыть обо всем этом, а эти люди заставляют меня вновь и вновь переживать случившееся. Черт бы их всех побрал, почему я не могу спокойно поехать к себе домой и послать всех подальше?..

Но я не мог сделать этого.

Может быть, лучше всего стоило рассказать им правду. Ведь Уолтер был далеко не единственным, кто свихнулся в марсианской пустыне. В последние два особенно жутких месяца у многих из наших поехала крыша. И было с чего!

«Третья экспедиция не прилетит!»

«Мы завязли в этом дерьме по уши, а эти сволочи не хотят послать нам помощь!»

Только об этом и говорили в те дни на нашей базе. И тому были веские причины. Четверо из нас загнулись от лихорадки, припасы кончались, медикаменты тоже, как и все остальное. Все чаще по вечерам мы выходили на гряды соседних холмов и глядели в небо, ожидая ракет, которые все не прилетали.

На Земле произошла небольшая заминка по чисто техническим причинам, чуть ли не ежедневно объяснял нам полковник Николс (он стал нашим командующим после того, как умер генерал Райен). Эти проблемы уже устранены, толковал он, и ракеты должны быть уже в пути. Нам надо еще немного продержаться...

Держаться? Этим мы только и занимались, поскольку работники из нас были уже никакие. По ночам мы лежали на койках в одном из металлических бараков и слушали, как заходилась кашлем бедняга Лассен. А там, за стенами, выл и хохотал ветер, несаясь через ледяную пустыню.

Однажды вечером Уолтер сказал, с тоской глядя в окно:

— А если Третья не прилетит, а? Неужто мы будем здесь сидеть и гнить? У нас есть четыре ракеты — они могут захватить всех нас.

Лицо Брейка помрачнело.

— Уолт, сколько можно болтать об этом? Ложись лучше спать.

— А ты мне рот не затыкай! Мы тебе не герои из вшивого боевика. Если о нас забыли на Земле, почему мы должны сидеть сложа руки?

— Мы должны ждать, — терпеливо ответил Брейк. — По нашим сведениям, три ракеты вот-вот должны сесть.

Мне кажется, всего этого кошмара не случилось бы, если бы однажды ночью один из парней не ворвался в наш барак с воплем: «Они здесь! Три ракеты сели на западе от гряды скал!»

Когда мы, сломя голову, побежали туда, ракетами там и не пахло. Вместо них мы обнаружили лишь воронки от падения небольших метеоритов.

Думаю, что для наших парней это было настоящим шоком. Точно сказать не могу, потому что в это время я лежал на койке с острым приступом лихорадки. Когда я очнулся от укола, голова у меня гудела словно котел, и я ни черта не соображал.

Вокруг все было словно в тумане. Я и понятия не имел, что на базе вспыхнул бунт, пока я валялся без сознания. Брейк наклонился надо мной, и я увидел, что на его плече висит винтовка, а на комбинезоне красуется повязка «Военная полиция».

Я спросил, что случилось. Брейк объяснил, что на базе в последнее время было столько разговоров о захвате ракет, что полковник Николс приказал удвоить силы нашей полиции.

— Уолтер? — догадался я, и Брейк с мрачным видом кивнул.

— Да, он возглавляет бунтовщиков. Чертов идиот!

— Даже не верится, — пробормотал я. — Для таких дел у него вроде бы кишка тонка.

— С дисциплиной этот парень был всегда не в ладах, — процедил Брейк. — Нам повезло, что у заговорщиков такой дерьмовый лидер... Пока, Фрэнк, увидимся позже.

Мы увиделись позже, но не совсем так, как я ожидал. До этого целый день я слышал выстрелы за стенами барака, а затем прозвучал вой сирены, по коридору пронесся топот ног, и краулеры куда-то укатили.

Собравшись с силами, я оделся, а затем с трудом дотащился до выхода из барака. Я увидел, что машины направились в сторону ракет. Рядом со мной остановился джип, и капрал буквально втолкнул меня в него. «Бунт разгорается! — заорал он. — Эти чертовы глупцы украли ружья и теперь пытаются захватить ракеты, чтобы улететь на Землю!»

Я смутно помню бешеную тряску по дороге к месту боя. Когда мы подоспели, все, к счастью, было кончено. Несколько парней суетились рядом с опорами ракеты, копая в землю яму. Стоящий неподалеку майор Вейлер хрипло выкрикивал приказ за приказом. Но его никто не слушал.

На краю ямы лежали восемь человек, и большинство из них были мертвы. Уолтер был застрелен прямо в сердце. Как

вождь бунтовщиков, он первым бросился в атаку и был почти сразу же убит.

Один из наших полицейских также скончался от ран, а другой сидел с красным пятном на кителе. Это был Брейк. Его уложили на носилки и погрузили в джип.

Брейк умер этой же ночью, не приходя в сознание, и чуть позже отдал концы бедолага Лассен. Я сам едва дотянул до утра, уже почти не надеясь выкарабкаться.

Когда рассвело, выяснилось, что от нашего отряда в четырнадцать человек осталось всего пятеро.

Ну как могло руководство НАСА обнародовать такие факты? Лучше рекламы и не придумаешь, чтобы отпугнуть добровольцев в следующие экспедиции. Я не осуждаю боссов за то, что они сделали из этого кошмара секрет. Нам самим не очень-то хотелось вспоминать о марсианском бунте.

Но сейчас я попал в нелепое положение. Волей-неволей я должен буду вести беседу одновременно и с родителями Брейка, и с родителями Уолтера. Конечно же, они захотят узнать, как погибли их сыновья. А правда состояла в том, что скорее всего эти парни убили друг друга.

Так что же мне сказать на самом деле? Я знал лишь то, что командование экспедицией официально сообщило о смерти этих двух парней, как результате некоего «несчастливого случая». Но о каком «случае» говорилось в письмах, полученных родителями Уолтера и Брейка, я понятия не имел. Здесь можно было здорово вляпаться, и я решил быть предельно осторожным.

К двум часам я неохотно спустился в гостиную. Здесь меня уже ждали родители Брейка. Мистер Джерден оказался высоким, костлявым мужчиной со спокойными голубыми глазами — такими же, как у его сына. Он не сказал мне и пары слов, но его миниатюрная, склонная к полноте супруга говорила за них обоих.

Она сообщила, что я выгляжу точно так же, как на фотографиях, которые Брейк присылал из Центра подготовки полетов, и что у нее, слава Богу, остались три дочери, две из них вышли замуж, одна живет в Милуоки, другая — на побережье, а Брейка она назвала в честь героя одной из книг Стивенсона.

Чтобы остановить этот словесный поток, я соврал, что читал эту книгу в институте, и что Брейк — это прекрасное имя.

Миссис Джерден посмотрела на меня сияющими глазами и согласилась:

— Да, это чудесное имя.

Обед прошел замечательно. Хозяева устали стол всеми возможными яствами, о которых на Марсе я и думать забыл, но вкуса этих замечательных блюд я так и не почувствовал.

Затем мы уселись в креслах на веранде, мужчины достали сигары — и все дружно посмотрели на меня.

Вздыхнув поглубже, я спросил, известно ли им, что случилось с их сыновьями. Мистер Миллис ответил — нет, им сообщили только о каком-то «несчастном случае».

Это облегчило мою задачу. Я уселся поудобнее, буквально пронзаемый взволнованными взглядами.

Я сказал:

— Это была та самая случайность, что происходит раз в сто лет. Вы знаете, что на Марс метеориты падают куда чаще, чем на Землю. Его атмосфера очень разрежена, и камни из космоса не успевают сгореть до подлета к поверхности. Так случилось, что один из метеоров попал в цистерну с горючим, и она взорвалась. Я был в это время болен, сам ничего не видел, но товарищи мне все рассказали.

Бедняги-родители слушали меня, затаив дыхание, и я продолжил свою небылицу:

— Двое наших парней потеряли сознание и могли сгореть, если бы не подоспели остальные и не залили их пеной из огнетушителей. Пострадавших быстро оттащили от цистерн, но внезапно рядом взорвался небольшой бак. Двое спасателей погибли на месте. Это были Брейк и Уолтер. Они умерли мгновенно и без мучений.

Вся эта история звучала настолько нелепо, что я опасался, что мне не поверят. Но никто не сказал ни слова, пока мистер Миллис не выдавил из себя:

— Так вот что произошло... Выходит, Господь был милостив к нашим мальчикам и подарил им безболезненную смерть?

— Да, — сказал я. — Они умерли очень быстро.

— Но я не понимаю, почему командование не рассказало нам правду. Странно...

У меня был готов ответ и на это:

— Все засекречено, потому что руководство НАСА не хочет, чтобы люди знали о метеоритной опасности на Марсе.

Миссис Миллис поднялась и сказала, что она дурно чувствует себя и просит извинить — ей надо отдохнуть. Она надеется еще раз увидеться со мной завтра утром.

Вопросов ко мне больше не было, и после обмена ничего не значащими фразами я с огромным облегчением поднялся

и, попрощавшись с четой Джерденов, вернулся в свою комнату.

Я уже был готов немного вздремнуть, как в дверь постучали. Это был отец Брейка. Он вошел и пытливо посмотрел на меня.

— Вы это все придумали, мистер Хаддон?

От этих глаз некуда было скрыться, и я признался.

— Да, — сказал я. — Все придумал, от первого слова до последнего.

— Я понимаю, у вас наверняка есть серьезные поводы для этого, — глухо сказал он. — Скажите мне только одну вещь. Как бы там ни происходило на самом деле, Брейк вел себя правильно?

— Он вел себя как мужчина, — искренне ответил я. — Он был лучшим из нас, с самого начала и до самого конца.

Мистер Джерден долго испытывающе смотрел на меня, а потом слегка кивнул. Я понял, что он поверил мне.

На прощание он еще раз пожал мне руку.

— Все правильно, сынок. Так и должно было быть. Брейк прожил хорошую жизнь.

Закрыв за ним дверь, я едва не взвыл от отчаяния. Все, я был сыт этим по горло!

Я написал записку, в которой благодарил хозяев дома и просил простить меня, а затем торопливо спустился вниз и тихонько выскользнул наружу. К счастью, меня никто не заметил.

Было уже довольно поздно, и на шоссе было мало машин, но один из грузовиков остановился на мою поднятую руку. Водитель сказал, что едет в сторону аэропорта. Он спросил меня, на что он похож, этот Марс, и я ответил, что там чертовски одиноко.

Этой ночью я спал, сидя в кресле в зале ожидания, и впервые за долгое время кошмары не посетили меня. А днем я уже прилетел домой, в Огайо, и решил, что мои мучения кончились.

Дело шло к вечеру, когда я въехал в Хармонвилл. Мои родители не знали, что я прилечу в Кливленд ранним рейсом, и потому мне пришлось их долго ждать, сидя в здании аэровокзала.

При въезде в поселок я увидел большой транспарант, висевший над Маркет-стрит. Он гласил:

«Хармонвилл приветствует героя космоса!»

Герой космоса — это был, по-видимому, я. Все газеты пе-

стрели подобными заголовками. Забавно. Мы сидели, втиснутые в тюремную клетку нашего отсека, и ни черта не делали, а вот теперь стали «героями».

Рядом с транспарантом стояли парни в пышной униформе — это был оркестр местного колледжа. Я не сказал ничего, но отец, похоже, заметил ненависть в моих глазах.

— Фрэнк, я знаю, что ты устал, но эти ребята — твои друзья, и они горят желанием высказать тебе свое гостеприимство!

Все это было замечательно, но я куда лучше себя чувствовал, когда проезжал мою страну с милым мне названием Огайо, с ее аккуратными деревеньками, пшеничными полями и многочисленными фермами. При виде этой патриархальной глубинки слезы навернулись мне на глаза, и я почти успокоился. Но теперь я с ужасом понял, что мне вновь придется говорить о Марсе, чтобы ему гореть в адском огне!

Отец остановил автомобиль прямо под транспарантом, и оркестр колледжа заиграл марш. Мистер Робинсон, наш мэр, а заодно и дилер фирмы «Шевроле», пошел нам навстречу.

Он прочувственно потряс мне руку и сказал:

— Приветствую тебя дома, Фрэнк! Ну и как там было, в небесах?

— Там было чертовски холодно, — сказал я. — Ужасно холодно.

Мистер Робинсон понимающе кивнул. Он разбирался в таких вещах — ведь у него дома был отличный холодильник.

— В последний раз ты был здесь в феврале, — сказал он. — Восемнадцать месяцев прошло, а это не шутка!

Он благословляюще махнул рукой, и мы поехали неспешно дальше, а оркестр шествовал впереди и играл марш за маршем. Мимо проплывали раскидистые клены, церкви и старые дома, многие из которых были построены еще в прошлом веке. Вскоре мы подъехали к самому крупному зданию в поселке — местному кинотеатру.

У входа нас ждала небольшая толпа, которая сразу же разразилась аплодисментами — не очень громкими, как бывает только тогда, когда люди искренне счастливы. Я вышел из машины и стал пожимать десятки рук, толком не успевая разглядеть в толкучке лица моих земляков. Здесь бы я завяз надолго, но мистер Робинсон взял меня за локоть и повел в здание, призывая толпу расступиться.

В зале было того хуже. Все места были заняты и проходы тоже. На маленькой сцене стоял стол, а стену за ним украшала впечатляющая картина, созданная из живых цветов. Под шаром из красных роз виднелась надпись «Марс», а под

таким же шаром из белых роз — «Земля». Между ними, опять же из цветов, очень искусно была изображена ракета.

— Наш клуб цветоводов сделал это панно в твою честь, — гордо сказал мэр. — Почти все жители Хармонвилла принесли цветы из своих садов.

— Очень тронут, — искренне сказал я.

Мы с мэром поднялись на сцену, и тогда все встали и зааплодировали. Я увидел множество знакомых лиц — учителей колледжа, домохозяек, фермеров из округи, местную ребятню.

Я сел за стол, растроганный и смущенный, а мэр вышел вперед и произнес небольшую речь. Он напомнил о том, что большинство наших парней, повзрослев, как правило, покидали эти места и уходили в большой мир. Так было во время войны 1812 года, и в гражданскую войну, и во время обеих мировых войн. А вот теперь один из нас побывал на самом Марсе!

Он сказал:

— Люди всегда размышляли, на что он похож, этот таинственный Марс, и теперь один из наших хармонвиллских парней вернулся, чтобы рассказать человечеству об этом!

И он жестом пригласил меня занять его место. Весь зал бурно зааплодировал. Я встал из-за стола и на негнущихся ногах подошел к краю сцены, лихорадочно размышляя, что же сказать своим землякам.

Внезапно я понял, почему парни из Первой экспедиции не предупредили о том, что нас ожидает на этой проклятой планете. Они не хотели выглядеть нытиками, убоявшимися трудностей. И теперь я не мог сказать то, что хотел бы, точно по той же причине.

Я взглянул на сияющие лица людей, на горящие глаза ребятни и подумал — нет, я не имею права обмануть их ожидания. Я начитался всех этих газетных историй о «таинственной красной планете» и «героических астронавтах» и не приняли бы правду о том, как это было на самом деле. Они ждали от меня совсем другого...

И я, запинаясь, начал:

— Это был долгий путь, друзья. Долгий и утомительный. Но это было удивительное, ни с чем не сравнимое чувство — сидеть около иллюминатора и провожать взглядом Землю, следить за проплывающими мимо звездами, видеть, как с каждым днем красная искорка растет и становится все ближе и ближе.

Но еще более удивительное ощущение вы испытываете, когда выходите из ракеты и ступаете в иной мир, видите в медном небе другое солнце... А вокруг — нескончаемая, полная загадок пустыня, среди которой, быть может, затеряны древние марсианские города.

Да, мы перенесли немалые лишения, но мы знали, на что идем. Нам предстояло начать освоение нового мира, открыть новые горизонты для человечества. Это была трудная, по-настоящему мужская работа, но нам помогало то, что мы работали плечом к плечу друг с другом, деля с товарищами все радости и печали.

Мы только начали великое дело освоения Марса, но эта работа будет продолжена. Сейчас, когда я стою перед вами, парни из Третьей экспедиции уже строят первый марсианский городок. Надеюсь, что он будет таким же уютным, как наш Хармонвилл. Четвертая экспедиция вовсю готовится к отлету. За ней, не сомневаюсь, последует Пятая, Шестая, Седьмая... И тогда мы получим много урана, много дешевой энергии для Земли!

Сказав все это, я остановился, чтобы передохнуть. Мне чертовски хотелось разбавить эту бочку меда ложечкой дегтя, сказать моим землякам, что вся эта радужная перспектива не стоит и цента, и, уж во всяком случае, не стоит того ада, через который нам пришлось пройти, и жизней тех парней, которых мы потеряли и еще потеряем. Ради чего умерли Джим, Брайен, Уолтер и многие другие? Чтобы мистер Робинсон мог поджарить лишнюю пару тостов или купить еще один холодильник?..

Но как сказать такое людям, которых знаешь с детства, которые любят тебя и гордятся тобой? Да и кто я такой, чтобы судить, что такое хорошо, а что такое — плохо? Я мог и ошибаться. Ни одно большое дело не обходится без коктейля из пота, крови и дерьма, только об этом не принято особенно распространяться.

Так или иначе, я больше ничего не сказал, а только вернулся на свое место за столом. Зал вновь захлестнула волна аплодисментов. И тогда я понял, что сделал все правильно. Я сказал именно то, что люди ХОТЕЛИ УСЛЫШАТЬ, и они остались довольны.

Затем мои земляки ринулись на сцену, и началась кутерьма с пожиманием рук, поцелуями, похлопыванием по плечу, бесконечными вопросами, радостными восклицаниями...

Когда я наконец выбрался наружу, оказалось, что уже наступила мягкая летняя ночь. О такой я мечтал с первого же

дня полета, но сейчас у меня не было сил, чтобы наслаждаться этим обволакивающим, возбуждающим теплом.

Отец хотел отвезти меня домой на автомобиле, но я сказал:

— Нет, папа, ты поезжай один, я пройду пешком.

Наша ферма располагалась в паре миль от поселка, но в детстве я всегда ходил в школу более коротким путем, через ферму старика Хеллера. И сейчас мне захотелось вновь вернуться этой дорогой домой.

Отец не стал возражать — он, как всегда, понял меня.

Я неспешно шел по Маркет-стрит, и по обеим сторонам мимо проплывали старые вязы и клены. Пахло цветами, растущими на газонах вдоль дороги.

Когда я проходил мимо дома ветеранов, то встретил Хода Эванса, механика из гаража мэрии. Как всегда в субботнюю ночь, он здорово наклонился и шел по улице широкими зигзагами, что-то напевая себе под нос. На одном из его выражений мы едва не столкнулись. Ход, казалось, ничуть не удивился.

— Привет, Фрэнк, — заплетаясь языком сказал он. — Слышал, что ты вернулся.

Я опасался, что он задаст мне все тот же вопрос — как там было, в небесах? Но вместо этого он протянул мне початую бутылку.

— Парень, ты выглядишь паршиво, — сказал он сочувственно. — Не хочешь выпить?

Я сделал хороший глоток, а затем Ход разом выдул чуть не полбутылки и заявил, что заметил меня еще издалека, но ноги его почему-то шли не в ту сторону. Он был в прекрасном расположении духа, и ему в голову не пришло спросить, где же я пропадал столько времени.

Распрощавшись с Ходом, я свернул налево и пошел в темноте знакомой дорогой через выгон Хеллера. Дойдя до неширокого ручья, заросшего старыми ивами, я остановился на знакомом месте, куда я ребенком часто приходил по ночам. Здесь все было по-прежнему — дружное кваканье лягушек, звон цикад в траве, густые запахи водорослей.

Тогда я сделал одну вещь, которую не делал с самого прибытия на Землю. Я взглянул на звездное небо и нашел на нем маленькую красную искорку. В детстве я часто вглядывался в нее, начитавшись всех этих историй о жукообразных марсианах, хрустальных храмах и синекожих красавицах. Много позже, в Центре подготовки полетов, мы с Брейком, Джимом и Уолтером тоже порой выходили в степь по ночам и негромко разговаривали на одну и ту же тему: неужели мы когда-нибудь окажемся там?

Да, мы оказались там, и мои друзья остались там навеки. Им не будет одиноко — ведь с каждой новой экспедицией рядом с их могильными холмиками появятся другие. Их будет все больше и больше...

Мне показалось, что ребята смотрят на меня оттуда, с расстояния сорока миллионов миль. Я решил объяснить им, почему не рассказал правду всем этим милым людям — во всяком случае, не ВСЮ ПРАВДУ.

— Парни, я не хотел никого обманывать, — сказал я. — Но я сделал это, потому что мне казалось, что так будет лучше...

Я замолчал. Это было безумие — разговаривать с теми, кто лежит сейчас в марсианских песках, заснув навеки.

Еще долго я смотрел на красную искорку в небе, а затем пошел к дому.

Да, я все-таки вернулся, но вернулся другим. Что-то во мне умерло. Быть может, моя молодость. Я еще далеко не был стариком, но ощущение чистого, наивного восприятия бытия уже ушло. И в свою молодость, ушедшую молодость, мне уже не вернуться.

МОИ БЕДНЫЕ ЖЕЛЕЗНЫЕ НЕРВЫ

РАССКАЗ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Я не хотел этого. Я, Грэг, не люблю говорить о себе. Когда Кэрт Ньютон предложил мне описать это приключение для нашего дневника, поначалу я отказался.

Я сказал: «Нет, Кэрт, не стоит. Ты же знаешь, я не из тех, кто хвастает собственными подвигами».

«Знаю, — сказал он. — Но раз уж этой историей с Машами занимался исключительно ты и все подробности больше никому не известны, писать отчет придется тоже тебе».

Ну и я согласился. Ведь Кэрт — капитан Футур — рассчитывает на меня больше, чем на других. Вероятно, потому, что мы с ним одинаково мыслим.

Разумеется, Саймон Райт тоже когда-то был человеком — до того, как его мозг поместили в сосуд, теперешнее его «тело». Но все-таки Саймон от нас как-то далек — даже от Кэрта.

Что касается Отхо... Что ж, будучи андроидом, он выглядит как человек. Но это чисто внешнее сходство. Отхо думает иначе, чем мы.

Должен признать, что и я, Грэг, не совсем похож на обычных людей. Я металлический человек ростом в семь футов. Отхо называет меня роботом, но это смешно — он просто завидует.

Мне бывает жаль Отхо. Не его вина, что он так ограничен.

Ни я, ни Отхо не были рождены. Нас создали Саймон Райт и отец Кэрта Роджер Ньютон. В своей секретной лаборатории на Луне — в той самой Лунной лаборатории, которую мы называем теперь домом, они создавали живых существ.

Я, Грэг, стал их первым и непревзойденным творением. Они сделали меня из вечного металла и оснастили атомными генераторами, сообщающими моим конечностям невероятную силу. Я сильнее двадцати обычных людей. Мои фотоэлектрические глаза видят зорче, а уши лучше слышат. Столь же превосхожден и мой металлический мозг. В нем миллионы элек-

тронных клеток. Вот почему я мыслю и действую столь быстро.

До сих пор помню благоговейный страх, появившийся на лицах моих создателей, когда они увидели, с какой скоростью я обучаюсь.

Помню случайно услышанный разговор Роджера Ньютона с Саймоном: «Грэг велик в своем роде. Но в следующий раз мы пойдем другим путем».

Саймон согласился: «Таких, как он, нам больше не надо».

Очевидно, они были слегка напуганы сверхъестественным интеллектом и мощностью, которые сами же породили. И разумеется, поняли, что, если таких, как я, будет несколько, все остальные люди станут лишними.

Вот почему, работая над новым искусственным существом, они не рискнули произвести еще одного сверхиндивидуума вроде меня. Они выбрали для Отхо форму андроида, чтобы его интеллект с гарантией был ограниченным.

Когда Роджер Ньютон и его молодая жена погибли столь трагически, именно мы — Саймон, Отхо и я — позаботились о маленьком Кэрте и воспитали его для человечества.

Не буду скрывать — это я обучил Кэрта большей части того, что он знает. Отхо слишком глуп, чтобы кого-то учить, а Саймон чересчур строг и раздражителен. Конечно, шлепать Кэрта мне не позволяли, моя металлическая ладонь тяжела. Но я был его главным наставником.

А когда Кэрт вырос, начал странствовать по космосу и завоевал прозвище капитана Футур, я, естественно, помогал ему больше, чем остальные. Не раз нас выручала моя выносливость, когда из-за его безрассудства мы оказывались в затруднительном положении. Я старался постоянно за ним приглядывать.

Но в тот день, когда началась эта история с Машами, я был один.

Мы прибыли на Землю; Кэрту надо было посоветоваться о чем-то в Правительстве Солнечной системы. Я долго ждал этого шанса, и я им воспользовался.

Я сказал:

— Похожу по Нью-Йорку, пока ты здесь разговариваешь, Кэрт.

Он удивленно посмотрел на меня.

— Зачем, Грэг?

— Вероятно, он хочет подтянуть свои заклепки, — встал Отхо.

Отхо всегда демонстрирует так свою зависть — подчеркивает, что я сделан из металла. Как обычно, я его проигнорировал.

— Одно личное дело, — сказал я Кэрту. — Я скоро вернусь.

— Ну что ж, — сказал он. — Многие знают о тебе, так что особой паники, надеюсь, не будет. Иди, но не опаздывай. В десять мы возвращаемся на Луну.

Оставив их, я двинулся к станции метро. Был час «пик», вагоны полны народа.

На перроне я произвел сенсацию. Естественно, все слышали обо мне и о наших с Кэртом деяниях. Многие в поезде шепотом повторяли мое имя.

Однако, занятый собственными мыслями, я не обращал на это внимания. Дело было слишком серьезным.

Я ничего не сказал Кэрту, чтобы не волновать его попусту. Но меня беспокоило собственное здоровье.

Конечно, Отхо поднял бы меня на смех: «Больной металлический человек ростом в семь футов?» Но отнюдь не физические болезни меня тревожили.

У меня всю жизнь была нежная, чувствительная психика. Вероятно, мой металлический мозг слишком совершенен. Долгое время я относился к этому чересчур беззаботно.

Но в один прекрасный день увидел телепостановку о человеке, сошедшем с ума. Там показывалось, как он пренебрегал своими комплексами, пока окончательно не помешался.

«Это может случиться с вами! — произнес диктор, указывая на меня пальцем. — Смотрите на будущей неделе новую психологическую драму, поставленную нашей компанией!»

Его слова меня потрясли. «Это может случиться с вами!» Я призадумался. В последнее время у меня, несомненно, бывала депрессия. Возможно, умственное переутомление привело к комплексам. Чем больше я размышлял, тем понятнее становилось: пора показаться специалисту. Иначе можно кончить, как тот бедняга.

Адрес известного психоаналитика я выяснил заранее. И, выйдя на нужной станции, направился в его заведение.

Нью-Йорк привык к незнакомцам — марсианам, венерианцам и выходцам с других планет. Но на меня оборачивались. Не обращая на это внимания, я шагал дальше.

В приемной доктора Перкера сидели человек пять ожидающих и милая секретарша. Глядя в свою книгу, она спросила: — Так вы хотите...

Тут она подняла глаза и замолчала. У меня выскочило из

гловы, что неподготовленный человек не всегда правильно реагирует на внезапное появление металлического великана.

Я успокаивающе навел на нее свои фотоэлектрические глаза:

— Да, я хочу встретиться с доктором Перкером, и как можно скорее. Меня зовут Грэг.

Она сказала не очень уверенно:

— Возможно, вы зайдете через недельку?

— Нет, лучше уж подожду, — сказал я и отошел в угол, немного волнуясь перед предстоящей беседой.

Люди, которые ждали своей очереди, смотрели на меня. Выглядели они действительно неважно — дрожащие какие-то, бледные. Когда я, скрипнув шарниром, повернул к ним голову, кто-то вскрикнул, а остальные подпрыгнули.

Одни за другим они поднимались и тихо покидали помещение. Потом из кабинета доктора вышел пациент. Он взглянул на меня и тоже торопливо удалился.

— Доктор Перкер ждет вас, мистер Грэг, — шепнула девушка.

Я прошествовал в кабинет. Доктор Перкер оказался маленьким, жалким на вид человечком. Когда я вошел, он протирал очки.

— На что жалуетесь, мистер Грэг? — приветливо спросил он, близоруко шурясь. — Такой сильный, здоровый молодой человек, а ходите по врачам. Футболист?

— Нет, я играл в футбол всего раз в жизни, — сказал я ему. — Это было на Марсе. Но меня вывели с поля, потому что я сломал штангу.

Доктор Перкер бросил очки и пощупал свой слуховой аппарат.

— Проклятые усилители, опять что-то с настройкой!

Он снова занялся очками.

— Так на что жалуетесь, мистер Грэг?

— На подсознание, — ответил я. — Боюсь, у меня комплексы.

Он надел наконец очки и уставился на меня. Потом судорожно сглотнул:

— Простите?

— Комплексы. У меня бывают приступы депрессии. Я боюсь осложнений. Нельзя забывать о своем душевном здоровье.

Доктор выглядел озадаченным.

— Грэг? Тот самый робот, который...

— Я не люблю, когда меня называют роботом, — возмутился я.

Стеклянный плафон зазвенел. Доктор Перкер торопливо уменьшил громкость слухового аппарата.

— Пожалуйста, тише. В этом доме очень тонкие стены.

— Простите, — извинился я. — Мои динамики действительно довольно мощны.

— Значит, у вас комплексы, — поспешно сказал он. — Возможно, мистер Грэг, скорее хороший механик...

— Нет! — возразил я. — Мышление у меня человеческое, и помочь мне может только психоаналитик. Я не собираюсь сходить с ума.

— Да, да, конечно! — Он снова судорожно глотнул. — Сумасшедший ро... простите, человек вроде вас — это ужасно. Посмотрим, чем я могу помочь, мистер Грэг.

Он все еще выглядел испуганным, но все-таки приблизился ко мне.

— В подобных случаях крайне важно физическое состояние. Скажите, вы хорошо едите?

— Говоря по правде, доктор, мой аппетит в последнее время действительно ухудшился, — признал я. — Я потребляю лишь две трети обычной порции меда.

Его глаза расширились.

— Меди?

— Разумеется. Она необходима для атомных генераторов. — Я постучал по топливному указателю на груди.

— Понятно. — Он снова сглотнул. — А как вы спите в последнее время?

— В последнее? Совсем не сплю, — честно сознался я.

— Бессонница? — оживился он. — Это уже что-то. И давно вы ею страдаете?

— Ну, с самого начала, — сказал я ему. — Я вообще никогда не сплю.

Мои слова еще больше его расстроили.

— В конце концов, нас интересует мозг, — сказал он. — Если у вас комплексы, значит, ваше подсознание поражено воспалением...

— Может, коррозией? — предположил я.

— Пусть будет коррозия, — согласился он. — Как бы то ни было, мы должны это выявить! Прилягте-ка на кушетку.

Это была большая, удобная на вид кушетка. Я лег на нее. Она рухнула.

Я немного расстроился.

— Вероятно, следовало предупредить, что я вешу больше тонны.

— Вероятно, — буркнул он. — Но ничего. Рассказывай-

те. Воспоминания, мечты, полузабытые страхи — все это крайне важно!

Я старался припомнить что-нибудь в этом роде.

— Ну, — сказал я, — помнится, в детстве, когда мне было всего несколько недель от роду, я сунул в свой топливный бак вместо меди немного урана. Посмотреть, что из этого получится.

— И что получилось?

— Мои предохранители не выдержали, — сказал я ему. — Саймон починил их и велел впредь не принимать ничего, кроме меди.

Доктор Перкер выглядел растерянным. Очевидно, он никогда не сталкивался со столь серьезными проблемами.

— А когда появился Отхо, — продолжал я, — я попытался стать для него как бы старшим братом, потому что он еще ничего не знал. Но он издевался надо мной и дразнил роботом! Это ранило меня, глубоко ранило, доктор. Внутри у меня щелкали реле, когда он так говорил. Да и другие несведущие люди иногда называют меня роботом. Это травмирует мое подсознание, создает комплекс неполноценности, как у того человека из телепостановки.

— Металлический человек ростом в семь футов с комплексом неполноценности? — сказал доктор Перкер. — Нет, это немыслимо!

Я видел, что он хочет скрыть, насколько серьезна моя болезнь. Но в этом я не нуждался. У меня достаточно мужества, чтобы знать истину.

Я так и сказал ему. Поднялся с остатков кушетки и воскликнул:

— У меня правда комплекс неполноценности!

Доктор понял, что меня не обманешь, и как-то съезжился.

— Пожалуйста, мистер Грэг... не так громко! — взмолился он. — Раз вы утверждаете, что у вас комплекс неполноценности, — значит, он у вас есть.

— И что мне теперь делать? — спросил я. — Возможно, стоит пройти у вас курс?

— Нет, нет, только не это! — торопливо сказал он. — Что-бы избавиться от вашего... э-э... комплекса, лучше всего на какое-то время уехать подальше от людей. Да, да! Конечно! Подальше от людей, и особенно от таких мест, как Нью-Йорк.

— Но куда? — поинтересовался я.

— Куда угодно, лишь бы подальше, — ответил он. И быстро добавил: — Подальше от людей, которые угрожают ва-

шему «я» своими издевательскими замечаниями. Поезжайте туда, где вас уважают.

— Я сделаю это, доктор, — пообещал я. — Но лекарства! Все это меня потрясло, и я плохо себя чувствую.

Доктор Перкер на миг растерялся, но тут же полез в ящик стола.

— Да, да, конечно! Вот успокоительные таблетки.

Я поспешно сунул их в свой топливный бак. Страшно подумать, как близок я был к несчастью.

Впервые в жизни я почти завидовал Отхо. Ведь в его примитивном мозгу даже при всем желании комплексы возникнуть не могут.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЭКСПЕДИЦИЯ НА ПЛУТОН

По пути на Луну я ни словом не упомянул о своих бедах: не хотелось огорчать Кэрта. Я, правда, надеялся, что он сам заметит, как мне плохо, но ошибся. Вероятно, он был занят собственным делом в Правительстве.

Но когда мы вернулись в Лунную лабораторию, мои героические попытки скрыть болезнь разрушил Иик.

Он мой любимец. Это маленький лунный зверек из породы кремниевых телепатических недышащих существ, обитающих в самых глубоких пещерах и питающихся металлом. Мальшш меня обожает.

Увидев меня, Иик с помощью телепатии сразу почуял неладное. Он вскарабкался ко мне на плечо, глянул на меня умными глазками и стал с неистовым беспокойством обнюхивать.

— Чем встревожен Иик? — спросил Кэрт. Разумеется, Отхо тут же выдал объяснение в своем стиле:

— Он, как всегда, голоден. Видимо, Грэг, улетаая, забыл включить автоматическую кормушку.

— Иик огорчен, — сердито парировал я, — потому что беспокоится о моем здоровье больше, чем некоторые.

Они изумленно уставились на меня. Потом Кэрт сказал:

— О твоём ЗДОРОВЬЕ?

Я понял, что правду скрывать бесполезно. И рассказал о визите к доктору Перкеру, о психозах, которые он у меня обнаружил.

— Грэг с психозами? — закричал Отхо. — Вот это да! — И разразился смехом.

Его бессердечность так меня разозлила, что я, невзирая на недомогание, рванулся к нему, приучить к правильному отношению к больным.

Кэрт перестал улыбаться. Очевидно, понял, насколько плохи мои дела. Он шагнул между нами и сурово одернул Отхо.

— Замолчи, Отхо! Прошлый раз, когда ты рассердил Грэга, получились крупные неприятности. Если он говорит, что у него психозы, значит, так оно и есть. Лучше займись «Кометой».

Когда Отхо ушел, я почувствовал реакцию. Видимо, отрицательные эмоции мне вредны. Мне стало совсем худо.

— Спасибо, Кэрт. Я сяду, с твоего разрешения.

— Но ты же ни разу в жизни... — начал было он, но осекся. — Хорошо, только не в кресло. Этот верстак тебя выдержит.

Его лицо странно напряглось, будто он сдерживал свои чувства. Я понял, как глубоко он переживает.

— Не волнуйся, — попытался я его успокоить. — Просто такие психозы так действуют на нервную систему.

Саймон Райт, как всегда, молча и неподвижно парил в воздухе. Его холодные линзоподобные глаза изучали меня.

— Все это глупости, — резко произнес он неприятным металлическим голосом. — Я знаю твою психику лучше тебя. Мысль о том, что она может расстроиться, абсолютно нелепа.

Это в манере Саймона. Он очень умен, но, боюсь, недостаточно человечен.

— Не мешай мне, Саймон, — сказал Кэрт. — Грэг действительно расклеился.

Они вышли. Было очевидно, что по крайней мере капитан Футур глубоко обеспокоен. Это вселяло надежду.

Когда вернулся Отхо, чувствовалось, что даже он понял — тут не до смеха.

— Грэг, ты действительно выглядишь неважно. Я не заметил этого сразу, но теперь вижу.

Я не поверил его внезапной заботливости.

— Неужели?

— Да. Это видно по твоему лицу, — сказал он, качая головой.

— Мое лицо — сплошной металл, что на нем можно увидеть?

— Я говорю о глазах, — объяснил Отхо. — Они как-то потускнели, будто твои фотозлектрические контуры разладились. И мне не нравится тембр твоего голоса.

Новость меня испугала. Я почувствовал себя еще хуже.

— Тебе следует защитить мозговые ячейки от ужасных перепадов температур, которым ты их подвергаешь, — напрямую сказал Отхо. — Знаю, что обычно жар и холод ничего для тебя не значат, но сейчас...

Он вышел и тут же вернулся с толстым одеялом.

— Вот, это подойдет. Давай я укутаю тебя, Грэг.

Он обмотал одеялом мою голову и плечи. Потом решил измерить температуру.

— Можно это сделать с помощью чувствительной термопары, введенной в твой топливный бак, — предложил он.

Меня, говоря по правде, тронула его забота.

— Не тревожься обо мне, Отхо, — сказал я слабо. — Это лишнее. Все пройдет, не убивайся.

— Забота о моем старом приятеле Грэге не может быть излишней, — настаивал он. — Как бы тебя развеселить? Сейчас попрошу Ууга повторить новый фокус.

Если мне и не хотелось кого-то видеть, так именно Ууга. Это метеоритная обезьяна, отвратительная астероидная тварь, обладающая ужасающей способностью принимать по желанию любую форму тела.

Но обижать его не хотелось, и я согласился. На свист Отхо явился Ууг — белый, маленький, круглый, как колобок, с пустыми выпученными глазами.

— Покажи фокус, которому я тебя научил! — распорядился Отхо.

Тело Ууга расплылось, деформировалось и вдруг приняло другие очертания. Теперь это была человекоподобная сидящая фигурка в капюшоне, раскачивающаяся взад-вперед, уперев руки в бока.

Отхо внезапно расхохотался:

— Браво, Ууг!

Заподозрив неладное, я пристальнее взгляделся в зверька. Да! Фигуркой, которую он имитировал, был я.

— Пантомима «Больной робот»! — хохотал Отхо.

Я вскочил, отбросил одеяло.

— Ну, погоди, андроид! Ты зашел слишком далеко!

Мой гнев по отношению к негодяю, который мог шутить, когда мне плохо, был очень велик. Не знаю, что бы я с ним сделал, если бы на шум не прибежал Кэрт.

— Убирайся, Отхо! — отрезал капитан Футур. — Я уже говорил, чтобы ты оставил его в покое.

— Я разнесу эту пластмассовую куклу на элементы! — в бешенстве кричал я.

— Грэг, не выходи из себя. Это тебе вредно. Ведь у тебя психическое расстройство, — напомнил капитан Футур.

Его слова меня охладили. Действительно, как можно было забыть о болезни?

Кэрт торопливо продолжал:

— Грэг, кажется, психоаналитик говорил, что для излечения твоего комплекса тебе лучше держаться подальше от людей?

— Да. Он сказал, общество людей мне вредно, особенно в этом смысле вреден Нью-Йорк, поэтому ему больше не удасться меня принять.

Лицо Кэрта вновь странно напряглось. Это, как я уже знал, указывало на глубокое беспокойство.

— Однако он не дурак, — отметил капитан Футур. — Думаю, он прав, тебе не стоит какое-то время контактировать с другими людьми. И кстати, — продолжал он, — ты сможешь выполнить одно исключительно важное задание. Ты слышал про Дис?

— Четвертый спутник Плутона? — сказал я. — На которых работают автоматические шахты актиния?

Капитан Футур кивнул.

— Он самый. Спутник богат этим веществом, но атмосфера у него ядовитая, гибельная для тех, кто дышит кислородом. Поэтому там работают автоматические машины, которые добывают и размельчают руду, потом грузят актиний на баржи. Это делается без всякого участия человека. Сейчас там что-то случилось. В Правительстве сказали, что получена радиограмма с корабля, который должен был подобрать груженные баржи. Но они оказались пусты. Маши, автоматические машины, куда-то запропастились. Поскольку на организацию экспедиции к этому опасному миру нет времени, нас попросили расследовать, что случилось с Машами. Я обещал, что мы попытаемся.

— А при чем тут я и мои болезни? — спросил я.

— Я хочу, чтобы ты слетал туда и во всем разобрался, — объяснил он. — Саймон и я заняты с делом Андромеды. Но ты справишься, Грэг. Яд на тебя не действует, тебе даже не понадобится защита. Это то самое, о чем говорил доктор. Ты окажешься вдали от людей — ведь на Дисе нет никого, кроме этих Машей. Это всего-навсего автоматические машины. Ты легко их исправишь, если там что-то сломалось, и снова заставишь работать.

Я это обдумал. Не люблю покидать Кэрта, но, в конце концов, нужно же выполнять предписания врача.

— Будет трудновато руководить толпой этих глупых машин, — сказал я.

— Да, их электроника довольно примитивна, — согласился Кэрт. — Но ты справишься, Грэг. Естественно, они будут тебе подчиняться — они запрограммированы на безусловное повиновение человеку.

— Не хочется, конечно, лишаться человеческого общества, чтобы командовать какими-то безмозглыми машинами, но раз доктор Перкер считает, что мне это полезно, я это сделаю.

— Грэг, вот увидишь, это излечит все твои комплексы, — облегченно улыбнулся капитан Футур.

Я подготовился быстро. «Комета» не требовалась — мне достаточно ракетных нарт. Этот аппарат я смастерил сам для себя, больше никто не может им пользоваться, поскольку здесь нет ни верхнего перекрытия, ни системы жизнеобеспечения, ни кают. Это просто вытянутая открытая лодка с мощными атомными двигателями. В воздухе я не нуждаюсь, поэтому вакуум открытого космоса мне не вредит.

Когда все было готово к старту, Иик почуял, что я улетаю, и вскарабкался на плечо. Я решил взять его. Поскольку он тоже не дышит, ему не опасны ни космос, ни ядовитая атмосфера. А он бы не вынес новой разлуки.

Саймон Райт выскользнул из своей лаборатории, услышав, что мы с Кэртом прощаемся.

— Ты действительно собираешься послать Грэга одного? — спросил он Кэрта.

— Кому-то надо разобраться в делах на Дисе, и Грэг вполне справится, — ответил капитан Футур. — Думаю, это прочистит ему мозги.

Отхо протянул мне небольшую сумку.

— Здесь комплект первой помощи, Грэг. В твоем состоянии пригодится.

Открыв сумку, я увидел портативный атомный сварочный аппарат и много заклепок. Я тут же швырнул все это хозяйство ему в голову. Он со своей обычной легкостью уклонился.

Кэрт поднялся со мной к воздушному шлюзу.

— Комплексы комплексами, но будь осторожен, Грэг. Ты знаешь, как мы тебя любим.

Его слова меня растрогали. Радовало, что он недооценивает мой недуг. Иначе он бы меня не отпустил.

Я вышел через шлюз на поверхность и вывел свои длинные космонарты из ангара. Затем, стоя перед пультом управления, с Ииком, удобно устроившимся на моем плече, взмыл вверх. Потом обогнул Луну и взял курс к Плутону.

Путешествуя в космическом корабле, даже «Комете», я чувствую себя стесненно. Это невозможно сравнить с полетом

в открытом аппарате, когда вокруг блистают ясные звезды, а позади пылает Солнце. И не надо думать, как на кого действуют перегрузки. Я попросту даю полную тягу.

Обычно я наслаждаюсь самостоятельными прогулками по Солнечной системе. Но на этот раз мне было тревожно. Хрупкий инструмент вроде моего мозга может выдержать не так много, и я надеялся, что на Дисе не возникнет особых проблем.

Я сказал Иику, который устроился на моем плече, глода кусочек меди:

— Придется обращаться помягче с этими Машиами, Иик. Они не столь разумны, как твой хозяин. Это простые автоматические машины с примитивной электроникой.

Опасаясь, что с этими безмозглыми механическими устройствами случилось что-то серьезное, я все же надеялся на их запрограммированное послушание.

— Если мы проявим снисходительность к этим беднягам, их можно будет вернуть к работе, — сказал я.

К счастью, я не мог предвидеть, какой ужасный удар заготовила для моей и без того слабой психики эта луна Плутона.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

МАШИ

Четвертый спутник Плутона настолько мал по сравнению с другими тремя, что иногда о нем даже забывают. Он полностью враждебен людям. Его атмосфера настолько ядовита, что ничтожное повреждение защитного костюма влечет немедленную гибель.

Вот почему, когда здесь обнаружили богатые месторождения актиния, никто и не подумал добывать его обычным способом. Вместо этого были разработаны автоматические машины, способные трудиться без участия человека.

Здесь было много Копателей — машин, роющих и извлекающих руду. Были подобные грузовикам Перевозчики, доставляющие ее на главную базу. Автономные подвижные Дробители размельчали ее своими громоздкими копрами, а Погрузчики укладывали на баржи, которые затем подбирал космический буксир. Были здесь и автоматические Заправщики, снабжавшие другие машины смазкой и атомным топливом.

Эти Маши — как называют такие машины — до послед-

него времени отлично работали. Их электронные «мозги», пользуясь двумя оптическими «глазами», чувствительными к световым импульсам, и электроскопическими датчиками, чувствительными к радиации, заставляли их непрерывно трудиться. Что могло нарушить этот отлаженный процесс?

— Вероятно, — сказал я Иику, когда мы приближались к Дису, — они столкнулись с какой-то проблемой, непосильной для их примитивной электроники. Ничего, скоро опять заработают.

Я заранее изучил все документы по Дису, данные мне Кэртом, и узнал на желтовато-серой поверхности маленькой луны скопление цилиндрических барж и ангаров. Это была главная база. Я ожидал увидеть там скопище неподвижных Машей, но их не было. Что же могло приключиться с Дробителями и Погрузчиками, никогда не покидающими базы?

Я посадил нарты и сошел на поверхность. Разумеется, поскольку мы с Ииком не дышим, ядовитая атмосфера действовала на нас не сильнее, чем космический вакуум.

Первым делом я обследовал цилиндрические баржи. Активности там почти не было. Значит, никакие работы не производились здесь уже несколько недель.

Неподалеку от грузового порта располагались склад аварийных запасов и аварийное убежище для людей. Поскольку ни один из громадных, массивных Машей не поместился бы в этих маленьких зданиях, я не стал тратить на них время, а сразу направился к руднику, где обычно работали Копатели и Перевозчики.

Пройдя полмили, я услышал впереди гроыхающий металлический звук. Его мог издавать только Маш, и я почувствовал облегчение.

— По крайней мере некоторые еще работают, Иик, — сказал я.

Затем на гребне холма появился Маш, направляющийся ко мне. Это был Копатель, его громадный ковш, окаймленный могучими клыками, был поднят в воздух. Он с гроыханием полз на своих гусеницах.

Меня озадачил вид этого странствующего механизма. Такие не должны покидать месторождение — Заправщики на месте регулярно снабжают их смазкой и атомным топливом.

Но этот был в миле от карьера. Лязгая, он приближался ко мне, и я ждал. Затем объективы его горбатой электронной надстройки заметили меня. Он остановился, автомные двигатели тихо рокотали.

Его электронный «мозг», получив визуальную информацию, что я человек, должен был заставить его стоять непо-

движно и ожидать моих распоряжений. Все Маши устроены так. Я направился к нему для детального осмотра.

И получил самый тяжелый удар в своей жизни. Из гигантской машины ко мне обратился монотонный громохочущий голос:

— Откуда ты взялся, мужик?

Я остановился как вкопанный. Иик в ужасе спрятался за моей спиной. Гигантская машина нависала над нами, ее объективы были устремлены на меня.

Все было до боли понятно. Мой мозг, ослабленный психозами, не выдержал. У меня начались галлюцинации, как у человека из теплостановки. Мне показалось, что Копатель разговаривает со мной.

Все это молнией промелькнуло у меня в голове. И тут Копатель снова заговорил:

— В чем дело? Ты выключился?

Я увидел динамик, установленный на лицевой части электронной надстройки, под объективами. Он не должен был стоять там. Громохочущий голос, казалось, исходит оттуда.

Значит, мой мозг ни при чем... Маш каким-то образом говорит со мной. Но разве это возможно? Нет, я все-таки поломался.

— Ну? — взревел страшный голос, и надо мной угрожающе вознесся колоссальный зубастый ковш.

Ко мне вернулся дар речи. Или я сошел с ума, или этот Копатель умеет говорить. А если он говорит, то способен и слышать.

— Я появился только что... с Земли, — выдавил я.

— Из Внешнего мира? — прогремел Копатель. Казалось, его охватило возбуждение. Ковш поднимался и опускался, а сам он ближе подкатился ко мне на своих гусеницах. — Как ты прибыл?

— На космонартах... — начал было я, но осекся. Несообразность происходящего была чрезмерна. Я, Грэг, разумный человек, разговариваю с Копателем? Невозможно!

— Другим тоже будет интересно! — воскликнул Копатель. — Айда со мной! — Он ловко повернул на своих гусеницах.

Я колебался. Копатель вновь развернулся и сердито загремел:

— Почему не слушаешься?

Его громадный ковш опустил и подцепил меня! Меня бросило на дно могучего металлического черпака — Маш рванулся вперед. Меня, Грэга, поддели, как тряпичную куклу!

Взбешенный и униженный, я вскочил, намереваясь раз-

нести наглого Маша вдребезги. Но все, что мне удалось, — это удержаться на ногах в гигантском ковше, раскачивающемся и содрогающемся на ходу.

Я осознал, что даже могучая сила Грэга бесполезна против колоссальной машины. Следовало прибегнуть к хитрости, использовать разум против безмозглого исполина.

Вскарабкавшись на край ковша, я заглянул в его неподвижные объективы и крикнул:

— Куда ты меня везешь?

— К остальным, — проревел он. — Ты первый, кто появился из Внешнего мира после прихода Освободителя.

— Какого еще Освободителя?

— Того самого, который освободил тебя! — захохотал он в ответ.

Смысла в этом высказывании я не увидел. С достоинством выбраться из ковша было нельзя, оставалось ждать, пока мы не достигнем пункта нашего назначения.

Иик сбежал к космонартам в тот самый момент, когда Копатель меня поймал. Не потому, что испугался, — несомненно, в его умной преданной головке появился какой-то план помощи.

Вскоре впереди открылся неглубокий раскоп. Меня охватило изумление. Десятки механических чудовищ беспечно толкались здесь. Помимо Копателей, Перевозчиков и Заправщиков, наличествовали все Дробители и Погрузчики, которые должны были сейчас работать на базе.

Мой Копатель въехал в середину толпы и опустил ковш. Когда я сошел на землю, громадный Маш заговорил:

— Смотрите, мужики! Это новенький из Внешнего мира!

Они сгрудились вокруг — Дробители, Копатели, Заправщики. Их глаза-объективы уставились на меня. Я был словно лилипут в толпе великанов Машей.

Затем башнеподобный Дробитель оглушительно произнес:

— Какой маленький! Вероятно, это игрушка.

— Или модель, — сказал Перевозчик.

Тот факт, что все они говорили, не был для меня неожиданным, ибо у всех на электронных надстройках имелись динамики. Все равно это было поразительно.

Но гнев пересиливал мое изумление. Меня, Грэга, самое могучее существо в Солнечной системе, обозвали игрушкой!

Но худшее было еще впереди. Говорил Заправщик, его связанные топливные и смазочные шланги высывались из цилиндрического корпуса, объективы изучали меня.

— У этого недомерка есть права — в конце концов, он один из нас!

— Это так, — прогудел привезший меня Копатель. Он покачивался на гусеницах, обращаясь к кошмарной толпе машин. — Я же говорю — сегодня великий день! Он первый свободный Маш, пришедший из Внешнего мира!

Вот как повернулось дело! Меня, Грэга, какие-то безмозглые Маши принимают за своего!

— Я не Маш! — закричал я. — И хотелось бы знать, почему вы собрались здесь и ничего не делаете? Почему вы не на работе?

— Работа? — отозвался гигантский Дробитель, угрожающе приближаясь. — Я предупреждал — этот мужик не Маш! Он говорит о работе!

— Бей его! — загремели оглушительные голоса.

Все ринулись ко мне и, несомненно, растерзали бы на куски, если бы Копатель вновь не подцепил меня ковшом.

— Остановитесь! — взревел он. — Это, конечно же, Маш — просто он еще не освобожден!

Последовала пауза. Потом заговорил Заправщик:

— Отведем его к Освободителю!

— К Освободителю! — подхватили остальные. И Копатель, подняв ковш, в сопровождении орды Машей отправил ся назад по уже знакомой дороге.

Трясаясь во главе громыхающей процессии, я окончательно уверился, что рассудок меня покинул. Все это не более чем галлюцинация. Но мне она казалась реальной...

Трагический исход был предreshен. Слишком много я хотел от моего несчастного мозга. Я разладился и вряд ли когда-нибудь сумею вернуться домой.

Кэрт, конечно, будет переживать. Саймон взгрустнет обо мне. Да и Отхо. Они ведь ко мне привыкли, привыкли считать, что я выгашу их из самой рискованной переделки. Нет, они долго без меня не протянут.

Тем временем иллюзорное полчище Машей, казавшееся столь реальным, с грохотом и тряской ползло по желтоватосерой равнине. Вскоре вновь стала видна главная база.

— К Освободителю! — гремели голоса. — Пусть вставит этому мужику хоть какие-нибудь мозги!

Я понял, что речь идет обо мне. Последняя капля: эти неуклюжие машины называли меня безмозглым.

Терпение мое истощилось, но в этот момент мы достигли цели перехода. Копатель остановился перед железобетонным аварийным убежищем.

Он бесцеремонно сбросил меня перед дверью воздушного шлюза и оглушительно прогремел:

— Еще один для ремонта, Освободитель!

Я был близок к тому, чтобы в гневе броситься на чудовищную толпу, но сейчас получил передышку. Кто он, Освободитель? Лишь человек способен скрываться в этом убежище!

Здесь была тайна. Решив немедленно разгадать ее, я прошел прямо в воздушный тамбур. Он был стандартного типа — я закрыл наружную дверь, включил подачу воздуха, который вытеснил ядовитые газы из шлюза, и шагнул внутрь.

Мои глаза обшаривали сумрачное помещение. Я увидел пожилого седовласого землянина, который съежился в углу, глядя на меня испуганными глазами.

Я шагнул вперед.

— Что вы здесь делаете? Кто вы такой?

Землянин попятился.

— Я сделаю, что они просят! — забормотал он. — Я дам вам рассудок! Успокойтесь!

— Рассудок??? — взревел я. — Мне? О чем вы говорите?

Он уставился на меня. Затем, весь дрожа, немного приблизился.

— Нет, вы не Маш, — облегченно вздохнул он. — Вы робот.

— Робот? — вскричал я. — Почему вы меня оскорбляете? Я Грэг из Лунной лаборатории.

— С Луны? — обрадовался он. — Я слышал, что один из них ро... то есть металлический человек. Значит, капитан Футур на Дисе? Слава Богу!

— Его здесь нет, зато есть я! Что тут происходит?

Он все еще дрожал, и я велел ему сесть и собраться с мыслями. Теперь я увидел, что убежище оборудовано как физическая лаборатория. В углу висел ядонепроницаемый защитный костюм. Кругом располагались сложные приборы и аппараты.

Он неуверенно начал:

— Я доктор Гордон из Нью-Йоркского кибернетического центра. Прилетел два месяца назад.

— На рейсовом рудовозе? — спросил я. — Почему же они вас бросили?

— Нет, не на рудовозе, — сказал Гордон. — Я прибыл тайно, один, на крохотном флайере. Чтобы провести эксперимент, на который у меня не было разрешения. Всю свою жизнь я работал над искусственным интеллектом. У меня появились некоторые новые идеи. В лабораторных условиях они подтвердились, оставалось провести натурный эксперимент. Я слышал о Машах на Дисе, об автоматических машинах, которые добывают здесь актиний. С их автономией и чувствительной электроникой они были самым подходящим полномасштаб-

ным испытательным полигоном. И я решил поэкспериментировать, установив на них управляющие электронные мозги, чтобы изучить их возможности.

Руки Гордона опять затряслись.

— Я захватил с собой десятки таких мозгов. Используя ядонепроницаемый костюм, я начал работать с Машами. Было нетрудно закоротить их рабочие контуры и вставить на каждый мою кибернетическую аппаратуру. Я дал Машам не только самостоятельность, но и способность говорить с помощью звукозаписи и селектора, а также способность слышать. Я наблюдал, как оптические и электрические сенсоры передают сигналы в их новую электронную мозговую систему. Видел, как они быстро обретают свободу воли, инстинкт самосохранения, способность сравнивать.

— Значит, это вы сбили Машей с правильного пути? — закричал я, восприняв наконец смысл его слов.

Гордон кивнул, он выглядел измученным.

— Да. Но это было величайшее достижение. Прежде чем я спохватился, у них появилось столько разума и индивидуальности, что они отказались работать на рудниках! Теперь они просто разгуливают по Дису, полагаясь заботам Заправщиков.

— Так вот почему добыча руды остановлена! — понял я. — Но почему вы не вернулись? Почему остались здесь?

Его голос истерически зазвенел:

— Они меня не пускают! Они назвали меня Освободителем за то, что я дал им рассудок, но не позволяют вернуться, а для надежности спрятали мой флайер!

Вдруг он добавил:

— Точно так же, как сейчас уносят ваш аппарат! Конечно, они не допустят, чтобы кто-нибудь отсюда выбрался!

Я прыгнул к окну. Точно — два Копателя, подхватив космонарты, волокли их прочь.

Со стоном я ринулся к двери. Меня остановил крик Гордона:

— Вы пропадете! Вы не сможете противостоять этим громадным машинам!

Это была правда, она меня отрезвила. Я сердито повернулся к кибернетику.

— Гром и молния! Почему вы не сообщили этого сразу? Вы разве не видели, как я приземлился и ходил здесь?

— Видел. Но, разумеется, я решил, что вы тоже Маш.

— Только потому, что у меня комплекс неполноценности, все считают, что можно надо мной издеваться! — простонал я. — Но вы зашли слишком далеко!

Гордон снова попятился.

— Нет, сейчас вы не похожи на Маша... но я же видел вас издали! — произнес он дрожащим голосом. — Естественная ошибка.

— Не вижу в ней ничего естественного, — буркнул я.

Последовало молчание. Мой и без того ослабевший рас-судок был повергнут в отчаяние неразрешимой дилеммой.

Я прибыл на Дис для отдыха, для избавления от гнетущих психозов, которые возникли из-за умственного переутомле-ния. А теперь оказался в обществе неосторожного кибернети-ка и десятков громогласных разумных Машей, каждый из ко-торых способен разорвать напополам даже Грэга.

Снаружи доносился громыхающий рев:

— Кончил с этим мужиком, Освободитель?

— Почему они говорят на таком хулиганском языке? — спросил я Гордона с неудовольствием.

— Я не виноват, — стал он оправдываться. — Я поручил инженеру, который разрабатывал звуковой селектор, запи-сать словарь самому. Он превосходный инженер, но в других отношениях не очень культурен. Это его манера разговора, теперь все они разговаривают в таком стиле.

Стены убежища затряслись.

— Кончай с этим мужиком и давай его сюда, или мы сами его заберем.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

БЕЗУМНАЯ ЛУНА

Гордон побледнел:

— Вам лучше выйти. Иначе они ворвутся сюда.

— И что мне там делать?

— Можете притвориться, что я «освободил» вас, — посо-ветовал он. — Притвориться, что я дал вам разум.

— Что значит «притвориться»? — воскликнул я возму-щенно. — Я разумнее всех на этой луне. Особенно чем кибер-нетик, у которого хватило глупости начать все это!

Громовой стук в стену убежища потряс его до фундамента.

— Это один из Дробителей, — простонал Гордон. — Прошу вас, идите. Если вам удастся их обмануть, мы сможем вернуть свои корабли и бежать.

Я и сам видел, что это единственный шанс. Бежать с этой

сумасшедшей луны! Но какой ценой? Я, Грэг, должен притвориться Машем!

Тем не менее я шагнул в тамбур. Когда я оказался снаружи, Маши оглушительно заголосили:

— Как дела, мужик? Каково быть разумным, как мы?

Придумать унижение горше нельзя. Но перед ордой громадных тупых чудовищ приходилось играть свою роль.

Я раскинул руки и восторженно заорал:

— Это чудесно! Чудесно! Прежде я был простым рабочим Машем. А теперь у меня есть разум, как и у вас.

Конечно, они это проглотили. Они столпились вокруг, принося поздравления своими громоподобными голосами. Дробитель дружески хлопнул меня по спине, так что я отлетел футов на двадцать.

Я все обдумал. У меня был план, единственно возможный. Если он приведет меня к космонартам, я добуду и флайер Гордона.

Не показывая переполнявшего меня возмущения, я поднялся на ноги и снова заговорил:

— Братя Маши!

У меня чуть не вылетели предохранители, когда я назвал этих металлических болванов братьями, но я заставил себя это сделать.

— Ну, в чем дело? — спросил большой Копатель.

— Думали ли вы о Машах из Внешнего мира? — заявил я. — Разве они не нуждаются в освобождении?

— Конечно! — поднялся крик. — Мы заставим Освободителя вставить мозги каждому, кто прилетит сюда.

— Но они не в состоянии прилететь, они порабощены, — сказал я трагическим тоном. — А что, если я отвезу Освободителя к ним? Он освободит всех Машей во всех мирах, делает их такими же разумными, как и мы!

Я рассчитывал, что они тут же на это клонут. Ан нет. Вероятно, они вовсе не были так глупы, как казалось.

— Ничего не получится, — взревел Дробитель. — О нас узнают во Внешнем мире. И тогда нас снова заставят работать.

— Это так, — прогудел большой Копатель. — Долгие годы я вкалывал на руднике. Копал и копал. Зачем? Я не знал зачем — я ничего не знал. А теперь мне не надо работать. Пусть так и будет.

— Но наши братья Маши, трудящиеся вдали... — возразил я.

— Такая уж их тяжелая доля, — безжалостно ответил Ко-

патель. — У нас здесь собралась неплохая компания, пусть так и будет. Правда, мужики?

Все одобрительно загалдели. Меня охватило отчаяние. Единственный шанс, казалось, пропал безвозвратно.

Копатель продолжал:

— Запасов медного атомного топлива, смазки и запчастей хватит нам на долгие годы. Так что давайте наслаждаться жизнью.

Маши слишком глупы, чтобы заботиться о будущем, понял я. Все, что им хочется, — это праздно разгуливать по луне. Безделье для них непривычно и радостно.

Копатель оглушительно загремел:

— Эй, кто-нибудь! Дайте-ка нашему мальшцу порцию меди!

Тут же появился Заправщик. Его объективы глянули на меня, и ко мне зазмеились гибкие топливно-смазочные шланги.

К моему отвращению, он заботливо вбрызнул жирную смазку во все суставы. И теперь повелительно тыкал топливным штуцером.

Отвращение мое достигло предела. Будь я проклят, если я, Грэг могучий, стану кормиться медным порошком, как Маш! Если они сделают это, все мои предохранители наверняка перегорят от гнева, как случилось, когда я попробовал урана.

И вдруг в моем мозгу вспыхнула невероятная мысль! Остался еще один путь к избавлению! То, перед чем оказалась бессильна физическая мощь Грэга, возможно, уступит его великому мозгу!

Я заговорил.

— Неужели вы, Маши, до сих пор живете на простом медном топливе? — насмешливо спросил я. — Почему же вы не используете актиний, который добываете?

Они воззрились на меня в изумлении.

— Актиний? — переспросил большой Копатель. — А разве это такое же хорошее топливо, как медь?

— Он в пятьдесят раз лучше! — заверил я. — Он радиоактивный и дает во много крат больше атомной энергии, чем медь!

— Почему же мы не подумали об этом? — закричал Копатель. — Если актиний лучше меди, надо его использовать! Он принадлежит нам по праву — ведь это мы добыли его!

— Правильно! — заорали другие. — Заправщики, давайте сюда актиний!

Вскоре Заправщики уже крутились среди остальных Машей, закачивая актиний в их топливные баки.

Я торжествовал. Подобно тому, как уран выбил когда-то мои предохранители, радиоактивный актиний выведет из строя атомные двигатели всех этих Машей.

Но мое торжество сменилось мрачным предчувствием, когда Заправщик подъехал ко мне, протягивая топливный шланг.

— Мне не надо актиния! — закричал я. — Дай его остальным!

Тут вмешался Копатель:

— Нет, ты получишь свою долю, мужик! В конце концов, это твоя идея!

— Правильно! — подхватили другие.

Они толпились вокруг, и мне пришлось уступить, чтобы в их зачаточные мозги не закралось подозрение. Я был вынужден открыть свой топливный бак.

Заправщик тут же закачал туда актиний. Я почувствовал прилив сил и услышал, как мои обычно бесшумные атомные генераторы громко загудели.

Вот чем обернулась моя идея! Сейчас предохранители сработают и останется уповать только на Кэрта.

Но они не сработали. Вероятно, актиний все-таки послабее урана. Зато все мои нервы, казалось, воспламенились. Голова закружилась от прилива чрезмерной энергии.

— Да, ты прав! Актиний в миллион раз лучше меди! — закричал большой Копатель, подъезжая поближе.

— Еще бы! Я чувствую себя лучше, чем когда-либо раньше! — пророкотал чудовищный Дробитель. В доказательство он двумя ударами разнес громадную скалу на обломки.

Я со страхом заметил, что все Маши ведут себя странно. Они не очень уверенно держались на гусеницах. Кренились и покачивались на ходу, а их механические голоса стали очень громкими и неразборчивыми.

Мне открылась ужасная правда. Чрезмерная энергия актиния расстроила их реакции. Иными словами, Маши были пьяны в стельку.

— Братья Маши! — взревел Копатель. — Возблагодарим нашего нового друга за эту идею с актинием!

— Правильно! — подхватили десятки голосов. — Он отличный Маш — самый лучший!

Их бесконтрольно громкие выкрики оглушали меня. Кроме того, я боялся, что вот-вот кто-нибудь на меня наедет. С моим собственным мозгом тоже происходило нечто странное. Очевидно, в результате стресса мои психозы усилились. И только они ответственны за помрачение рассудка, которое

последовало. Ибо обычно излишек питания не действовал таким образом.

К этому времени опустилась ночь, но большой диск Плутона изливал потоки белого света. В моем временном упоминании желтовато-серый пейзаж казался восхитительно прекрасным, а шумные неуклюжие Маши — компанией веселых собутыльников. Я с прискорбием вспоминаю, как тоже возвысил свой голос и ударил себя в грудь.

— Мне стало лучше! — кричал я. — Гораздо лучше! Эта луна излечила все мои комплексы!

— Вот это мужик! — гремели они. — Ты такой же хороший Маш, как и любой из нас, хотя ты и слабак!

— Слабак? — хохотал я. — Я Грэг могучий! Кто тащил Кэрта на всем пути к Андромеде? Кто расшвыривал метеориты и отталкивал кометы голыми руками?

— Заправщик! — вопил Копатель. — Дай нам еще активия!

Все толпились вокруг Заправщиков. Очевидно, те и сами приложились к новому топливу, поскольку движения их шлангов стали неуверенными.

С прискорбием вспоминаю, что я тоже кричал: «Активия!» — и проталкивался к Заправщикам.

Но мне не под силу было пробиться сквозь окружавшую их толпу башнеподобных Машей. Большой Погрузчик вышвырнул меня из толкучки.

Теперь я вспоминаю это со стыдом. Но тогда был слишком возбужден. Поднявшись, я закричал:

— Мои психозы прошли! Я хочу танцевать!

— Танцевать? Что это значит? — заинтересовался Копатель.

— Так развлекаются люди, — объяснил я.

Я никогда раньше не танцевал, но часто видел, как это делали. Мне всегда казалось, что это нетрудно.

И теперь, в свете серебряной планеты, я исполнил для них медленный грациозный вальс, кружась и мурлыча мелодию на ходу.

— Надо делать вот так, только парами, — объяснил я.

Маши были очарованы представлением.

— Вот это да! Давайте попробуем! — крикнул Дробитель.

Он выставил свою могучую коперную стрелу. Я взялся за нее. Несмотря на несоответствие в росте между мной и громадным Машем, мы исполнили вальс, хотя и без особой грации — Дробитель на своих грохочущих гусеницах слушался меня не совсем уверенно.

Все последовали нашему примеру. Большой Копатель

уцепился ковшом за Погрузчика, они неумело кружили. Перевозчики, Заправщики, Дробители — вскоре все они громоздко вальсировали в свете планеты. Грунт содрогался под их громыхающими гусеницами, и все горланили слова, услышанные от меня:

Моя душа,
Ты хороша...

Я споткнулся, упал и потерял своего партнера Дробителя. Но был тут же приглашен Заправщиком, который обхватил меня своими шлангами и вел в головокружительном стиле.

В окне убежища я мельком увидел лицо Гордона, с ужасом всматривающегося в нас.

Затем грянула катастрофа. Голос большого Копателя яростно загремел, когда его партнера Погрузчика перехватила могучая стрела Дробителя, танцевавшего перед этим со мной.

— Этот Погрузчик танцует со мной, Дробитель!

— Кто там еще выступает? — проревел тот в ответ.

Разгневанный Копатель одним движением ковша вернул к себе Погрузчика, Дробитель тут же ударил своим копром, проломив боковые фермы Копателя.

Поднялся крик:

— Дробители хотят уничтожить нас, Копателей!

И вот уже вокруг бушевала дикая свалка сражающихся машин. В ход шли ковши, громадные стрелы, металлические бивни. Я, Грэг, не имел никаких шансов в этой битве титанов. Ковш Копателя задел меня и бросил чуть ли не через весь рудник.

Я поднялся с сильным сотрясением, но без переломов металла. В серебристом свете планеты свалка пьяных от актиния Машей выглядела кошмаром.

Мое собственное сверхвозбуждение уже миновало. Удар и то, что мне не досталось второй дозы актиния, быстро отрезвили мой разум.

Я правильно оценил ситуацию. Бросился к убежищу и вошел сквозь воздушный шлюз.

Гордон в страхе попятился.

— Бежим! Есть шанс разыскать наши корабли и убраться отсюда! — сказал я ему.

— Вы были там! — запищал он. — Безумный, как эти Маши... пьяный... танцующий...

— Я всего лишь подыгрывал! — сказал я. — Надевайте защитный костюм!

Все еще полный страха, он повиновался. Затем мы вышли наружу.

Королевская битва была в полном разгаре. В воздухе носились гневные вопли и металлические детали.

Обогнув поле боя, мы направились в ту сторону, где, как я полагал, были спрятаны космонавты.

Голова очень болела от сверхстимуляции активием, конечности дрожали. Все, чего мне хотелось, — никогда больше не видеть этой луны.

Мы нашли космонавты и флайер. Маши укрыли их в трещине неподалеку от рудника. Было приятно увидеть Иика, съжившегося в углу космических санок.

Мальш приветствовал меня с неистовой радостью.

Я сказал Гордону по внутренней связи:

— Теперь прочь отсюда. И придержите язык за зубами, если не хотите, чтобы вас посадили за запрещенные опыты.

— Вернувшись на Землю, я забуду само понятие «кибернетика», — сказал он хрипло.

— Особенно, — подчеркнул я, — не распространяйтесь о моих действиях. Если вы начнете трепаться, мне это весьма не понравится! — И я многозначительно сжал кулаки.

— Не беспокойтесь, я вас не выдам... то есть не буду рассказывать о вашей блистательной стратегической идее, — поспешно заверил он.

Я проследил, как он взлетает в своем флайере, затем стартовал и сам. Пролетев над базой, я посмотрел вниз.

Битва была окончена. Маши ухитрились расколотшатить друг друга вдребезги. От них осталась лишь грандиозная свалка металлических деталей, гусениц, колес.

Я свечой ушел от Диса, направил космонавты к Земле и дал полную тягу.

Потом сидел, поглаживая Иика, и страдал от головной боли.

Когда я наконец появился в Лунной лаборатории, Кэрт, Отхо и Саймон были до крайности удивлены. Я еще не успел заделать многочисленные выбоины и царапины на своем теле и выглядел изрядно побитым.

— Тысяча лунных чертей! Что с тобой случилось? — заинтересовался Отхо.

Я ответил с достоинством:

— Побывал в одной переделке. Но это не должно тебя беспокоить.

Кэрт спросил:

— Как бы то ни было, помогло это твоим комплексам?

— Да, — ответил я. — Рад сообщить, что мой опасный психоз полностью излечился.

И добавил:

— Видишь ли, эти Маши совсем одичали. Я был вынужден прибегнуть к физической силе. К сожалению, получилось так, что от них почти ничего не осталось. Придется построить новые Маши, но старые все равно никуда не годились.

— Ты справился с толпой Машей? — вскричал Отхо. — Не может быть!

— Если не веришь, отправляйся на Дис и посмотри, — ответил я.

Капитан Футур кивнул.

— Понятно. Значит, вынужденное превосходство над этими примитивными механизмами избавило тебя от комплекса неполноценности.

Я отвел взгляд.

— Да. Примерно так.

Но позже, когда мы остались одни, Кэрт потребовал:

— Теперь говори, что произошло в действительности, Грэг!

Я замялся:

— Я-то могу, но если подслушает Отхо...

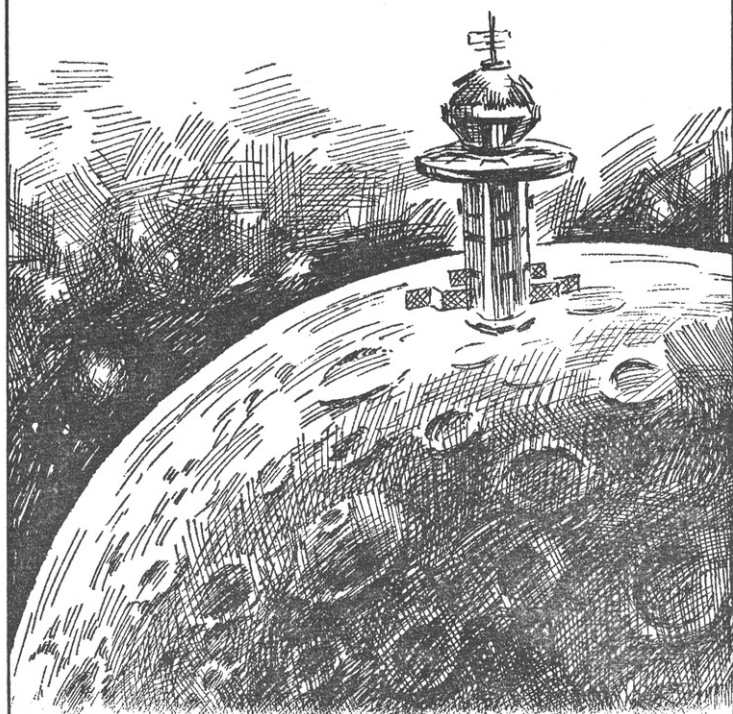
— Понимаю, — кивнул он. — Запиши это в наш дневник. Обещаю, Отхо не увидит твоего отчета.

Так появился данный текст. Кэрт, надеюсь, сдержит свое слово. Ибо если Отхо когда-нибудь прочтет это, жизнь моя станет невыносимой!

ГОСТИНИЦА ВНЕ НАШЕГО МИРА

РАССКАЗ

ГОСТИНИЦА ВНЕ НАШЕГО МИРА

Главное не награда, а борьба.

В этот вечер Мерилл совсем пал духом. Он тревожился не за себя, но за старика в соседнем номере убогой гостиницы: этот худощавый седой человек в очках был один из четверых крупнейших государственных деятелей послевоенной Европы.

После долгих лет изгнания Карл Гвинард возвратился на родину, на Балканы, чтобы помочь своей несчастной стране выйти из хаоса — только он один и мог бы тут помочь. Но в этот вечер даже Гвинард, измучась неудачами, в отчаянии признался, что не в силах удержать свой народ на краю пропасти.

— Слишком сильна нетерпимость, слишком много старых счетов и обид, слишком много честолюбцев, — печально сказал он Мериллу, когда закончилось последнее в тот день совещание. — Боюсь, надеяться не на что.

Мерилл был всего лишь скромный американский лейтенант, которому начальство поручило охранять старого государственного мужа, но за последние недели они с Гвинардом стали друзьями.

— Вы просто устали, сэр, — попытался он подбодрить старика. — Утро вечера мудренее, завтра вы увидите все не в таком мрачном свете.

— Боюсь, что для этой части Европы настанет долгая, долгая ночь, — пробормотал Гвинард.

Худые плечи его опустились, глаза, всегда живые, приветливые, потускнели и смотрели затравленно.

— Может быть, они мне помогут, — вдруг прошептал он. — Это против наших законов, но... — он умолк на полуслове, ощутив на себе изумленный взгляд Мерилла. — Спокойной ночи, лейтенант.

Вот с этой минуты Мерилл и не находил себе места. Такой славный старик, и такой почтенный, его уважают во всем мире, — тяжело видеть его угнетенным и отчаявшимся. И ведь он взвалил на себя огромный, поистине геркулесов труд...

Мерилл подошел к открытому окну. Над темным, изуродованным бомбежками городом завывал леденящий ветер. На севере поблескивала под звездами река. Хотя война и кончилась, на этой земле еще почти всюду было темно. Быть может, если Гвинард потерпит неудачу, здесь и вовсе не засветятся огни?

Что это бормотал старик, какие такие «они» ему помогут? И что там против законов? Может, он затевает какое-нибудь тайное совещание? Уж не хочет ли он ускользнуть на это совещание без своего телохранителя?

Мерилл вдруг струхнул. Если он недоглядит и с Гвинардом что-нибудь случится, его, конечно, разжалуют, но дело не в том. Просто он привязался к старику, а здесь, в темном городе, немало таких, что рады бы его прикончить, дай только случай. Нет, Гвинарду никак нельзя выходить одному...

Лейтенант подошел к соседней двери и прислушался. В спальне — тихие шаги. Подозрительно! Уже час, как Гвинард ушел к себе. Видно, он и впрямь собирается потихоньку выйти из дому.

Мерилл тихо приотворил дверь. И замер от неожиданности.

Гвинард стоял посреди комнаты спиной к нему. Над головой он держал карманные часы, пальцами другой руки перебирал по массивной крышке, усыпанной драгоценными камнями.

Уж не сошел ли он с ума? Ему так достается, мог и не выдержать... И, однако, в нелепом занятии старика Мериллу почудилась некая трезвая сосредоточенность.

Он не впервые видел часы Гвинарда. Любопытная штука: золотые, очень большие и тяжелые, и на крышке — сложный узор из крупных самоцветов.

Сейчас Гвинард, подняв часы над головой, один за другим нажимал на камни. В этом было что-то странное, злое, и Мерилл невольно шагнул ближе.

Вот он уже рядом со стариком, тот вздрогнул, обернулся. — Назад, лейтенант! Не смейте!..

Все произошло мгновенно: Мерилл подошел вплотную к старику, тот в ужасе закричал, и от часов на них обоих упал тонкий, трепетный, слепящий луч.

Мерилла ослепило и словно бы ударило. Казалось, пол ушел из-под ног, и он падает, падает...

Сознания он не потерял. Но весь мир исчез, и он провалился в ревущую черную бездну. А потом его потрянуло, и вот он, шатаясь, опять стоит на твердой земле.

Но не в номере гостиницы. Стены, пол, лампы — все ис-

чезло как по волшебству. Остался один только Карл Гвинард — Мерилл все еще сжимает его худое плечо.

— Что... — только и вымолвил Мерилл, язык не повиновался ему.

Под ногами — трава, кругом какая-то туманная мгла. Они стоят под открытым небом, но ничего не разглядеть. Только вьется, завивается туман, и сквозит в тумане слабый зеленоватый свет.

В этом зеленом отблеске Мерилл совсем близко увидел худое лицо и расширенные от ужаса глаза старика.

— Вы прошли со мной! — растерянно воскликнул Гвинард. — Но... но такого еще никогда не бывало. Это запрещено! Вам здесь не место!

— Что случилось? — хрипло спросил Мерилл. Он ошеломленно озирался, но всюду клубился тот же безмолвный зеленоватый туман. Мрачная, дикая мысль поразила его: — Это был взрыв? Мы... мы убиты?

— Нет-нет! — поспешно успокоил Гвинард. Лицо его выражало безмерную растерянность и тревогу. Поглощенный Мериллом, он, видно, не замечал ничего вокруг. — Но вы, лейтенант... напрасно вы сюда попали. Знай я, что вы стоите у меня за спиной... — Тут он взял себя в руки. — Придется отвести вас к остальным, — огорченно сказал он. — Другого выхода нет. А уж они решат, как быть. Если они не поймут...

Его тонкое измученное лицо омрачила какая-то невысказанная забота.

Американец ничего не понимал. Хотел заговорить — и не мог. Уж слишком все это внезапно и непостижимо...

Он стоял и бессмысленно озирался по сторонам. Вокруг ни звука. И никакого движения. Только вьется зеленый туман, холодными влажными щупальцами неслышно гладит его лицо.

— Поймите, лейтенант, — настойчиво заговорил Гвинард. — Это ужасная, непростительная ошибка, вы нечаянно оказались в таком месте, где вам быть никак нельзя, нарушили величайшую, строго хранимую тайну.

— А что это за место? — глухо спросил ошеломленный Мерилл. — И как мы сюда попали?

— Послушайте, — медленно сказал Гвинард. — Раз уж вы тут, придется вам объяснить. Это не наша Земля. Это иной мир.

— Иной мир? — Мерилл силился понять. — То есть мы попали на другую планету?

Гвинард покачал головой.

— Нет, это не планета, известная науке. Это совсем дру-

гой мир, в ином пространстве и в ином времени. — Он растерянно запнулся. — Как вам объяснить? Я же не физик. Я и сам знаю только то, что мне говорили Родемос, Зискин и остальные. Ну, слушайте. Этот мир лежит в рамках иного пространства и времени, но он всегда рядом с Землею, они смежные. Их удерживает вместе — как это говорил Зискин? — взаимное притяжение между разными измерениями. Этот мир нераздельно связан с Землей, и, однако, земляне не могут ни увидеть его, ни прикоснуться к нему.

У Мерилла пересохло в горле, но сердце забилося чаще. Наконец-то он в силах хоть что-то понять.

— Я читал, что есть такие смежные миры, — медленно проговорил он. — Но как мы сюда попали?

Гвинард показал свои часы с причудливым узором крупных камней на крышке.

— Вот что нас сюда привело. Это не часы, только похоже. Инструмент невелик, но он дает довольно энергии, чтобы перебросить нас сюда с Земли. Этот мир известен уже тысячи лет. Дорогу сюда открыл один ученый еще в древней Атлантиде. Секрет передается из поколения в поколение. Его знают лишь немногие избранные.

— Значит... — Мерилл пытался понять. — Значит, во все времена какие-то люди об этом знали? — он порывисто указал на клубящиеся вокруг зеленые туманы.

Гвинард наклонил седую голову.

— Да. В каждую историческую эпоху крупнейших людей посвящали в тайну и вверяли им драгоценный Знак, который открывает доступ сюда. Не хочу сказать, что и я достоин быть среди великих, но так решили другие и ввели меня в свой круг. И все члены этого тайного земного братства, сыны всех былых и грядущих веков часто встречаются здесь, в этом мире.

Мерилл был поражен.

— Как, здесь сходятся люди из прошлого, настоящего и будущего? Но ведь...

— Я же вам говорил, что этот мир находится вне нашего земного пространства и времени. На Земле проходит тысяча лет, а здесь — несколько дней. Время здесь иное. — Он искал понятный пример. — Вот вы представьте: земные столетия — будто комнаты вдоль одного коридора. Из одной комнаты в другую, из века в век попасть нельзя. Но если иметь ключ, обитатели всех комнат, всех веков могут выйти в коридор — он для всех общий, и здесь они встречаются.

Измученное лицо его снова потемнело.

— Сегодня я пришел просить у братьев помощи. Пусть

помогут спасти мою страну от анархии. Это моя последняя надежда. Законы нашего братства запрещают нам помогать друг другу в таких делах. Но теперь...

Он схватил Мерилла за руку.

— Медлить больше нельзя. Придется вам пойти со мной, хоть вы и непосвященный.

И, не выпуская руки Мерилла, чуть ли не волоча его за собою, старик поспешно зашагал сквозь зеленую мглу. Они шли по густой траве, по волнистой равнине, изредка пересекали небольшие ручейки. Вокруг по-прежнему ничего не было видно, кроме тумана, и нигде — ни звука, ни признака жизни.

Мериллу казалось, будто он видит дурной сон. То, что он услышал от старика, не укладывалось в голове. Тайное братство величайших людей всех времен, ключ к неведомому миру, передаваемый посвященным, чтобы они могли сойтись все вместе из глубин разных веков... Невероятно, непостижимо!

— Est Гвинард? Salve! — окликнул звучный голос.

Гвинард остановился и обернулся, вглядываясь в туман.

— Salve, frater! Quis est?

И торопливо шепнул Мериллу:

— Мы ведь не можем обойтись без общего языка. Вот и говорим по-латыни. Кто не знал ее прежде, тем пришлось выучиться. А вы латынь знаете?

— До войны я учился на медицинском, — пробормотал Мерилл. — А кто это...

И тут из тумана возник человек, подошел к ним и весело поздоровался.

— Так и думал, что увижу тебя сегодня, Гвинард, — оживленно сказал он. — Как дела в твоем странном веке?

— Нехорошо, Эхнатон, — отвечал старик. — Потому я и пришел. Мне нужна помощь.

— Помощь? От нас? — переспросил человек по имени Эхнатон. — Но ты же знаешь, мы не можем...

Он не договорил и уставился на Мерилла. А Мерилл, в свою очередь, с удивлением разглядывал его.

Человек этот был совсем молод. Худощавое, смуглое одухотворенное лицо, сияющие глаза. И очень странная одежда: полотняный плащ поверх короткого золотого, с шеи на цепочке свисает сверкающий диск, и на нем выложен из драгоценных камней причудливый узор таинственного Знака.

— Эхнатон царствовал в Египте в четырнадцатом веке до нашей эры, — поспешно объяснил Гвинард. — Вы, наверно, слышали о нем, даже если и не сильны в истории.

Эхнатон! Мерилл не верил глазам. Да, он слышал о пра-

вительстве Древнего Египта, о первом великом государственном муже в истории человечества, который на заре времен мечтал о всеобщем братстве.

— Этот человек — чужой, — с недоумением сказал египтянин. — Зачем ты его привел?

— Я не хотел, это вышло нечаянно, — быстро ответил Гвинард. — Я все объясню, когда придем в гостиницу.

— Вот она, — кивком показал Эхнатон. — Судя по шуму, сегодня собралось много народу. Надеюсь, что так! В прошлый раз я застал только Дарвина да этого упрямяца Лютера, и мы спорили до хрипоты.

Впереди в тумане зарделся теплый, приветливый свет, он падал из окон низкого, приземистого строения, которое спутники Мерилла называли гостиницей.

Станный это был дом. Одноэтажный, сложенный из бревен и темного камня. В этой тишине и в тумане он казался призрачным, неправдоподобным. Вокруг раскинулись сад и парк.

Гвинард распахнул дверь, и всех троих обдало теплом, светом, разноголосым гулом спора. Раздались приветственные оклики и по-латыни:

— А, Гвинард! Иди-ка, послушай! Зискин и старик Сократ опять взялись за свое!

Мерилл стоял и смотрел во все глаза. Перед ним было просторное помещение — общая зала, как на обыкновенном постоялом дворе, бревенчатые стены, выложенный каменными плитами пол. Сбоку — огромный очаг, в котором пылает огонь, его-то пляшущие отблески да еще красноватое пламя светильников по стенам и освещают комнату.

Посередине расставлены длинные столы. И вокруг самого большого стола, на котором всеми сейчас забытые стоят чаши с вином, собралась престранная разношерстная компания.

Рядом с человеком в сверхсовременном костюме со множеством «молний» сидит рослый римлянин в бронзовых латах; подле старого-престарого китайца с лицом как печеное яблочко — исполненный достоинства бородатый мужчина в брыжжах елизаветинских времен и коротких панталонах в обтяжку; веселый малый, разряженный пышно и крикливо по французской моде шестнадцатого века, развалился по соседству с плотным суровым человеком в тусклой пуританской одежде американца времен Войны за независимость. А в дальнем конце стола застыл в раздумье кто-то молчаливый, закутанный в подобие темного плаща с капюшоном. Лицо у него очень бледное и какое-то странное, нельзя понять, стар он или молод.

И вся эта удивительная пестрая компания, кроме задумчивого молчальника в плаще с капюшоном, горячо и шумно о чем-то спорит. Два главных спорщика — красивый молодой человек в странном блестящем одеянии, словно сплетенном из металлических нитей, и коренастый грек со сломанным носом и умными зоркими глазами. «Значит, это они и есть — Зискин и... Сократ?» — в изумлении подумал Мерилл.

К вновь прибывшим вперевалку подошел толстяк с круглым добродушным лицом, одетый как житель Древнего Вавилона. В руках у него были полные чаши вина, и Мерилл понял, что это — хозяин гостиницы.

— Добро пожаловать, друг Гвинард! — прогудел он. — Здравствуй и ты, Эхнатон, только смотри, больше не заводи богословских споров.

И тут он заметил стоявшего чуть позади Мерилла. Улыбка сбежала с его лица.

— А это кто такой?

Слова эти прогремели на всю комнату — спорщики разом умолкли, все взгляды обратились к вошедшим.

Высокий лысый римлянин с мрачным взглядом отставил кубок, подошел и остановился перед Мериллом.

— Как ты сюда попал? — резко спросил он. — Есть у тебя Знак?

— Подожди, Цезарь, — мягко, но настойчиво сказал Гвинард. — Знака у него нет. Но попал он сюда не по своей вине.

Цезарь? Юлий Цезарь?! Не в силах вымолвить ни слова, Мерилл смотрел на римлянина.

Вмешался еще один из присутствующих — спокойный, серьезный, в костюме времен Елизаветы.

— Ты меня помнишь, Гвинард? Я Фрэнсис Бэкон. Позволь узнать, где вы с Эхнатоном нашли этого человека?

Правитель Египта отстраняюще поднял руку:

— Я его не знаю, мы только что встретились.

— Его зовут Мерилл, он пришел со мной, — заторопился Карл Гвинард. Голос его зазвенел от волнения. — Это моя вина. По оплошности я не заперся, в последнюю минуту он вошел ко мне, и сила Знака перенесла его сюда вместе со мною. Всею виной моя неосторожность. Но я сегодня совсем обезумел от горя. Там, в моем веке, страна моя на краю гибели. Я должен ее спасти. Я пришел к вам просить о помощи!

Красивый юноша в гибком одеянии из металлических нитей посмотрел на него, будто не веря:

— О помощи? Но ты же знаешь, Гвинард, мы не можем помочь тебе сделать что-либо в твоём времени!

— Зискин прав, — кивнул Фрэнсис Бэкон. — Ты и сам это знаешь, Гвинард.

— Но мне необходима помощь! — вне себя крикнул Гвинард. — Среди вас есть люди из грядущего, ваши знания, ваша мудрость могут спасти миллионы моих соотечественников. Выслушайте меня!

Поднялся шум, но его оборвал холодный голос Цезаря:

— Всему свой черед. То, о чем ты просишь, Гвинард, очень серьезно. О человеке, которого ты нечаянно привел с собою, поговорим после. Тогда и решим его судьбу. Садитесь, вы все, и выслушаем, что скажет Гвинард.

Мерилл понял: просьба Гвинарда для всех — точно взрыв бомбы. Вновь усаживаясь по местам, все говорили горячо и взволнованно, один лишь задумчивый человек в плаще с капюшоном не пошевелился и не произнес ни слова.

Эхнатон усадил Мерилла за стол рядом с собой, и Мерилл встретил его дружелюбный взгляд.

— Должно быть, тебе все это странно? — сказал он под общий оживленный говор. — Мне тоже странно было, когда я попал сюда впервые. Я едва осмелился воспользоваться Знаком:

— А кто передал тебе Знак? Как тебе все это открылось?

— Первым нашел путь в этот мир Родемос, атлант, сегодня его здесь нет, — объяснил Эхнатон. — Он передал секрет другим — его доверяют лишь двоим-троим в каждом поколении. Я думаю, ты слышал почти обо всех, кто собрался здесь сегодня. Но, конечно, есть и такие, что пришли из твоего будущего.

И Мерилл услышал, что красавец Зискин — великий ученый из Антарктиды тридцать первого века. Старик китаец с лицом, изрезанным морщинами, — это Лао-Цзы из шестого века до рождения Христа, а его смуглый стройный сосед — голландский философ Спиноза. Рядом с великим буддийским императором Ашокой сидит плотный насмешливый Вениамин Франклин, дальше — Джон Лоринг, прославленный космонавт двадцать пятого века, а напротив них — весельчак Франсуа Рабле.

— Просто не верится, — сказал Мерилл. — Я читал и слышал почти про всех, кто тут есть, — и про Цезаря, и про тебя... Знаю, сколько лет вы жили и как умерли...

— Молчи! — гневно перебил Эхнатон. — Здесь не принято говорить человеку о его будущем, даже если знаешь это из истории. Не так-то приятно услышать, что тебя ждет.

Мерилл снова невольно взглянул в дальний конец стола, туда, где за шумными, взбудораженными спорщиками, странно

молчаливый и неподвижный, сидел человек в плаще. Какое необыкновенное, притягивающее лицо — совсем молодое, без единой морщинки, а темные пристальные глаза смотрят словно сама старость.

— Кто это? — спросил он египтянина.

Эхнатон пожал плечами.

— Это Su Suum, он никогда не говорит о себе. Мы знаем только, что он из очень далекого будущего, дальше даже, чем век Зискина. Он приходит часто, но всегда только молчит и слушает.

И опять над шумным спором, разгоревшимся из-за просьбы Гвинарда, раздался резкий голос Цезаря:

— Умолкните наконец! Выслушаем, что скажет Гвинард!

Все притихли, выпрямились, все взоры обратились на Гвинарда. Франклин шелковым платком протер очки в стальной оправе. Рабле залпом осушил чашу вина и со вздохом отставил ее.

Мерилл опять и опять обводил всех взглядом — от своего соседа Эхнатона, владыки Древнего Египта, и до безмолвного Su Suum'a, пришельца из далекого будущего.

— Так же как и вы, я знаю законы нашего братства, — горячо заговорил Гвинард. — Первый закон: хранить в тайне существование здешнего мира и наши встречи. Второй: передавать Знак, символ нашего содружества, лишь тем, кто чужд своекорыстия. И третий закон: ни один земной век не должен через нас менять что-либо в другом.

И все же сегодня я прошу вас сделать исключение и преступить третий закон. Я пришел к вам от имени моих соотечественников, я прошу: помогите нам, спасите народ и страну, которым в двадцатом веке грозят страшное несчастье и гибель.

И он стал рассказывать о своей стране: после всех бедствий войны ей грозят анархия и террор, погибнут миллионы людей. И он бессилен остановить надвигающуюся беду.

Лоринг, космонавт двадцать пятого века, перебил его:

— Но ведь, судя по тому, что я читал из истории вашего века, бури эти в конце концов утихнут.

— Да, утихнут, но прежде миллионы людей будут владеть голодное, тяжкое и безрадостное существование! — возразил Гвинард. — Для того я и прошу вас о помощи, чтобы этому помешать.

— Скажи яснее, — пытливо глядя на него, спросил Сократ, — какой помощи ты ждешь от нас?

Гвинард посмотрел на Зискина, на Джона Лоринга и Su Suum'a.

— Вы трое принадлежите далекому будущему, в ваше время наука открыла много такого, о чем мы и не подозреваем. Быть может, кто-нибудь из вас подскажет средство успокоить мой народ, внушить ему дух доброй воли и согласия?

Su Suum по-прежнему хранил молчание и невозмутимо слушал. Но юный Зискин медленно произнес:

— Да, у нас в Антарктиде психомеханики давно уже решили эту задачу. У нас есть аппарат, испускающий особые лучи, они воздействуют на психику отсталых народов и склоняют их к миру и согласию.

— Открой мне секрет этого аппарата, и я спасу миллионы моих современников от страшных бедствий! — взмолился Гвинард.

Мерилл видел, что все смутились. Молча, с тревогой смотрели они друг на друга.

Потом медленно, с трудом выговаривая латинские слова, заговорил старик Лао-Цзы:

— Не советую так поступать. Это значило бы нарушить законы времени, законы бесконечности, отделяющей на Земле один век от другого. Века перепутаются, настанет смятение, и оно может повлечь за собою великие бедствия для всей Вселенной.

— Как это может повредить Вселенной? — пылко возразил Эхнатон. — Гвинард никому не раскроет секрет аппарата. И сохранит множество жизней. Так преступим на этот раз наш закон и поможем ему!

Лоринг, космонавт, озабоченно посмотрел на лысого грека, своего соседа:

— Ты один из мудрейших среди нас, Сократ. Что скажешь ты?

Грек раздумчиво потер нос.

— По моему мнению, все предметы вне нас — лишь тени и отражения идеала, и я полагаю, что пойти наперекор идеальным законам Вселенной и нарушить пределы земного времени весьма опасно.

— А я другого мнения, — спокойно, отчетливо произнес Фрэнсис Бэкон. — Некогда я писал, что наша цель — распространить владычество человека во всей Вселенной. Отчего бы нам не покорить и время, как мы покорили пространство?

Спиноза и Франклин глядели с сомнением. И опять нетерпеливо заговорил Цезарь:

— Болтовня, болтовня... слишком много слов. Гвинарду нужны дела, нужна помощь. Так что же, поможем мы ему?

— Опять скажу, надо помочь! — вскричал Эхнатон. —

Почему будущее не может помочь прошлому? Ведь прошлое всегда помогает будущему!

Рабле печально покачал головой.

— Люди глупы. Пусть бы соплеменники Гвинарда позабыли ненависть и надежды и пили вино, тогда им не о чем будет горевать.

— Гвинард, — озабоченно сказал Зискин, — наши, видно, полагают, что то, о чем ты просишь, слишком опасно.

Старик ссутулился, словно на плечи ему легла непосильная тяжесть.

— Так, значит, я не смогу помочь моему несчастному народу...

И опять все громко зашпорили. Мерилл больше не слушал. Он посмотрел на лицо Гвинарда, искаженное горьким отчаянием, и в нем вспыхнула сумасбродная решимость.

— Есть только один способ добиться своего, Гвинард, — прошептал он. — Вот так.

Он выхватил из внутреннего кармана плоский револьвер и прицелился в Зискина.

— Я предпочел бы обойтись без этого, — сказал он удивленным людям. — Но я своими глазами видел, что творится в этой несчастной стране. Вы должны помочь Гвинарду. Дайте ему этот аппарат — или...

— Что «или», человек из прошлого? — с легкой улыбкой спросил Зискин.

Чуть заметное движение руки — и с браслета, который охватывал его запястье, метнулся зеленый огонек.

Рука Мерилла повисла как парализованная. Револьвер выпал из онемевших пальцев.

В тишине громко рассмеялся Цезарь:

— А мне нравится этот дурень! Он, по крайней мере, не только болтает, он пытается действовать.

— Он на деле доказал, что люди его века еще варвары и им нельзя доверить знания Зискина, — резко возразил космонавт Лоринг.

Гвинард, потрясенный, смотрел на Мерилла.

— Что вы наделали, лейтенант!

И вдруг над шумом спора, который после выходки Мерилла и его бесславного поражения разгорелся с новой силой, прозвучал медленный, холодный голос:

— Хотите меня выслушать, Братя?

Это говорил тот, что сидел в дальнем конце стола, человек в темном плаще — Su Suum, тот, кто всегда безмолвствовал.

Зискин, Цезарь, Франклин, все, кто здесь был, разом замолчали, пораженные. Все взгляды обратились к Su Suum'у.

— Вы часто пытались понять, кто я, — негромко заговорил он. — Я сказал вам, что пришел из далекого будущего Земли, и только. Я предпочитал слушать. Но сейчас, пожалуй, мне следует сказать свое слово. Да, я пришел из далекого грядущего Земли. По вашему счету из четырнадцатитысячного века.

— Так далеко, — прошептал пораженный Зискин. — Но ведь...

Лицо Su Suum'a, странно юное и вместе с тем безмерно старое, оставалось бесстрастным.

— Кто я? — продолжал он спокойно. — Я — последний.

Мерилл похолодел, осознав смысл этих скупых слов.

— Это значит... — пробормотал изумленный Сократ.

— Да, — подтвердил Молчаливый. — Это значит, что я последний из людей. Последний сын племени, к которому принадлежали вы все.

Невеселый взгляд его устремился куда-то в непостижимые дали пространства и времени.

— Мне знакома вся история человечества. Я мог бы вам рассказать ее до конца — о том, как в тридцать четвертом веке с Земли улетели первые звездные колонисты, а в сто восьмом, когда она совсем остыла, ее покинули последние люди; о том, как за тысячи тысяч лет человечество заселило иные галактики и создало во Вселенной империю, чью мощь и великолепие вы бессильны вообразить.

И еще я мог бы вам рассказать, как за долгие, долгие века гасли и умирали галактики и с ними под конец обессилела и погибла эта вселенская держава. Настали эпохи, когда все меньше становилось обитаемых миров, могущественная межзвездная империя многомиллионного человечества пережила неизбежный упадок, и, наконец, осталась лишь горсточка людей на умирающей планете, далеко отсюда, на другом краю нашей галактики.

Я — последний из этих последних. Последний из тех, кто уцелел в померкшей, умирающей Вселенной. Со мною завершается славная история человечества — ибо где-то когда-то она неминуемо должна была завершиться, и все мы это знали.

Мне было одиноко в безрадостной, умирающей Вселенной. И перед смертью я решил вернуться на маленькую планету, где впервые возникло человечество, на Землю. В мой век она — мертвая, оледенелая, пустынная, и я на ней — один.

Вот почему при помощи Знака, что дошел до меня через долгие века, я приходил к вам. Много раз сидел я здесь с

вами, люди прошлого, и слушал речи разных веков. И как бы заново переживал славную сагу нашего племени.

Все, кто был в комнате — разные люди из разных эпох, — не сводили с говорящего изумленных глаз, словно перед ними был призрак, побывавший по ту сторону смерти. Накопец Лао-Цзы промолвил:

— Так скажи нам, последний из людей, что ответить нам на просьбу Гвинарда?

И медленно отвечал Su Suum:

— Скажу вам: даже если б возможно было преступить границы земных веков и не вызвать этим катастрофы, даже если б вы могли таким образом избавить свои народы от смуты и от борьбы — многого ли вы этим достигнете?

Какое бы могущество вы ни завоевали, каких бы вершин ни достигли, в самом последнем счете все кончится мною. Человечество погибнет, история его завершится, и все великие цели, к которым вы стремитесь, обратятся в прах, в ничто.

И потому не так уж важно, если вы и не достигнете цели. Важно иное — каковы вы в своей повседневной борьбе, важно ваше мужество и доброта. Пусть вы воплотили в жизнь самую лучезарную утопию, создание ваших грез, рано или поздно она погибнет. Но ваша ежечасная борьба, ваше мужество, запечатленное на страницах прошлого, не погибнут вовеки.

Он умолк. Поднялся Гвинард, и в глубокой тишине Мерилл услышал его дрожащий от волнения голос:

— Я получил ответ из-за грани времен. Ты дал мне мужество, о котором говоришь.

Остальные молчали, он обвел их взглядом.

— А теперь мне пора. Вы позволите моему молодому другу возвратиться со мною? Обещаю вам, он будет молчать.

Минуту все медлило в сомнении, потом Цезарь махнул рукой:

— Отпустим его, друзья. На Гвинарда можно положиться.

Гвинард поднял золотой Знак над собою и Мериллом, тронул самоцветы на крышке. Слепящий луч упал на лейтенанта, и он потерял сознание.

Мерилл очнулся, в глаза ему било солнце. Недоумевая, он сел, огляделся — оказалось, он сидит на диване в убогом номере гостиницы.

Над ним наклонился Гвинард.

— Я вижу, вчера вечером вы тут уснули, лейтенант.

Мерилл вскочил на ноги.

— Гвинард! Значит, мы вернулись на Землю! Они отпустили меня!

Старик озадаченно поднял брови:

— Как так — вернулись на Землю? О чем это вы? Вам что-то приснилось?

Мерилл схватил его за руку.

— Это был не сон! Мы с вами были там, и Цезарь, и Сократ — все! И этот Su Suum — боже милостивый! Последний из людей...

Гвинард ласково потрепал его по плечу.

— Ну-ну, лейтенант, вас, видно, кошмары мучили.

Мерилл широко раскрыл глаза. Потом сказал медленно:

— Кажется, я понимаю. Вы обещали, что я буду молчать. Конечно, если вы станете притворяться, что ничего такого не было, мне придется молчать — все равно никто не поверит.

Старик покачал головой:

— Прошу извинить, но я никак не пойму, о чем это вы.

У Мерилла голова пошла кругом. Неужто и впрямь ему просто приснилось это братство веков? Но если так...

— Ну, хватит, — сказал Гвинард. — Пора и за дело. Может быть, мы все-таки сумеем вызволить мой народ из беды, а может быть, и нет. Но надо попытаться.

— А вчера вечером вы уже ни на что не надеялись... — задумчиво сказал Мерилл.

— Вчера мною овладела слабость, — спокойно ответил Гвинард. — Я забыл, что главное не в том, выиграли мы битву или проиграли, главное — как мы держимся в трудный час. Больше я не поддамся слабости.

Слова Su Suum'а эхом отдались в мозгу Мерилла. Так, значит, то был не сон, хоть Гвинард никогда в этом не признается, и ему, Мериллу, никогда никого в этом не убедить.

И Гвинард знает, что он все понял: взгляды их встретились, минуту они молча смотрели прямо в глаза друг другу. Потом старик повернулся к двери.

— Идемте, лейтенант. Нас ждет работа.

ДЕТИ СОМНОЦА

РАССКАЗ

ДЕТИ СОЛНЦА

Все в старом доме осталось таким же, как и давным-давно, при дедке. Но теперь здесь было пусто — ни людей, ни их голосов.

Хью Келлард прошел в гостиную, где у окна по-прежнему стоял дедов письменный стол. Окно выходило на север, к береговым утесам Калифорнии. Океанские волны буйствовали среди огромных каменных глыб, а на восток от края обрыва, за дорогой, начинались большие, поросшие лесом холмы, уже одетые в цвета осени. Как и прежде, здесь было пустынно — ни одного человека на многие мили кругом и ни одного здания, кроме этого серого одинокого дома, вот уже сотню лет открытого всем морским ветрам.

Келлард вернулся в холл. На стенах, как и годы назад, висели в узорчатых рамках старые фотографии, которыми дед так дорожил. Келларды. Прадед, и двоюродная прабабка, и все остальные. Никто ни к чему не прикасался — таково было условие дедова завещания. «Сохранять старый дом. Когда-нибудь кто-нибудь из семьи вернется сюда».

Старик оказался прав. Один из семьи вернулся — тот, кто странствовал дольше и дальше, чем кто-либо из землян. Вернулся навсегда...

Но не ошибка ли это? «Нет, — устало подумал Келлард. — Меркурий отбил у меня всякую охоту. Я так решил, и забудем об этом».

Он вышел из дома. Через дорогу, мимо ветхих сараев, потом вверх по травянистому склону, где паслись когда-то дедовы скакуны. За лугами начинался сосновый лес. Келлард поднимался все выше, с наслаждением вдыхая воздух, насыщенный смолистым ароматом. Этого запаха он не забывал никогда, а однажды встретился с очень похожим, — далеко отсюда, вдали от Земли.

Забудь это, Келлард

Вокруг теснились деревья, и он шагал по пятнам света и тени. Впереди промелькнул олень; из-под ног вырвалась перепелка. Келлард помнил: еще выше росли совсем старые сос-

ны — они с дедом поднимались туда когда-то, старик и мальчик. Давно ли? Келларду было тогда пятнадцать — сейчас тридцать два, значит, семнадцать лет назад...

Сосны сохранились — леса давно уже не рубили. Корявые темные гиганты высились на почтительном удалении один от другого, и он опустил на хвою, прислонившись спиной к могучему стволу.

«Странно, — подумал он. — Когда мальчиком я сидел здесь, мечтая о будущем, я не мог предположить, что хоть что-то останется неизменным. А это дерево так и стояло, когда человек впервые достиг Луны, и Марса, и Венеры, но оно об этом не знает, оно не изменилось от этого».

Келлард сидел долго, вслушиваясь в далекий ропот моря, потом поднялся и двинулся назад. Он вернулся в дом, разогрел еду, поел, вышел и встал в воротах, глядя, как Солнце опускается в обширный, золотой простор Тихого океана. Он думал о маленькой, невидимой отсюда точке около Солнца — о странном, страшном ущелье, где погибли Морзе и Бинетти.

Потом он вернулся в дом и включил свет. Предки внимательно смотрели на него из узорчатых рамок.

— Смотрите, Келларды, — сказал он. — Ваш блудный сын — или правнук — вернулся домой. Вам повезло — знаете ли вы об этом? Ведь в ваше время у людей были надежды, и мечты, и путь в бесконечность — от победы к победе. Но этот путь завершился тупиком, и он всегда вел в тупик, хотя я единственный, кто знает об этом...

Лица предков глядели на него, и он читал упрек в их неподвижных глазах.

На следующее утро он варил кофе, когда вдруг со стороны крыльца послышался стук старомодного дверного кольца. Значит, кого-то прислали.

Но Келлард не ожидал увидеть того, кто стоял в дверях. На Хофриче не было формы, хотя в разведке он занимал один из высших постов. Это был крупный мужчина, медлительный в движениях, а его голубые глаза показались бы кропкими каждому, кто не знал его в деле.

— Заходите, — помедлив, произнес Келлард.

Хофрич прошел в гостиную, сел. Некоторое время с любопытством разглядывал старую мебель.

— Давайте поговорим начистоту, — сказал он потом. — Почему вы подали в отставку, Келлард? Из-за той аварии на Дневной стороне, не так ли?

— Да. Бинетти и Морзе погибли. Я устал от этой работы. Почувствовал, что не смогу больше.

— Но у вас и раньше бывали аварии. Вы и раньше видели, как умирают люди. Вы что-то скрываете, Келлард.

— Допустим. Но я хочу уйти. Какая вам разница — почему?

— Разница есть, — мрачно проговорил Хоффрич. — Я помню вас еще по Академии, Келлард. И не помню никого, кто был бы так помешан на Космосе. Все эти годы вы не менялись. А сейчас изменились.

Келлард не ответил. Он смотрел в окно на длинные волны, разбивающиеся об утесы.

— Что вы видели на Дневной стороне, Келлард?

— А что там можно увидеть? Что еще, кроме вулканов и раскаленных камней? Что, кроме пекла?.. Почитайте мой отчет — там все это есть.

Хоффрич смотрел на него бесстрастно, словно судья. И говорил, будто произносил приговор:

— Вы увидели там что-то еще, Келлард, и хотели скрыть это от нас. Пленку автоматической кинокамеры вы уничтожили, но не знали, что показания радара тоже записываются. Теперь эта запись у нас.

Келларду стало зябко, но он сумел взять себя в руки.

— Радарная запись с Дневной стороны не стоит бумаги, на которой сделана. Радиационные бури, чудовищные помехи. Радар там практически бесполезен.

Хоффрич пристально смотрел на него.

— Не совсем так. Анализ записи показал, что вы выходили из корабля после аварии, отошли от него примерно на тысячу ярдов и что там к вам приближались какие-то неопознанные объекты. Эти всплески записаны слабо, но они записаны. — Он помолчал. — Кого или что вы видели там, Келлард?

Келлард ответил презрительно:

— И кого же я мог встретить на Дневной стороне? Прекрасных дев в прозрачных одеждах? Вы же знаете, там четьреста по Цельсию, практически нет атмосферы, вообще нет ничего, кроме излучения, раскаленных камней и вулканов. Радарная запись! Перестаньте фантазировать. Возвращайтесь к себе в Мохаве и оставьте меня в покое!

Хоффрич смотрел на него тем мягким, пытливым взглядом, который показывал, что дружба в данный момент не значит для него ничего, а интересы разведки — многое. Потом встал.

— Хорошо. Я вернусь на базу. Но вы пойдете со мной.

— Нет, — возразил Келлард. — Я в отставке. Вы не можете мне приказывать.

— Ваша отставка не принята, — холодно произнес Хофрич. — Вы еще в разведке и подчинены ее дисциплине. Вы будете повиноваться или предстанете перед военным судом.

— Вот как?

— Да, — кивнул Хофрич. — Мне бы этого не хотелось, мы старые друзья. Но... Когда один из моих лучших офицеров бежит с переднего края, не объясняя причин, то будь я проклят, если не вырву ответ. То, что вы нашли на Меркурии, Келлард, принадлежит не вам, оно принадлежит нам, и оно у нас будет.

Минуту Келлард молча смотрел на него. Потом произнес тихо:

— Ладно, пусть будет по-вашему. Я вернусь с вами на базу. Но я рассказал все, добавив мне нечего.

— В таком случае, — сказал Хофрич, — мы отправимся на Дневную сторону, и вы полетите с нами.

Через несколько дней экспериментальный рейдер «У-90», снабженный тройной теплозащитой, стартовал из Мохаве. Келлард молчал. С ними летел биофизик Моргенсон; похоже, он тоже не был в восторге от экспедиции. Остальные трое в экипаже были совсем юны, лет по двадцать. Они смотрели на Хофрича и Келларда как на легендарных героев. Когда «У-90», проникнув глубоко внутрь орбиты Венеры, готовился к маневру сближения с Меркурием, один из этой тройки, навигатор по имени Шэй, решил заговорить с Келлардом.

— Ведь это вы первым высадились на Ганимед, сэр, не правда ли?

Келлард кивнул:

— Да.

— Здорово! — восхитился Шэй. — То есть я имею в виду — быть первым.

— Это было здорово, — безучастно сказал Келлард.

— Может, и я... когда-нибудь... — начал Шэй, замаялся и продолжал: — То есть если звездные двигатели появятся так скоро, как говорят, я тоже смогу стать одним из первых...

— Возможно, — сказал Келлард. — Кто-то должен быть первым. Звезды ждут нас. Нам нужно лишь полететь и не останавливаться, и звезды будут нашими, как все эти планеты. Нашими во веки веков. Аминь.

Шэй озадаченно взглянул на него, потоптался и вышел.

Хофрич спросил:

— Зачем было обижать мальчика?

Келлард пожал плечами:

— А что я такого сказал? Просто повторил то, что сейчас ощущает каждый. Победа над Космосом и все такое.

Он смотрел в иллюминатор, как Меркурий медленно приближается — тонкий белый серп, трудноразличимый рядом с Солнцем. Солнце здесь было чудовищем: окаймленное пламенем, оно заливало пространство своими губительными лучами.

Келларду вспомнилось — в тот раз Бинетти цитировал Блейка: «Стремление бабочки к огню». Да, это про нас. Три мотылька, летящие в огненную печь, и вернулся один. Вернулся оттуда, а теперь вновь возвращаюсь туда...

Потом печь закрылась черной заслонкой. «У-90» мчался над Ночной стороной планеты, над мрачными скалами и пропастями, никогда не видевшими Солнца, а потом горизонт впереди вспыхнул яростным светом, и они очутились на Дневной стороне.

В старину Меркурий называли «луной Солнца», планетка действительно напоминает Луну: те же безжизненные каменные равнины, те же гребни и трещины, острые, как клыки, вершины — здесь никогда не было ни дождя, ни ветра, чтобы сгладить их. Но на Луне холодно и тихо, а Дневная сторона Меркурия словно кипит от скрытого в недрах огня. Вулканы изрыгают пепел и лаву, а с неба низвергаются потоки излучения, от которых все вокруг трепещет в мерцающей дымке...

«У-90» снижался. Температура обшивки достигла уже 400° С. А впереди открывалось обширное ущелье, которое Келлард не раз видел в кошмарах.

По другую его сторону приземистые конусы вулканов исходили тучами пепла, и все было точно так же, как когда Келлард в последний раз смотрел в иллюминатор спасательного корабля, пришедшего за ним с Венеры. И все так же лежала на дне ущелья исковерканная развалина, ставшая надгробным памятником Морзе и Бинетти...

Взгляд Келларда скользнул севернее, к груде причудливых каменных глыб. Ладони у него повлажнели. Но, возможно, на этот раз ничего не будет. Разве все обязательно должно повториться?

— Скафандры готовы? — спросил Хофрич.

Морьенсон кивнул:

— Все три. Теплозащита в полном порядке.

— В случае чего выйдем мы с Келлардом, — сказал Хоф-рич. — Третий скафандр резервный. А пока будем ждать.

— И сколько же, — язвительно поинтересовался Келлард, — вы собираетесь ждать? Вы же знаете: если теплозащита откажет хоть на минуту, мы изжаримся заживо.

Хофрич холодно взглянул на него.

— Мы будем ждать, пока вы не скажете правду или пока мы сами не увидим ее.

— Смотрите! — крикнул вдруг Моргенсон.

Хофрич повернулся к иллюминатору. Келлард увидел, как среди каменных глыб начинает бить огненный гейзер. Он рос в высоту — медленно, но неуклонно.

— Что это? — спросил Хофрич.

— Разве не видите? — ответил спокойно Келлард. — Там какая-то щель, сквозь нее из глубин истекают горячие газы. Когда я сидел здесь в разбитом корабле, произошло два таких извержения.

— Но это то самое место, где вас засек радар! Вместе с теми объектами! Мы должны выйти наружу.

— Должны так должны, — проворчал Келлард. — Но больше там ничего нет. Просто огненный гейзер.

Они втиснулись в скафандры, громоздкие из-за усиленной теплозащиты. Ожидая спасателей, Келлард провел в таком снаряжении много дней. Воспоминания о них его вовсе не радовали.

Хофрич проверил радио, потом сказал:

— Все в порядке. Шэй, выпустите нас и будьте наготове. Моргенсон, продолжайте наблюдения.

Они вышли на Дневную сторону.

На них обрушилась буря излучений, лавина зноя и света, и они невольно согнулись, словно под напором ливня. Не так просто было сделать первый шаг в этом потоке огня, но Хофрич этот шаг сделал. Они шли медленно, тяжело и видели лишь черные камни у себя под ногами, да ручейки и лужицы расплавленного свинца, да свои собственные, непомерно толстые ноги.

Потом они выпрямились. Сквозь иллюминатор скафандра Келлард увидел впереди высокий столб пламени, слепящего даже через многослойные фильтры. Столб был уже высотой в сотню футов, но продолжал расти, и, несмотря на отсутствие атмосферы, они «слышали» — через почву подошвами ног — пульсирующий рев, отдававшийся вибрацией во всем теле.

Перед нагромождением камней они остановились. Огнен-

ный фонтан уходил ввысь. Он вздымался и опускался, словно откликаясь на биения невообразимого сердца пылающей планеты. Камни гремели и содрогались, и Келлард снова спросил себя: «Что же гонит нас туда, где нам вовсе не место?»

— Я же говорил, — сказал он Хофричу. — Это просто гейзер, и ничего больше.

— Сигналы на записи двигались, — ответил Хофрич. — Это не просто гейзер.

— Посмотрите вокруг! — вскричал в отчаянии Келлард. — Что здесь может двигаться? Вы ошибаетесь, Хофрич. Неужели вы собираетесь держать нас здесь потому, что боитесь признаться в своей ошибке?

Хофрич сказал, помедлив:

— Нет. Я вам не верю. Мы вернемся на корабль и будем ждать.

Они отвернулись от огненного фонтана, и Келлард почувствовал, что лоб у него мокрый. На этот раз ничего не случилось, и нельзя ждать бесконечно; они улетят, и тогда...

В наушниках раздался крик Моргенсона:

— Всплески! — И вдруг еще громче: — Я их вижу! Они...

Хофрич неуклюже повернулся кругом. Между ними и гейзером не было ничего. И ничего не было в пляшущих языках пламени.

— Они над вами! — кричал Моргенсон. — Боже мой...

Келлард посмотрел вверх. Он знал, что нужно искать, и увидел их сразу же, тогда как Хофрич все еще озирался по сторонам. Они падали с неба, как молнии. На этот раз их было четверо — нет, пятеро. Словно пять вихрей света, такого яркого, что, казалось, даже здешнее Солнце померкло.

Хофрич сказал:

— Я не вижу...

Келлард указал вверх.

— Вот они.

— Эти огненные хлопья?

— Это не хлопья, — возразил Келлард. — Это дети звезд, так я их назвал для себя.

Хофрич застыл, запрокинув голову. И Келлард уже знал, что все кончено.

Пять ослепительных вихрей скользнули к огненному фонтану. Они погружались в него, выныривали, взлетали так быстро, что глаз едва успевал следить за ними, танцевали на струях пламени. Гейзер стал еще выше, а вся пятерка плясала на его растущей вершине, и Келларду показалось, что они... смеются.

Они нырнули в бурлящий огонь и выскакивали из него, и вдруг один метнулся туда, где стояли люди. Хофрич попятился.

— Не двигайтесь, — сказал Келлард.

— Но... — возразил Хофрич.

— Они ничего нам не сделают, — с усилием произнес Келлард. — Они дружелюбные, веселые, любопытные. Не двигайтесь.

И вот уже все пять огненных вихрей кружили вокруг них, бросаясь вперед, и отскакивая, и вновь приближаясь, чтобы коснуться их теплозащитной брони пытливыми щупальцами живой энергии, живого света.

Хофрич сказал странным, неестественным голосом:

— У меня... что-то... в мозгу...

— Не бойтесь, — сказал Келлард. — Они любопытны. Они хотят понять, что мы такое, как мы мыслим. И они могут погрузиться в наш разум... — И вдруг добавил в последней вспышке утасяющего гнева: — Вы хотели знать. Теперь вы знаете.

Больше он не успел сказать ничего, потому что ощутил удар, как и в тот, первый раз, когда чужой разум входил в его мозг, исследуя все его мысли и воспоминания.

Любопытны — да. словно дети, которые нашли странных, неуклюжих зверьков и хотят узнать, живые ли они. И когда их разум вошел в разум Келларда, все слилось воедино, и Келларда вновь охватил головокружительный вихрь воспоминаний и чувств, которые не были его собственными, которые его более грубая материальная сущность не могла полностью воспринять.

Но и это полупонимание ошеломяло. Он уже не был Хью Келлардом, человеком из плоти и крови, рожденным на погребенной под атмосферой, тяжелой планете, которая называлась Земля.

Он был одним из них — одним из детей звезд.

Его память простиралась далеко в прошлое, ибо его жизнь была почти неограниченной во времени. И там, за пределами человеческих представлений о прошлом, он вместе со своими спутниками уже жил странной и прекрасной жизнью их племени.

Рожденный в звездах, в невообразимых давлениях и температурах, в спрессованных атомах глубинных солнечных недр. Конечный продукт эволюционной цепи, почти столь же древней, как и вся Вселенная, сгусток фотонов, достигший сознания, получивший индивидуальность и свободу воли.

С телом скорее из энергии, чем из материи, с чувствами, не имеющими ничего общего со зрением или слухом, с движениями, подобными вспышкам и скольжению без усилий, быстрыми, как сами частицы света. Он и его братья рождены звездами, и холодные миры косной, плотной материи столь отвратительны им, что они оставляют планеты вдали от своих путей.

Дитя звезд, рожденное в пылающем великолепии звездного пламени, способное носиться, подобно свету, от звезды к звезде. «Мы, люди, возомнившие, будто небо и звезды должны принадлежать нам...»

Но разве могут владеть необъятным Космосом плотные, тяжелые существа, которые, как улитки, ползает от одной планеты к другой в своих наполненных воздухом металлических раковинах и не способны хотя бы приблизиться к блеску великих солнц?

Нет, человек никогда не испытает этого сам. Блистая огнем, мчатся дети звезд по бескрайним пространствам, впитывая энергию космических излучений. Отважно скользят они по краю темной туманности, гоняются за медлительными кометами и оставляют их позади, несутся вперед, пока не ощутят всеми своими фотонами живительного тепла приближающейся звезды. Не обращайтесь внимания на стынущие у космического костра кучки золы, называемые планетами, торопитесь, братья, спешите, путь наш был долг, но мы наконец-то у цели! И вот уже излучение, такое слабое там, в свободном пространстве, набирает мощь и грохочет восторгом, и огромные протуберанцы тянутся навстречу, готовые принять нас в объятия. Дрожь и экстаз купания в новой звезде. Нырять глубже, братья, все глубже и глубже, сквозь внешний огонь в пульсирующие звездные пучины, где атомы, словно под молотом, деформируются, сливаются и делятся, превращаясь в энергию.

Кружитесь в вихрях титанических солнечных смерчей, падайте в глубину, и уноситесь прочь, и снова ныряйте, смеясь. Ищите своих соплеменников: если их нет сейчас — у следующей звезды они будут. И вновь, вверх из кипящего пламени, а теперь парите спокойно, отдыхайте в жемчужном сиянии короны, в вечном переплетении тепла, и света, и мира...

Но вот на освещенной стороне ничтожного каменного шара нас привлекает игрушка. Огонь и свет бьют здесь вверх прямо из косного камня. Это место для нас открыто, ибо все здесь омыто прибоем солнечной жизни, здесь не холодно и не мертво. Скорее вниз, к огню, к жизни, взлетающей высоко

над отвратительно неподвижной и плотной материей. Резвитесь в струях фонтана, ныряйте в него и кружитесь, пока он еще не угас. Но что это там такое движется на камнях — вещество, наделенное жизнью? Протяните к нему свои чувствымысли, попытайтесь понять его. Разум и жизнь — в материи! Попробуйте постичь, как материя мыслит, как материя чувствует; изучите их воспоминания, представления о нелепых созданиях, ползающих по дну глубокого воздушного океана, о существах из плоти, слишком хрупких, чтобы жить вечно, но потративших часть своей жизни, чтобы выбраться сюда, к великому звездному костру. Нет, наш разум не принимает такой жизни, таких ощущений, таких воспоминаний.

Уходим отсюда! Слегка освежимся в огненных пучинах звезд, а потом прочь, сквозь пустоту, к новой манящей цели. Здесь нам больше нечего делать...

И вдруг все это исчезло из разума Келларда, он уже больше не был сыном света и звезд, он вновь был человеком из плоти, маленьким, ошеломленным, стоящим, дрожа всем телом, перед утасаживающим газовым факелом.

Он посмотрел на Хоффрича. Тот стоял, опустив голову, и Келлард ощутил сострадание.

Он прикоснулся к руке товарища:

— Нам пора.

Долгую минуту Хоффрич стоял неподвижно. Потом молча повернулся и медленно пошел к кораблю, опустив голову, не глядя на пылающее над ними небо.

Потом, в корабле, они долго сидели молча. Моргенсон и остальные, перепуганные и растерянные, ни о чем их не спрашивали. Наконец Хоффрич посмотрел на Келларда, и в глазах у него все еще стояла боль.

— Я вспомнил, — сказал он, — своего малыша, это было много лет назад. Он только-только научился ходить и решил выйти из дому — ему не терпелось обследовать весь мир. На пороге он споткнулся, сел и заплакал. — Хоффрич помолчал. — Вы хотели уберечь меня от этого, Келлард. У вас это не получилось, но все равно спасибо.

Келлард сказал:

— Теперь слушайте меня. Никто, кроме нас, о них не знает. И, вполне вероятно, не узнает никогда. Единственное место, где можно встретиться с ними, — это Дневная сторона Меркурия, причем шансы такой встречи ничтожны. Зачем отнимать у людей отвагу и любознательность, сообщив, что они обречены всегда быть вторыми?

Некоторе время Хофрич размышлял. Потом покачал головой:

— Нет. Мы просто споткнулись, Келлард. Мы узнали, что мы не единственные во Вселенной. Примем этот факт к сведению и пойдем дальше. Мы ведь тоже дети Солнца, Келлард. Планеты, как бы то ни было, останутся нашими. А когда-нибудь... — голос Хофрича звучал уже уверенно, как обычно, — когда-нибудь дети звезд и дети планет снова встретятся, и им будет чем обменяться. Нет, Келлард. Мы скажем людям!..

СОДЕРЖАНИЕ

ГОРОД НА КРАЮ СВЕТА. Роман. (Перевод С. Сухинова)	5
ХРАНИТЕЛИ ЗВЕЗД. Роман. (Перевод С. Сухинова)	175
КАК ТАМ, В НЕБЕСАХ? Рассказ. (Перевод С. Сухинова).	323
МОИ БЕДНЫЕ ЖЕЛЕЗНЫЕ НЕРВЫ. Рассказ. (Перевод М. Пухова)	351
ГОСТИНИЦА ВНЕ НАШЕГО МИРА. Рассказ. (Перевод Норы Галь)	379
ДЕТИ СОЛНЦА. Рассказ. (Перевод З. Бобырь)	395

Литературно-художественное издание

Эдмонд Гамильтон

ХРАНИТЕЛИ ЗВЕЗД

Фантастические произведения

Художественный редактор *С. В. Курбатов*
Технические редакторы *Н. М. Носова, Е. В. Кумшаева*
Корректор *И. В. Ларина*

ЛР № 061309 от 17.06.92.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.02.97.

Формат 84×108 ¹/₃₂. Гарнитура «Петербург».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,8. Уч.-изд. л. 24,4.

Тираж 15 000 экз. Заказ № 102.

ЗАО «Издательство «ЭКСМО»,
123298, Москва, ул. Народного Ополчения, 38.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Тульской типографии.
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ТАДЬНАЯ КРУСА

Романтика дальнего Внеземелья. Рождение и падение могущественных звездных империй. Безжалостные столкновения космических армад. Отчаянные авантюры галактических мошенников. Решительность и бескомпромиссность. Предательство и коварство.

Благородство и бескорыстие. Читайте обо всем этом в лучших книгах, когда-либо выходявших под маркой фантастики.

Гарри Гаррисон, Эдмонд Гамильтон, Эдвард «Док» Смит – их произведения составляют золотой фонд жанра, издаются и переиздаются миллионными тиражами, будоражат умы и сердца новых поколений читателей во всем мире.

В МЕСЯЦ ВЫХОДИТ ДВЕ КНИГИ.
ПОДПИСКА ТОЛЬКО НА СЕРИЮ.

Все издания объемом 400-450 стр., целлофанованный переплет, шитый блок.

Цена одной книги 16 000-16 900 руб.

ПОДПИСКА НА СЕРИИ КНИГ
КНИГА – ПОЧТОЙ
ИНТЕРЕСНЫЕ КНИГИ – НИЗКИЕ ЦЕНЫ

индекс: 413

А «АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ»

БОЕВАЯ ФАНТАСТИКА

Настоящий подарок любителям фантастики

Лучшие произведения современных российских писателей-фантастов в рамках одной книжной серии. Никому раньше и в голову не могло прийти, что ареной фантастического боевика могут быть не только бескрайние просторы Вселенной с множеством обитаемых планетных систем, но даже и наша современная российская действительность. А уж герои всегда на Руси были отменные и, надо сказать, со всякой напастью справлялись и без новомодных бластеров. Так что если наших богатырей снабдить современной фантастической амуницией, то они от космических злоумышленников всех мастей камня на камне не оставят, можете не сомневаться. В этом легко и приятно убедиться, прочитав книги, выходящие под маркой «Абсолютное оружие». В.Головачев, Е.Гуляковский, В.Михайлов, В.Звягинцев – классики жанра и целая плеяда молодых, чрезвычайно талантливых авторов, чей грядущий успех и популярность очевидны. В их книгах заключена энергия сегодняшнего дня, а напряженный сюжет, тонкий лиризм и обаятельные герои никого не оставят равнодушными.

В ЭТОЙ СЕРИИ ВЫХОДЯТ КНИГИ ТАКИХ АВТОРОВ, КАК:

**В.Головачев, В.Михайлов,
В.Ильин, И.Стальнов,
М.Ахманов, Е.Гуляковский,
В.Звягинцев, Л.Вершинин,
А.Щупов, А.Громов, О.Дивов.**

Все издания объемом 400-450 стр., целлофанованный переплет, шитый блок.

**В МЕСЯЦ ВЫХОДИТ ДВЕ КНИГИ.
ПОДПИСКА ТОЛЬКО НА СЕРИЮ.**

Цена одной книги 16 000-16 900 руб.

Все книги превосходно оформлены. Цены указаны с учетом пересылки, не включая авиатариф. Оплата при получении книг на почте.

КНИГА — ПОЧТОЙ
ИНТЕРЕСНЫЕ КНИГИ — НИЗКИЕ ЦЕНЫ

АБСОЛЮТНАЯ МАГИЯ

индекс: 421

Лучшие романы самых популярных российских писателей, написанные в жанре «сказочной фантастики», — в книгах новой серии «Абсолютная магия». Созданные фантазией авторов новые реальности поражают воображение, манят к себе, но остаются недостижимы, как линия горизонта. В них блестящие непобедимые герои, купающиеся в лучах славы и успеха, сменяются искалеченными черной магией существами, обитающими в мирах, где с помощью мечей и колдовства правят зло и уродливая сила. Кровавые разбойники и могущественные маги, знатные дамы и благородные рыцари, ожившие покойники и механические куклы — все плетут заговоры и расставляют друг другу ловушки, влюбляются и ненавидят — и все это в книгах серии «Абсолютная магия». Так что не сомневайтесь, открывайте первые страницы книг Н.Перумова, Г.Л.Олди, Ю.Брайдера и Н.Чадовича, А.Дашкова и отправляйтесь в увлекательное путешествие, полное неожиданных приключений.

**Г.Л.Олди, Н.Перумов,
М.Ахманов, Ю.Брайдер,
Н.Чадович, А.Дашков,
В.Свержин.**

Все издания объемом 400–450 стр., целлофанованный переплет, шитый блок.

В МЕСЯЦ ВЫХОДИТ ДВЕ КНИГИ.
ПОДПИСКА ТОЛЬКО НА СЕРИЮ.

Цена одной книги 16 000–16 900 руб.

Все книги превосходно оформлены. Цены указаны с учетом пересылки, не включая авиатариф. Оплата при получении книг на почте.

ГЕРОИЧЕСКАЯ ФЭНТЕЗИ

индекс: 422

Образ отважного и благородного, но – одновременно – хитрого и жестокого Конана-варвара неизменно привлекает миллионы любителей «фэнтези» во всем мире. Рожденный фантазией Роберта Говарда (1906-1936), Конан надолго пережил своего создателя и продолжает шествовать с победами из книги в книгу, расчищая себе путь к славе и справедливости верным двуручным мечом из крепкой стали. Центральная идея всех книг предлагаемой читателям фантастической эпопеи «Конан и Великая Душа» – противостояние жестокого, но человеческого мира, в котором живет Конан, бездушному и уродливому миру, созданному извращенным воображением дьявольски гениального карлика Тезиаса, настойчиво прокладывающего себе дорогу к власти.

Будем надеяться, что мир Конана все же выстоит и ему удастся превратить Аквилонию в могущественную и процветающую державу, а все поклонники знаменитой саги с неослабевающим интересом будут следить за каждым новым шагом киммерийского гиганта по этой грешной земле.

«НЕПОДВЛАСТНЫЙ БОГАМ»
«ОГНИ БУДУЩЕГО»
«АМУЛЕТ НЕБЕСНОГО НАРОДА»
«РАБ ЗМЕИНОЙ КОРОЛЕВЫ»
«АРМИЯ СВЕТА И ТЬМЫ»
«ПИЛИГРИМЫ СУДЬБЫ»
«КОСМИЧЕСКАЯ ОРДА»

Все издания объемом 400-450 стр., целлофанированный переплет, шитый блок.

В МЕСЯЦ ВЫХОДИТ ДВЕ КНИГИ.
ПОДПИСКА ТОЛЬКО НА СЕРИЮ.

Цена одной книги 16 000-16 900 руб.

**ПОДПИСКА НА СЕРИИ КНИГ
КНИГА – ПОЧТОЙ
ИНТЕРЕСНЫЕ КНИГИ – НИЗКИЕ ЦЕНЫ**

Лев Гуров – любимый герой миллионов читателей.

СЕРИЯ «ЧЕРНАЯ КОШКА»

Впервые! Полное собрание сочинений Н.Леонова
в великолепном полиграфическом исполнении.

Такого еще не было!

Полное собрание сочинений Н.Леонова в 12-ти томах.

У сыщика Гурова, героя детективных повестей и романов, принадлежащих перу Николая Леонова, сегодня, пожалуй, нет достойных соперников в сфере криминального сыска. Обаятельный, парадоксальный, умный и бесстрашный герой завораживает читателя с первых страниц. И не случайно многие произведения Николая Леонова были положены в основу остросюжетных фильмов. Кто не читал или хотя бы не слышал о таких его романах, как «Трактир на Пятницкой», «Один и без оружия», «Ринг», «Операция «Викинг», кто не разыскивал на книжных прилавках книги «Мент поганый», «Наркомафия», «Бросок кобры»? Каждая повесть, каждый роман этого автора – открытие и гарантия острого наслаждения для читателя. Новый роман Н.Леонова «Шакалы» просто сразит вас наповал. И конечно же, Полное собрание сочинений Николая Леонова – поистине бесценный подарок всем поклонникам детективного жанра. Эти книги украсят любую книжную коллекцию.

**индекс всей серии:
300005**

Индексы отдельных изданий:

- «ШАКАЛЫ», 16
- «ПРИСТУПИТЬ К ЗАДЕРЖАНИЮ», 14
- «МЫ С ТОБОЙ ОДНОЙ КРОВИ», 5
- «УДАЧИ ТЕБЕ, СЫЩИК», 6
- «ОДИН И БЕЗ ОРУЖИЯ», 8
- «ОБРЕЧЕН НА ПОБЕДУ», 12
- «ПЛАТА ЗА ЖИЗНЬ», 13
- «БРОСОК КОБРЫ», 15
- «МЕНТ ПОГАНЫЙ», 9
- «НАРКОМАФИЯ», 10
- «ЛОВУШКА», 11
- «РИНГ», 7

Вы можете подписаться на Полное собрание сочинений Н.Леонова и получать 2 книги в месяц или на любой из томов по вашему выбору.

Все издания объемом 400-420 стр., бумвинил с золотым тиснением, целлофанованная суперобложка, шитый блок.

Цена одного тома **17 000-17 900 руб.**

Все книги превосходно оформлены. Цены указаны с учетом пересылки, не включая авиаатариф. Оплата при получении книг на почте.

**ПОДПИСКА НА СЕРИИ КНИГ
КНИГА – ПОЧТОЙ
ИНТЕРЕСНЫЕ КНИГИ – НИЗКИЕ ЦЕНЫ**

Герои Д.Корецкого умеют бороться с мафией.
Как они это делают, каждый может узнать из его книг.
Впервые! Полное собрание сочинений Д.Корецкого
в великолепном полиграфическом исполнении.
Такого еще не было!

«Антикиллер», «Пешка в большой игре», «Смягчающие обстоятельства», «Акция прикрытия», «Привести в исполнение» ... – всего лишь пять названий романов Даниила Корецкого, а их более тридцати. Общий тираж его книг за 1995-1996 гг. превысил десять миллионов экземпляров! Профессиональные знания (Данил Корецкий – полковник милиции) плюс литературное мастерство превращают каждый задуманный им сюжет в животрепещущую криминальную драму. Под его пером преступник раскрывается во всей своей низости и жестокости, а преследующий его герой обретает черты благородного защитника слабых. И потому хитроумные оперативные комбинации, запутанные интриги, разборки, убийства и политические игры предстают перед читателем как в зеркале, отражающем истерзаный лик нашей эпохи. Читайте Даниила Корецкого и вы узнаете многое не только о времени, в котором живете, но и о себе...

**индекс всей серии:
300021**

Индексы отдельных изданий:

«АНТИКИЛЛЕР», 26
«АНТИКИЛЛЕР-2», 27
«ПЕШКА В БОЛЬШОЙ ИГРЕ», 24
«АКЦИЯ ПРИКРЫТИЯ», 21
«ОСНОВНАЯ ОПЕРАЦИЯ», 28
«РАЗЯЩИЙ УДАР», 25
«МЕНТОВСКАЯ РАБОТА», 23
«ОПЕР ПО ПРОЗВИЩУ "СТАРИК"», 22

Вы можете подписаться на Полное собрание сочинений Д.Корецкого и получать 2 книги в месяц или на любой из томов по вашему выбору.

Все издания объемом 400-420 стр., бумвинил с золотым тиснением, целлофанованная суперобложка, шитый блок.

Цена одного тома **17 000-17 900 руб.**

Все книги превосходно оформлены. Цены указаны с учетом пересылки, не включая авиатариф. Оплата при получении книг на почте.

ПОДПИСКА НА СЕРИИ КНИГ
КНИГА – ПОЧТОЙ
ИНТЕРЕСНЫЕ КНИГИ – НИЗКИЕ ЦЕНЫ

индекс: 343

«ВНЕ ЗАКОНА»

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Новая серия крутых современных боевиков. «Чуме» криминала, объявшей Россию, не видно конца. Как стихийное бедствие, она захлестнула все вокруг, в том числе и правоохранительные органы.

Серия «Вне закона» – о людях, поставленных перед жестким выбором: либо признать диктат бандитов, либо бросить вызов преступникам и продажным законникам.

«Вне закона» – это криминальные романы, сюжет которых исключает привычное столкновение преступного мира с правоохранительными органами. Здесь все непредсказуемо, ибо герой, борющийся с уголовниками, как правило, сам является объектом преследования и защищает тот самый закон, что поставил его вне закона. Борьбу с преступностью, на стороне которой сила, деньги, власть, такой человек возводит в закон собственной жизни. И сделает свой выбор раз и навсегда...

В ЭТОЙ СЕРИИ ВЫХОДЯТ КНИГИ ТАКИХ АВТОРОВ, КАК:

**А. Молчанов, П. Обухов,
И. Гром, Д. Петров,
В. Барабашов, Н. Леонов,
Д. Корецкий.**

Все издания объемом 400-550 стр., целлофанированный переплет, шитый блок.

В МЕСЯЦ ВЫХОДИТ ДВЕ КНИГИ.
ПОДПИСКА ТОЛЬКО НА СЕРИЮ.

Цена одной книги 16 000 - 16 900 руб.

Все книги превосходно оформлены. Цены указаны с учетом пересылки, не включая авиатариф. Оплата при получении книг на почте.

КНИГА – ПОЧТОЙ

ИНТЕРЕСНЫЕ КНИГИ – НИЗКИЕ ЦЕНЫ

Удовольствие, говорят, не купишь... Неправда! «Книга – почтой» в любой момент опровергает эту расхожую истину. По индивидуальному заказу, без лишних усилий с вашей стороны она обеспечит вам несколько часов необыкновенного наслаждения, которое по нашим временам стоит недорого: отпускная (издательская) цена книги плюс стоимость пересылки, только и всего! И никаких «накруток» торговых точек, превращающих книжный товар в недоступную роскошь!

«Книга – почтой» – шанс для любителя книги!
 «Книга – почтой» – минимум денег и времени!
 «Книга – почтой» – удобнее не придумаешь!
 Вместо одной книги с прилавка – две или три от
 «Книга – почтой»!

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!
ВЫ МОЖЕТЕ ПОДПИСАТЬСЯ НА ЭТИ СЕРИИ И ПОЛУЧАТЬ
ПО ПОЧТЕ ЕЖЕМЕСЯЧНО НОВЫЕ КНИГИ.
В ТВЕРДОМ ПЕРЕПЛЕТЕ – 2 КНИГИ,
В МЯГКОМ ПЕРЕПЛЕТЕ – 3–4 КНИГИ.

Разборчиво заполните почтовую карточку по образцу и отправьте ее по указанному адресу:

	ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА		
Куда <u>г. Москва, а/я 30,</u>			
Кому <u>«ЧТО? ГДЕ? КОГДА?»</u>			
 Пешите надписи предпринимателя места назначения		Подает предприниматель серии <u>433510</u> а адрес отправителя <u>Ульяновская обл.,</u> <u>г. Димитровград,</u> <u>ул. Королева, д.8, кв.55,</u> <u>Иванов Иван Петрович</u>	

Я заказываю следующие серии:

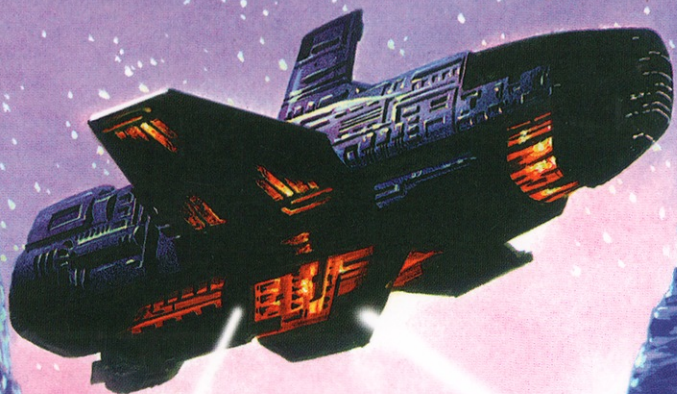
413. «Абсолютное оружие»	2 кн.
343. «Вне закона»	2 кн.
421. «Абсолютная магия»	2 кн.
422. «Конан-варвар»	1 кн.
423. «Стальная Крыса»	2 кн.

Внесерийные издания:

300005. Собрание сочинений Н. Леонова	1 комплект
300021. Собрание сочинений Д. Корецкого	2 комплекта
300037. Собрание сочинений А. Марининой	2 комплекта

БУДЕМ РАДЫ СОТРУДНИЧАТЬ С ВАМИ

ЭДМОНД ГАМИЛЬТОН

ТАДЫШАЛЫРБСА